

Т.М. Афанасьева

СЕМЬЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ 9—10 КЛАССОВ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Утверждено Министерством просвещения СССР

Второе издание, переработанное и дополненное

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1988

Рецензент — кандидат педагогических наук Л. Н.
Маленкова

От автора

Первое издание книги «Семья» было своеобразным, экспериментом. Судя по отзывам юных и взрослых читателей, письмам, газетным и журнальным публикациям, пробное пособие оказалось полезным и интересным.

Так, может, не стоит переделывать книгу, посвященную такой вечной науке — как жить семейным кругом? Ведь недолго и испортить добротную работу. Однако многочисленные посещения автором занятий по курсу «Этика и психология семейной жизни», читательские конференции подсказали, что некоторые разделы пособия нуждаются в доработке.

Многие суждения, которые еще недавно дискутировались учеными, публицистами, прошли проверку жизнью и острота спора пропала. Напротив, возникли новые проблемы, непривычные не только для подростков, но и для взрослых. Например, в последнее время среди части нашей молодежи стали распространяться такие опасные явления, как ранний алкоголизм, наркомания, беспорядочные половые связи, скороспелые браки и случайное материнство, заканчивающееся отказом от ребенка. Пусть этими проблемами затронут незначительный слой юношей и девушек — молчание вреднее честного разговора. Хотя, признаться, вести этот разговор (и устно, и на страницах книги) очень непросто. Темы-то эти всегда были для школьников запретными. Опыта обсуждения столь деликатных проблем с подростками у учителей, врачей, писателей совсем нет. И приходится обращаться за консультациями к специалистам. А они выработали им привычный научный лексикон, который трудно воспринимается и понимается людьми, не "чеющими специальной подготовки. В результате

Афанасьева Т. М.

А94 Семья: Учеб. пособие для 9—10 кл. сред. шк. - 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1988. — 285 с.

ISBN 5-09-000400-5

Учебное пособие разработано в соответствии с программой курса «Этика и психология семейной жизни». Построено оно в форме бесед, темы которых соответствуют темам курса. Рассматриваются вопросы формирования личности, взаимоотношений между членами семьи, организации семейного бюджета, а также правовая основа советской семьи. Беседы оживляются суждениями писателей, историческими экскурсами, домашними заданиями, письмами старшеклассников.

4306020000—438
Л _____ инф. п.— 88, доп. № I. ББК 8<.715 н/2
103(03)—88

© Издательство «Просвещение», 1985

ISBN 5-09-000400-5

© Издательство «Просвен"- -е», 1988, с изменениями

возникает необходимость переводить «с русского на русский», со специального на обыденный язык. При этом всегда переводчика подстерегает опасность упрощения, чтобы не сказать вульгаризации, сложнейших вопросов и явлений интимной жизни.

Кроме того, надо объективно оценить причины и масштабы бедствия. Отыскать способы противодействия этой «чуме XX века», как называют алкоголь и наркотики их убежденные противники. Ведь трезвый образ жизни, который мы стремимся утвердить в нашем обществе, это совсем не тот же привычный уклад бытия только без вина и водки на столе, без оглушающего воздействия наркотиков. Это совсем иной стиль и характер общения и семейных отношений, иной смысл и содержание труда и досуга. Не случайно этой проблеме посвящен целый раздел в новом издании.

Несмотря на то что каждый новый выпуск в школе, ПТУ, техникуме знает о семейной жизни больше своих предшественников, попадают порой молодые люди в те же «западни», что и их неграмотные предки. Выходит, информация, знания, полученные на специальных занятиях, при просмотре телепередач, кинофильмов, не всегда доходят до глубины сознания, до сердца. Поэтому автору пришлось призвать на подмогу ваших сверстников, чтобы их исповеди, размышления вызвали отзвук в душе, сопереживание,^ которые нередко научают лучше всяких правильных, логических убеждений.

Итак, новое издание — новые читатели. Здравствуйте, дорогие соискатели Истины, Добра и Красоты. Будем знакомы. И — в путь.

Искренне преданный вам — Автор

1

ЭТОТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ

Прежде чем начать обстоятельный разговор о семье, стоит выяснить — почему появился в школьном расписании предмет «Этика и психология семейной жизни», неизвестный нам, вашим предшественникам, и какую сферу знаний он представляет?

Родной язык, литература, математика со всеми ее разновидностями, естествознание со множеством ответвлений, история, иностранные языки — древнейшие и почтенные дисциплины. Их назначение известно: помочь молодому человеку овладеть основами знаний о современном производстве, науке, культуре, принять эстафету общественного прогресса из рук старших и понести ее дальше. Каждый из этих учебных предметов имеет за своей спиной богатый опыт и традиции в системе и методике обучения.

И вот однажды среди них возник новичок, внешне не имеющий родства и связи ни с одним предметом, да еще неизвестно — необходимый ли человеку в будущем. И вообще, мыслимо ли в стенах школы, а не семьи учить жить семейным кругом?

Вы, старшеклассники, учащиеся ПТУ, многие годы живете по законам семьи и изучаете «этику и психологию семейной жизни», что называется, с пеленок, с первого сознательного движения, улыбки, слова. Как относиться к родителям? Изо дня в день об этом вам твердят дома, в школе, книги, кино, радио. Как самим стать хорошими мамами-папами, мужьями и женами? Повторяй то, что делают окружающие добрые люди, — вот и вся наука. Учись, на старших глядя... Кстати, само слово «наука» в данном случае очень плотно смыкается со своим сородичем — «навык». Живут ведь честно, умно светло иные пожилые мужчины и женщины, вовсе не обремененные образованием, не то что специальной подготовкой. Так отчего возникла необходимость вводить еще один учебный предмет в и без того перегруженную школьную программу, если его можно освоить и без особых штудий, осмысливая свой опыт или просто копируя чужой? Вопрос, как видите, серьезный и закономерный.

ЗАЧЕМ? Надо признать, что такое • ^доумение высказы-

валось многими. Указывали на опыт предков, которые жили многие тысячи лет крепким домом. И семьи у них были устойчивей, нежели те, что нередко строятся нашими образованными современниками. Когда же стали обстоятельно анализировать историю семьи, оказалось, что предков обучали этой науке основательно, чтобы не сказать — с пристрастием.

Еще несколько десятилетий назад, ходили дети в школу или нет, они все должны были знать и исполнять правила жизни и поведения, диктуемые религией. А ее постулаты определяли, по сути, каждый шаг человека, когда и сколько работать, когда и как отдыхать, когда что есть — постную пищу или скоромную (скоромными называли мясные и жирные блюда), кто и кому в доме должен подчиняться («жена да убоится своего мужа», «чти отца своего и мать свою»). Кроме религиозных законов и уложений, действовали выработанные веками народные обычаи и обряды, которые тоже регулировали поведение в семье. Они предписывали даже такие мелочи, как покрой сарафана: какой можно носить девице, какой — мужней жене; как причесывать волосы — заплетать в одну косу или в две, украшать лентой или прятать под платок, кичу. Все было предусмотрено. И позор тому, кто появится на людях с небранной головой! Осудят, осмеют. А уж коротко остричь волосы — об этом и речи не было! Как смотреть на чужого человека, как отвечать старшим, когда и как смеяться или плакать — и это было оговорено.

Вспомните: Кабаниха в драме Островского «Гроза» отчитывала и срамила Катерину за то, что она «не кричит», не вост, провожая мужа своего, Тихона, в недолгую поездку.

Когда все это всплывает перед мысленным взором, невольно приходишь к убеждению: по сути, наши предки только этой науке и учились постоянно.

Так, может, и впрямь не изобретать заново велосипед, а воспользоваться прежним добрым опытом и перенести давние правила и нормы, очистив их предварительно от мистики и предрассудков, в нашу сегодняшнюю действительность? Нет, ничего из этого не выйдет. Весь уклад дореволюционной семьи подчинялся основным общественным принципам: как и само государство, его первичная ячейка — семья строилась по законам жесткой иерархии, безоговорочного подчинения силе, власти старшего в доме, подчинения женщин мужчине, детей — родителям и их воле, не имеющей предела («Моя дочь, хочу — с кашей ем, хочу — масло пахтаю» — так заявляли не только литературные герои, но и многие отцы в обыденной жизни), по законам, ставящим нередко имущественные, хозяйственные интересы выше сердечных, духовных. Свободную, бескорыстную, самодеятельную и добросердечную личность в подобных условиях взрастить сложно.

Сломав старую государственную машину, революция сломала и старей семейный уклад, древнейшее человеческое уст-

ройство. Создание новой семьи, становление новых правил, законов, обычаев — дело сложное и не скорое. По сути, мы все — участники небывалого социального эксперимента. А насколько он труден, можно судить по тому, что даже юридические, т. е. в основном имущественно-правовые, нормы семейных отношений менялись после революции четырежды! И это — на протяжении жизни одного поколения!

Социальный эксперимент породил многие варианты семейного быта. Естественно, не исчезла вовсе традиционная семья с четким распределением ролей, безоговорочной властью мужа, подчинением воле старших. Возник и распространился и ее антипод: сообщество родственников, связанных общей крышей, котлом, фамилией, но не душой. Некая разновидность одиночества во множественном числе. У каждого — свои интересы, заботы, друзья. Самосотрадное явление — рост числа семей, основывающихся на лучших гуманных традициях, где родня по крови — одновременно родня по духу. Там царят законы добра и справедливости. Л «лидером» выступает тот, кто больше берет на себя ответственности за дом и домочадцев. В отличие от прежних лет, нет жесткого единообразия, а значит — есть выбор разного поведения.

Именно *необходимость самостоятельного выбора* молодыми людьми стили и образа жизни заставляет воспитателей отказаться от традиционного обучения семейной науке методом прямого подражания старшим: «Делай, как я». Противопоказан и способ идти к знанию методом проб и ошибок. Слишком дорога плата за такое обучение и для общества, и для личности. Человеку требуется длительное время для того, чтобы разобраться, какой из множества вариантов семейного житья для него наиболее приемлем. А жизнь не стоит на месте, не ждет, пока каждый молодой человек или девушка сделают выбор и откроют алгоритм успеха. Ошибочные решения, пробы не сотрешь, как меловые записи на школьной доске, не перепишешь наново. Все ошибки потянутся за человеком из его вчера в дальнее завтра, станут болью и страданием не только для него самого, но и для всех людей, с кем он соприкоснется.

Если же заранее познакомить подростков, т. е. вас, с основами самых тесных сердечных, дружеских, семейных отношений, можно надеяться, что это снизит конфликтность, облегчит возможность взаимного понимания и сотрудничества. Конечно, ни один ученый не может дать точный рецепт счастья, пригодный любому и каждому. Такими знаниями наука не располагает, да и вряд ли когда-нибудь будет располагать. Недаром говорят: любовь, семья — особый вид творчества. Творить себя и другого человека по законам добра, красоты и совести — высочайшее из искусств. Как и в любом виде творчества, здесь многое зависит от неповторимой сути самого творца.

Нас не удивляет, что искусству творить музыку, создавать

стихи, живописные полотна учат в специальных заведениях. Так, наверное, можно и из множества неповторимых судеб извлечь и осмыслить некоторые закономерности, ведущие к беде или к успеху. И необходимо об этих закономерностях рассказать вам, юным, опираясь уже на опыт множества поколений, отраженный в истории, литературе, искусстве, наконец, в современных научных исследованиях и открытиях. Ведь человеческие отношения — огромная область знаний, рассыпанных по разным дисциплинам. Возможно, когда-нибудь эти знания объединятся под общей «крышей» науки Человековедения. «...Я твердо уверен, ню люди... начнут разрабатывать единую истинную и нужную науку, которая теперь в загоне,— науку, как жить», — мечтал Л. Н. Толстой, по сути, всю свою жизнь и разрабатывавший эту науку, но справедливо считавший, что человечество все еще находится у ее порога.

У вас, наверное, возникнет вопрос: отчего бы и не ввести курс обучения просто человеческим отношениям, а не семейным? Ведь большинство из вас пока не думает о собственной семье. Все помыслы устремлены к благополучному завершению учения и школе, училищах, техникумах. Один из моих слушателей сказал:

Вы бы нам рассказали, как конкурс в вузе выдержать. Это нам сейчас важнее и интереснее, чем рассуждения о родительских обязанностях, которые то ли будут у нас, то ли нет, да и когда -- неизвестно.

Мне пришлось вспомнить случай из собственной жизни. Поступив в университет, я дала своим близким обещание до его окончания не выходить замуж. Но... на втором курсе нарушила свое обещание, а на третьем стала мамой.

Статистика убеждает: возраст молодоженов потихоньку «сползает» к годам окончания школы. И вполне может так случиться: юноша, который сейчас убежден в ненужности знаний о родительских обязанностях, неожиданно для себя станет папой и окажется совершенно неподготовленным. И еще — обучение основам семейных отношений потому важно именно в вашем возрасте, что оно поможет ответить на глобальные вопросы: кто я? что я могу? что хочу? что должен? Поможет в какой-то мере определить и смысл, и направление профессиональных интересов. И наконец, третий аргумент за своевременность такого изучения: семейные отношения — по существу «полигон» для примерки и отработки человеческих отношений с людьми разных возрастов, разного пола, разных характеров, с людьми разного уровня образования и разных специальностей. По справедливости можно сказать: именно семья дает универсальный опыт человеческого общения, если, конечно, к этому опыту относиться осознанно и ответственно. Так что можно с полным правом говорить, что будем мы с вами заниматься изучением человеческого общения, сотрудничества, общежития, будем

учиться находить верный тон и лад в дружеских, деловых и сердечных связях.

Это предварительный и краткий ответ на вопрос: зачем вам нужен этот предмет? Но вполне возможно, что и вас одолевают сомнения, как одолевали взрослых: ЧЕМУ учить? Ведь это тоже задача не из легких. По сути, нужно будет животрепещущие человеческие чувства — любовь, дружбу, сострадание и прочие — «поверить алгеброй» рассулка холодной логикой, «распять сердце» на железных конструкциях различных графиков. А не превратит ли этот анализ юных поэтических и беспечных Моцартов в бездушных Сальери, все умерщвляющих холодным расчетом? Ведь нынешнюю молодежь и без того нередко упрекают в том, что ее рационализм приглушает яркость чувств.

Сто крат блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомнив,
Покоится в сердечной неге...
Но жалок тот, кто все предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил!

Так, словно предвидя наши сегодняшние дискуссии, писал А. С. Пушкин. Но он же убеждал свою любимую героиню устами Онегина: «Учитесь властвовать собою... к беде неопытность ведет», т. е. призывал Татьяну «запретить себе забываться», иначе говоря — стать в разряд «жалких» логистов. В этих пушкинских наставлениях, пожалуй, и лежит ответ на вопрос: чему учить? Властвовать собой, чтобы разумно управлять обстоятельствами, не быть игрушкой в руках Случая, не быть щепкой в потоке жизни. В этом — важнейшая цель и задача нового учебного курса. Для самопознания вам придется приобрести более пространные и глубокие, чем теперь, знания о собственной биологической, физиологической природе. Об особенностях высшей нервной и психической деятельности, о способах самоуправления, о воспитании воли, выдержки, о культуре общения. А еще вам нужно запастись педагогическими знаниями, чтобы воздействовать не только на свой нрав и натуру, но и на характер своих родственников, детей. А еще нужно быть осведомленным о юридических основах семейных связей, о правах и обязанностях мужа и жены, отца, матери и их потомков. А еще нужно овладеть экономическими знаниями, чтобы разумно и грамотно вести хозяйственные дела. А еще приобрести трудовые навыки и сноровку для исполнения множества бытовых обязанностей: домашнего пекаря и лекаря, портнихи и прачки. И так далее и тому подобное — надо, необходимо, обязательно. Возможно ли дать все эти знания на одном уроке? И одному педагогу, ко-

торый подготовлен не по универсальной программе, а лишь по одному предмету?

Очевидно, здесь не обойтись без ваших встречных усилий. Вам придется принять на себя роль исследователей: ведь почти в каждой из наук рассыпаны крупницы полезных сведений о вас самих и об отношениях с окружающими. К примеру, увлекается кто-то из вас историей — вполне возможно, что в поле его внимания попадут материалы и по истории семьи. Как она складывалась в разные периоды и при различных общественных устройствах, какие принципы и обычаи возникали и отмирали и вследствие каких объективных причин — разве это не достойные изучения проблемы?

Естественно, что история смыкается с обществоведением. На занятиях по этому предмету вы сможете проникнуть в глубь ■ ничей, которыми соединены между собой общество и его малая ячейка семья, осмыслить меру и степень их взаимовлияния. (Пуча и чаканы диалектики, вы сможете убедиться в том, что севйные и вообще человеческие отношения диалектичны по самой природе.

Знания основ Советского государства и права помогут вам р«»Обратиться в государственных нормах и принципах, которые регулируют личные отношения мужа и жены, родителей и де-и П. их материальные и моральные обязанности по отношению Яруг к другу,

Знания по физиологии и анатомии, наверное, помогут вникну и, в существо возрастных, половых, интеллектуальных и эмоциональных особенностей человека, позволят познакомиться с многообразием характеров, темпераментов. Изучая достижения t овременной генетики, любопытствующие могут проследить, как наследственность влияет на нашу судьбу, на формирование наших способностей и склонностей.

Вам, наверное, уже понятно, что ваше здоровье, состояние нашею организма во многом определит благополучие вашего супружества, повлияет на здоровье ваших детей. Значит, нужно будет по-новому отнестись к занятиям физкультурой: более усердно и ответственно. От этого может зависеть судьба будущей семьи и, как говорится, потомства «до седьмого колена».

Многие из вас увлекаются самодеятельным искусством, поют, рисуют, лепят, играют в спектаклях и ансамблях. Все эти занятия гоже не только вам самим нужны и полезны. Ведь через несколько лет вам придется и петь, и рисовать, и разыгрывать разные сценки. Эти полезнейшие умения помогут облагородить и украсить будни и праздники собственного дома.

И уроки труда, и кружки кройки и шитья не будут восприниматься как зряшная трата времени, если вы осознаете, что человек в такой мере свободен и зрел, в какой он может управиться без нянек, без чужих рук, напротив, может быть полезен другим людям.

Немало неожиданных открытий вы сможете сделать, под новым углом зрения осмысливая литературные произведения. Ведь и раньше вам доводилось примерять к собственным суждениям высказывания и поступки литературных героев. Когда же вы освоите законы психологии, выявите исторические и социальные закономерности в поведении личности, вы сможете глубже постичь тонкости и противоречия изображенных в художественном произведении персонажей, а тем самым проникнуть в скрытые механизмы своих желаний, стремлений, помыслов.

Стоит ли перечислять дальше? Ищущий истину всегда найдет возможность извлечь добрый пример и науку, в какую бы область знаний ни направлялся его живой интерес.

Обращение к семейной проблематике может влить новую струю и в вашу внеклассную работу. Тематические вечера, туристические походы вместе с родителями, посиделки с демонстрацией домашних увлечений, хобби, просмотр и обсуждение телепередач, кинофильмов и спектаклей, общение с людьми, имеющими не только богатый профессиональный, но и житейский опыт,— все это поможет вам в дальнейшем перешагнуть порог зрелости.

— Если мы станем на всех уроках отыскивать сведения о семейных и человеческих отношениях, для чего тратить время на спецкурс? — наверное, вам не терпится задать этот вопрос. Но скажите — можете ли вы с уверенностью утверждать, что способны из разрозненных сведений о физических, химических и биологических законах сделать заключения о законах природы вообще? Вряд ли. Так и здесь. Этот курс поможет синтезировать разрозненные знания и впечатления, которые вы добудете из множества источников. И поможет сопоставить их с собственным опытом.

Последний вопрос: КАК изучать? И он тоже не из легких, поскольку занятия зачастую будут касаться проблем спорных, не имеющих однозначного решения. Чтобы соблюсти необходимую тактичность, на уроках, по-видимому, лучше не обсуждать ваше поведение и ваш образ мышления, тем более — поведение ваших родственников и родителей, а прибегать к примерам, почерпнутым из книг, газет, фильмов. Во-первых, в этом случае вы будете обсуждать явления, одинаково известные каждому. Во-вторых, некоторая отстраненность, анонимность примеров позволит исключить невольную обиду, возможность превратить обсуждение в выяснение личных отношений. Наша с вами цель: *искать способы преодоления сил, разобщающих нас*, но уж никак не разжигать рознь. И знания, которые вы приобретете на этих и других уроках, должны использоваться лишь во благо ближним, но никак не в укор тем, кто ими не располагает.

К сожалению, нередко случается и такое, когда наиболее полезные знания используются во зло.

Старшее поколение выросло в безоглядном почитании науки. Она стала своего рода «заместителем религии». Как приговор

верховного судьи воспринимались слова: «Так говорят ученые». Постепенно человечество начинает освобождаться и от этого культа. Тут невольно приходит на память научно-фантастический рассказ великого русского писателя Андрея Платонова, еще 60 лет назад предостерегавшего от преклонения перед наукой, лишенной нравственного начала. Самолюбивый и безответственный гений, «сдвинувший» вселенную с места, гордо заявил землепашцу: «Были цари, генералы, помещики, буржуи, были, помнишь? А теперь новая власть объявилась — ученые. Злое место пустым не бывает!»

Л честный землепашец ему возражает:

«Если ученье со смыслом да с добросердечностью сложить, то, я полагаю, и в пустыне цветы засияют, а злая наука и живые нивы песком закидает!»

Это предсказание стало для наших современников печальной очевидностью. Потрясения, пережитые нами в связи с чернобыльской катастрофой, когда мирный атом из-за преступной беспечности вдруг превратился в свою противоположность, стал губи-н-лем всего живого, служат убедительным доказательством того, что любое явление служит добру, если оно в честных, разумных и добросовестных руках. Теперь и алгебру необходимо поверять гармонией, нравственностью, а не наоборот, как это делал Сальери. Тем более, если это — наука о человеке, его нравах, характере, сию л.уше (т. е. этика и психология).

Довелось недавно столкнуться с ситуацией, которая и заставила сделать это предостережение. Молодая женщина с несложившейся судьбой погрузилась в чтение книг по психологии, чтобы понять причины своего одиночества. Набравшись некоторых сведений о тинах людей, освоив простейшие тесты, она сочла, что уже владеет тайной соединения и разобщения влюбленных, супружеских пар. И взялась направо и налево раздавать советы, даже предсказывать долговечность и прочность любви и брака.

Встретились ей супруги, которые как раз вступили в нелегкую пору «выяснения отношений» (дальше вы узнаете, что это периодически происходит даже у самых верных и прочных пар). «Пророчицательница» сказала, что «по типологии» они не подходят друг другу. Все равно из их союза ничего путного не получится. Поверив «специалисту», супруги не стали даже и пытаться наводить мосты через трещину.

Сказанное здесь касается любого знания, как бы оно ни было выражено: научными терминами или художественными образами.

Пушкин имел все основания написать:

Любви нас не природа учит, Л
Сталь или Шатобриан.

(Мадам де-Сталь и Ф. Шатобриан — писатели прошлого столетия.)

А в черновике эта же мысль была выражена по-иному:

Любви нас не природа учит,
А первый пакостный роман...

Можно признать оба варианта справедливыми и продолжить перечень «учителей»: роман, стихотворение, рисунок, живописное полотно, фильм, фотография, музыка... И серьезные произведения, и «пакостные» учат — по-своему — любви и ненависти, добру и злу. Одни просвещают, другие развращают. Значит, весь опыт человеческий, все знания и чувствования должны проходить проверку на гуманность и одухотворенность, если мы хотим добиться мира и благоденствия в нашем маленьком доме и в большом Доме, именуемом Землей.

В этом и заключается отличительная особенность предмета «Этика и психология семейной жизни», и пособия по нему. На других занятиях обычно излагаются всеобщие формулы. Мы же с вами будем обсуждать вопросы изначально спорные, именуемые нередко «вечными», т. е. решаемые каждым поколением заново, в зависимости от условий бытия, от конкретной социальной и индивидуальной практики, современных условий, традиций, привычек и интересов. Будем вместе искать решение проблем, которые вполне могут вызвать новые неожиданные вопросы вместо однозначного ответа. Подобные ситуации нередко возникали во время встреч с вашими сверстниками. Сомнения и возражения, которые они высказывали, нашли отражение на страницах этой книги в виде выступлений от вашего имени, от имени тех, кого я называю соискателями истины.

Итак, давайте соберемся с мыслями, сосредоточимся и не будем спешить. Обсуждать нам предстоит явления очень непростые. И самым сложным для восприятия (и, естественно, для изложения) окажется первый раздел, в котором надо одолеть такие понятия, как «личность», «семья», «общество», проанализировать их связь между собой, их взаимовлияние. Вы можете сказать, что слова и понятия эти общеизвестны и не нуждаются в расшифровке. Не спешите с выводами: в жизни сплошь и рядом случается, что самые обыденные явления человеку труднее всего даются для понимания.

2

СМОТРАТЬСЯ КАК В ЗЕРКАЛО В ДРУГОГО

КТО ЕСТЬ КТО?

Как вы уже поняли, цель наших бесед — попытаться выяснить, что нужно делать, чтобы стать счастливыми самим и по возможности одарить счастьем своих близких, родных людей, а если брать шире, то и всех тех, с кем так или иначе сталкивает нас жизнь.

Но прежде придется выяснить: что мы подразумеваем под этим словом — «счастье». «Счастье для всякого неодинаково» — поется в некогда популярной песне. Если послушать разговоры вокруг, то действительно можно запутаться, сбиться с толку, что же оно такое. Одни говорят:

— Вот счастье привалило: в лотерею выиграл.

Другой твердит:

— Счастливчик мой друг: жена у него — клад. Добра, умна

и на все руки мастерица.

Умудренные нелегким жизненным опытом скажут:

— Нет беды-несчастья, вот уже и счастье.

А многих таких, кто с достоинством заключает длинную череду лет:

— Мне на судьбу никак нельзя жаловаться: я на работу шел

как домой, а домой — как на праздник.

Ваш сверстник, герой фильма «Доживем до понедельника», написал в сочинении: «Счастье — это когда тебя понимают».

Что ж, нам так и перебирать без конца всевозможные варианты счастья? Мы же увязнем в разборе самых разных человеческих судеб и историй, но все они могут оказаться непригодными для вас. Значит, нам не избежать общих категорий, придется искать, так сказать, универсальную модель. И здесь, на мой взгляд, наиболее подходящей окажется формула, соединяющая два последних варианта: «Счастье — когда тебя понимают (любят и ценят) на работе и дома». Что может быть важнее и дороже понимания, сочувствия, готовности разделить с тобой беду и удачу, поддержать тебя в лучших стремлениях, в делах и развлечениях? Что может быть дороже сознания: ты нужен, необходим другим людям? Без тебя им жизнь — не в жизнь.

Само слово «счастье» подсказывает этот ответ. В древности оно звучало так: со-частье, т. е. соучастие твое в делах, бедах и радостях других людей, а этих других — в твоих собственных заботах, трудах и удачах. Однако, согласитесь, для того чтобы достичь такого соучастия, нужно, как минимум, *понимать самого себя*. Без этого будут постоянно и невольно возникать всяческие недоразумения, стычки и конфликты.

«Познай самого себя, и ты познаешь мир», — неустанно твердят мудрецы всех времен и народов. Так, может, нам с вами и стоит начинать изучение основ семейных отношений с выяснения отношений с самими собой? Спросить себя: кто я такой? Потом уже проще будет узнавать, что собой представляют те, кто меня окружает и с кем я собираюсь строить свое будущее. И только приобретя такие сведения, можно будет согласовать, «состыковать» свое «я» с другим равноправным «я».

Что же, шн т л н п м перед собой волшебное зеркало и попытаемся **УЯСНИТЬ** что мы за субъекты, что за личности?

Вот высказала такое предложение — и опять заминка. Как говорить об особенностях личности, когда мы еще не установили для себя, что имеем в виду, произнося это слово? Не удивляйтесь этим остановкам: тема у нас с вами очень сложная, того и **ГЛЯДИ** возникнет путаница в понятиях. Тогда один будет говорить одно, другой под этим же понятием подразумевать иное, и проку о1 раи опора не будет.

И не раз спрашивала ваших сверстников, как они понимают это слово. Говорили разное. Один юноша сказал следующее: Личность — это те черты, свойства и качества, которые Отличают нас от других людей. Ну, скажем, цвет волос и глаз, рост, черты лица (наверное, отсюда и возникло само слово — «личность»), походка, голос — короче, вся наша внешность.

Это характеризует лишь природой данные свойства. Л личность — явление социальное.

«У нас нет общепринятой дефиниции личности как предмета психологического исследования», — читаем у известного советского психолога, академика А. В. Петровского.

Это не значит, что личность никем и никак не изучалась. Тома и тома книг посвящены этой проблеме. А споры не утихают. Если же осмелиться обобщить разноречивые суждения, можно сказать: *личность — это отношение к самому себе, к другим людям, ко всему окружающему нас миру, отношение, выраженное в поступках, в деятельности*.

Личность не имеет ограничений в возрасте. Личностью заявляет себя младенец, когда, решительно оттолкнув оберегающие руки матери, делает первые самостоятельные шаги по земле. «Я — сам!» И пусть при этом он подражает взрослому, он — первооткрыватель, он — творец всегда, когда говорит это гордое «Я — сам!». Он открывает мир заново, он открывает себя.

Личностью заявляет себя подросток, когда делает сознатель-

ный выбор между добром и злом, когда преодолевает слабость неокрепшей натуры, противится дешевым соблазнам, когда ставит трудные задачи и добивается своего.

Личностью остается древний старик, когда наперекор зимней остуде своего сердца раздаривает всем последние искры души. Для личности нет ограничений в профессии, роде занятий. Герой Социалистического Труда токарь Е. Н. Моряков как-то говорил журналисту, что ему непонятно деление профессий на творческие и «нетворческие». Ведь у актеров, если вдуматься, тоже массовое производство. Каждый день одна и та же роль, до слова, до жеста. Но истинный художник умеет отыскать в привычном что-то новое, неожиданное. Творчество возможно всюду. Кстати, эту же точку зрения высказывал выдающийся композитор и педагог Д. Кабалевский. Нередко человек сам «свой высший суд». Кем был Циолковский для большинства обывателей дореволюционной Калуги? Неудачником, глухим чудаком, седым учителем и фантазером. Отступись он от своей цели-мечты, было бы безбедное житье, высокие чины и награды. Но это уже был бы не тот Циолковский.

Если свести все сказанное к самому сжатому определению, то личность — это ВЫБОР и ПРЕОДОЛЕНИЕ. Выбор — как осознание своего назначения. И преодоление — это характер, воля в реализации выбора.

Теперь попробуем проникнуть в глубь этого сложного понятия. Что необходимо каждому из нас, чтобы определить свою и чужую личность? Ответить честно, обстоятельно на четыре вопроса.

Чего я хочу? Естественно, что под этим подразумевается не сиюминутное желание: утолить голод, купить модные брюки, попасть на концерт любимого певца. Имеется в виду главная жизненная цель. Как правило, ваши сверстники говорят: хочу стать хорошим специалистом, полезным, знаменитым. Некоторые уточняют: хочу такую работу и должность, которая дает максимум удобств и привилегий. И большинство мечтает о счастливой любви. И только каждый пятый среди старшеклассников видит свое благо в благополучии других людей. Как выяснили социологи, соотношение эгоцентрических стремлений, желаний по мере взросления человека постепенно меняется в сторону общественного счастья как высшей цели и личного благоденствия. По всей вероятности, направленность личности кроме индивидуальных свойств выявляет и нравственную зрелость.

Человек, не имеющий осмысленной цели в жизни, не может называть себя личностью.

Что я могу? Вопрос более объемный, но менее каверзный. Тут можно, наверное, долго перечислять собственные способности и склонности, навыки и умения. Чем длиннее список, тем надежнее ваше будущее, даже если не все ваши способности развиты в полной мере.

Каков мой нрав? Что под этим подразумевается? Темперамент, характер, нечто данное нам природой и что менять весьма сложно. Точнее: темперамент менять невозможно, а характер меняется у того, у кого достаточно... характера для такой перестройки основ личности. Нередко в дружеских, сердечных и семейных отношениях главные недоразумения и даже драмы происходят именно из-за того, что мы плохо учитываем эти природой назначенные и окружением взращенные особенности. «Стань таким, как я хочу» — вы, наверное, слышали песенку с таким припевом. Самое недальновидное требование. Впрочем, посмотрим, насколько мы знаем и понимаем собственный нрав, считаемся с ним.

Из занятий по физиологии и высшей нервной деятельности нам должно быть известно, что издревле медики делили людей по четырем типам темперамента: сангвиники, холерики, флегматики и меланхолики. Представьте себе, что подружились холерик с флегматиком (а может, влюбились). У них все общее: интересы, вкусы, даже способности к разным предметам и занятиям — сходные. Но что-то мешает доброжелательному общению.

Куда тебя заносит? Что ты вечно суетишься, шумишь? (покойнее будь. Нельзя же так кидаться от одного дела к дру-ниMV Надежности в тебе маловато.

Зато ты уж очень медлителен, вечно тебя ждешь. Тебе «Обходимо доесть яйцо до конца, чтобы понять, что оно — Гухлое, а мне одного укуса хватает.

Друзья сердятся, ссорятся. Удивляются тому, что ни тот ни другой ради дружбы не хотят изменить своих «дурных привычек». Если бы они знали (или почаще вспоминали), что природа умышленно создала нас непохожими, что первый — холерик, а второй — флегматик, может, ссоры и не возникали бы. А если случались, заканчивались бы доброй усмешкой над собственной натурой.

Другой «гандем»: сангвиник и меланхолик. Первый — ровно благодушен, общителен, легко применяется к новым условиям. Второй — скрытен, даже подозрителен, насторожен. Первый — инициативен, второй, напротив, предпочитает идти за лидером. Нот и попробуй они предъявить друг другу требование: «Стань таким, как я хочу». Однако значит ли это, что взаимопонимание и долгие глубокие отношения между ними невозможны? Конечно, нет. Но только в том случае, если каждый будет терпим к особенностям другого, больше того — научится ценить непохожесть, «инаковость» товарища, родственника, любимого. Да и любого встречного. Именно для этого понимания и нужны нам знания человеческой природы, чтобы не требовать невозможного и ненужного. Ведь любое свойство, качество человека может быть использовано на его и общую пользу, а может — во вред. Даже такие не очень привлекательные черты меланхолика,

как настороженность, замкнутость, могут пригодиться человеку, исполняющему обязанности строгого и беспристрастного контролера, ревизора. «Рубахе-парню» в этой должности нечего делать.

Можно было бы продолжить разговор о свойствах и особенностях людей разного темперамента и склада характера. Такой анализ тем более очень любопытен, что ни один человек не представляет собой тот или иной тип в «чистом» виде, в каждом немало «примесей» и наслоений. Но тогда не хватало бы целой книги для одной этой темы. Нам же требуется идти дальше. Следующий вопрос анкеты-автопортрета:

Что я должен? Тут важно определить главные свои обязанности: перед обществом, страной, перед близкими людьми, наконец перед природой, внешней и своей, внутренней.

Анализ этот есть сложная, но необходимая работа души и мысли. Наш великий соотечественник И. П. Павлов назвал человека саморегулирующейся и самосовершенствующейся системой (обратите внимание: две возвратные частицы — «само» и «ся»). Определение это подсказывает нам: *каждый из нас настолько личность, насколько «само — ся», т. е. сам себя сознающий, сам себя организующий*. А поскольку большинство людей, так или иначе, сами себя направляют к той или иной деятельности, сами распоряжаются своей судьбой, сами несут ответственность за свои действия, большинство имеют все основания именовать себя личностью, хотя некоторые воспринимают это понятие как знак особого отличия.

Таким «знаком» становится не само слово, а определение, его уточняющее. И какое же здесь открывается многообразие! Море-океан! В русском языке исследователи отыскивали около 1300 определений личности. В них выражены ее высоты и низины, достоинства и изъяны: нравственные, деловые, интеллектуальные и эмоциональные. Впрочем, и вы, не будучи специалистами, живо отличаете самые общие характеристики личности. Смотрите вы фильм, где действует рыцарь без страха и упрека, и говорите: это — героическая личность, это — талантливая, щедрая, широкая, это — добрая, светлая, притягательная, это — самоотверженная, но скромная, незаметная. А вот эти персонажи тоже именуется личностями, но с отрицательной характеристикой. Оцениваете и степень активности, масштаб деятельности личности, ее влияние на других.

Деятели, вошедшие в историю, прежде всего борцы за счастье человечества, его вожди, «властители дум», нередко определяли развитие народов на века. Их образы и идеи формировали интересы и стремления миллионов людей. Немало выдающихся личностей не оставили нам своих имен, но оставили свои творения. Мы не знаем, кто приручил диких животных, кто окультурил многие растения, кто научился использовать огонь, плавить металл, кто соорудил лодку и изобрел колесо, кто «про-

читал» карту звездного неба, создал первые письменные и цифровые обозначения и т. д. Личностями были и те, кто воспринял их науку, закрепил и усовершенствовал полезные умения. Вечные работники не прошли бесследно по планете, они меняли облик Земли и правы близких и отдаленных родичей. И они стремились постичь собственные способности и возможности, использовать их для достижения жизненных целей, управляли своими желаниями и страстями.

Ваш собственный опыт подскажет примеры, убеждающие: и в юные годы есть возможность заявить себя полноценной личностью, умеющей ставить высокие и сложные цели и достигать их. Среди вас немало таких, кто щедро одарен от природы, рано начинает развивать свои способности и достигает заметных успехов. Известны случаи, когда именами школьников называли кометы, известны имена юных изобретателей и поэтов, художников, спортсменов. По уважению пользуются и те, кто проявил сильную волю, целеустремленность и сумел одолеть Сопrotивляющуюся науку, приобрел желанную профессию не *благодаря*, а *вопреки* природным задаткам. Активность и маш-габ школьной деятельности во многом выявляют ваши личные свойства.

Успехи в учении зависят прежде всего от того, какие цели вы сами перед собой ставите и какими способами будете их достигать. Ведь недаром говорят: образование нельзя *дать*, но его можно *взять*. Ценой больших усилий воли, умения и желания трудиться. А что мы видим в жизни?

Один учится, чтобы узнать больше, приобрести широкие и глубокие знания о мире и о жизни. Это — один мотив, как говорит психологи. В таком случае для человека естествен широкий круг интересов, неустанность в работе, самостоятельность в выборе способов исполнения заданий. Оценки для него — итог желанной работы.

Другой мотив: человеком движет самолюбивое стремление утвердиться в глазах учителей (или друзей) в качестве эрудита. Он старается не столько глубоко и основательно знать, сколько блеснуть эффектной фразой, подкинуть «мудреный» вопрос. Знания его при этом могут быть поверхностными, интеллектуальные способности не разовьются, зато, вероятно, разовьется ловкость, изворотливость, болезненное тщеславие, которое лишит работу бескорыстной радости и будет вызывать муки зависти к тому, кто опережает в успехах, завоевывает больший авторитет.

Третий мотив: учение как исполнение обязанности, добросовестное, но без поиска и азарта. Просто есть такая черта характера: делать хорошо все, за что бы ни взялся. Полезная черта. Правда, плоды таких усилий не всегда бывают яркими и сочными, но зато и не угрожают пустой тратой времени. А именно такая угроза существует у тех, кто все делает спустя рукава.

Они не столько учатся, сколько искусно делают вид. Вся умственная энергия расходуется на то, чтобы избежать неприятностей, плохих оценок и выговоров. Конечно, и при таком отношении к учению какое-то развитие происходит, тренируется память, например, но можно с полным правом сказать: десять лет, десять важнейших вех в становлении личности пропали даром. Не раскрылись для самого себя и для окружающих все способности, заложенные с рождения, не получили они дальнейшего развития. А в природе так устроено: что не развивается, то отмирает. Глядишь, менее способный больше успевает, лучше умеет. «Способные троечники» — довольно распространенное явление в школе. Именно из этой среды выходят всем недовольные неудачники: они многого хотят, чувствуя свои возможности и силы, окружающие от них многого ждут, но бывает трудно наверстать упущенное и еще труднее преодолеть инерцию халтурного отношения к делу, а значит, к самому себе.

По мнению специалистов, наиболее плодотворной оказывается начеленность ученика не на успех, не на предмет даже, а именно на *саморазвитие и самосовершенствование*. И не только ученика, но и человека, занимающегося любым видом деятельности. Вот, к примеру, что говорила женщина-космонавт, дважды Герой Советского Союза С. Савицкая о развитии своих способностей в авиаспорте и подготовке к космолетанию: «Когда начала серьезно заниматься авиационным спортом, то поняла, что здесь для прогресса необходимы прежде всего самоконтроль, самоанализ. Что сделал — получилось, не получилось — оцени. Эта привычка анализировать, чтобы постоянно совершенствоваться, конечно, очень нужна и при подготовке к космическому полету».

Необходимо выработать подобную привычку и всем ' нам, чтобы взлететь над суетой и стандартом повседневности, обрести зрелость. Есть справедливые слова К.- Маркса о том, что самопознание — первое условие мудрости.

Все, что здесь говорилось об учебной вашей деятельности, в полной мере можно отнести и к любым внешкольным делам и отношениям. Ведь немало таких ребят, чьи интересы и склонности раскрываются и реализуются в различных кружках, секциях, даже в дворовых компаниях, в дружеских, сердечных и родственных связях. Случается, что уважаемая за дверями школы личность в ее стенах оказывается малопочтенной, и наоборот: отличник, активист, а во дворе — изгой, всеми гонимый, неприкаянная неумеха.

Значит, один и тот же человек может заработать самые разные оценки у различных людей и групп. Отсюда — необходимость понимания *многогранности личности, разносторонности ее оценок*. Так, в школе, на работе главные критерии, по которым оценивается личность, связаны с успехом в учении, в деле, а моральные качества порой воспринимаются как второ-

степенные. В любом классе есть ребята, не отличающиеся выдающимися достижениями в учении, в спорте, зато всем очевидны их добрый нрав, чувства чести, справедливости, сострадания, бескорыстия. Их достоинства не приносят ни медалей, ни аплодисментов, ни первых мест (это даже представить немислимо—первое место по состраданию), но именно поэтому и должны цениться особенно высоко. Эти люди живут и действуют без корысти и без желания кого-то непременно опередить. П'», увы, мы порой забываем, что моральными свойствами личности и качествами в конечном счете и определяется все сделанное нами па земле: во имя чего достижение, успех, открытие? Самые грандиозные помыслы, обращенные во зло людям или только во благо «себе любимому», не выдерживают испытания на честь и совесть, на справедливость и самоотверженность. И тогда — что это за заслуги, что это за личность?!

с Неужели злые, эгоистичные люди тоже способны к саморе-гулированию, самосовершенствованию и т. д., т. е. обладают важнейшими свойствами личности? Да эти понятия как-то и применить к ним трудно!» — удивится кто-то из вас.

К. сожалению, само понятие личности имеет не один знак плюс, как и все явления человеческой жизни. Живучесть пороков и недостатков объясняется во многом и тем, что ими бывают поражены личности сильные, волевые, умные, талантливые и даже склонные к самопознанию и самосовершенствованию. Но у них иные, чем у положительной личности, цели, иные мотивы деятельности, иные отношения и взгляды на то, что нужно, важно, ценно, т. е. иная система социальных и моральных ценностей. Масштабы деятельности этих личностей тоже разные: от мелкого воришки до злодея планетарного масштаба. Одних окружающие забывают на другой день после их исчезновения с горизонта, других помнят долго. Иногда — тысячелетиями. Их клянут, пугают ими детей, но помнят. Они, правда, тоже служат средством воспитания: на их примерах учат, как *не надо* поступать. И если величают, то «злыми гениями человечества».

Нарицательным стало имя Герострата, ради сомнительной славы сжегшего храм Артемиды, одно из чудес света. (К сожалению, имя творца этого чуда люди забыли, а разрушителя — помнят.) Теперь, когда мы хотим указать на муки неудовлетворенного самолюбия, толкающие человека на преступление, то говорим: «Он жаждет геростратовской славы».

Последние столетия внесли в список злых гениев немалое число геростратов, кровожадных «фюреров», мечтающих о мировом господстве, о подчинении людей иной расы, нации, идеологии своей вере. На службу себе они привлекают научные изобретения, средства массовой информации и т. д.

Нам нужно учиться распознавать разрушительное начало за внешне привлекательными оболочками и словесами. В качестве примера, вам наиболее понятного, расскажу о том, как строит-

ся система ценностей, как ведется «саморазвитие» у тех, кто еще только вступает на путь, уводящий от света в тень.

Вам хорошо известны шумные дворовые компании, вся забота которых — выпить, подражаться, а то и стащить, что плохо лежит. Такие ребята оценивают свои поступки по другой шкале ценностей, нежели те, кто их судит. В среде уличных хулиганов тем выше оценивается член компании, чем искусней он может взять, а не отдать, унижить, а не возвысить другого, уйти от трудов и тягот. Личность с другой нравственной установкой не находит в хулиганском поведении никакой логики и чести.

Однако и хулиган, вор, тунеядец, как это ни парадоксально, тоже испытывает неудовлетворенность собой, стремится к совершенству в том качестве, в котором он себя осознает и ценит как «лихого парня». И у него есть свои «боги и герои». Не разрушив эти его ценности и авторитеты, бесполезно его стыдить и звать к переменам. Он тоже не поймет человека «из света». Разве что на суде, почувствовав законодательную силу и власть, покорится им. И если раскаивается, то не всегда в том, что натворил, а порой — в собственном несовершенстве: не сумел, не успел вовремя замести следы, попался, одолел его кто-то более сильный и ловкий.

Припомните страстный монолог Городничего из гоголевского «Ревизора», когда он узнает, что «сосульку, тряпку принял за важного человека»:

«Г о р о д н и ч и й (*бьет себя по плечу*): Как я — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести, мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул!»

Вот оно особое самосознание темной личности и цель саморазвития — стать «мошенником над мошенниками», обобрать вора, который весь свет может обокрасть. Ну чем не стремление к совершенству?

История и литература очень часто знакомят нас с биографиями одаренных людей, вставших на путь зла и следующих но нему осмысленно и даже целеустремленно. Вам, конечно, известно имя древнеримского императора Нерона, который стал своеобразным эталоном жестокости, коварства. Не было такой гнусности, которую он с наслаждением не проделал бы, нет такого греха и бесчестья, которых он избежал бы. Но никто и никогда не сказал, что он все творил по недомыслию, из-за непонимания самого себя или оттого, что не умел держать себя в руках, управлять своими страстями. Напротив, он тем и известен, что мог принять любое обличье: демократа и деспота, нежного преданного сына и убийцы собственной матери, покровителя искусств и философии и виновника всеуничтожающего римского пожара. Легенда гласит: когда Нерон, спасаясь от

неминуемой кары за свои злодеяния, оканчивал жизнь самоубийством, в последнее мгновение он успел дать себе высокую оценку. «Какой великий актер умирает!» — воскликнул он, бросаясь на меч.

Философ И. Кант считал, что самосознание — необходимая предпосылка нравственности и моральной ответственности. Пример Нерона и ему подобных «просвещенных тиранов», которые были склонны к самоанализу, но не блистали моральными доблестями (например, Иван Грозный, Екатерина II и др.), заставляет нас искать уточнение кантовской мысли. Видимо, самосознание побуждает нас к активной духовной деятельности, а куда эта деятельность приведет, во многом зависит от того, *какие жизненные, нравственные установки человек несет в себе*.

Итак, мы обозначили две крайности: свет и тьму, «да» и «нет». По есть ведь и «может быть», промежуточный тип, нередко именуемый противоречивой личностью.

Надо признать, что в «чистом» виде в нашей жизни не так часто встречаются героические личности и мрачные злодеи. Да и подобные оценки — послесловие их жизни. Сама жизнь — всегда процесс, движение: «светлые» становятся таковыми, изживая в себе темные, порочные склонности и привычки (иначе в чем заключается их самоулучшение, если у них изначально нет никаких изъянов?), а «темные» преодолевают в себе добрые начала (по той же причине — «саморазвитие в пороке»). Оттого М. Горький советовал в оступившемся человеке искать хорошее, за что можно ухватиться и перетянуть на сторону добра. На этом принципе строилась и строится вся воспитательная деятельность таких выдающихся педагогов, как Л. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, их последователей. На этой же основе складываются и отношения между родными и близкими людьми, которые стремятся друг в друге поддержать все благие порывы и стремления, одолевая темные силы, нередко овладевающие нашими помыслами и желаниями. Да вы сами не отступитесь от друга, который однажды споткнулся. — Так что же получается? Наиболее многочисленную группу составляют «противоречивые личности», и мы — среди них? — ехидно заметила одна девушка, всем тоном дававшая понять, что на промежуточное положение она не согласна.

Пришлось реабилитировать эту категорию личностей. Да, действительно, в натуре людей добрые начала ведут затяжную непримиримую борьбу со злыми за полное торжество в душе человеческой, нередко принося ей ни с чем не сравнимые муки. Литература, драматургия чрезвычайно богаты именно этими персонажами. Принц датский Гамлет — воплощение «мученика самоанализа». И вся бесконечная галерея героев русской литературы, именуемых «лишними людьми», тоже дает нам представление о том, как дорого обходится душевная неустроенность,

вечные искания истинных ценностей, недовольство собой и окружением. И эти искания нередко становились делом всей жизни. Впрочем, поиски высших истин были делом всей жизни и самих писателей. В биографиях своих героев они воспроизводили этапы собственной духовной биографии или через литературного двойника «проигрывали» возможный вариант развития собственной личности в определенных условиях и обстоятельствах. Многогранность, разносторонность и противоречивость автора сказывались в многогранности его воплощений. К примеру, известно, что образ Наташи Ростовской — это одно из воплощений Толстого.

Противоречивость не означает безликости. На память приходит герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Родион Раскольников. Чтобы выяснить, кто он такой — «тварь дрожащая» или сверхчеловек, который может позволить себе «преступить» правила и нормы, предписанные «обыкновенным», Раскольников идет на убийство старухи-процентщицы.

— Зачем нам вникать в страдания Гамлета, изучать метания Раскольникова? — еще один вопрос моих слушателей.— Нам не наследовать достоинства и преступления королей. Нам не придет в голову проверять себя столь диким образом, который избрал Раскольников.

Тут спору нет: конкретный опыт, да еще литературного героя, нам может показаться бесполезным, искусственным. Но если отбросить сюжетную основу и углубиться в характер, мысли и чувства героев, очень много поучительного можно извлечь для себя и найти отзвуки в собственных переживаниях.

Что благородней: покорно сносить удары безжалостной судьбы, отступить перед ней или восстать против зла и кончить спор борьбой? Вряд ли найдется мыслящая личность, которая не задавалась бы этим «гамлетовским вопросом», как и многими другими, поставленными перед собой искателями истинных ценностей. И не один Родион Раскольников, воспитанный в добрых и благородных традициях, изведал соблазн: «преступить» нормы и правила, на которых он вырос.

«Человеку по его природе присуще стремление выходить «за границы», «за свои пределы», прорывать «свой предел», поскольку мир не удовлетворяет человека и он своим действием решает изменить мир, — пишет доктор философских наук В. Б. Чурбанов.— Так, деятельная сущность человека проявляется, в частности, в ломке норм, правил, стандартов, ограничивающих проявление его сил и потенциалов... Очевидно, что этот выход... может быть с позиции социального целого объективно полезным и прогрессивным или общественно опасным, вредным».

Вам, наверное, приходилось самим встречать или слышать рассказы о ваших сверстниках, выходцах из вполне добропорядочных семей, которые оказались втянутыми в неблагоприятные компании и дела.

— Откуда это в них? — удивляются все.— Ни дома, ни в школе никто не учил их дурному. Вероятно, была в душе скрытая червоточина. Но все тайное когда-нибудь становится явным. Вот и всплыло наружу...

Можно считать и так. Но лучше не спешить с выводами. Зачастую мы имеем дело с иссформировавшейся натурой, в которой еще идет процесс самоисследования, самоиспытаний. Споткнувшийся ваш сверстник еще не вырос из коротких штанишек душевного опыта. Он как бы задержался в беспечном детстве. Малышу хочется дотронуться до горячего чайника. Его предупреждают: нельзя, будет больно, а он все же тянется к запретному и... обжигается. Детское узнавание мира методом проб и ошибок приводит к синякам, ссадинам и шишкам. Подобный же способ узнавания себя и мира подростками и юношами приводит к куда более тяжелым последствиям.

Л многие ребята не учитывают, что время любования их К1ИВЖХТЮ, неумением, неопытностью уже миновало. И что произошло им еще вчера, сегодня запишется черной строкой в судьбу, и, бывает, такие письма действительно топором не вырубешь. Стянул малыш у взрослого какую-то вещь, замахнулся кулачком на бабушку, обругал недобрым словом чужую тетю: ему объясняют, что так поступать нехорошо, а то и накажут (без сладкого оставят, без привычной сказки ^Спокойной ночи,

МВJ.....ш!»). То же самое сделает четырнадцатилетний подросток, тем более юноша или девушка,— иная расплата, порой весьма суровая. Винаватый объясняет, что не для того говорил, брал, (амахивался, чтобы что-то присвоить, на ком-то выместить зло. «Сам не знаю — зачем».

Специалисты называют это «немотивированным проступком» и находят объяснение некоторым -из них в особенностях возраста: в потребности испытать себя на излом и вывих, на риск п страх. Конечно, узнавание себя происходит не в одних размышлениях да умозрительных упражнениях, но и в процессе разного рода деятельности. Однако если человек, стремясь узнать, «что я есть», не думает о том, *что он делает*, эта деятельность может стать предосудительной и наказуемой.

— Но как узнать, смел я или нет, не подвергнув себя опасности? — Непременно должен возникнуть подобный вопрос у моего читателя.

Современным молодым людям предоставляется широкое поле выбора способов и средств самопроверки и закалки воли. Сколько взрослых ответственных дел, которые подросток может принять на свои плечи, сколько вокруг нас еще беды и горя, даже у ваших сверстников, которые требуют участия. Сколько видов спорта, рискованных, требующих мужества, выдержки, высочайшего напряжения всех сил. Сколько возможностей заявить о своем достоинстве, *не нарушая* нравственных норм и правил, но именно *насаждая их* среди тех, кого так и тянет в грязь и тьму.

Кстати, самое легкое — самому пасть и других за собой увлечь. Самое трудное — падающих удержать и упавших поднять. Если бы Раскольников исследовал свою волю и способность подняться над «тварями дрожащими» такими средствами, какими испытывал себя другой литературный герой и его современник — Рахметов, то и характер был бы испытан без вреда для окружающих, и совесть самого испытателя не пострадала бы.

Извлечем для себя урок из этой судьбы: нельзя, безнравственно стремиться вырастить из себя выдающуюся личность, унижая и топчя других, в особенности тех, кто тебя слабее, ниже, даже хуже в моральном отношении. Только поднимая их, поднимаешься вместе с ними сам, как поднялся из нравственного омуты сам Раскольников, когда принял на свои плечи заботы о судьбе «униженных и оскорбленных» Мармеладовых. Вы, видимо, обратили внимание, что число характеристик личности у нас незаметно возрастает от примера к примеру. И диапазон этот бесконечен, как бесконечно, многообразно проявление силы и слабости человеческого духа. От искусного овладения физическими и психическими процессами, подчинения воле едва ли не самой жизни и смерти (такими способностями обладают йоги) до полного паралича воли, который превращает самое существование в подобие летаргического сна, грезы наяву (как у Обломова).

«Ничтожной личностью» называл печально знаменитый герой романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» Паниковский своего напарника Шуру Балаганова. Этим званием можно наделить многих литературных героев и живых людей, которым всего самосознания только и хватает на то, чтобы осознать мизерность своих интересов и стремлений. Сочувствие вызывают те из них, кто страдает от собственной никчемности, кто платит за нее муками сердца. Есть и самовлюбленные ничтожества — эта категория едва ли не самая опасная для окружающих, в особенности если нелепый случай сосредоточит в руках такой личности власть: Иудушка Головлев родом оттуда. Это — Нерон домашнего масштаба. И при всей своей мерзости и ничтожности — тоже личность, потому что «поднят» до самооценки, пусть и фальшивой и ханжеской, вывернутой наизнанку.

Одна из важнейших характеристик личности: гармоническая (антипод — дисгармоническая). Мы с вами уже говорили, что постижение человеком самого себя, регулирование собственного поведения начинается с того момента, когда задаются себе три важнейших вопроса: что я хочу? что я могу? что я должен? Ответы на них составят обобщенный портрет: что я есть? По мнению мудрецов, человека можно считать счастливым и гармоничным, если он хочет то, что может, а может то, что должен. Значит, по мере приближения к этому идеалу — согласованности между желаниями, возможностями и обязанно-

стями — мы приближаемся к счастливому и гармоническому бытию. И напротив, разобщенность наших надежд, потребностей с реальными условиями и возможностями, с чувством долга может вызвать чувство неудовлетворенности собой и миром.

— Позвольте, как же так, мы всегда считали, что гармоническим можно назвать человека, который сочетает в себе разнообразные способности и дарования. Как это у Маяковского: «землю попашет — попишет стихи», — услышим мы здесь голос неустанного оппонента.

Однако вряд ли он сможет найти возражение против множества исторических примеров, которые убеждают: разносторонность интересов может никак не отражаться на нравственном равновесии.

Снова прибегну к примеру с Нероном. Уж куда более разносторонняя личность: он и правитель, он и певец, декламатор, искусный возничий на колесницах, устроитель колоссальных игрищ и зрелищ. А гармонической личностью его назвать нельзя: все деяния Нерона отвечали его желаниям и возможностям, по резко расходились с нравственными законами даже того, по МНОГОМ аморального общества.

Чтобы несколько разрядить столь напряженный разговор, напомним вам «разностороннюю личность» — обаятельного плута < > i laip liciDicpa. Он не все может, но не откажется от любого /ила, апаш юры, выступит в любой роли с определенным, хотя и скандальным успехом. Однако, при всей своей самоуверенности, он нередко испытывал глубокое беспокойство из-за того, ЧТО не его дарования идут прахом, поскольку достались они «борцу за денежные знаки», которые он сам презирает. Здесь Инстосн разрыв между природными способностями, богатыми возможностями и тем, как мелко и нелепо они реализуются". Недаром с завистью и тоской Остап следит за участниками Подлинного, а не мифического автопробега: мимо пролетала || и гоищая жизнь.

Значит, чтобы достичь необходимого для счастья состояния человеку необходимо найти себя, свое место в обществе и любимое дело, найти лад с окружением, с близкими и родными, с которыми нас тоже соединяет и искреннее желание (хочу), и возможности (могу), и ответственность, обязанность (долг). (Обратите внимание — мы словно бы заключили эту тему возвращением к исходной точке разговора: что есть счастье и как его добыть?)

Попробуем теперь воспроизвести все перечисленные характеристики личности:

масштаб: от великой до ничтожной, от могучей до слабой;
мораль: от чистой, светлой, героической до порочной, тиранической;

гармония: от счастливого согласия и^ли и средств, желания п долга до бесконечного конфликта с самим собой по всем

Я воспроизвела здесь стихотворение Андрея Вознесенского «Автоотступление». Есть в этом стихотворении поэтический образ, который мне кажется очень важным и дорогим. «Я — семья», — утверждает Вознесенский, имея в виду свою многоликость, неоднозначность. Мне же показалось возможным соотнести этот образ с темой нашего разговора: ведь в семье каждый из нас имеет множество воплощений, решительно отличающихся друг от друга! Я — дочь (сын), внучка (внук), сестра (брат), жена (муж), мать (отец), невестка (зять), теща (свекровь), тесть (свекор), бабушка (дедушка). Вот сколько важных ролей достается на нашу долю, а в связях с дальней родней — и того больше.

Одновременно в каждом из нас можно найти черты предков многих поколений. И внешние черты заимствованы у разных родственников: нос — мамин, рост и фигура — папины, волосы — деда, руки и походка — бабушки и т. д. И темперамент нам достается в наследство не в точном и однозначном повторении мамы и папы: сколько угодно примеров, когда дети повторяют натуры дедов и бабушек, а то и представляют взрывчатую смесь.

Таковыми же сложными соединениями являются и жизненные наши суждения, представления о должном, достойном, о том, чего хотеть и как мочь. И когда мы принимаемся за самооценку, за нашей спиной незримо выстраиваются все те, кто нас породил, взрастил и выпестовал.

Мы не сможем оценить себя, если не будем учитывать нормы и мерки, внушенные с раннего детства. Это — хорошо, это — плохо, красиво — некрасиво, разумно — глупо, порядочно — непорядочно. Пусть мы какие-то наставления, правила пропускаем мимо ушей, вроде бы даже пренебрегая ими, но в глубине сознания нашего они все же живут и выступают строгими судьями в таких вот случаях, когда нам приходится оценивать свою натуру без прикрас.

Характер самосознания раскрыл К. Маркс: «...человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку». (Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 62.) И еще: «...Индивиды как физически, так и духовно творят друг друга». (Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 36.)

Кто в большей степени, чем родственники, творит нас? Вот почему нам не разобраться в самих себе, не вникнув в особенности отношений с нашими «творцами».

Родственники, семья — привычные всем слова. Но что в эти понятия вкладывают люди?

Большинство говорит о кровном родстве, о супружеском союзе, а еще о единой крыше, общем хозяйстве, бюджете.

Я вспомнила страшную и трагическую фигуру из романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Глава этого ...

семейства Арина Петровна под конец жизни пришла к печальному выводу: «Всю-то жизнь она что-то устраивала, над чем убивалась, а оказывается, что убивалась над призраком. В жизнь слово «семья» не сходило у нее с языка: во имя семьи п одних казнила, других награждала; во имя семьи она подвела себя лишениям, истязала себя, изуродовала всю свою жизнь и вдруг выходит, что семьи-то именно у нее и нет!

— Господи! Да неужто ж и у всех так! — вертелось у нее в голове».

К сожалению, и сегодня встречаются семьи, члены которых наверняка, могут испытать подобное прозрение: то, что они пп * знавали за семью, — призраком. И все лишь оттого, что не знали не понимали, какой она должна быть на самом деле.

Совсем иная картина складывается в жизни тех, кто глубоко осознает значение и смысл такого соединения людей.

Снова я адресуюсь к вашим знаниям литературы и истории. Какое шепчущее душу благоговейное удивление вызывали и зывают семьи ссыльных декабристов! Мужья — в кятпп>, ржных

норах, жены — неподалеку или же за тысячи верст. Соединены они были душой и сердцем даже тогда, когда крыши общей НЫ них не было, лишь редкие свидания под дремлющим оком н зирателей. А разве прерывались их семейные отношения от нужденной разлуки? Конечно, нет.

Да что далеко в прошлое за примерами ходить! В наш, ПШИ ДНИ когда на новых местах поднимаются города, заселяемые п,,0,, Гими школьниками, значит ли это, что за их спинами пг-тГ -ЛIV_вчерашние бездетные старики, а здесь обосновываются Иваны ДС не пп...п остаются родства, сироты мнящие перекатные?

Если мы будем оценивать чисто внешние явления то правильно: когда возникает новая, молодая семья, старая как fi разрушается. Однако у большинства отношения со пт., поколением не только не прерываются, напротив, они ппипт тают новую значимость и содержание. Спросите у многих молодых супругов: когда они испытывали жгучую потребность в пч ной и личной общности, в помощи старших? Ответ чаще всего б В один: когда сами стали папой и мамой. Потому что осозн ^ во-первых, какой же это огромный труд — растить ребе ЛИ! Поняли и по-настоящему оценили заслугу родителей в собст 'ной судьбе. А во-вторых, увидели свою беспомощность пе " сложностями жизни: и экономическими, и нравственными и - А холологическими. Без совета старших, без их участия трудно' в И на ноги. Статистика уже подметила, что число разводов в молп б семьях зависит, кроме множества иных причин, от того бп * ли от юных находятся старики и помогают ли им.

Семейные материальные связи, как правило, не обрываются, когда сын или дочь покидают родное гнездо. Скажем пом,, Я! Пшж-СЛИЛСЯ вчерашний деревенский житель в городе, оставив стариков

И начинаются хождения на почту: родители из деревни ЛС

своему отпрыску посылки-переводы, пока тот еще не оперился. Потом намечается движение в обратном направлении: преуспевающий горожанин снабжает деревенских сородичей городскими товарами. Разве в таком случае можно считать, что обе семьи материально никак друг с другом не связаны, друг от друга не зависят? Вряд ли, хотя основные материальные ценности и зарабатываются, и тратятся врозь.

Иногда помощь, на первый взгляд, может не иметь вещественного воплощения. К примеру, уход за ребенком, за больным стариком. А между тем заботы бабушек, приезжающих с другого конца города, чтобы накормить, погулять с внуком, отвести внучку «на музыку» или в бассейн,— это тоже материальная помощь. Ведь если перевести бескорыстные заботы и труды на расценки какой-нибудь службы быта — в какую копеечку это выльется. Точно так же существенно отразилось бы на бюджете родителей-пенсионеров приглашение чужого человека что-то починить в квартире, сбегать за лекарством, купить продукты, приготовить обед — все то, что бескорыстно берутся исполнить любящие дети и внуки. Если же ни у кого из родственников особой нужды в помощи сегодня нет, то очень важна уверенность: в трудную минуту есть к кому обратиться с просьбой.

Эта уверенность — уже из сферы духовных связей. Сердечная общность тоже может выражаться по-разному: от ежедневных контактов, расспросов-ответов до короткого письма, недолгого телефонного разговора. Главное здесь — внутреннее чувство: есть родные, готовые тебя понять, посочувствовать, разделить с тобой радость и горе. Если же среди родственников не найдется охотников делить с тобой успех, не говоря уже о горе, тогда действительно напрасно называть такие отношения семейными, как бы зависимо ни жили между собой люди, как бы они себя при этом ни именовали: муж и жена, родители и дети, братья и сестры. Это — звук один, формальные титулы и звания.

Духовная связь проявляется в естественной потребности видаться друг с другом, общаться, интересоваться всем, что происходит в жизни каждого члена семьи.

— Мы считали, что такие отношения более присущи человеческой дружбе. Это она не требует ежедневного общения, материальной зависимости. Это друг обычно кидается по первому звонку, а в остальное время остается незаметным и ненавязчивым,— такой протест услышала я однажды.

Что ж, верно. Мне думается, что настоящую человеческую семью и можно назвать кровным содружеством.

Теперь мы вторглись в сферу особых чувств, эмоциональных отношений между членами семьи. Что же это за эмоции?

В свое время наше государство задалось целью разрушить мир чистогана, насилия, эксплуатации человека человеком, расчетливых отношений между любящими людьми. В основном эта задача осуществлена в результате огромных социальных пере-

Теперь лишь считан
не отдавая сердца,
Подавляющее боль
старину, по искрени
чувства нужны и в
лучного существова
нятся, цветут и пло

Однако исследование и каждого человека. Иск
точно для долгого и извест отдают руку, гая, как
грустную статистикий расчет, шинство пар идут
леднее время участ в ей симпатии, по обоюдной
ругов женились по жны для создания семьи, для
таких «подпорок», любви соединяются, любовью
строить общую су

ста-счастливого супружества.
Но многие молодые
аете, что в пос-Ились разводы,
любви то имеют все же сильное злечение требует

Неумение распо и кино с другом-подружкой
супружеская любодолгом. г ЛЮДИ про дол! и
совсем разные чуввление. :шагi. разные обличья
внолне зрелых люденебрачная — это ства, с толку
волоос на зерно, из кувства, как не похож крепкий
вах супружеского чт-увства мы поговорим более
позднее. А теперь г !срнемся к определению

ания показывают, ч
Социологи приводят у
хотя большинство бы
как чувство ответстве
собрался, а бубу Значи
слышать не желают и
любви, незнание, что
сбивает не только юн
оторого он вырос. Но
подробно несколько
семьи и ее современ-

Спор о природе этого явления в основном теперь завершен. И философском словаре в кратком изложении формула семьи ЫГЛЯЛИТ так: семья—ячейка, малая социальная группа, осно-■анный на супружеском союзе и родственных связях, т. е. на Многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство. В определении, как пилите, отношения получили пальму первенства, а хозяйство опчшло на второй план, хотя они и взаимосвязаны теснейшим образом. В этом суть преобразования нашего времени, одно из отличий новой семьи от старой. Если прежде показателем семейно-п> благополучия было обладание имуществом, материальное и служебное преуспевание, а самой большой бедой — разорение, ТО в новом варианте благополучие семьи определяется духовным и сердечным богатством ее членов, отданным на общую пользу. Хозяйство из цели всех физических и душевных усилий семьи прекращается в средство воспроизведения физических и душевных СИЛ людей, направляемых на укрепление и совершенствование сердечных связей.

— Не у всех такие взгляды. Другой раз из-за имущества такие страсти разгораются, что люди забывают про сердечные связи, родную кровь.— Узнаете голос оппонента?

Все новое, как известно, зреет, рождается в недрах старого и несет на себе черты своего родителя. Наша современная семья чаще всего носит признаки и старой, и новой формации. Встречаются и «чистые экзemplяры»: старые или новые. У большинства же два начала ведут неустанную борьбу с переменным успехом. Если материальные интересы начинают заслонять, подавлять в нас добрые чувства, диктовать, кому и как себя вести, значит, в нас заговорил долгий опыт предшественников. Когда мы «ставим в угол» разбушевавшиеся вечные страсти и призываем разум, совесть, справедливость и любовь направить нас на путь истинный в отношениях друг с другом, мы тем самым помогаем новому одержать победу, утвердиться в нашем быту. Хотя и семейный опыт, и история убеждают: новыми такие отношения можно назвать с оговоркой. Новизна их заключается лишь в том, что из счастливой и редкой участи избранных судьбы они могут и должны стать нормой для большинства.

Абсолютизация каких-то оценок, суждений в нашем с вами разговоре чревата не только неточностью, но и несправедливостью. Иным скороспелым на выводы читателям может запасть в душу уверенность; вот, мол, мы какие, образованные, чистые, благородные, не то что наши корыстные предки! Вспомните важную характеристику личности: способность к преодолению. Пожалуй, в этой способности противостоять невзгодам трудно будет тягаться некоторым современникам со многими из наших предшественников. Не было у них широкого образования, давили их бесправие и нищета, заставляя часто вести счета-расчеты при создании семьи, считали женщину неполноценной, верили в то, что дети — собственность родителей. И все же народ наш сохранил и умножил в душе и в жизни добрые начала. Возьмите сборники старых песен, сказок, былин: они все учат доброте, бескорыстию, уважению человеческого достоинства любого члена семьи.

— Если народный опыт создал и сохранил образцы добродетельных семейных отношений, отчего же все наши предки не следовали им и нас к тому не приучили? Тогда бы не потребовались эти занятия, все делалось бы само собой?

Вот уж воистину загадка: отчего люди не спешат следовать хорошим примерам, а так и норовят наделать собственных ошибок, наставить синяков и шишек, прежде чем выйдут на верную тропу? Над ее разрешением ломало голову не одно поколение. Дурные примеры заразительны, а добрые нужно усиленно насаждать и, культивировать. Сорняк, как известно, сам растет, не то что хлеб наш насущный.

Не берусь утверждать решительно, но одна из причин видится в особом отношении людей к беде и благополучию, сложившемся веками. Представьте себе такую ситуацию: при большом скоплении народа человек смеется, прыгает от радости. Какая будет реакция у прохожих? Скорее всего они улыбнутся, а то и укоризненно покачают головой: не умеет, мол, сдерживаться. Но, по-

е станет его расспрашивать, что его радости.

с прохожие отреагируют на чужую боль, страда-случаев человека не шания и сочувствия. Непременные советы: что делать, куда обратиться. «Реф— так мол реакцию. Че-учено веками тяжелой борьбы за свое почему-то не всегда опыт, приоб-мепты участия, о Не то ло бы ошибок соседа, чтобы потом всегда бы же, множим одни и те же си только на собственных литература, искусство и накопили 1ВНИЙ о не счастливых мало .||,i ошибках учимся» ■■•- ли ш а л и с ь бы дела, если бы учились на удачах, Еще одна причина того, что добрый опыт редко привлекает 1НИМВНИС, убежденность, которую так емко сформулировал Л П Толстой в знаменитом своем зачине «Анны Карениной»: 0411 (ТЛИПые семьи похожи друг на друга, а несчастливые — И1СЧВ1 гны по-своему. Внешне спокойное благополучие создает й1Н'ч<плпшс однообразия.

Однако если попробовать вникнуть в различные жизненные обстоятельства, обнаружится, что имеют они массу подробностей, ШСТНостей, которыми обычно и различаются. Причем не только Шдобрые, по и добрые обстоятельства.

Невероятное разнообразие можно обнаружить в жизни семей, которые считают себя ординарными, живущими «нормально». Но несходство это открывается только очень заинтересованному ИГЛ яду: сдержанность, застенчивость заставляют подобные семьи не выставлять напоказ свои заслуги.

Обратимся к известным литературным источникам. И там обнаружим удивительное отличие счастливых пар. Вот скажите, что общего между жизнью героев Чернышевского, четой Кирсано-1ЫХ, и жизнью гоголевских старосветских помещиков? Ничего. У первых — освещенное глубоким знанием, высокой культурой чувство, осмысленное созидание новых отношений, когда каждый день, каждый шаг — эксперимент. У вторых — сладкая дремота, почти летаргическое состояние, самое главное достоинство которого — неизменность, постоянство чувств и привычек. И можно ЛИ представить милых Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну рядом с четой пламенных борцов за освобождение народа Елены и Дмитрием Инсаровыми, героями романа И. С. Тургенева «Накануне»?

Вспомните семейные отношения старшего и младшего поколений Ростовых. Или же собравшихся под одной крышей На-

ние, беду? В оставит без ви начнутся расп деле участия» ТЪ в довеество при ние бежать наинстве ретенный в моросы, достаточно бьбную готовым подсты. Но промахи. Учимании. Оттого, видк нет горы повествогория, что известно. ; а о куда успешнея. Но пусть и на чуж к их.

таши и Пьера, княжны Марьи и Николая. Их жизнь отличается от жизни четы Левиных — Кити и Константина, героев романа «Анна Каренина». Существование одних безмятежно и ясно, хотя и не лишено проблем, потерь — всего, что сопровождает любую человеческую жизнь. Отношения других — напряжены и мучительны.

Сложностей в благополучных семьях, при вдумчивом изучении, ничуть не меньше, чем в несчастливых. Отличает эти семьи, на мой взгляд, умение противостоять разрушительным силам, действующим извне и изнутри. *Семьи, способные преодолеть невзгоды, в конце концов, и именуется благополучными, счастливыми.* И напротив, не выдержавшие испытаний, отказавшиеся от любви, спасовавшие в борьбе с невзгодами — несчастливыми. Социологи опросили разведенных и живущих в браке супругов: легко ли строить семейные отношения? «Легко», — чаще всего отвечали те, кто не сумел их построить, — разведенные. «Трудно», — ответило большинство благополучных пар. Еще бы не трудно! В особенности если не учиться преодолению у тех, кому удалось

выстоять.

Первое условие счастья, на мой взгляд, как раз и заключено в том, чтобы не уставать *искать добрые примеры.* И второе: для создания прочного дома нужно иметь в голове его четкий план (цель) и уметь избирать соответствующие ему средства. Именно это сочетание древнегреческий философ Аристотель считал наиважнейшим условием успеха в любом начинании.

Если же поспрашивать иных молодых людей, вступающих в брак, то нередко выясняется, что они не заглядывали в завтрашний день, отправляясь в загс. Цели у них были самые разные, а средством избиралось супружество. К примеру, завидно стало девушке, что все ее подружки замуж повыходили, а она еще дома сидит. А так хочется в свадебном наряде покрасоваться: длинное платье, фата, музыка — и она, вся такая воздушная, словно сказочная принцесса! И дает она согласие стать женой человеку, к которому не испытывает никаких чувств, кроме признательности за сделанное предложение. Будет прок от такого брака? Вряд ли. Разве что слепая удача постигнет, которая так же редка, как крупный выигрыш в лотерею.

— Это — курьез, нелепый случай, тоже очень редкий, — возразите вы.

Соглашусь: не каждый день такое случается. И все же бывает. А вот что приходится слышать от новобрачных постоянно: «Мы решили пожениться, потому что очень любим друг друга и хотим быть вместе». Тогда действительно достаточно зарегистрироваться и поселиться вместе — и цель достигнута! А дальше что? Молодые люди теряются, не могут сказать что-то вразумительное. Другой — дальней, на всю жизнь — цели, перспективы у них нет. Оттого очень быстро наступает пресыщение и разочарование друг другом. Если бы мы все до свадьбы знали, понимали

подлинное призвание семейного человека, вполне возможно, что меньше было бы скоропалительных и легкомысленных браков, но, конечно, гораздо меньше было бы и разводов из-за мелочей быта.

Одно из назначений семьи, по всей вероятности, заключается и том же, в чем и назначение отдельной личности: выявить в каждом из ее членов и в самом себе все лучшее, что в нем есть, развить и отдать на общее благо. Воспроизводство жизни во всех ее ипостасях и ее изменение к лучшему — общая и конечная цель совместной жизни мужа и жены. И естественно, что реализовать ее в полной мере возможно только при наличии детей. (Какое может быть «воспроизводство жизни» без потомства?)

Мы с вами уже говорили о том, что семейные юридические нормы объединены у нас в Кодексе законов о семье и браке. Как видим, юристы не признают тождества между этими понятиями, иначе потребовалось бы одно, а не два слова. По всей вероятности, и этом есть свой глубокий смысл. Брак — первая стадия на пути к созданию семьи. Это — отношения двоих, направленные друг на друга. По-настоящему семейными отношения между мужем и женой становятся только с появлением ребенка. По образному выражению А. И. Герцена, происходит чудо превращения двух (гоистов в альтруистов, озабоченных благом третьего — их общего ребенка).

Человек может воспроизвести себя физически, не состоя в супружеских отношениях. Для появления на свет ребенка достаточно мимолетной близости мужчины и женщины. И что при этом будет воспроизведено? Цвет волос, глаз, строение тела да еще — темперамент. Но только в процессе долгой совместной жизни, • гряда, забот мужчины и женщина могут рассчитывать на полное и всестороннее воспроизводство себя, своего внутреннего содержания в ребенке. Могут передать выработанные обществом и усвоенные ими самими идейные и нравственные установки, принципы, передать профессиональные знания и умения, бытовые вкусы и привычки. Только в семейном доме можно создать и воспроизвести определенную культуру интимно-родственных отношений.

И чем сложнее становится человеческое бытие, тем прочней и долгие должен быть союз тех, кто хочет обессмертить себя в потомстве, и не только свое тело, но и свою душу, свои идеалы. Хочу обратить ваше внимание на такой примечательный факт: чем духовно богаче человеческая личность, тем серьезней и ответственной она относится к детям. Согласитесь, трудно сыскать большую важность, чем собственное бессмертие и бессмертие любимого человека. Вот почему для семьи дети — главная ценность. И вот почему так озабочены бывают ваши родители, когда открывают в ваших чертах и свойствах следы чужого и дурного влияния; вот почему еле сдерживают торжество, когда замечают, что ребенок перенимает хорошие семейные традиции.

Конечно, мысли о бессмертии не так уж часто посещают их.

Многое делается скорее инстинктивно, чем преднамеренно. Мать учит малыша тем же забавам, которые вынесла из собственного детства, мурлычет мелодии колыбельных, услышанные от своей матери. Кормит и лечит, учит и пестует свое дитя, используя приобретенные знания и унаследованные от родичей. И ребенок задолго до того, как сумеет действовать осмысленно, целенаправленно, уже наберется жизненных правил, привычек, хороших и дурных, бытующих в семье. К школе в основном сформируется его натура, которую бывает трудно переиначить даже волевыми усилиями.

Семья — семья-Я. Все мы живем, движемся, меняемся во времени и

пространстве. И потребность наша в друзьях, дарованных природой, т. е. в родственниках, с годами претерпевает перемены. Понаблюдав за поведением окружающих, можно заметить некую закономерность, цикличность в развитии родственных отношений. Выглядит это примерно так.

В самом раннем возрасте ребенок неотрывно тянется к матери, к отцу. Это — когда он совсем беспомощен, когда он приобретает первичные навыки бытия. Потом появляется у него интерес к своим сверстникам, к ребятам старшего и младшего возраста. С ними он учится общению на равных, подчинению своих интересов чужим, учится подчинять себе и опекать тех, кто меньше, слабее, пытается передать другим свои знания и умения.

В подростковом возрасте человек начинает испытывать стремление к самоутверждению: именно в этот период возникает масса конфликтов (потом осознаваемых как смешные и стыдные) с родителями, с учителями. «Я — сам!» И отталкиваются добрые руки, стремящиеся удержать от падения. И начинаются испытания «на взрослость». Тогда дом кажется чуть ли не клеткой, из которой нужно лететь куда глаза глядят.

Юность уже полностью поглощена самоустройством в жизни. Внутренние связи с родителями заметно ослабевают: чувства расходуются на подругу, друга, на разного рода увлечения, в том числе и на такие, которые станут делом, профессией. Домоседов в этом возрасте встретишь редко.

Появление детей, как мы уже говорили, вновь разворачивает молодых пап и мам лицом к собственным родителям.

Наконец, молодая семья обретает устойчивость, зрелость. Львиную долю сил и времени у людей среднего возраста зани-

МНОГО служебные, деловые заботы. С детьми пообщаться недосуг, К СТНрсящим родителям съездить (или даже написать) некогда: рйботи, которая постоянно возрастает в объемах, в должностной и ЮЖН01 in и ответственности, становится целью и смыслом, а («М.И. нрде бы даже помехой. Социологи открыли удивительный ф.и..... • ли разводов супругов с 10-летним и более стажем иеожичниим нозрастает, вместо того чтобы снижаться (в сравнении) молодоженами). По всей вероятности, здесь сказываются коле-бЯПМИ, переходные этапы в человеческих отношениях, которые Попеременно выдвигают на передний план то общесемейные интерн Li, ni сугубо личные, то деловые. Не каждому и не всегда удипен одновременно поспевать на всех фронтах.

i.iiо чем больше седины в волосах у мам и пап, тем добрей и |НИМательней они становятся к стареющим своим родственникам |Трон(коД1п как бы второе «возвращение блудных детей» ШЫ крышу отчего пим.1 Чаше они обращаются к воспоминаниям о гОДИХ гни i н. | и юности. С удовольствием слушают рассказы о ОOfll ПСИНЫХ ребячьих проказах. Ностальгия по детству — первый Признак юн), что человек замедляет свой бег в завтра.

Достижение пожилого возраста родители уже вполне готовы ии■ ии. отдать все сноп силы и вниmaniе взрослым детям, которые ЩОЧему то» отвергают чрезмерную родительскую заботу. И тогда ми нерастраченные чувства обращаются на внуков. И в этом uflpi men и новый свет, который согревает постепенно остывающие |г.ш. |

Мо и пашем бытии обычно со светом соседствует тень. И 1ВРМИ счастливого обновления рода — появление внуков нередки сопровождается тяготами и хворями прародителей, т. е. Престарелых прабабушек и прадедушек, которые ищут попечения у i нои.ч зрелых детей и внуков. Их кончина — завершение цикла ж и ni и одного поколения, замыкание ее круга: из небытия вышел нон тек - в небытие и ушел. Что он оставил после себя на земле — ОУСНКа смысла его существования. Сколь много принял у предшествующих поколений, умножил своими трудами общее достояние, передал потомству, так ему и воздастся в памяти людской, |см и исполнит он свое земное назначение.

Псе мы включены природой в этот кругооборот: и великие, И малые, и сильные, и слабые. И если не каждому из нас достанет я благодарная память народа, коллег, соратников за какие-ю выдающиеся открытия, достижения, то оставить по себе доб-рмп след честным, умелым, трудолюбивым потомством могут почти все.

Говоря о благополучии семьи, мы должны исходить из того, что благополучие «наше» и «мое» имеет одни и те же источники И предпосылки. Многие и в семье определяют цель и средства, направленность потребностей, интересов. Главное достоинство семьи, как и личности,— преодоление внешних и внутренних препятствий на пути к гармоническому слиянию желаний всех ее чле-

нов. их возможностей и долга. Семья, как и каждый человек, постигает самое себя не в одних лишь беседах и выяснениях личных отношений, но смотрясь, как в зеркало, в другие семьи. И через свою родню каждый из нас выходит на широкие связи с великой семьей, именуемой НАРОДОМ. НАШ РОД — не так ли расшифровывается это огромное, надежное, мужественное слово? РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО — все это семейные понятия, излучающие такой же свет и тепло, порождающие чувство опоры и надежды.

Как вы уже поняли, наш разговор должен перейти на другой уровень: выявить общественные связи нашей «малой группы». Но об этом — в следующей беседе. А сейчас вновь хочу предложить практическое занятие.

Попытайтесь определить меру и степень влияния на ваши вкусы, интересы, привычки членов своей семьи. Найдите следы и своего влияния на стиль и образ жизни своих родных.

Что меняется в вашем доме (к лучшему ли) из-за вашего стремления к независимости, самостоятельности?

Как соотносится ваше «я» с желаниями и возможностями других членов вашего маленького сообщества? Интересует ли вас благополучие дома или только собственное?

Сознаете ли вы, что и от вашего отношения к родителям зависит их любовь и крепость их брака?

МИР ЗА ТВОИМ ОКНОМ

Итак, мы с вами установили прочную связь отдельной личности с дальними и близкими сородичами. Заметили глубокую и всестороннюю зависимость семейного бытия от общественного уклада. Это только кажется, что все происходящее в стенах наших домов и квартир творится исключительно по воле их обитателей. На взгляды, вкусы, привычки, интересы каждого из нас оказывают воздействие законы и моральные установки, выработанные обществом. И напротив, на общественные взгляды, принципы влияют нравы, принятые в семьях.

Давайте проследим характер такого взаимовлияния.

Скажите, какой сюжет встречается чаще всего в классической драматургии? Несчастливая любовь молодых людей, кому соединить сердца мешало социальное и имущественное неравенство: крестьянке нельзя было выходить замуж за аристократа, бедному трудно было рассчитывать на согласие богатых родителей — отдать дочь за «голь перекатную». Страданиями, слезами и кровью влюбленных оплачена долгая история не только имущественной, кастовой, но и национальной, религиозной розни. А то и просто межсемейной вражды из-за ложных представлений о фамильной чести (Ромео и Джульетта). Страстное, безоглядное влечение друг к другу любящих сердец, противостоящее запретам, исподволь подтачивало,

разрушало предрассудки, разделяющие людей на враждебные Лагери. Нередко влюбленные примиряли недругов, порой смертью I ВОЕЙ Оуждали дремучие взгляды и привычки (как Катерина III «I pu 11.1»).

Октябрьская революция вместе с путями общественного угне-reilNW порвала и тенета личного принуждения. Однако на смену Прежним трудностям и помехам приходят новые. Раньше любовь И характеры наших бабушек и дедушек испытывала неволя, а нас время испытывает свободой выбора. Свобода требует от молодых людей особой уверенности в себе и ответственности. I< примеру, когда-то существовал обычай: отдавать родное дитя • ХОТЬ id курицу, да на соседнюю улицу». Была в этом правиле NI Одна кастовая ограниченность, но и определенная житейская Мудро* (b' однородность среды, в которой росли и воспитывались ШОНИХ i невестой, предполагала в определенной мере и общность интересом, ' грсмлсиин, всего, что мы именуем жизненной установит I'm, КТО p<>1 «на соседних улицах», легче найти взаимопо- инны- .....', а шачит, прочней будет союз. На равенство супругов КИК па важнейшее условие семейного благополучия указывал < им¹ Л И. Герцен, этот борец против всяческих предрассудков, п ГОМ числе сословных. Он называл неравные браки (мезальян-СЫ) «вперед посеянное несчастье».

Нынешние браки очень часто, по старым понятиям, неравные. Уже одно поколение супругов соединяется, не оглядываясь, КТО И с какой «улицы».

«Мезальянсы» эти — естественное и прогрессивное для всего Общества явление — для отдельных пар оборачиваются неожиданными трудностями, преодолеть которые не каждый человек, В иже многоопытный, сумеет сразу, без потерь. И тем не менее различия в воспитании, нравах чаще всего преодолеваются. Их прочность—результат не только собственных усилий Супругов, но и влияния внешних, общественных факторов.

IS пашей стране действует единая образовательная и воспита-U'MI,пая система. Выходцы из южных республик и с Крайнего Севера, из крестьянской или городской семьи—все учатся в школе по общим программам, формирующим однозначные нравственные, общественные воззрения, представления о ценностях жизни. У нас всем детям внушается уважительное отношение К человеческой личности, независимо от социального происхождения, образовательного уровня. Школьникам прививают уважение КО всем видам общественно полезного труда. Все это нормы, лежащие в основе нашей морали. Они у нас общие для всех — хоть для рабочих, хоть для академиков, соответственно и для их детей.

Вот это воспитательное единообразие, в данном случае, служит нам добрую службу. Оно помогает не устранять, но сглаживать, смягчать остроту несовпадений, противоречий, что возникают между теми, кто вырос в непохожих условиях.

Материальный расчет, некогда считавшийся признаком разумности, деловитости будущего мужа или жены, сегодня — самое тяжкое преступление перед тем, у кого хотят «купить» или кому хотят «продать» любовь подороже. Нынешние невесты пожимают плечами, когда старомодный родственник спросит о зароботке жениха. Точно так же ведут себя и будущие мужья.

А на чем основывается это бескорыстие, чем оно оплачено и обеспечено? Почти все молодые супруги, с которыми довелось разговаривать на эту тему, относили перемены на счет улучшения общих нравов: дескать, люди стали иными. Все так. Но есть и объективные, социальные причины, влияющие на взгляды современных молодоженов. Тут и гарантированная работа, тут и возможность роста, продвижения и передвижения в любой сфере деятельности — были бы желания, знания и умения. Сегодняшний колхозник, глядишь, завтра — летчик, а то и космонавт. Или, не выходя за околицу одного села, — герой, депутат, крупный руководитель, мировая знаменитость. То же самое и в городе — у рабочего, у студента. Горизонты не закрыты классовыми барьерами, которые раньше нередко самая выдающаяся личность преодолевала с трудом; обыкновенному же человеку никак было не пробиться.

Женщина получила право на одинаковое с мужчиной образование, одинаковую оплату труда. Все это дает ей подлинную независимость от мужниной власти и возможность самой решать, кому отдать свою руку и сердце, а не ожидать, пока это сделают родители. Она же может решать — оставаться ли ей женой, если семейная жизнь не удалась. А значит, изменились у женщины мотивы супружества.

Все достижения нашей страны «работают» на бескорыстие нынешних молодых людей, на свободу выбора себе пары.

Все более решительное влияние на благополучие супругов оказывают сегодня нравственные установки и психологические факторы. К примеру, причиной ссор в нынешних семьях часто становятся не столько сами материальные ценности, сколько *отношение* к ним. Мужу, выросшему в доме, где к деньгам, вещам относились бесшабашно, будет нелегко найти общий язык с супругой, привыкшей копить и беречь «добро». И наоборот. Хотя размеры доходов в родительских семьях и были одинаковыми.

— Так уж и исчез расчет из личных отношений? — усомнился один мой собеседник.— В последнее время наметилась у молодых людей обратная тенденция: смотреть не только на внешность будущей жены, на ее характер, но и на родительские «хоромы», на «положение» семьи. И «раскрепощенные» девушки нередко стремятся к выгодному браку пусть с нелюбимым, но солидным, состоявшимся (или состоятельным) человеком.

Правда. Бывает. Но в таком откровенно стародедовском варианте расчет выступает довольно редко. Он приобрел новые способы проникать в души, рядится в самые неожиданные маски.

Скажите, какое приданое дороже: то, что давали нашим бабушкам резные кровати, пуховые перины, шубка из лисьего меха и энная сумма деньгами, или то, что дают нынешние родители своей дочери, когда в качестве «основного капитала» выступает диплом о специальном или высшем образовании?— ГвКОЙ вопрос однажды я задала в клубе молодоженов. И мои ■ пне* едники задумались. Действительно: шубка изнашивается, ищи и проживутся-распылятся. А профессия — ценность надежная, время часто лишь увеличивает ее значимость, весомое и, п семейном котле.

Гол же счет и для жениха. Нам придется чистосердечно При чьи и, что образование, профессия, культурный уровень подспудно оцениваются порой даже самыми нерасчетливыми влюбленными. Не раз, наверное, и вам приходилось слышать такие < ЛОВВ ■■ Вот счастливица: выходит замуж за талантливого ученого (■рача, артиста, летчика). Он далеко пойдет».

И епе|.....е только заботятся о должности мужа, но и огля- лМинниен па то, какие удобства принесет брак. Например, жених і машиной одна цена, без оной — другая,— настаивал мой ОППОиеит, снов намекая на расчетливость невест. Но ведь свой особый счет (расчет) есть и у женихов, которые порой отдают Предпочтение не уму и сердцу своей избранницы, а тому, умеет ли ОНІ создать мужу уют и комфорт. Еще не перевелись молодые ЛЮДИ, которые женятся, рассчитывая иметь в лице жены «прислугу ы 1СС», как раньше говорили. И при этом они убеждены, что и их браке все честно, пристойно. Встречаются среди заядлых цолоетяков такие, которые на вопрос, отчего не обзаводятся Семейей, отвечают самоуверенно: «Я и сам себя обслужить могу». I ловнь и впрямь жена затем лишь и нужна, чтобы обихаживать мужа. Как потом будет расплачиваться сторонник подобных Взглядов, известно: многие влачат жизнь в бессмысленном Одиночестве, платят дань всем болезням и порокам, которыми от) сопровождается. (Мы еще поговорим об этом подробно дальше: какую страшную мзду собирает с людей безбрачие, Ве Iдетность.)

Между прочим, число холостяков с подобным взглядом на жену заметно возросло, когда у нас стала крепнуть служба быта и общественного питания. Вот еще убедительный пример того, как Внешние условия влияют на личные отношения.

Результаты социологических исследований говорят о том, что не всегда бра*ки по расчету заканчиваются катастрофой. Ну что ж, бывают удачные сделки, которые привязывают партнеров всерьез и надолго, а там включается привычка, появляются дети.

II муж и жена, случается, привязываются друг к другу крепче, чем иные пылкие влюбленные, которым пороуху хватило лишь до конца медового месяца.

Но если материальный расчет остается главным связующим звеном, никакой срок совместного проживания не дает оснований

говорить о семейном благополучии. Мы ведь с вами уже определили, что основа современной семьи — *чувство, особые кровно-дружеские отношения* между членами семьи.

— Никак вы, взрослые, не договоритесь между собой, — однажды пошел на меня в атаку взъерошенный юноша. — Одни считают, что нужно быть рассудительным, взвешивать и оценивать все «за» и «против» союза с любимой девушкой (а им — с юношей). Другие утверждают: нехорошо рассуждать и взвешивать, какие у избранницы (или избранника) перспективы, способности и возможности. Уже и диплом, профессию, талант, трудолюбие ставят в графу ценного приданого. А разве можно совсем вынести за скобки все эти данные? Вот и выходит, что все наши браки расчетливы, разница только в том, кто и что берет в расчет. Кто же из нас получает преимущества, какой расчет разумней, дальновидней?

Осознанный выбор, покоящийся на сердечном влечении, действительно залог прочного и длительного супружества. Однако выбор этот нужно делать, ориентируясь прежде всего на характер, жизненные устремления, нравственные установки жениха или невесты. И в этом не будет спора ни старших с молодыми, ни дальновидных с нерасчетливыми.

Вот вам еще задача: какая семья, по вашему мнению, вероятней всего сохранит верность, крепость — которая создана при учете внешних преимуществ данного брака или при учете внутренней общности? Давайте используем сведения социологии. Разница в оценках жизненных ситуаций, собственной роли в семье, взглядов на воспитание детей и прочих установок у разведенных супругов в четыре раза превосходит различия во взглядах тех, кто живет в браке.

Значит, справедливой будет говорить, что разводящиеся супруги не сходятся не столько характерами, сколько взглядами и отношением к одним и тем же вещам.

— Может быть такое: вступили в брак по расчету, а живут — по любви?

Такая вероятность существует, несомненно. Любила ли Кити своего жениха Левина, когда шла за него после несчастного увлечения Вронским? Нет, конечно. Но зато искренне полюбила его потом, после свадьбы. Расчетливый сухарь, герой романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история», старший Адуев женился из одних «умственных соображений». А полюбил жену так страстно, что ради ее здоровья решился бросить дело, которому служил, как идолу, всю жизнь.

Бывает и наоборот — женились по большой любви. Влечение прошло, каждый из супругов по существу имеет новые семьи, а не расходятся из-за того, что мужу и жене не хочется терять благополучие, комфорт или даже общественную репутацию. Полюбовный брак тогда становится куплей-продажей.

Трезвый расчет бывает нужен тем, кто стоит перед дилеммой:

женитьба-замужество с человеком, не вызывающим сильной и шшой страсти, физического влечения, или — холостяцкое житье? Кстати, таких случаев, когда люди соединяют судьбы, чтобы не остаться одинокими, не так уж и мало. Участников этой акции, по-моему, никак нельзя винить. Они не ищут удовлетворения материальных потребностей; они любят семейную жизнь, любят детей, наконец, ' уважают будущую «половину», испытывают дружеское расположение и питают надежду полюбить ее сердечно. Л мы поняли: общность стремлений, интересов, потребностей нередко крепче любовного влечения привязывает людей друг к другу.

«Чистоганный» расчет в браке имеет и свои «преимущества». Отношения супругов хотя и безрадостны, зато строятся проще, нежели те, что основываются на хрупких эмоциях. Все более или менее легко контролируется и прогнозируется: сальдо-бульдо, *ч.нин*- минус, требуется лишь знать арифметику и рыночную конъюнктуру, что почем, и следить, чтобы не объегорил тебя твой партнер. А если просчитаешься, получишь фальшивые ценности и дутые капиталы. Разочарование будет только в одном плане —

I материальном.

Куда сложнее вычислить и предугадать все повороты, взлеты и падения в характере партнера, изменения в его душе, внешности, уме тех свойств и качеств, что привлекли к нему внимание. Например, молодой человек женился на самой очаровательной из однокурсниц, ценя в ней прежде всего красоту, изящество, элегантность. Но беременность и роды изменили милые черты, нанесли сметный урон конфигурации супругов. Да и следить за туалетом, прической у нее времени не остается. И вот уже супруг разломан: это не та женщина, которая может составить его счастье. И он удаляется, не связанный никакими заботами: жена — человек самостоятельный, материально независимый. Не пропадет! И ребенку, как и положено по закону, он будет отчислять определенную сумму из своего заработка. И не всегда осознает: материальная обеспеченность не возмещает женщине и ребенку того морального урона, который наносит «разочарованный» муж и отец.

Или другая ситуация. Девушка увлеклась юношей: его эрудицией, широтой и современностью взглядов, манерой поведения. Вдруг обнаруживается: все — наносное. И эрудиция — всего лишь цепкая память, умение ввернуть эффектное словцо, а слова и мысли — чужие, заемные. И стиль поведения — не собственное достояние, а подражание модным образцам. Юная супруга не желает тратить время и силы на совершенствование мужа. «Стань таким, как я хочу» — и немедленно, в противном случае она может отправиться на поиски другого претендента, более соответствующего ее идеалу.

Предоставив женщине экономическую самостоятельность, общество возложило на плечи обоих супругов ответственность

за судьбу создаваемой семьи. Однако, как мы видим, не всегда молодые супруги в полной мере осознают это обстоятельство. Многие полагают, что материальная самостоятельность женщин дает мужьям право быть «легкими на подъем» при расторжении брака. Да и женщины порой не отстают от них, бросаясь на поиски нового идеала.

Человечество уже осознало грустную истину: нет однозначного и однолинейного прогресса. Порой за преимущества в одной области приходится платить потерями в чем-то другом. Бескорыстие молодых, бывает, приводит к тому, что супруги не могут разумно и толково вести свое маленькое, но сложное домашнее хозяйство, и семейный корабль дает течь именно по этой причине. (И об этой проблеме подробнее мы поговорим позже.)

Немалые сложности для молодой семьи создает различие в профессиональных занятиях и интересах супругов. Напомню: около 80% населения России до революции жили в деревнях и занимались сельским хозяйством. В этих семьях всех членов объединяло одно общее дело: бабушки, дедушки, мужья и жены, дети, внуки в совместном труде и поте добывали хлеб свой насущный. И трудовые заботы были всем понятны, переживаемы одинаково. Сейчас нередко супруги даже приблизительно не знают, чем на службе занята «половина». Дети тоже озабочены чем-то своим, часто родителям неясным, а при более высоком уровне образования юного поколения — вовсе недоступным.

Понятными и потому интересными в таком случае остаются одни лишь перемещения по служебной лестнице, изменения в зарплате (у детей — переход в следующий класс, на следующий курс и отметки). Согласитесь, что круг общения в такой семье сужается. От этого нередко супруги больше стремятся встречаться с сослуживцами, бывают с ними более разговорчивыми, чем дома. Для домашнего собеседования остаются темы лишь бытового плана: что купить, сготовить, куда пойти в выходной. Некоторые супруги начинают оглядываться на избранника: уж не унылый ли он обыватель, кого в жене только и интересует, что она готовит да как убирает? А мужа, в свою очередь, волнует отчужденность, непонимание женой деловых устремлений и поисков, что заполняют его мысли и сердце. Непонимание здесь — естественно. Преодолеть его можно, включив супруга или супругу для начала в отношения с друзьями-товарищами. Потом постепенно расширять круг взаимных интересов.

— Ну а если занятия мужа или жены вовсе не интересны «половине»? Что делать — расходиться?

Видимо, сгладить острые углы можно общим семейным увлечением, расширив круг своих занятий. Ведь один из парадоксов современной семьи состоит в следующем: чем более замкнуто на самом себе это маленькое сообщество, тем оно более подвержено разрушительным воздействиям стороннего влияния, от которого очень сложно укрыться.

По убеждению советских и чешских социологов, чем больше семья открывает себя для широкого общения, вбирает в себя чужие заботы и отзывается на «планетарные» события, тем больше в ней взаимопонимания между представителями разных поколений, разных профессий, какими предстают теперь ее члены. Прислушайтесь, присмотритесь к самым дружным, доброжелательным семьям: как правило, это **социально активные люди**.

И с передачей семейных традиций, которые прежде служили соединительной тканью между поколениями родственников, нынче неосложнилось. Они порой не успевают образоваться, как их уже нужно менять. Вчерашние вкусы, привычки, обычаи меняются с крейсерской скоростью. И не только в бытовых мелочах, но и в вопросах весьма существенных. Наша жизнь — это постоянные перемены: территориальные, экономические, социальные, профессиональные. Они серьезно влияют на образ жизни, привычки, самочувствие членов маленького коллектива.

Известно ведь — для выработки определенных устоев необходима повторяемость действий и ситуаций. Оттого-то семья тяготеет к определенной инерции: для нее переехать — все равно что погореть. А сколько раз наша семья теперь переезжает с места на место? Мы превращаемся в кочующее племя: учиться дети после школы или даже после восьмого класса часто едут в далекий от родного дома город. Став специалистами, отправляются по назначению в новые дали. Оттуда уже с собственной семьей перемещаются по стране, пока не осядут насовсем. А те, кто живут безвыездно в одном городе, не раз сменяют квартиру или работу.

Вместе с этими перемещениями меняется окружение: соседи, сослуживцы, друзья и знакомые. Меняется материальное и должностное положение супругов. Перемены эти зачастую переживаются нелегко. И ведь случается порой, что супруги вынесут, выдержат все тяготы, неудачи и болезни трудных лет, а вот благополучие ослабит их душевные связи. Научившись вместе тянуть, герпеть, преодолевать, они не умеют вместе везти облегченную поклажу. Начинают по поводу незначительных мелочей надирать сердце так, словно это важные заботы. Физиологи даже нашли определение такому состоянию, когда облегчаются нагрузки, а человек вдруг начинает хандрить, даже заболевает, — «синдром достижения». В войну многие люди забывали о своих недугах, о бытовых неурядицах, и хватало сил выдюжить. А кончилась война, и те же стойки из-за какой-то малости срывали себе нервы. Да и вы нередко видите, как случаются ссоры из-за ерунды, а не из-за жизненно важных причин. И сами порой спорите со взрослыми о том, какие брюки или юбки носить, с такой страстью, словно от этого ваша судьба зависит.

Прежняя семья тяготела к неизменности быта, к традиционности отношений и привычек, современная семья скорей жаждет

изменений, чем боится их. Но изменения ей не даром даются, поэтому не всегда нужно спешить с ними.

По основным, принципиальным вопросам семья должна иметь твердые, можно сказать, незыблемые установки. Мне доводилось сталкиваться с семьями, в которых «что книга (мода) последняя скажет, то и на сердце ляжет». Без устойчивых традиций, как и без домашних привычек, дом — не дом. Воспитание в нем практически невозможно: что сегодня хвалят — завтра хают. Именно здесь вырастают люди, чье главное стремление — успеть угнаться за модой, не вникая в содержание, в характер новшества: хорошо оно или дурно, полезно или вредно, красиво или уродливо. Даже святая святых — человеческие, родительские, супружеские отношения — они «сверяют» только с этими требованиями. Наверное, и многие из вас знают таких добровольных рабов моды. Они готовы предать честь и верность, если эти достоинства не в почете у законодателей мод. Мудрейшие из древних серьезно предостерегали от погони за всякой новизной. Менять нужно плохие обычаи, а добрые традиции — бережно хранить и развивать. С грузом ошибок прошлого нам нужно расставаться без сожаления и поспорее. Многие из них мы уже называли. К ним нужно присовокупить и... инерцию, тяготение к привычным, хотя и изжившим себя взглядам, устоям. То есть те свойства, которые мы обозначили как основу стабильной семьи. Но ничего не поделаешь: в жизни вообще, в семейной в частности, достоинства становятся продолжением недостатков, и наоборот. Закостеневшей в привычках семье очень трудно принять любое новшество. Отношения ее с молодежью, с соседями частенько бывают конфликтными. Луж новому члену этого клана, бывает, никто не завидует, хотя семья славится крепостью, надежностью.

— Какие, оказывается, трудности нас ждут впереди, в семейной жизни! — воскликнула одна старшеклассница. — А мы бы и не догадывались, глядя на своих родителей.

Но ведь куда вы ни двинетесь, вы обнаружите, что строить жизнь по законам свободы, справедливости, чести, добра и любви в тысячу раз лучше, радостней, но и во столько же раз сложнее, чем по законам неправды, принуждения, корысти. Нравственная и разумная жизнь предъявляет к человеку более высокие требования, ждет от него более осознанного, ответственного отношения к своей миссии, большей культуры поведения. Всему этому нам и предстоит упорно учиться. Для того и ведутся с вами бесконечные разговоры: дома, на страницах газет и журналов, книг. Для того государство расходует на просвещение все больше средств. И тоже, как мы уже знаем, с определенной целью. В нашем Основном Законе, Конституции, прямо заявлено: государство заинтересовано в укреплении семьи — ячейки общества.

«Общество — это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул», — считали основоположники марк-

ц 1ма. (Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — С. 76.) Вы уже достаточно образованны для того, чтобы понять, что означает в человеческом организме клетка, молекула. Здоровье «ни клеточном уровне» обеспечивает устойчивость всей системы; болезнь клетки, ячейки жизни, может оказаться губительной. Обще-ственное развитие, социальный прогресс во многом зависят от Процессов, происходящих за закрытыми дверями частных квартир. Ли и как может быть иначе, если здесь создается самая важная ни свете «продукция» — сам человек, творец и потребитель всех Материальных и духовных ценностей, которыми сильно и богато общество.

О конституционных основах отношений государства и семьи, юридических нормах нашего общежития мы с вами тоже поговорим особо.

В завершение этой нашей беседы хочу предложить такое домашнее задание: попытайтесь выявить взаимосвязь вашей семьи с обществом. Естественно, что прежде всего откроется экономическая, материальная сторона отношений. Тут и зарплата родителей, пенсии, стипендии, квартира, ваше питание. Тут и ваше образование, отдых, здоровье, достояния культуры, к которым вы получили доступ.

Связь обратная: что ваша семья дает обществу? Заслуги родителей на работе, фамильные достижения в военные и мирные годы. Можно оглянуться и на собственный вклад в общее благосостояние: ваши усилия если не в создании материальных ценностей, то хотя бы в сохранении, в рачительном расходовании того, что дает наша общая большая семья — Родина. Один на один с собственной совестью вспомните изорванные книги, изломанные стулья, испорченные пособия. Подумайте, что плохая учеба — это тоже разбазаривание общенародных средств, которые мы расходует на создание и содержание школ. И напротив, добросовестные занятия — это уже ваш труд, который «вливается в труд моей республики».

Ваша помощь по дому — это благо не только вашим родителям, облегчение их забот. Это еще и ваш вклад в государственное дело. Известно ведь, что от плохого настроения у работника производительность труда падает на 15—20%. Это значит, что если из-за вас у матери или отца на душе печаль и досада, то они и работают хуже. И наоборот, когда они видят в вас добрых себе помощников, то и работа у них веселее спорится.

Никем еще не оценена достойно степень вашего влияния на фундамент родителей в том случае, когда вы искренне интересуетесь их делами, проявляете уважение к их заслугам. И напротив, стоит справедливо оценить, как отбивают охоту к работе ваши критические высказывания, ваша беспечная ирония. Когда газетные публикации, телефильмы рассказывают нам о достижениях

именитых людей, основоположников профессиональных династий, вполне можно считать, что значительная доля славы здесь принадлежит детям, которые изъявили готовность принять эстафету из рук старшего поколения.

А более всего важно и нужно видеть поддержку и уважение своих детей обыкновенным, простым людям, ни чем не выделяющимся, занятым «непрестижным» трудом. Вспоминается встреча с вашим сверстником из Челябинска, Юрой П-вым. Умный, начитанный, открытый парнишка почему-то не находил себе друзей в классе, а потом — в техникуме. Об этом и написал в газету. Встретившись с ним, побывав у него дома и в техникуме, я убедилась в несправедливости, с какой относятся одноклассники к этому замечательному парню.

Юра — выходец из многодетной и малоимущей семьи. Отец у него — истопник, мать — уборщица. А люди они сердечные, с развитым чувством собственного достоинства и независимости, которые присущи труженикам, честно добывающим нелегкий хлеб свой, но при этом не знающим зависти к чужому достатку. Эти свойства они привили и детям. И по закону обратной связи ребята чтят родителей, помогают им во всем, тем самым придавая старшим устойчивость, право высоко держать голову, не поддаваясь душевной смуте.

Вот эти свойства — независимость сына уборщицы, его способность не замечать и не ценить чужое благополучие, способность носить вещи старшего брата так, словно это суперлюкс — возбуждал раздражение у той части сверстников, что привыкли все мерить материальным положением и должностями родителей. Таких оказалось в группе немало и они были лидерами. Они бы приняли Юру в свою компанию, он им был любопытен и интересен, но в том случае, если бы «знал свое место», был на побегушках. Ничего подобного Юра допустить не мог. Оттого и оказался в изоляции. Ведь его отвергли и те ребята, что были в одинаковом с ним имущественном и социальном состоянии, но готовы были «услужить». Они стыдились родителей, порой выдумывая им громкие биографии и высокие должности, часто не сознавая, что тем самым совершают первое и тяжкое предательство.

(В разделе, посвященном семейной экономике, мы с вами выясним природу этого застарелого явления — разделения людей по внешне-вещному признаку.)

По существу оценки близких людей — самые важные для человека любого ранга, любой профессии. В одной из последних пьес В. С. Розова «Гнездо глухаря» взаимное влечение сводит девятиклассников, происходящих из двух семей-антиподов. У юноши отец — крупный руководитель, имеющий возможность влиять на судьбы множества людей. Мама — добрая и верная жена, хозяйка благополучного дома. У девушки отец в тюрьме, сидит за драку, в которую ввязался из благих побуждений. Мать —

продавщица в овощном ларьке. После ареста мужа пьет горькую.

При проверке жизнью оказывается, что отец юноши — Глухарь на току. Он мало что понимает и в сотрудиках, и в делах домочадцев. Не способен ни посочувствовать им, ни защитить их в (рудную минуту. Он терпит полный душевный крах, который хуже гюрсмного заключения, поскольку осуждают его самые близкие и любимые люди, в том числе обычно безответная жена. Его черст-восты стыдится сын.

И, напротив, обнаруживается, что девушка не только не стыни геи осужденного отца — жалеет его, потому что он своего рода «невольник чести», вступился за кого-то. Жалеет она и любит опустившуюся мать. И тем самым дочка обоим родителям не дает пасть духом, сохраняет их надежду на лучшие дни, на выздоровление семьи.

Моральное здоровье семьи — наше общее поле деятельности в борьбе за обновление и очищение всего общества. И тут ваша роль огромная, ответственная. Не дожидаясь аттестатов зрелости, уже сегодня вы можете торжествовать добру.

Стоит взвесить и отношение ваше к собственному здоровью и к родительскому тоже. Вам ведь хорошо известно, что оно является важнейшей общественной ценностью! В прямом и переносном смысле слова. Надо ли долго объяснять, что здоровый и большой — два разных работника, человека. Кроме того, гигантские средства из общего нашего кармана расходуются на содержание поликлиник, больниц, санаториев и т. п. Расходование денег на оздоровление людей, пострадавших из-за несчастного случая, из-за несовершенства производственных условий, из-за врожденных недугов, — естественная необходимость, тут ни жалеть, ни скупиться нельзя. Но как бывает досадно видеть, что общественное достояние тратится на исправление наших собственных погрешностей, небрежностей в отношении своего организма, на излечение пороков, рожденных ленью, безволием, бездумным следованием глупой моде, духовной глухотой.

Попробуйте вспомнить, сколько уроков по болезням вы пропустили из-за легкомысленного пренебрежения к советам взрослых: закаляться, заниматься физкультурой, спортом. А сколько раз у мамы (папы или бабушки с дедушкой) подсказывало кровяное давление, обострялись разные хронические болезни из-за ваших грубостей, шалостей, невнимания к ним, дерзости с учителями (кстати, и здоровье учителей во многом ваша забота).

Мы с вами обсуждали поведение любителей испытывать свою смелость в разного рода рискованных приключениях, стычках, драках. Если они не переступили границ дозволенного, то последствиями обычно занимаются воспитатели, родители. Но ведь для вас не секрет, что иные не удерживаются в этих рамках. И тогда их исправление берут на себя службы охраны общественного порядка-

ка. Надо признать, что нередко родители преступают закон, тоже подталкиваемые своими ненасытными чадами. Иное дитя знать не хочет, где и как будет добывать любящая мать или отец деньги на покупку модной и дорогостоящей игрушки вроде магнитофона, мопеда. «Дай, дай!» — одно слово знает такое дитя. И вины не чувствует, когда узнает, что родители отвечают по суду за недостойные способы обогащения.

Преступники любой масти и масштаба очень дорого стоят обществу и в экономическом отношении, и в духовном. Огромное число людей, которые могли бы производить духовные и материальные ценности, отвлекаются от этой деятельности и расходуют свою энергию, творческие потенции на очищение нашего быта от грязи, нами же и насаждаемой. А сами виновные, вместо того чтобы приносить благо себе и обществу, проводят в заключении долгие, бесплодные, отчаянные годы.

Задумайтесь, к чему ведут взрослых ваши требования: к добру и чести или к бесчестию?

Многим из вас не мешает подобное напоминание. Не мешает беспристрастно оглянуться и на то, как мы используем возможности, которые предоставляет нам общество для развития собственных способностей. Задайте себе несколько вопросов: часто ли вы бываете в библиотеках, в музеях, в театрах, на стадионах, если они имеются в вашей местности? И зачем вы туда приходите: «убить время» (т. е. «убить» усилия тех, кто создает культурные и материальные ценности) или для того, чтобы действительно открыть в себе — для себя и для других — дремлющие силы? Ведь подлинная культура определяется не числом прочитанных книг, просмотренных фильмов и спектаклей, но умением приобретенные знания превратить в культурное поведение.

Вот видите: снова возникла в нашем разговоре необходимость обратить ваши глаза к собственным поступкам, к недостаткам и слабостям. Но совсем не для того задаются здесь эти задачи, чтобы вас задеть. Вы еще не волшебники, вы только учитесь, в том числе и этой сложной науке — быть добросовестными гражданами. А как выучиться, если не оценивать свое место и участие в общих трудах и заботах? «Береги честь смолоду» — это точно сказано. Видимо, ваше время пришло думать о своей чести перед лицом своих близких и далеких сограждан.

3

РОВЕСНИКИ, РОВЕСНИЦЫ...

КОГДА ЭТО НАЧИНАЕТСЯ

Мы уже упоминали, что необычной науке любить начинают обучаться с первых дней своей жизни. Видели вы, как в ответ на улыбку взрослого растягивается в улыбке беззубый ротик грудного младенца?

— Смотрите, он мне улыбается, он меня узнает, радуется мне,— ликует счастливая мама. А дитя сначала лишь отражает счастливое мамино выражение, с трудом управляя непослушными мышцами лица. В него природой заложен инстинкт подражания взрослым без разбора и различия: улыбку он копирует или хмурость. Недаром замечено: чаще всего веселыми, улыбчивыми растут малыши в той семье, где им рады, где они желанны и любимы, и, напротив, грустно-испуган взгляд ребенка, который для родителей неожиданный, да и не очень желанный «сюрприз». Отношение родственников к младенцу и есть первая ступень в долгой школе воспитания чувств. И на этом этапе проявляется 1 зависимость успехов в учении от природных потребностей и спо-собностей ребенка и от того, какое развитие эти способности получают в процессе общения ребенка со взрослыми и тех друг с другом.

Исследования последних лет доказали: потребность ребенка в любви и ласке — едва ли не сильнейшая из всех, заложенных в пас изначально. Ученые провели такой эксперимент: к малышам были приставлены две воспитательницы, одна их кормила, обихаживала, но не ласкала, другая — агукалась, играла, ласкала, но не кормила. Представьте: младенцы тянулись не к той, что удовлетворяла их телесный голод и создавала им физический комфорт, но к той, что давала им радость сердечного общения. Как объяснить такое явление? Ученые сделали вывод: эмоциональная пища «вкусней» манной каши. Может, и так. А может, в самой нашей природной программе закодировано знание: тот, кто любит,¹ ласкает, тот при необходимости и накормит, согреет, сохранит, а кто только утоляет физический голод, но не отдает нам свое сердце, тот в любой момент может перестать кормить нас.

Как видите, вопрос этот еще требует осмысления. Но зато сам жеперимент и его результат проливают новый свет на давно подмеченное стремление детей привлечь к себе внимание, завое-иать сердца новых знакомых при всей своей пугливости и смущении перед посторонними.

В младенческом возрасте желание это — полюбиться — не имеет определенной половой направленности. Хотя уже у трехлетнего малыша появляются первые признаки интереса к существам иного пола. Это вам известно из занятий по половой гигиене. Представление о «бесполости.» ребенка, довольно долго бытовавшее в педагогической, художественной и даже медицинской литературе, нынче решительно опровергнуто. Девочку и мальчика можно различить не только по внешним признакам, по и по поведению, которое в определенном смысле можно назвать половым.

Сразу оговоримся, что не будем смешивать «пол» и «секс». Хотя слово «секс» в переводе с латинского и означает «пол», однако в нашем употреблении они не идентичны, не тождественны. Говоря: женский пол или мужской, мы имеем в виду не только физиологические различия мужчины и женщины, но и всю сложную совокупность природных свойств, отраженных и во внешности, и во внутренней сути, в особенностях реакций на различные явления жизни, в специфике психических и нервных процессов, в отношении к учебе и профессиональной деятельности, что позволяет нам говорить об очевидной «мужественности» и «женственности» характеров.

Выдающийся русский писатель и врач В. В. Вересаев называл мужчину и женщину двумя галактиками, между которыми существует высочайшее поле напряженности, притяжения, магнетизма. *Это два разных мира. Мужчины и женщины — иные друг для друга, тем постоянно интересны и притягательны.* Бесполое общение и поведение — свойство самого раннего младенчества. Во все иные периоды очевидны различия в мужском и женском восприятии мира, даже если «мужчина» и «женщина» едва над столом возвышаются.

Итак, приобщение к науке любить начинается с младых ногтей. Сказки! О чем нам рассказывают истории Золушки и Принца, Василисы Премудрой и Ивана-царевича, Царевны-лягушки? Да, конечно же о любви, о том, где и как искать человеку свою судьбу, по каким признакам выбирать достойную пару. Смотри, дитя, поучают сказки, ищи себе друга-подругу не по внешности, не по платью-убору, а по сердечной красоте, по уму, по самоотверженности, умелости и трудолюбию. Слушая¹ сказки, смотря фильмы, ребенок впитывает определенные представления о человеческих ценностях, узнает и самое важное в системе отношений: *кого и за что можно любить.*

«Сказки ложь, да в них — намек, добрым молодцам урок». Но почему-то очень часто не извлекаем мы урока из «намёков».

Глаза детей, как и старших, обычно ищут в толпе сверстников отнюдь не скромную Золушку, но Принцессу, пусть преображенную чувством, фантазией, но непременно чем-то замечательную, неординарную, красивую. В золе и саже, в рубище и насаде трудов редко кто ищет свою Избранницу. То же происходит и с Избранником: он должен быть выдающимся, самым-самым, чтобы быть замеченным среди других юношей.

Вам хорошо известно дружное увлечение ваших сверстников одной какой-то девочкой или мальчиком — героем девчоночьих мечтаний. Начинается это с первых школьных дней

и продолжается до последнего звонка. Возникают своего рода классные «бокки», быть влюбленными в которых считается чуть не всеобщей обязанностью. Перед ними стараются блеснуть своими способностями, эрудицией, силой, острословием, бесшабашностью, дерзостью, а иные даже — хамством (кто чем может). Тут срабатывает искусство обаяния, увлечения, никем не преподаваемое, но почему-то всем хорошо известное.

Одновременно у ребят могут возникать сложные отношения с другими одноклассниками и одноклассницами. Очень часто подросток, поклоняясь общему кумиру, охотно проводит время с другой девочкой, относится к ней как к другу, «своему парню», испытывает безотчетную симпатию к третьей, подвергается атаке со стороны четвертой, которой он нравится сам и чье внимание ему льстит (а то и досаждают), делит свои внеклассные заботы и хобби с пятой, уже не с одноклассницей, а с подружкой по кружку, клубу, дворовой компании. Подобный набор связей и отношений может сложиться и у любой девочки.

Эти контакты требуют от растущего человека немалых душевных трат, перестройки в соответствии с характером складывающихся и развивающихся отношений. Юный человек то и дело оборачивается к сверстникам новой стороной, порой ведет себя настолько необычно, что сам себя не узнает или с удивлением и страхом открывает свою «двуличность», а то и многоликость. С Принцессой заискивает, робеет, даже унижается; со «своим парнем» — как с равным, иной раз забывая, что перед ним девочка; импульсивно прихорашивается перед той, что симпатична, и, бывает, откровенно хамит той, что симпатизирует ему.

Каждое более или менее длительное и заинтересованное общение мальчика с девочкой и девочки с мальчиком — уже полезная школа чувств. Мы не можем воспитать свои чувства, развить свой

ум и сердце без этих связей и отношений. Мы не сумеем постичь не только других людей, но и самих себя без этих уроков, которые преподают нам наши друзья и подружки. Тут самое время обратиться к дружбе между школьниками. Она ведь тоже формирует наш характер, наши чувства, она — генеральная репетиция любви.

«Я не знаю, почему дают какой-то монополю воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой дружбы. Первая любовь потому так благоуханна, что она забывает различие полов, что она — страстная дружба. Со свай стороны дружба между юношами имеет всю горячность любви и весь ее характер: та же застенчивая боязнь касаться словами своих чувств, то же недоверие к себе, безусловная преданность, та же мучительная точка разлуки и то же ревнивое желание исключительности», — писал А. И. Герцен.

«Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Обратите внимание: не про родителей спрашивают, не про возлюбленную. Про друга. Полная свобода волеизъявления при взаимном избрании, при установлении статуса отношений, при расторжении союза. И никаких специальных законов, норм и правил, судов и контроля. Все на добровольно-договорных началах. Такой стиль все больше начинает утверждаться в отношениях между детьми и родителями, между мужьями и женами. Не случайно мы определили семью как кровное содружество. Но до полного торжества этого принципа еще далеко.

Повторим: уроки школьной дружбы — замечательное испытание юной души на искренность, честность, верность, самоотверженность, терпимость, т. е. на самые важные для хорошего человека и семьянина свойства. Поэтому-то дальновидные взрослые так внимательно приглядываются к зарождающейся привязанности между подростками. А родители — и ревниво. Ведь мы уже заметили: в этом возрасте, как бы ни было тепло в родном гнезде, оперившийся птенец делает попытки покинуть его, пусть недалеко он улетает и ненадолго. Ему интересней совершать самостоятельные кружения с приятелем, в ком он нашел родственную душу. Не секрет и то, что на определенном этапе жизни нередко влияние такого друга оказывается сильнее воздействия родственников. Отсюда и приведенная выше поговорка.

Трудно себе вообразить человека, который не стремился бы обрести искреннего, идеального друга. Образ этого друга на удивление однотипен при всей несхожести жаждущих дружбы. Он, конечно, чуткий, честный, все понимающий с полуслова, безоглядный в помощи, щедрый в удаче, тот, кому все доверишь и на кого можно во всем положиться.

«Основа дружбы заключается в полном согласии воли, вкусов и мнений» (Ц и ц е р о н).

Однако редко кому выпадает удача найти такого единомышленника сразу, готовым, без, что называется, примерки, без

проб и ошибок, без того, чтобы себя или друга переменить, прежде чем выработаются общие стремления, желания, интересы. Потому справедливей было бы говорить не о том, что друга *находят*, а о том, что друга *создают* «по образу и подобию своему».

Может быть, отмечаемая исследователями нерасторжимая дружба однойцевых близнецов основывается именно на врожденном абсолютном сходстве их натур. Обыкновенные братья и сестры имеют нередко очень разные характеры и установки. Отсюда — споры, ссоры, ревность и соперничество, которых лишены в подавляющем большинстве близнецы.

Идеальная дружба и рисуется как отношения безупречные. Все вместе, все поровну. Но идеал на то и идеал, что к нему стремятся многие, а достигают единицы из самых упорных. В обыденной жизни приходится довольствоваться отношениями, далекими от абсолюта и совершенства. И дружба — не исключение. Она, впрочем, как и любовь, нередко основывается не только на общности натур, но и на их противоположности, на том, что люди дополняют друг друга, а не уподобляются один другому. И на этом основании строятся прочные и длительные душевные связи.

Вот известный пример из биографии великих людей. Дружба Пушкина с Пустиным основывалась скорее на дополнении разных воль, вкусов, мнений, характеров. Пустин любил и восхищался живостью нрава, искристым талантом своего соседа по лицейскому дортюару. Пушкина привлекала в его друге особая нравственная красота и рыцарское благородство, твердость правил.

Прочитайте аттестацию, которую дает Ивану Пустину наблюдательный наставник-иезуит Мартын Пилецкий-Урбанович: «С весьма хорошими дарованиями, *всегда прилежен и ведет себя благоразумно*. Благородство, воспитанность, добродушие, скромность, чувствительность, с мужеством и тонким честолюбием, *особенно же рассудительность* — суть отличные его свойства. *В обращении приятен, вежлив и искренен, но с приличною разборчивостью и осторожностью*». (Курсив наш.— Т. А.)

Скажите, можно ли угадать в этом психологическом портрете сходство с самым дорогим для Пустины человеком — А. С. Пушкиным? Ничего общего:

...волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой...

А объединили их: «дум высокое стремленье», мечты о «вольности святой».

Характер дружбы определяется, естественно, характером личностей, соединенных этим чувством. В значительной мере — направленностью их жизненных стремлений, идеалов. Классические примеры убеждают: не бывает высокой, светлой, преданной дружбы у людей никчемных, с мелкими и темными жизненными

установками. В нашей литературе, кинофильмах часто воспевается фронтовая дружба. Она возникала порой внезапно, во время одного сражения, выполнения одного задания, потому что в условиях предельного напряжения, риска человек проявлялся сразу и до дна. Это с той поры в наш обиход вошли слова, которые мы произносим, когда хотим сказать, что доверяем кому-то безоглядно и полностью: «С ним можно идти в разведку».

Вот уже десятки лет фронтовые товарищи поддерживают сердечные связи, живя иной раз за тысячи километров друг от друга. И встречи их — «праздник со слезами на глазах». Праздник и поучение для молодых людей, кто никогда не попадал в экстремальные обстоятельства, кто не переживал ежедневного хождения на грани между жизнью и смертью. Юношество воочию убеждается: нет святее уз товарищества, основанного на святой цели — защите Отечества, чести и свободы рода человеческого. Исторический опыт позволяет поспорить с утверждениями вроде такого: «В счастье легко найти друга, в несчастье же — в высшей степени трудно» (Демокрит).

На всю жизнь сохраняли сердечную тягу друг к другу и те, кто вместе голодал и холодал, возводя первогиганты нашей индустрии. И нынешние молодые строители КамАЗа, БАМа, хотя и не знают тягот и нужды, что пришлось вынести их предшественникам, приобретают верных соратников, с кем действительно без оглядки пойдут и в разведку, и на полюс, и на край света. И опять же потому, что соединила их, испытала на прочность общая высокая и благородная цель.

«Люди обычно называют дружбой совместное времяпрепровождение, взаимную помощь в делах, обмен услугами — одним словом, такие отношения, где себялюбие надеется что-нибудь выгадать» (Ф. Ларошфуко).

Очень строгое суждение высказано о вещах, которые мы воспринимаем как вполне привычные и даже достойные, не правда ли. Что дурного в том, что один из друзей оказывает услугу, а другой ее принимает, будучи полезным в иной сфере и в иное время? А взаимопомощь — разве она не обязательна и в дружбе, и в любви? И не на ней ли держится равенство, равноправие и прочие благородные явления нашего общежития? А совместное времяпрепровождение — разве не естественно стремление друзей быть как можно больше вместе?

Подобные высказывания выдающихся умов человечества, а вы их найдете в книгах немало, нередко вызывают смутение в юных душах, сомнение в собственной способности к дружбе высокой, чистой, бескорыстной и сомнение в характере привязанности собственных друзей и приятелей, если они вдруг обращаются к вам с просьбами о помощи, охотно принимают наши услуги.

Как вырваться из этого противоречия? Наверное, один из возможных способов — уяснить для себя внутренние мотивы

тесных дружеских отношений. Коли цель близости — духовная общность, бескорыстные стремления, ничто не унижит и не исказит отношений: ни услуги, ни взаимопомощь. Напротив, они сделают душевные порывы реальностью, не словами, а делом, пусть на первых порах малозначительным. Но коли услуги, поддержка есть цель, то, конечно, это не служба, а деловые отношения. Хотя со временем, кто знает, могут и своекорыстные отношения превратиться в искреннее содружество. Такое превращение никак нельзя исключать. Ведь наши отношения, как мы уже заметили, не есть что-то застывшее, раз навсегда данное. Меняются люди, меняются и их взаимосвязи. Оттого нет надобности спешить с суровым приговором несовершенству отношений, которые складываются в детстве и отрочестве. Вы ведь и выбору друзей и самой дружбе выучитесь в процессе дружеского общения. А оно может иметь разные проявления: тут может быть и дружба-служба, и дружба-соперничество, и дружба-компанейство, и дружба-испо-ведальность. Тогда каждая из потребностей находит удовлетворение в разных, а не в одном человеке.

Дружба-служба. Едва ли не самый распространенный вид общения между подростками, резко отличающимися физической силой и силой характера, способностями, уровнем культуры. В каждом классе, наверное, найдется подобный симбиоз: один из приятелей — защита и опора более слабому, а тот — верный паж своего покровителя. Способный, авторитетный, яркий вожак охотно делится своей славой, своим умением с менее даровитым, скорее позволяя с собой дружить, нежели открывая сердце для подлинного содружества. Здесь друг — скорее фон для выдающейся личности. Однако настолько необходимый, что расстаться с ним невозможно. «Король» без свиты, как известно, — не король. И в конце концов, бывает, не разобраться: кто кому в большей мере надобен.

Основой для подобного сообщества всегда служат преимущества одного (иной раз превосходство даже материального порядка: обладание, к примеру, модными вещами, музыкальной аппаратурой, «дисками» и прочими заманчивыми для данного возраста «игрушками») и неудовлетворенные желания другого. У взрослых тоже встречается подобная дружба.

Есть и такая особенность вашего возраста: увлечение всем энергичным, ярким, громким, эффектным. «Тихие» достоинства — доброта, сердечность, совестливость, скромность мало ценятся, скорее даже кажутся признаками слабости. Отсюда безжалостные насмешки над застенчивыми «маменькиными сынками», снисходительное пренебрежение чувствительными скромницами. Их обычно зачисляют в «свиту».

Персонажи пьесы В. Розова «Традиционный сбор», бывшие одноклассники, встретившись через три десятка лет, не могли узнать и вспомнить некоторых своих товарищей и подружек не потому, что те неузнаваемо изменились, а потому, что так и не

узнали их за все годы совместной учебы. Они-то и были «фоном» для выдающихся личностей этого выпуска. Но именно одна такая вот «серая птичка», Лида, потом получила полновесную пятерку и честно, достойно прожитую трудную жизнь. Жизнь, пройденную без шатания по кривым дорожкам, не знающую измен, и том числе — самой себе.

Дружба-соперничество. Здесь сходятся натуры равносильные. Их постоянно тянет друг к другу, в особенности если круг увлечений и занятий у них с-хож. Им бы быть всегда рядом — повели бы за собой класс. Но их отношения неустойчивы: сейчас вместе затевают какое-то дело, вдруг — споры, игра самолюбий, жажда лидерства, безоговорочного подчинения разводят их в разные стороны. Тоскуют, досадуют... И все же совсем разойтись тоже ист сил. Разве что общее увлечение девочкой поставит точки над i. Л такое нередко случается у схожих натур.

Кстати, встретившись через годы, школьные друзья-соперники зачастую становятся подлинными товарищами: нет надобности «делить сферы влияния», они уже поделены временем и жизнью.

Дружба-компанейство. Калейдоскоп парней и девочек, объединенных внешкольным интересом. Здесь дружат не кто-то с кем-то, а скопом. Объединяет их увлечение театром, техникой, спортом, природой. Вне этих занятий — каждый сам по себе, но вот сошлись — на эстраде ли, в спортивном зале, на технической станции, в оранжерее или на собачьей площадке — нет ближе товарищей.

А есть еще один вид компаний, большинству из вас тоже хорошо известный. В них подбор идет по общему пристрастию к одинаковым вещам, удовольствиям, забавам, порой весьма опасным и сомнительной порядочности. Всей толпой на танцы, в парк, на улицу. Вместе не страшны нападки ребят из соперничающей группы, вместе легче устанавливать контроль над округой и навязывать одиночкам свою волю.

Как правило, такого рода компанейство чревато бедами. Наряду с чувством некоторой безопасности и уверенности в силе оно порождает и страх: отвечать придется не только за собственные промахи, но и за проступки тех, кого «заносит на поворотах».

В подобной групповой общности больше условностей, чем в отношениях двоих. Нередко маленькая община вырабатывает свой кодекс и бывает беспощадна к нарушителям этих правил. Войти в нее — непросто, а выйти — вовсе трудно. В некоторых случаях и небезопасно: «стая» не жалуется тех, кто от нее откалывается (эта ситуация воспроизведена в фильме «Чучело»).

Помните наш разговор о возрастной потребности испытать себя на смелость, на риск, опасность? Еще много веков назад было замечено, что никогда один подросток не вяжется в рискованное дело, что ему непременно нужны соумышленники, которые друг яруга словно бы подталкивают, накручивают, заводят собственное и сообщников лихое настроение. Общие грешки, сомнительные

дела и забавы тоже могут свести людей накрепко, хотя эти связи из самых уязвимых. Вырос человек из «грудного» возраста — и нет его в компании; нашел себе иных покровителей, не менее сильных, но более порядочных, переехал жить в другой район — и тут обычно связи рвутся, если, конечно, «игры» не зашли слишком далеко.

Об этих связях-дружбах взрослые, как правило, не любят вспоминать. Тут много стыдного, досадного, необъяснимого с высоты и устойчивости зрелого возраста. Похождения и проделки в такого рода «артели» даже от школьных друзей и подруг порой скрывают те, кто попадает в нее из любопытства, безволия, слепого подражания. Хотя у большинства из старшеклассников частенько бывает свое доверенное лицо, исповедник или исповедница, но даже им порой не известны все «подвиги» друзей.

Вот еще один вид дружбы. Никакими делами, увлечениями не связаны между собой люди — одной потребностью поговорить по душам с полной убежденностью, что будут правильно поняты, что останутся в сохранности доверенные тайны, которых к старшим классам накапливается предостаточно. Заметим: в исповедниках у подростков, как правило, оказываются люди старшего возраста, нередко — любимые учителя. Самые рискованные темы в таком случае — не запрет. И доверие огромное, и даже готовность слушаться, а не только слушать. Автору этих строк в недолгий, но счастливый срок работы в школе довелось заслужить особое доверие некоторых учениц. Пачки писем-исповедей до сей поры согревают сердце сквозящей в них страстной жаждой знать правду о жизни, о самих себе, своих сверстниках и близких.

Еще в те годы, да и потом мучил вопрос: отчего мы в детстве и последующие поколения ребят охотно доверяются сверстникам-приятелям, учителям, неизвестным работникам редакций, кому они пишут о том, что смущает душу, только не своим родным? Не знаю, примете ли вы такое суждение: ребят останавливает предположение, что у столь разумных, положительных, правильных людей, какими обычно предстают перед ними их собственные мамы и папы, ничего подобного в жизни произойти не могло. И они не поймут, не простят заблуждений и грехов незрелости. Да и сами взрослые порой создают такую преграду недосягаемости и строгости, что переступить ее — смелости надо набраться. Но давайте вспомним, что таимся мы от родных, когда надо скрыть незначительные проделки. Когда же крепко допечет, мы знаем твердо, где наша опора и защита. Вот что пишет известный исследователь психологии юношеской поры, доктор философских наук И. С. Кон: «При опросе группы крымских старшеклассников мальчики, отвечая на вопрос, с кем они предпочли бы проводить свободное время, поставили родителей на шестое, последнее, а девочки — на четвертое место: компания сверстников для них явно предпочтительнее. Зато отвечая на вопрос: «С кем бы ты стал

советоваться в сложной житейской ситуации?» — и те и другие поставили на первое место мать, на втором месте у мальчиков оказался отец, у девочек — друг (подруга). Иначе говоря, с товарищами приятно развлекаться, с друзьями — делиться переживаниями, но в трудную минуту лучше обратиться к маме».

Надо нам обратить внимание и на такую общую черту подросткового возраста: соединение в характерах, в поведении противоположных свойств, настроений, стремлений. Нет в жизни человека периода более противоречивого. Девочка-девушка и мальчик-юноша мучительно и болезненно рвут пути родственной, родительской опеки и одновременно охотно надевают на себя тяжкие кандалы правил и требований дружеской компании. В этом возрасте все хотят заявить себя взрослыми людьми и все делают для того, чтобы по внешнему виду, по платью и прическе, по манере поведения, по вкусам и пристрастиям резко отличаться от взрослых. Стремятся к непохожести, индивидуальности, жаждут выделиться из толпы сверстников и одновременно — слиться с ними, быть признанными, «своими» в приятельском кругу. «Подростки (да и юноши) — настоящие рабы «нормы». Они убеждены в том, что на все случаи жизни должны быть универсальные правила, и очень боятся в чем-то отстать от сверстников», — пишет И. С. Кон. Для вас, выходит, легче противостоять требованиям взрослых (в том числе учителей), нежели требованиям приятелей, а значит, нет особой смелости и заслуги говорить старшим «нет!». Сказать друзьям «нет!», когда их требования противоречат совести и правде, — вот истинная доблесть в эти годы. Л. Н. Толстой не случайно называл эту пору «пустыней отрочества»: путь без четких нравственных ориентиров, блуждание в потемках: Но, увы, и его дети не миновали этой пустыни.

«Тяжело переживала я свои отроческие годы. Много нелепого и мучительного вставало в неустоявшемся сознании. Поднялись вопросы, никогда не приходившие в голову ребенку, каким я была до сих пор. Вопрос жизни и смерти; отношение к религии, к Родине, к родителям...; вопрос денег, искусства, отношения полов — во всем приходилось разбираться. И разобраться самой, одной. Чужой опыт был мне не нужен.

В ранней молодости чувствуешь себя всемогущей и в своей гордой самонадеянности не хочешь ничьих советов и указаний, хочешь все решить самостоятельно». Вот признание дочери Л. Н. Толстого — Татьяны, которое подтверждается и свидетельствами ее братьев, Сергея и Ильи. А казалось бы, уж им ли испытывать трудности, им ли в гордом одиночестве разбираться со сложнейшими вопросами бытия, коли рядом — великий человечество, за советами к которому тянулись умнейшие люди всей страны. Так нет же, до всего хотели дойти сами. И как дети простых смертных, мучились духовной жаждой, живя в оазисе, пугались, миражи принимали за реальность, корили себя за отсутствие четких принципов, за импульсивность и случайность

реакций и поведения. Не устояли они и перед заразительным влиянием сверстников.

Татьяна Львовна вспоминала об отце: «Он говорит, что главная часть нашей жизни проходит в том, чтобы стараться быть похожей на Фифи Долгорукую, и что мы жертвуем самыми хорошими чувствами для какого-нибудь платья. Я ему сказала, что я со всем этим согласна и что я умом все понимаю, но что душа моя остается совсем равнодушной ко всему хорошему, а вместе с тем так и запрыгает, когда мне обещают новое платье или новую шляпу. Папа говорит: «Тогда носи платья, какие хочешь... но принцип, который ты поняла и имеешь в голове, все-таки сделает свое».

Конечно, старшие дети Л. Н. Толстого с меньшими потерями одолели «пустыню отрочества». Отец до наступления опасного возраста приучил их к постоянному самоисследованию, самооценке, к преодолению слабостей. Тут заслуга человека, который сам не забыл пережитого когда-то душевного напряжения и кризиса и, пытаясь, как и все родители, предостеречь детей от повторения собственных ошибок, находил в душе столько великодушия, что прощал их за непослушание, за то, что на своем опыте хотели они почувствовать все боли и радости этого труднейшего периода. Хотя старший из детей Толстого, Сергей, в своих воспоминаниях расскажет: его отцу тоже было тяжело примириться с тем фактом, что сын, безоглядно принимающий к исполнению рекомендации своих учителей по учебным предметам, не следует советам отца в вопросах человеческих отношений.

— Что дадут излагаемые здесь сведения о сложностях нашего характера в пору перехода от детства к отрочеству и юности? — спросите, наверное, вы.

Прежде всего понимание истоков конфликтности, напряженности в отношениях с родными: не мама и папа стали другими, хуже, как иной раз в этот период вам кажется, а вы сами меняетесь. Перемены эти болезненны для всей семьи, хотя и естественны, как рост зубов, например. А еще — знание, разумное, критическое отношение к собственным чувствам и поступкам не позволит незаслуженно ранить самых дорогих, тоже переживающих (и переживших) ваши страсти родителей. Когда и старшие и младшие будут знать не только то, что сейчас происходит с растущим человеком, но и во что обратятся потом нынешние поиски себя, можно будет избежать многих бед, за которые приходится иной раз платить неудавшейся судьбой. Может быть, наконец, смягчатся некоторые ошибки юности.

Здесь уместно привести слова А. С. Макаренко о том, какую роль играют отношения с друзьями и близкими в подготовке растущего человека к «взрослой» любви: «Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой неполной любви, тем благоприятнее будет и любовь половая».

Ног почему еще раз справедлива пословица о друге: «Скажи, апиіііі'і друг...» Ее можно соотнести с характеристикой личнос-НІ и н других ее ролях и проявлениях. Скажи мне, кто твой друг, какие свойства души тебя с ним связывают, какие интересы при ном удовлетворяются, какие у вас приняты правила и нормы ибнкчши, и я скажу, какой ты будешь семьянин. Будешь ли ты Помыкать, унижать любящее, преданное существо или ценить и УН м».in, его. Будешь ли ты прятаться за чужую спину от опасно! in или примешь удары судьбы на себя, защищая дорогого че-іОтКа, и т. д.

Вы, наверное, обратили внимание, что в нашем разговоре о дружбе мы почти не различаем характер отношений ваших сверстником по половому признаку. Дружат подростки — и все. А девочка с мальчиком или однополые личности — будто бы все равно. А на самом деле и мы, старшие, и вы, юные,— все отлично знают, что :t> не нее равно. Иначе не возникало бы столько споров по поводу: могут ли дружить по-настоящему ровесник и ровесница.

К девятому классу вы на эту тему уже прекратили дискус-І ии: это заботы шести-семиклассников. У вас все более или менее определилось. Но так ли уж окончательно вы это себе уяснили? И не возникает ли снова эта проблема, когда новые отношения потребуют четкой формулировки?

Мальчик с девочкой дружил,
Мальчик дружбой дорожил.

Многие из вас помнят стихи С. В. Михалкова, в которых рассказывается, как умерла чистая, честная и открытая дружба из-за плоских шуток, злых смешков и шепотков.

Как товарищ, как знакомый,
Как приятель, он не раз
Провожал ее до дома,
До калитки в поздний час.

В этой ситуации все узнаваемо, похоже на то, что доводилось переживать каждому. И все же не совсем точно. Ни товарища, ни приятеля, тем более знакомого никто не провожает «до калитки в поздний час». «Привет!» — и разошлись по домам. В характере двуполой дружбы присутствует элемент полового поведения: провожать своего друга девочка не станет ни при каких обстоятельствах, да и мальчик ей этого не позволит. Портфель поднести, влезть в драку и иные «подвиги» — совершает одна сторона, а другая с благодарностью их принимает, отвечая ласковым вниманием, сочувствием.

Что и спорить, между девочкой и мальчиком, как и между мужчиной и женщиной, могут быть самые разнообразные отношения — товарищеские, приятельские, соратников и коллег. И могут быть эти связи глубокими, деятельными, ответственными. Но с дружбой все сложнее. Она ведь все-таки страсть.

Видимо, двуполоя дружба в отрочестве и юности есть всего лишь стадия, переходный этап между товариществом, приятельскими отношениями и любовью. Именно хрупкость этого состояния, его неопределенность, незащищенность требуют особо бережного и чуткого внимания и со стороны сверстников, и тем более со стороны взрослых. И тут совершенно прав поэт: только дураки и пошляки способны насмешничать и дразнить тех, кто переживает такую прекрасную и светлую пору дружеского участия и заботы, которая во многом определит мир чувств будущих женщины и мужчины. И тут скорее нужно оглядываться на дразнилу, чем на тех, в кого он тычет пальцем: что-то неладно у него в голове и сердце.

С. В. Михалков привел эти стихи в книге «Все начинается с детства». И, видимо, сознавая, что у читателя непременно возникнет сомнение: а была ли то настоящая дружба, если от глупых насмешек она умерла, привел письмо одного своего юного читателя, который рассказал, что он продолжает дружить с девочкой, несмотря на все обидные прозвища. Надо признать, что любое чувство, любые человеческие отношения проверяются разного рода испытаниями, без них не узнать, чего эти чувства стоят. По всей видимости, испытание общественным мнением, тем более насмешливым, одно из самых тяжелых. Недаром говорят, что «злые языки страшнее пистолета». Их выстрелы нередко сражают и весьма стойких взрослых людей, не то что иных отроков, слабо стоящих на земле.

Будем же взаимно бережными. Такие благородные чувства, как дружба, товарищество — величайшие из достояний человечества.

Сколько чувств, мыслей пробуждает оглядка на прежние «дружбы», сколько мучительных вопросов возбуждают сегодняшние непростые отношения со сверстниками. Может, в качестве «практического занятия» стоит и вам разобраться: с кем и как складывались школьные привязанности? Что влекло к друзьям, что отталкивало? Пытались ли одолеть отчуждение или покорно принимали уход друга? Какие цели преследовали, вступая в компанию? Удавалось ли заявить свою точку зрения или молча принимался общий стиль поведения «группы»? Какие качества характера дружба развила, усовершенствовала, какие исказила?

Эта тема вызвала обильную почту. Некоторые письма содержали просьбу помочь разобраться, где всего лишь дружба, а где зарождающееся сердечное влечение. Одно такое письмо приведу здесь с предложением обсудить в классе. Написал его девятиклассник Олег П-ов.

«В школе у меня много приятелей. Дружил я раньше и с девочками, не замечая особой разницы в отношениях с ними. Но вот в девятом классе появилась у нас новенькая ученица, Катя М. И я

.... Увествовал, что выделяю ее из круга девочек. Постоянно думаю: что она сказала, как сказала, что я ответил? Сны стали . ниться, каких раньше не видал. Я еще для себя не решил: влюбился и именно в нее или это просто влечение к другому полу. Все сипи сомнения записал в тетрадке, где веду конспекты по «Этике и психологии семейной жизни». А одна девчонка взяла И (парты и прочтала. А потом рассказала всем, в том числе Кате М. Она меня теперь сторонится. Да и у меня пропала охота с. пей встречаться. Хотя сердце каждый раз при виде ее словно обрывается. Но вот сегодня она сама подошла ко мне и позвала в кино. Вечером я собираюсь на свидание и сам себя спрашиваю: зачем я иду, чего хочу? Только встречи, только дружбы? Не знаю, не могу себя понять. Конечно, любой мне от метит: если сам не знаешь, кто же за тебя решит. Я о том спрашиваю: КАК проверить, КАК убедиться в том, какое чувство испытываю? Неужели нет каких-нибудь очевидных признаков, наконец, тестов? Ведь тут можно таких ошибок натворить — нею жизнь расхлебывать будешь».

Есть два беспристрастных экзаменатора: время и выдержка. Не давать волю настроению, сиюминутному влечению. Не спешить с заверениями, себя и другого человека, в чувстве, которое еще не проверено. Таков был ответ мой. А что бы вы посоветовали Олегу П-ову?

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

По заглавию вы уже поняли: мы приступаем к разговору о том, что ваших сверстников задевает и волнует особенно. Вот уж тема неистощимая. И писем о ней — великое множество, а вопросы — один другого сложнее. Какое из многочисленных сердечных влечений, томлений души и тела мы называем первой любовью? Когда она возникает и чем отличается от второй, третьей? Ведь если есть «первая», должно быть и продолжение в счете. Иначе можно говорить лишь о единственной, какую, например, испытывает герой фильма «Прошу в моей смерти винить Клаву К-», влюбившийся в девочку еще в детском саду и пронесший неослабевающее чувство через многие годы — до вступления в юношескую пору, где мы его и оставляем. И вполне может статься, эта привязанность будет длиться вечно.

То — в кино, скажут скептики. А вот как бывает в жизни. Снова — письмо. Его написала Таня Р.

«Все говорят: умеете дорожить любовью. Постарайтесь пронести ее через всю жизнь. Это все правильно. А что делать, если ты любишь, а тебя — нет??? Постарайтесь прочесть письмо и том духе, как оно написано. Я, например, люблю с 11 лет, а в данный момент мне — 18. Все эти долгие, для меня, семь лет и живу с думой об одном человеке. Засыпаю и просыпаюсь с мыслью, что он есть. Что бы я ни делала, мне кажется, что он

за мной наблюдает и оценивает каждый мой шаг. Но я несчастна, потому что, как вы уже догадались, он не любит меня. Да и не собирается любить. И потом, с какой стати, если хорошенько разобраться, он должен меня любить? Что я возомнила о себе?..

Хотя, если с другой стороны поглядеть: почему ему и не полюбить меня? Не урод вроде бы. И у нас с ним очень много сходства. Из ста человек если и будет единомышленник, так это — чудо. А с ним — все сходится. Когда мы встречаемся, что бывает крайне редко, то нет такой минуты, когда нечего сказать друг другу. Нас почти все связывает, только не взаимное чувство. В чем дело? Над этим вопросом в исступлении я бьюсь все эти годы. А без него жизнь теряет даже самый малый смысл. Что делать? — Не знаю. Только не советуйте мне взять в руки лопату или встать к станку, чтобы дурь выветрилась за работой. Я и так работаю и учусь. Но «дурь» из-за нагрузки не проходит. Я уже о другом думаю: что если эта любовь не пройдет с годами? Значит, мне и о семье мечтать нельзя. Как я буду жить с мужем, заводить детей от нелюбимого? Одни вопросы, ответов нет».

Тут, действительно, скорый ответ вряд ли отыщется. Тане не посоветуешь: потерпи, время и выдержка все расставят по местам. И времени, и выдержки Тане не занимать для проверки собственного чувства. Сомнений нет: это она — настоящая, первая и единственная Любовь. Мечта и мука, восторг и отчаяние — все на пределе сил. Высота, к которой многие стремятся, а достигнув, порой испытывают разочарование. Возвышающая страсть отодвигает человека от других людей, от их дел и забот. На предельной высоте часто дуют беспощадные ветры одиночества. И вообще, на вершину взобраться можно, а жить на ней трудно: кислорода не хватает, тянет в долину, к друзьям, родным, соратникам. Они рассеивают сосредоточенное чувство, «разрушают» его целостность, но они же дают сердцу, мыслям новые волнения и заботы. И тем утешают вечную тоску и боль.

Однако, как и идеальная дружба, такая Любовь — удел избранных. В большинстве же случаев поэтические рассказы о первой любви в воспоминаниях людей зрелых овеваны светлой грустью. Потому что обычно она имеет прекрасное начало, яркое цветение и, увы, неизбежный закат. Иначе, повторюсь, она именовалась бы по-другому.

Пожалуй, и оценить, любовь ли это, мы можем лишь спустя многие годы. Потому что сердце человеческое начинает свою таинственную и волнующую работу очень рано. И первой нашей любовью-восторгом, по сути, является не красивая девочка или интересный мальчик, а... наши мамы-папы. Так что, если говорить о любви с первого взгляда, в прямом, смысле, она — любовь родителей и детей друг к другу. Это было известно еще древним философам. И наш современник, американский доктор Бенджамин Спок, книги которого о воспитании детей и подготовке

молодых людей к браку широко известны в мире, уверяет: дети от трех до шести лет создают себе романтические идеалы .мужчины и женщины, прообразами которых являются мама и папа. Последующие увлечения будут бессознательно соотноситься с ними эталонами.

Если ребенку не повезло, не было у него и у родителей взаимной нежной привязанности, то идеал свой он будет искать, уже отталкиваясь от родительского образа, т. е. будет искать «антимаму» или «антипапу».

Ну, а сколько сердечных потрясений мы испытываем в школьные годы, задолго до встречи с Ней (с Ним)? И можно ли считать, что все это — не важно для нашего опыта? Например, кто из взрослых не вспоминает время от времени сильные волнения, пережитые в первых классах, когда самой-самой замечательной, красивой, доброй (для девочек и мальчишек одинаково) была первая учительница. И так хотелось, чтобы она любила, отличала только тебя?

Одна пожилая женщина призналась: до сей поры она помнит, как плакала от ревности, когда учительница гладила по голове других, как ненавидела ее мужа и все придумывала мести и козни, чтобы он «отвязался» от своей жены. Очаровывало в учительнице все: внешний облик, голос, улыбка, походка. Когда же память и фотографии воспроизводят подлинный, не идеализированный портрет, то никакого сходства с тем, что рождало детское воображение и влюбленность, не обнаруживается. Все, как и во взрослой любви: та же способность к самообману, та же ревность и жертвенность.

Потом место учительницы занимает какой-нибудь киногерой, певица, актриса, спортсмен (спортсменка"). Начинается поклонение другого рода, но не менее длительное и страстное. Идет погоня за фотографиями, магнитофонными записями, статьями, майками, сумками с изображением «идола». Отказывают себе во всем необходимом, лишь бы еще раз увидеть (услышать) того, кто поразил воображение и сердце. Но и это увлечение проходит, новый кумир затмевает прежнего. Но разве все это не похоже на Первую Любовь?

А не миновавшая ни одно поколение школьников игра в свидания, записочки, тайны, которые обычно известны всем! И та же ревность, клятвы, ссоры, слезы. На другой же день — все забыто.

О том, что старшеклассники могут быть сразу увлечены несколькими своими сверстницами (сверстниками), да еще взрослыми, из числа родительских друзей-знакомых, мы уже говорили. И редко кому точно удается взвесить-оценить степень подлинности, глубины, долгосрочности очередного увлечения. — Позвольте,— скажете вы.— Но ведь нынче и десятилетним ребятишкам известно, чем отличается настоящая любовь от всей этой детской игры воображения.

Пожалуй, не известно. Не только детям, даже взрослым сомнительно: что есть что? Помните, А. И. Герцен называл основной особенностью первой любви то, что она «забывает различие полов». Многие поэты и литераторы возражают против такого утверждения, хотя им тоже известно: желание физической близости, ласк и поцелуев может означать вовсе не пришествие Любви, но лишь наступление полового созревания.

Нам придется прервать наши рассуждения, чтобы договориться о том, какое же содержание мы впредь будем вкладывать в это емкое до необъятности слово — «любовь». И тем ответим на вопрос, поставленный в письме Олега П-ова. В русском языке одним словом обозначаются несоизмеримые понятия: пристрастие к какому-то блюду, к вещи, к дому, увлечение делом, искусством, привязанность к родным, к избраннице (избраннику), служение идее, родному краю. Все эти чувства и отношения именуется любовью. Хотя мы и сознаем разницу в содержании слова, но при таком его многозначии вполне возможны казусы вроде выражения: «Я люблю пить чай с женой и вареньем». Чтобы нам четко представлять, о каком именно чувстве идет речь, давайте постараемся разграничить это понятие.

Известный советский исследователь обсуждаемой нами проблемы, писатель Ю. Б. Рюриков эпитафией к книге «Три влечения» взял такое определение любви, извлеченное из древневосточного любовного трактата:

«Три источника имеют влечения человека:

душу, разум и тело. Влечения душ порождают дружбу. -
Влечения ума порождают уважение. Влечения тела
порождают желание. Соединение трех влечений
порождает любовь».

(«Ветки персика»)

Безоглядное, безудержное, страстное стремление одного человека к другому; желание постоянно видеть и слышать, отдавать себя и обладать; открытие в любимом достоинств, невидимых равнодушному глазу; проникновение в тайны души и одновременно — слепота и глухота, мешающие разглядеть всем очевидные изъяны в натуре возлюбленного (возлюбленной), — это и есть любовь. В ней телесное и духовное сливается в нерасторжимое целое.

Для испытавших это великое чувство абсолютного предпочтения все люди делаются на Него (Нее) и ... остальное человечество. Даже представить невозможно, чтобы появился соперник (соперница) этому всеохватному увлечению. Да и права Таня Р. — один-то раз столь полное единение встречается в жизни не каждому. Оттого по-настоящему Любовь и бывает единственной, пусть и приходит она не в розовые юные годы. Оттого люди, обделенные этим счастьем, готовы назвать высоким именем ее слабую тень:

увлечение, симпатию, влюбленность. А потом, пережив разочарование или услышав новый зов сердца, начинают уверять себя и других: любви настоящей нет, все это — выдумка поэтов.

С толку сбивают и новомодные словосочетания, пришедшие к нам в переводе с чужих наречий и взглядов, вроде: «заниматься любовью». Здесь предпринята попытка романтическим флером прикрыть совсем другие отношения. По-русски говоря, заниматься можно соитием, совокушением, блудом, но никак не любовью. Не можем мы сказать: «Я с приятелем занимаюсь дружбой, сорабничеством, товариществом». Значит, полная бессмыслица и в сочетании этого глагола со словом «любовь».

Однако подобная подмена понятий вовсе не безобидна. Она усыпляет внутреннего судью — совесть: не блудом, не грехом заняты — любовью! Вернуть чувствам их подлинную глубину, чистоту, достоинство немислимо, не очистив язык от двусмысленностей и лукавых подделок. А засорены и язык, и нравы наши до опасного состояния. Вслушайтесь в речи ваших сверстников и в собственную: сколько грубых, пошлых словечек-монстров на-изобретало засоренное воображение для определения и объекта влечения и самого чувства. «Классная чувиха» — вместо «замечательная девушка», «кадрить» — вместо «ухаживать», «клеиться» — вместо «увлекать». Каждое новое поколение вносит свою лепту в это «словотворчество», ничуть при этом не обогащая чувства, напротив, обедняя и оказывая их. Ну можно ли с нежностью думать о «чувихе», да еще в мечтах представляя, как станешь «клеиться» к ней? Попробуйте соединить эти понятия: ни в сердце, ни в душу не идут эти уроды. Однако они уместны в отношениях между людьми, у кого и сердце и душа — немые или пока еще находятся в зимней спячке, зато юная плоть кричит истошным голосом, не выбирая «предмет страсти» и выражения.

(В этой книге мы не рассматриваем физиологию половых отношений, физиологию любви. Этому в школе посвящены особые занятия. Надо признать, что данная область знаний у нас еще слабо разработана, в отличие от сексопатологии — науки о нарушениях в половой сфере. Наши представления о «норме» половых отношений строятся скорей на бытовой информации, на кинофильмах, романах, стихах, а они несут на себе печать личностных установок и предпочтений авторов, но никак не объективные сведения. И в научных публикациях отечественных и зарубежных специалистов встречаются серьезные расхождения. Оттого мы будем рассматривать половые отношения только в этико-психологическом аспекте.)

Есть, правда, в отношении к любви другая крайность. Религия и мораль многие века всеми средствами утверждали взгляд, что в любви человечески и прекрасно только духовное начало, а телесное — греховно и постыдно.

Гуманисты-атеисты усиленно боролись с такой установкой, принижающей естественные человеческие чувства. Однако и они

считали, что физические потребности, не облагороженные светом души и сердца, не регулируемые разумом,— явление низшего порядка. Кстати, и в цитате из восточного трактата духовное и интеллектуальное влечение поставлено не случайно на первое место.

Из курса анатомии и из цикла бесед по половой гигиене вам известно, что все мы испытываем разнообразные физиологические потребности: в еде-питье, в чистом воздухе, в укрытии, в чередовании сна и бодрствования, напряжения и расслабления, наконец, в продолжении своего рода. Это первичные и всеобщие потребности, присущие не только человеку, но и животным.

Желание телесной, сексуальной близости у животных играет подчиненную, служебную роль: оно лишь средство для осуществления такой важнейшей цели, как продолжение рода. В человеческом общежитии эти так называемые животные инстинкты, как правило, социализированы, окультурены воспитанием. Чем выше уровень развития общества, в котором появилось на свет человеческое дитя, чем выше духовная культура его ближайших родственников, тем сложнее будет форма проявления природных потребностей и инстинктов.

Люди утоляют свои желания и потребности, ориентируясь на правила и нормы, предписанные окружением. Некоторые меняют эти правила, но тоже не столько изобретают новые, сколько перенимают принятые у других людей.

Поправки в характер бытового поведения вносят, естественно, темперамент, своеобразие конкретного индивида, масштаб и сила личности. У одного физическими потребностями подавляются душевные стремления. И тогда даже про сильную, энергичную, вроде бы независимую личность, как пушкинский Алеко, с сожалением говорят:

Но, боже! как играли страсти
Его послушною душой!

Известны и противоположные явления: возвышенные идеалы подавляют чувственные влечения, и любовь не получает земного воплощения. Если бы все мы и всегда испытывали только бесполое влечение, род человеческий прервался бы. Да и сама жизнь обеднела бы, утратила многие радужные краски. Оглянемся на природу: она украшает все живое в пору брачного соединения в самые пышные убранства, оглашает мир прекрасными песнями и страстными звуками. Красота земли — это зримое воплощение любви.

В практике человеческих отношений редко встретишь равноценно и равнозначно выраженные влечения. Что-то всегда преобладает, что-то выражено слабее. Поэтому можно говорить о различных типах любви: когда преобладает желание — любовь-страсть; когда преобладает сердечное влечение — это любовь-уважение; есть еще и любовь-долг. Конечно, подобное деление весьма условно, и каждый из вас может назвать свое чувство

иными словами, но смысл, содержание понятий будет типичным и близким к приведенным.

Когда начинаешь сознавать всю многоликость чувства, именуемого любовью, перестаешь удивляться несогласованности высказываний о ней мудрецов и поэтов, переходивших от священных песнопений к проклятиям.

«В любви, как и в ненависти, могут быть соединены самые разнообразные чувства: и страдание, и наслаждение, и радость, и печаль, и страх, и смелость, и даже гнев и ненависть» (К-Д. У м и н с к и й).

Вы обратили внимание, что триада составляющих подлинной любви — желание, дружба, увлечение — весьма сходна с той триадой, которая нами определена как гармоническая основа личности: хочу, могу, должен.

Надо признать, что на протяжении супружеской жизни любовь может преобразоваться, переходить из одного состояния в другое. В. Г. Белинский обозначил «времена года» у любви: «Любовь имеет свои законы развития, свои возрасты, как жизнь человеческая. У нее есть своя роскошная весна, свое жаркое лето, наконец, осень, которая для одних бывает теплою, светлою и плодородною, для других холодною, гнилою и бесплодною».

По всей вероятности, это может означать, что в начале возникших сердечных связей у молодых людей преобладает любовь-страсть, постепенно она может перерасти в любовь-дружбу, а затем — в любовь-уважение. Как бы ни была прекрасна весна, но цветы, соловьиные трели, безоблачное сияние небес не могут длиться вечно. Вся красота любви в природе, как известно, не самоцель, но средство для воспроизводства жизни. И опадают цветы, и умолкают сладкоголосые птицы, чтобы в тишине и в упорном старании творить чудо зарождения плодов, птенцов, потомства.

У человека чувства не связаны ни с его собственным возрастом, ни с возрастом любви. Хотя и у него случается смена «времен года» — и даже на протяжении сравнительно короткого времени. И тогда можно заметить, что любящее сердце сегодня испытывает весеннюю тревогу и истому, а через месяц глядь — нашло похолодание успокоительное, а там — светлая грусть и почтительное удивление сменяются нетерпеливым раздражением, которое, в свою очередь, уступает место чувству вины и сострадания. И человек, не подготовленный к таким «температурным» и временным колебаниям, вполне может разувериться в подлинности любви. Она ведь, по романтическим представлениям, должна гореть ровным и высоким пламенем, без спадов и колебаний, при любой погоде. А в жизни так бывает чрезвычайно редко, если вообще случается. Разве что это огонь, который зажжен в наглухо отгороженном от живой жизни укрытии.

Итак, от общего определения любви человеческой вернемся к чувству, которое мы называем Первой Любовью.

Мы уже знаем, что Герцен характеризовал это чувство как неосознанное и не отягощенное плотским желанием томление сердца.

Из стремлений у влюбленного самое сильное — смотреть и не отводить глаза от нестерпимо светоносного лика, слушать и различать только музыку любимого голоса, его тональность: ласковую, строгую, сердитую. Осознать, прикасаться и бояться прикосновений, словно удара шаровой молнии. Как шапка подсолнуха направлена к солнцу, так все чувства влюбленного обращены к одному источнику жизненной энергии.

Первая любовь отличается от всех последующих тем, что подобные ощущения, состояния юному человеку прежде были неведомы, и он не только открывает для себя другого человека в его красоте и притягательности, но — и прежде всего — открывает себя самого. «Что со мной творится?» — вот недоумение, радость и страх, которые больше всего волнуют юношу и девушку.

Первая любовь лишена бытовизма. Она, если вдуматься, не бывает неразделенной, поскольку она — самодостаточна. Главная потребность — видеть, слышать, дышать одним воздухом с любимым существом — легко удовлетворяется и без согласия самого объекта влечения.

Пожалуй, полное и прекрасное воплощение это чувство нашло в известном стихотворении Пушкина:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Хотя стихи и написаны не юношей — зрелым человеком, испившим чашу страстей, но так устроено сердце великого поэта: оно может много раз пережить свет и высоту, на которую не всякий смертный поднимется однажды. Здесь все: и зыбкость чувства (была ли любовь — нет ли, ушла — нет ли, не ясно), и нежная, без досады грусть о неразделенном влечении, и немота — оттого что слова не могут выразить полноты чувства, оттого что они еще непривычны для языка, чужеродны, как иностранные. И робость от того же неведения: что делать с собой, как обойтись с предметом влечения? И самоотверженность, для которой самое большое благо — это покой и счастье любимого существа.

А когда уходит это чувство, то и тот, кто его испытал, и тот, кто его внушил, навсегда сохраняют в сердцах искреннюю благодарность за счастье пережить самые блаженные мгновения, при любых поворотах судьбы, падениях и разочарованиях помнить и знать: была высота!

И как же важно для нашего мироощущения, что мы побывали на этой высоте загода, где же чем вкусили иные, плотские удовольствия.

В одной из повестей о юности, застигнутой войной, рассказывается о молодом лейтенанте, который встретил свою нежную романтическую любовь после того, как познал физическую близость с женщиной.

— У меня не было первой любви, я начал со второй, — с тоскливым сожалением размышляет он.

На самом деле он, конечно же, испытывает именно первое в своей жизни чувство. То, что он называл «второй любовью», как мы знаем, никакая не любовь, а всего лишь телесное желание. Но вот что можно с убежденностью предсказать: острота, чистота и высота его первой любви при подобном опыте будут уже совсем не те!

Как возмездие за нетерпеливость, за неразборчивость, за легкомыслие — стыд и отвращение к предмету «второй любви» обрушиваются на юношей сплошь и рядом, вместо восторга, которым дарит «первая». «Чем ниже возраст молодых, людей при вступлении в первую половую связь, тем менее мотивирована эта связь в моральном отношении, тем меньше в ней любви», — утверждает И. С. Кон. При этой связи отсутствует слияние духовное, сердечное.

Мы с вами уже знаем, что самые глубокие следы в нашей памяти, сердце оставляют первые впечатления, ощущения, переживания. Первая близость, происшедшая с нелюбимым человеком, создает определенный и, как правило, искаженный стереотип половых отношений. И в последующих встречах, увлечениях будут предполагаться разочарование, горечь, которые обычно возникают от «безлюбой любви». «Все они такие» — вот что будет таиться в подсознании, будет отравлять непосредственность и открытость чувства. Поэтому ошибаются те юноши и мужчины, которые утверждают, что донжуанский опыт помогает распознавать скрытые от неискушенного взгляда свойства женской души. Скорее напротив: человек находит то, что ищет, и не замечает того, чего не хочет знать. Испорченному же воображению всюду видятся уродства и изъяны, так легче самоутвердиться в своем легкомыслии и легкочувствии.

Если для юноши очень важно пройти через испытание романтической любовью, для того чтобы понять, *какие они*, женщины, то для девушки вдвойне необходима такая последовательность. Кроме представления о способности мужчины быть в любви бескорыстным, самоотверженным, трепетным и почтительным, ей сие важно: *кто она*. Человек, которым кто-то восторгается бескорыстно, кого отличают, избирают сердцем, или человек, которого можно возжелать для удовлетворения исключительно чувственного голода? Ясный свет этих отношений, конечно, не гарантирует от срывов, заблуждений, но они станут своеобразным

эталоном, с которым она станет сверять поведение всех претендующих на ее внимание.

Первая любовь — прививка от юношеского цинизма. Некоторые переносят эту прививку крайне болезненно, с осложнениями. Особенно тяжел этот процесс, когда юноша одновременно испытывает чистое влечение и эротические желания, направленные на разные объекты. Причем совсем не испорченный юноша. Какими муками оборачивается это испытание для совестливой и чувствительной души, трудно даже представить. Прочитайте признания глубокого знатока юношеской и мужской психологии В. В. Вересаева. Его «Воспоминания» потрясают исповедальной откровенностью и даже беспощадностью к «грехам молодости». Он, например, считал себя в отрочестве человеком глубоко развращенным: так оценил он свои тайные помыслы — не поступки,— адресованные незнакомым женщинам. При этом он испытывал нежную привязанность к трем сестрам Конопацким. И «весь этот мутный душевный поток неся мимо образов трех любимых девушек, и ни одна брызга не попадала на них из этого потока. И чем грязнее я себя чувствовал, тем чище и возвышеннее было мое чувство к ним».

— Значит, можно любить сразу двоих и даже троих? —

Сколько раз рассказывала об этом в юношеской аудитории, столько раз возникало это недоумение.— Вы же сами говорили, что та кого не может быть.

Обычно отвечаю:

— Можно, если это не то чувство, что захватывает все «этажи» человеческого существа, если это телесное влечение к одному, дружеское расположение к другому, уважение к третьему, которые и принимаются за любовь.

— Можно. Если увлечение столь же эфемерно, неизбирательно, как и то чувство, которое испытывал лирический герой В. В. Вересаева к трем сестрам. Однако и этого неопределенного чувства, прелюдии первой любви, оказалось достаточно, чтобы уберечь юную душу от разъедающего цинизма.

Из опыта своего и своих сверстников вы знаете, как настороженно относятся взрослые к дружбе между юношами и девушками. Родители иной раз впадают в панику от одних разговоров подростков про любовь. По всей вероятности, эти страхи порождены опасением не того, что подлинная, настоящая любовь осенит их ребенка, а того, что эротическое беспокойство он примет за высокое чувство. Боятся они и опережающего любовь сексуального опыта, что этим их дочь или сын обеднит свою судьбу. А поскольку и старшие и младшие пользуются одним словом «любовь» и когда прославляют ее, и когда пугают ею себя и других, то и получается, будто взрослые — вечные враги любви последующего поколения, хотя сами считают ее самым большим счастьем в жизни.

В последнее время резко возросло число подростков, еще

со школьной скамьи узнавших вкус «второй любви». Чаще всего к ней толкало бездумное любопытство. А то и его не было. «За компанию», «чтобы не выглядеть старомодной (старомодным)», «не хотелось обижать отказом» — каких только объяснений не слышат те, кому приходится сталкиваться с последствиями легкомыслия: юристам, врачам, педагогам. И конечно — отчаявшимся родителям. Многие из них твердят: «Мы же предупреждали: остерегайся!» А чего и почему остерегаться, большинство пап и мам откровенно сказать боятся или не умеют. Намеки же и бессодержательные угрозы порой провоцируют зло. Наслушавшись советов об осторожности в отношениях со сверстниками, дотоле чистые в помыслах девушка и юноша начинают искать и, естественно, находят в своих чувствах тот тайный зов крови, который только и ждет, чтобы его обнаружили. Тут он и вырвется на волю, и пойдет полыхать в сердце, сжигая на своем костре благоразумие и выдержку.

Подогревают чувственно-эротическое любопытство неверно понятые, некритически воспринятые поступки и приключения героев множества любовных историй, романов. В эту пору редко кто может отличить низкопробные, безответственные произведения художников, писателей, кинематографистов от подлинных художественных ценностей. Слова-то и ситуации вроде бы сходные: люди встречаются, влюбляются, целуются, наслаждаются друг другом, ссорятся, страдают, умирают... И поди угадай: где истинно золотые россыпи чувств, а где ловкая подделка? И кому подражать, а кого оделить презрительной усмешкой?

Хочу рассказать о том, как неожиданно повернулся разговор о первой любви, когда встала одна студентка педучилища и спросила:

— В разговорах о первой, да и о «второй» любви взрослые прежде всего анализируют состояние и поведение мальчиков. Словно бы девочки не переживают ничего подобного, а сразу выходят замуж.

Надо признать: это один из трудных вопросов не только для автора этих строк, но и для художников, для психологов.

Художественная литература дает нам очень мало пищи для обсуждения особенностей психологического состояния девочек в пору раннего пробуждения любовных влечений. Прочитайте страницы толстовской трилогии «Детство. Отрочество. Юность». Как там подробно и тонко описаны этапы развития и становления чувств к противоположному полу у главного героя Николеньки Иртеньева и у его друзей. И как скупо великий художник изображает влюбленности Наташи Ростовской и Сони, хотя именно в эту пору — увлеченности Борисом Друбецким — появляется любимая героиня на страницах «Войны и мира», хотя для Сони ее любовь будет первой и единственной.

Сколько ни обсуждался этот вопрос и со старшеклассниками,

и со взрослыми людьми, к единому мнению прийти не удалось. Один писатель отнес этот пробел в художественной литературе на счет мужского засилья в искусстве: патриархат, мол, виноват, что женские натуры остались не раскрытыми до конца. Мужчине не дано изобразить в полной мере томление девичьего сердца. Но это утверждение опровергается примером Льва Николаевича Толстого, который так глубоко и тонко смог изобразить душевное состояние беременных женщин: маленькой княгини Болконской, Кити Левиной, а потом почти ирреальную связь матери с новорожденным младенцем (у Кити, у Наташи). Исследователь творчества Л. П. Толстого В. В. Вересаев считал, что эти страницы полезно читать юным девицам для проникновения в область высоких страстей и благородных страданий.

Значит, не в патриархате дело. Тогда в чем же?

Надо, наконец, признать, что все достижения в описании женской психологии с великими писателями должны разделить их подруги, жены, возлюбленные, которые искренно и подробно объясняли все, что с ними происходило в тот или иной период их чувственной и душевной жизни. (Такое суждение я извлекла из очерка М. Горького о С. А. Толстой.) Но они не хотели или не умели рассказать столь же впечатляюще о своем самом первом любовном влечении. Не потому ли, что чувство это возникало так рано, что ни самой понять, ни другим рассказать пока что никому толком не удалось.

На эту мысль наводят выводы современных исследователей психофизиологов. Физиологически девочка начинает пробуждаться намного раньше мальчика: в 9—10 лет (мальчики запаздывают на 3 и больше года). А это значит: она не успевает созреть для анализа чувства, которое испытывает. Словарный запас, понятийный аппарат ее еще совсем детский. Что могла сказать и сделать Наташа, будучи тринадцатилетним подростком, когда она зажглась от увлеченности более старших по возрасту Сони и Николая? Она предлагает Борису поцеловать... свою куклу. Когда же он отказывается, сама целует его, точно копируя поведение всерьез влюбленных Сони и Николая. А что сделает десятилетняя девочка, испытавшая впервые уколы своего слабого сердечка? Смутится, убежит, станет беспричинно смеяться или, напротив, напыжится, будет глядеть букой и дерзить — все то же, что делает и трехлетний ребенок, когда к нему приходят заинтересовавшие его гости. Девочки быстрее мальчиков взрослеют. Но, в отличие от мальчиков, стремятся скрыть это взросление, хотя в тайниках души и торжествуют, переживая свое превращение из девочки в девушку. Скрытность — вот еще одна причина того, что нам так мало известно о чувственных переживаниях юных представительниц прекрасного пола. Откуда она, чем вызвана?

— Я в десять лет уже все знала про отношения мужчин и женщин, — призналась однажды пациентка у специалиста-

психолога. — Но притворялась и перед родителями, и перед подругами, и даже перед старшей сестрой, которая была мне ближе исх. Притворялась полным несмышленьшем. И всячески пресекала их попытки «просветить» меня. Что-то внутри меня яростно сопротивлялось обнажению этих сторон человеческих отношений. КНИЖКИ про любовь я читала запоем, но на фильмах прятала глаза, когда видела целующихся киногероев, а сердце при этом сладостно замирало и падало.

Опрос, который мне удалось провести среди женщин разных возрастов, воспитания и темперамента, убедил: такое поведение не аномалия, не случайность. Напротив, довольно частое явление, если только в семье были нормальные условия, если легкомыслие взрослых не выставляло на всеобщее обозрение и обсуждение интимные стороны бытия. Более того, именно среди морально устойчивых женщин чаще всего можно встретить сопротивление половому просвещению. Им труднее всего даются беседы на темы соблюдения чистоты тела и чистоты нрава даже с собственной дочерью.

— Ханжество, — высокомерно бросают одни.

— Бескультурие, — вторят им другие.

— Естественная женская стыдливость, — возразят им третьи. Если вдуматься, различное отношение к первой любви у юноши и девушки имеет под собой очень серьезные основания. Для юноши первое чувство, разделенное и получившее завершение, воспринимается как чудное мгновенье. А для девушки всегда сопряжено со страхом и сомнениями.

Для юноши самое тяжкое огорчение — *отказ* подруги разделить и «доказать» чувство.

Для девушки, как правило, наоборот, — *согласив* чреватое страданиями, нередко всей искалеченной жизнью.

Отсюда, наверно, и сдержанность, скрытность в проявлении эмоций. И еще, конечно, большое значение имеет общественное мнение! Многие века скромное поведение женщин считалось высоким достоинством, свидетельством их нравственного и душевного здоровья. И такое представление закреплялось в сознании, даже в подсознании. Девочкам-девушкам предписывалось святое неведение. Нескромность их взглядов и слов в народе почиталась нескромностью чувств, распушенностью нрава.

Подобные запреты, как правило, не касались мужской половины. Напротив, в числе «доблестей» мужских была именно осведомленность о всех тайнах пола, ею похвалялись даже те, кто был от природы скромнен.

Теперь же следует остановиться, осмыслить сказанное.

Вспомните все встречи, длительные или мимолетные отношения, осветившие вас самих и все вокруг чистым, ясным светом поэтического увлечения. И попробуйте определить, что это было: прелюдия любви или она сама — ваша Первая,

прекрасная, незабываемая? И не важно, было ли это увлечение реальным человеком или героем произведения искусства, было ли оно замечено, разделено или нет. Что оно изменило в вашем характере, взгляде на окружающий мир, на людей, сверстников? Какие обстоятельства остудили пыл сердца? Что вы сами сделали, чтобы подольше сохранить след этой любви, ее тепло в душе?

А еще — оглянитесь вокруг себя: может, именно сейчас, переживая душевный голод, вы отталкиваете чье-то доброе, верное сердце, готовое вам служить бескорыстно. И не замечаете родственную душу только потому, что облик ее не из самых эффектных, потому что это — Золушка, а не гордая Принцесса, Иванушка, а не королевский сын. И снова предлагается проводить исследование собственной души без огласки. Разве что маме довериться, если с ней сложилась дружеская откровенность. На занятиях же лучше обсуждать примеры из газет, фильмов, из литературы, благо в последние годы эта тема — первой отроческой любви — стала весьма популярной.

Совершенно справедливо предостерегал нас от готовности распахнуть сердце для всеобщего обозрения выдающийся знаток человеческого и особенно юношеского сердца В. А. Сухомлинский. «Тайна сия велика есть» — говорили древние о любви. И сколько бы мы исследований ни проводили, как бы ни типизировали ее проявления, все же у каждого чувство это будет существенно отличаться от всех известных случаев. В том сила, и величие, и притягательность любви — в ее неповторимости.

БЕЗ ПЛАЩА, ШПАГИ И РЕВЕРАНСОВ?

На этот раз мы будем обсуждать проблему воспитания культуры чувств и личных отношений. Сколько раз доводилось слышать: не умеют молодые люди вести себя культурно, оттого и вызывают возмущение старших. Вот научили бы их деликатному обращению, этикету, тогда бы они бросили свои развязные замашки, грубость, дерзость, были бы вежливыми и приветливыми. На мой взгляд, говорящие так путают внутреннюю культуру и внешнюю, этику с этикетом. А это — не одно и то же. Этикет — система «знаков», приемов, которые помогают людям общаться. Это — средство общения, но не смысл.

В нынешнем непоседливом мире люди то и дело меняют место обитания и работы, а значит, встречаются с новыми условиями быта, привычками. Каждая нация, каждая среда накопила множество правил, выучить которые заранее практически невозможно. Значит, у большинства из нас, как бы мы ни были хорошо воспитаны для своего окружения, есть реальная опасность оказаться в глазах других невеждой. Вот пример.

Турист наш попал на званый ужин в дом состоятельной

английской семьи. Стол ошеломил не столько обилием блюд, сколько многообразием посуды: ножи непривычной конфигурации, разнокалиберные вилки, фужеры, бокалы, рюмки... Как со всем этим управляться — неизвестно. Однако наш гость спокойно сел за стол и начал действовать так, словно был у себя дома. Хозяйева сначала косились на него, переглядывались соседки. Но он настолько естественно и доброжелательно с ними общался, разговаривал так умно и остро, что скоро стал центром застолья. Оправились от смущения и его соотечественники. Как говорится, вечер прошел в дружеской и непринужденной обстановке.

Оставляя для вашего обсуждения эту ситуацию, скажу главное: можно знать точно, кто первым подает руку при встрече или знакомстве — мужчина женщине, или наоборот, как шаркнуть ножкой, «обойтись при помощи платка», наработать массу навыков «культурного поведения», или этикета, и попасть впросак. Чаще всего не теряются в любом положении те, кто нигде *не роняет собственное достоинство и не унижает чужое*. Это — первейшая заповедь культуры этической, которая объемлет всю личность. Впрочем, и она достается ой как не просто, потому что и в этой сфере «что ни город — то норов».

Все известные моральные категории — стыд, сдержанность, вежливость, сочувствие, вообще воспитанность — явления социальные. Девушки какого-нибудь африканского племени, не знающие одежды, стыдятся не наготы, а, напротив, закрытости определенных участков тела. Жители южных стран сочтут за невежество сдержанность в проявлениях радости и печали. По их представлениям, истинно горюет тот, кто рвет на себе волосы, посыпает их пеплом. И. формы сочувствия должны быть сходными. А японцы считают верхом неприличия даже ближайшим родственникам оплакивать дорогого покойника. Все должны улыбаться, чтобы не огорчать своим горем других людей. То же самое в проявлении любовного влечения: у разных рас, народов, племен и даже классов, социальных групп свои обычаи, вкусы, привычки,

В одно и то же время, в одной стране, но в разных ее краях могут действовать разные законы, обычаи, правила. К примеру, в РСФСР вступать в брак молодые люди могут с 18 лет, а на Украине и в Средней Азии — раньше.

В США долгое время в разных штатах были различные условия расторжения брака: в одних чрезвычайно строгие, в других — нет. И нередко граждане одного штата переезжали в другой, чтобы поскорее совершить эту процедуру.

Можно ли вообще выработать какие-то принципы, которые были бы одинаково положительно восприняты в разных обстоятельствах? К примеру, одно время жители наших крупных городов были шокированы новой модой, появившейся у юношей и девушек: ходить по улице в обнимку, демонстрировать свою влюбленность. «Тлетворное влияние Запада», — негодовали одни.

«Словно деревенские парни с девками за околицей гуляют», — снисходительно усмехались другие. А третьи просто махали руками: «Не понимают: любовь — особого рода энергия. Недаром говорят: токи сердца, душевный жар и т. п. Чем больше людей соприкасаются с накаленными чувствами влюбленных, тем больше отнимают у них тепла».

Кто здесь прав: молодые люди или их судьи — решите сами. Другой пример. Представьте себе положение юноши, который рос в семье, где было принято обращение довольно свободное, даже бесцеремонное, и вдруг он попадает в семью, где частое посещение дома уже расценивается как свидетельство серьезного предпочтения, оказываемого девушке, как некие обязательства, которые берет на себя молодой человек.

Или, напротив, юноша воспитан в правилах, предписывающих всячески скрывать естественное движение сердца. Он взглядами, частыми встречами дает понять девушке свое к ней расположение, а она не понимает языка взглядов, условных жестов. Вот вам и драма, вот и неразделенное чувство. А поскольку современный человек то и дело оказывается в непривычной среде, то подобные коллизии — не исключение.

Ожидание абсолютно одинаковой реакции на одно и то же действие даже у самых ближайших родственников — труд напрасный. Скажем, вы не любите, когда кто-то вмешивается в ваши дела, и поэтому не спешите с вмешательством в дела своего друга (подруги, родственника). А тот (или те) без поддержки, сочувствия прожить не может (не могут). Ваше невмешательство, конечно же, будет расценено как равнодушие, гордыня, даже эгоизм.

Выходит, мы вновь натолкнулись на явление противоречивое. И поскольку мы уже приобрели некоторый опыт в обращении с подобными сложностями, не будем их пугаться и впредь.

Само словосочетание «культура чувств» может показаться кое-кому искусственным: чувства — природное явление, при чем же здесь культура? Природа окультуренная в чем-то уже не совсем природа. Как эти понятия соединяются и взаимодействуют?

Люблю пылко, страстно, а умышленно притворяюсь равнодушно-внимательным, чтобы не показаться дурно воспитанным, «некультурным»? Ненавижу всеми фибрами души, но любезно улыбаюсь и пожимаю руки? Веду себя так, чтобы никого не задеть за живое, чтобы ни жарко, ни холодно, ни кисло, ни сладко?

Но ведь так, чего доброго, «культура» может задушить в своих объятиях «природу»? Опасность эта не надуманная. Самый изысканный стиль поведения в аристократическом обществе нередко превращался в покров, под которым искусно прятались аморальность, бессердечие, равнодушие и даже страх перед естественными чувствами.

В нашем понимании культура чувств — это ни в коем слу-

чае не подавление их и не очаровательное притворство. Напротив, осознанное стремление раскрыть, развить в себе все способности и возможности тонкого чувствования, чтобы обогатить свое бытие всеми красками, соцветиями и созвучиями земного мира, чтобы и мир было чем одарить, было чем поделиться с любимыми и близкими, со всеми, кто пожелает принять накопленные богатства души. Подлинная культура чувств — это душевная потребность сочувствовать, сострадать всему живому и существу, умения постигать и

...неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Если нет такой внутренней потребности — никакие реверансы, плащи и шпаги не сделают нас людьми высокой культуры чувств. Мы будем выглядеть как рыцари на час, принцессы на минуту, чьи «приличия», как чужие наряды, обычно спадают при первом серьезном столкновении с жизнью.

Возникает вопрос: как практически в ежедневном, ежечасном общении проявляется культура чувств?

Не знаю, нужно ли объяснять, что интонации, взгляды, жесты, улыбки, позы могут быть приятными и раздражающими, независимо от того, кто, где и когда их производит, произносит, демонстрирует. Грубый рык, нудное ворчание, угловатые, беспорядочные движения, злой, хмурый взгляд, иронические ухмылки — все эти внешние проявления сиюминутного душевного дискомфорта или определенного свойства характера не только не способствуют взаимопониманию, сочувствию, но, напротив, отталкивают одного человека от другого. А самое главное — мешают этому хмурому, грубому, неуклюжему человеку увидеть людей без угнетающих шор, без искажения. Есть ведь закон обратной связи. Мы сами невольно становимся раздражительными, когда с нами заговаривают взвинченным топом. Ехидный прищур вызывает беспричинное беспокойство, желание что-то опровергнуть, доказать. И напротив, доброжелательность, открытость заставляют даже вечно пасмурную личность немного оттаять, просветлеть душой.

Так вот, можно с полной основательностью говорить, что мы в значительной мере имеем такое обращение и такое отношение, которое сами же провоцируем или заслуживаем. (У великого русского физиолога А. А. Ухтомского есть даже специальное определение такого явления: «заслуженный собеседник».) К замкнутому, подозрительному сухарю все вокруг оборачиваются зарешеченной стороной природы. С легкомысленным весельчаком все становятся немножко ветрогонами. Естественно, настолько, насколько позволяют нам эти превращения темперамент, тип реакций и степень воспитанности.

Может быть, практическими правилами «окультуривания» чувств мы будем считать следующие:

— **первое:** встречать каждого человека как обещание чуда, как таинственного и прекрасного незнакомца, искать и раскапывать эту тайну и чудо с упорством старателя, не опускать рук даже тогда, когда попадается сплошь одна пустая порода, и при этом самому поворачиваться к нему лучшими своими сторонами;

— **второе:** отбирать и запоминать все, что когда-то и где-то показалось красивым, достойным подражания;

— **третье:** учитывать место и время для проявления тех или иных чувств. Несвоевременность и неуместность даже самых благородных чувств — один из признаков бескультуры;

— **четвертое:** учитывать и ценить не только сходные с нашими реакции и поведение, но и отличающиеся от них. Прежде всего предусматривать различие по половому и возрастному признаку;

— **пятое:** знать, что культура чувств утончает восприятие мира, а значит, делает нас более ранимыми. Но одновременно и более стойкими перед испытаниями, потому что помогает регулировать свои эмоции, находить способы залечивать раны, выходить из штопора с помощью самосознания, самовоспитания, воли.

Иначе говоря, культура чувств помогает нам не только любить истинно по-человечески, но и страдать по-человечески. Л это наиболее полезная наука. Ведь кто не умеет падать, не научится взлетать.

Умение страдать мужественно, гордо, стойко и даже красиво — один из признаков нравственно и эстетически воспитанной личности.

Если мысленно воспроизвести названные правила воспитания культуры чувств, не обнаружим ли мы их сходства с требованиями юношеской дружбы или даже первой любви? Может, эти чувства и есть воплощенный идеал человеческих отношений? Не случайно высшей целью и святой заповедью подлинных гуманистов было стремление сделать всех людей товарищами, братьями, друзьями.

С чего начать движение к этому идеалу? С чего начинается любое дело: с изучения предмета. А предмет этот — наш организм, его чувства, свойства, эмоции. Хотим ли мы достичь делового благополучия, хотим ли стать личностями, хотим ли постичь культуру поведения, начинать нужно с азав — знаний нашей природы.

Наш организм — сложный инструмент с особым настроением и ладом. Он как скрипка, из которой искусная рука может извлечь нежнейшие и глубокие звуки, а неумелая — только струны истерзает, расстроит инструмент, но ничего, кроме древесного скрипа, не исторгнет. И надо сказать, что самоизучение —

занятие чрезвычайно увлекательное. Хотя и требует немалых усилий.

Когда однажды я заговорила об этом в аудитории старшеклассников, оказалось, что очень многие имеют весьма смутное представление о самых важных качествах человеческой природы. Но незнание — полбеды, нежелание знать — вот истинное несчастье.

— А где взять время, когда учебная программа перегружена? Свежим воздухом не дышим, в лесу не бываем.

Это сетование было бы вполне справедливым, если бы не тратилось драгоценное время на пустопорожние занятия, долгие сидения перед телевизором. Достоверный факт: школьники — самые активные посетители детективных фильмов, самые заядлые читатели приключенческой и фантастической литературы. И одновременно пылятся в библиотеках невостребованные книги, важные для жизни, ее разумного устройства, без которых ни о какой культуре говорить не приходится. К примеру, труды великого физиолога И. П. Павлова, посвященные изучению типов высшей нервной деятельности.

— Следовательно, нам нужно изучать снуотечение и соковыделение по сигналу для того чтобы знать, как строить отношения между собой? — Насмешливый вопрос обнаружил вовсе не веселую и — увы! — нередкую неосведомленность о великих открытиях, сделанных нашим соотечественником в более сложной сфере, чем условные и безусловные рефлексы.

Вспомнилась мне история одной семьи, чуть не развалившейся не столько из-за природного несоответствия характеров, сколько из-за невежества.

Пришла как-то ко мне молодая женщина и рассказала, что вышла она замуж по страстной любви с полной взаимностью. И образование у нее с мужем одинаковое, и нравственные представления ничем не отличаются. Но вот убеждается она с каждым днем все больше, что брак их — ошибка. Нужно расходиться, а расстаться нет сил, потому что сильно привязаны друг к другу. Не в главных, но в повседневных делах нет у них согласия. Постоянное противостояние, царапанье души и нервов. Зачем? Отчего? И преодолимо ли оно? Она сама уже ничего придумать не может, кроме... развода.

Предложила я ей почитать популярную психологическую литературу. Прочла она несколько книжек, пришла за другой порцией. Я уже более основательные труды ей посоветовала изучить: «Этюды о природе человека» и «Этюды оптимизма» И. И. Мечникова, еще наших современников: А. Н. Леонтьева, И. С. Кона, В. Л. Леви. Смотрю, увлеклась моя приятельница, стала приходить уже с расспросами более вдумчивыми. И сама-то она изменилась: стала менее раздражительной, менее легкой на ссору.

Как она призналась потом, открылось ей, что не по глупому

и злomu упрямству сопротивлялся муж многим домашним нововведениям и переменам, не любил, когда она принималась двигать вещи с места на место, искала новые знакомства и новые способы развлечений, отдыха. Противился он этому в силу природной особенности своей натуры. У него, оказывается, основные нервные процессы протекают замедленно, с большой инерцией. Качество это, как убеждает наука, не недостаток и не достоинство, как и любые другие человеческие свойства.

В собственном муже эта женщина больше всего ценила последовательность, устойчивость взглядов, привязанность, верность (друзьям, жене и принятым решениям), способность отдаваться начатому делу. И массу других важных и приятных свойств она всегда находила у него. Теперь же выяснила, что все они, как и раздражающая ее «негибкость, домашний консерватизм», имеют один и тот же корень — эту самую устойчивость, инерцию нервных процессов. Значит, и впрямь наши достоинства не что иное, как продолжение наших недостатков, и наоборот.

Стала она таким же способом анализировать другие качества характера мужа и увидела, что многие ее претензии, если бы были исполнены, могли нанести непоправимый вред физическому и духовному здоровью любимого человека. Например, она прочла, что для одного мужчины причиной болезни (язва желудка), а потом и гибели оказалась страсть жены к частым переездам с места на место без всякой нужды. Когда жена обменялась квартирами в третий раз, муж слег окончательно и уже не поднялся. И моя знакомая с испугом призналась, что затевала сложный междугородный обмен, против которого муж «почему-то» решительно восстал. А она тогда и собралась с ним развестись.

Следующим этапом такого психологического ликбеза было приобщение уже супруга к открытиям, сделанным женой. Все внимание этой пары сосредоточилось не на выяснении взаимных ошибок и дефектов в поведении, а на том, чтобы нейтрализовать противоречия, культивировать достоинства. Потому что вычитали они и такое неперемное условие успеха в деле сохранения добрых чувств и отношений: легче, проще, безболезненней достигается желаемый результат, если супруги опираются в своих воспитательных действиях на положительные, сильные стороны своей «половины», а не тычут пальцами в недостатки.

А еще они взяли себе за правило: смягчать улыбкой, шуткой любые свои замечания, предложения, пожелания. Дела семейные и сами-то по себе не простые, а то и тягостные. Если же еще и вершить их с хмуро-неприятным видом, то и вовсе жизнь покажется безрадостной, унылой. Умение снять напряженность уместной шуткой, «обыграть» какой-то грозный ссорой эпизод — это тоже элемент культуры личных отношений.

На мой вопрос: не было ли такое постоянное само- и взаимонаблюдение и регулирование поведения, своих эмоций, реакций мучительным насилием над собственной природой, тем

более — ради сохранения в здравии чужой натуры, она ответила решительным протестом. Муж-то действовал точно так же. И вообще, все эти приемы только на первых порах требовали самоконтроля. Потом они стали привычкой, второй натурой и перестали замечаться вовсе. Создался совершенно новый стиль поведения, естественный и непринужденный, даже веселый.

Приобретенные знания помогли этой семье сохранить любовь. Эти знания необходимы всем, кто видит и чувствует, что друг (подруга) почему-то упорствует в своих «причудах».

При желании можно научиться извлекать огромную информацию о другом человеке, а потом предугадывать его реакции и поведение задолго до того, как сойдешься с ним в общем деле, не говоря уже о физической близости. Любому тесному сотрудничеству, контакту, как известно, предшествует время знакомства, присматривания, примерки (у влюбленных — время ухаживания). Разговоры, встречи, игры, занятия — невольные «тесты», испытания, ценная пища для наблюдения и оценки характеров.

Правда, при первых встречах и в пору ухаживаний люди оборачиваются друг к другу лучшей своей стороной. Более того, стараются угодить тому, в ком заинтересованы. Поэтому немало разочарований наступает потом, когда общение становится привычным и друг или подруга предстают в полном освещении. Так случилось с одним влюбленным юношей. Он обнаружил, что его новая знакомая лишь изображала увлеченность классической музыкой ради того, чтобы понравиться ему.

— Лицемерка! — негодовал он. — Она, видимо, во всем такая же неискренняя.

И рассорился, расстался с ней. И был скорее несправедлив. А мог бы проверить ее искренность на других поступках и пристрастиях. Притворство такого рода редко злоумышленное. Чаще всего — бессознательное уподобление желаемому образцу, в данном случае тому, кто очень нравится. Девушка, видимо, любила юношу и готова была признать прекрасным все, чем тот восхищался.

Однако есть привычки, склонности, которые не в состоянии скрыть даже самый искусный притворщик. Как человек двигается, разговаривает с посторонними, как ест, смеется, как одевается — по этим проявлениям знающему многое откроется, и он поймет, стоит ли сближаться дальше, если явно ничего хорошего из этого не получится.

Так, в старину характер девушки определяли по тому, как она ведра с водой носит. Энергичная, порывистая в движениях, а значит, переменчивая в настроении, в привычках, ни за что не пронесет ведра полными, не расплескав едва не половину по дороге. Медлительная донесет полные ведра, зато проходит долго. Ловкая, ухватистая и к сроку поспеет, и воды не расплещет.

Пестрая, экзотически-крикливая одежда обнаруживает стрем-

ление во что бы то ни стало привлечь к себе внимание, точно так же как демонстративно развязные движения. А что за этим скрывается: то ли невоспитанность вкуса, то ли неуверенность в себе, в своей привлекательности или, напротив, убежденность во вседозволенности? Все это тоже можно выяснить по некоторым внешним признакам: как, например, человек держит голову — втянув в плечи или гордо подняв, сдавлена грудь сведенными руками или плечи свободно развернуты. Даже по рукопожатию, вялому или энергичному, можно догадаться о характере человека.

Психологи убеждены: *все психические явления тесно связаны, с физиологией, и наоборот.*

Однако многие существенные черты юного лица скрадывает время или, напротив, обозначает резче, как и черты характера. Напомню: время и место поведения — показатель культуры. Что дозволено взрослому — не дозволено ребенку. А чем, кроме возраста, отличается взрослый от подростка или юноши?

Особыми правами: командовать, требовать, указывать младшим членам семьи. Правом делать все что вздумается: себе взрослые прощают все слабости, даже пороки, а от детей ждут идеального поведения. Старшие могут и обманывать, и лениться, и ругаться, и курить, и выпивать — и всему находить оправдание. Только младшим все это строго запрещается. Так рассуждают некоторые ваши сверстники.

Взрослые прежде всего имеют обязанности: отвечать за все творящееся ими, с ними, вокруг них. Быть честными работниками, кормильцами малых и старых, опорой и защитой отечества, семьи, быть добрым примером потомству. Так думают другие.

Замечено, тоже не сегодня: каждый избирает себе эталон "поведения по собственному представлению" о хорошем и плохом. Вот и ваши сверстники по-разному трактуют понятие взрослости и следуют избранному образцу. Одни культивируют в себе силу и достоинства взрослых, с малых лет принимают на себя серьезные заботы о близких людях, иной раз и на чужие беды сил хватает. Другие с удовольствием передают обязанности старшим, себе присваивая право на недостатки и слабости, не сознавая, что у совестливых старших нет и не было этого мнимого права на пороки. Духовно зрелый борется с собственными слабостями и недостатками, преодолевает их. Незрелый оправдывается и даже похваляется пороками. Поэтому, копируя незрелых, под- ' ростки никогда сами не поднимутся до подлинной взрослости, останутся до старости недорослями.

Существенной проблемой для родителей и учителей стало увлечение подростков куревом и спиртными напитками. Ни для кого из вас не секрет, что первой сигарете и первой рюмке организм наш сопротивляется отчаянно. Яд ведь — не мед! Одни стойко и мужественно, если здесь употребимы эти слова, борются со своей природой, с головными болями, рвотой, отвращением, чтобы только научиться лихо дымить сигаретой и ловко «опрокидывать»

рюмку. Старшее поколение действительно не избежало этих соблазнов, но оно еще пребывало в заблуждении относительно тяжелых последствий и того и другого увлечения. Ваше поколение уже слышано об этих тихих убийцах человеческих, которые поражают не только самих курильщиков и алкоголиков, но и отражаются на физическом и моральном здоровье потомства. Для чего же современный грамотный подросток берет в зубы сигарету, не испытывая в этом никакой потребности, зная о тяжелых последствиях?

- Из любопытства.
- Из желания скорее стать взрослым.
- Из страха прослыть «маменькиным сынком» или «дочкой».
- Из подражания популярным кино- и литературным героям.
- Это — признак современности. (Набор причин, как видите, стандартный.)

Насколько коварны «ловцы человеческих душ», как искусно умеют разнообразить соблазны и пороки, можно судить по тому, что еще несколько лет назад, когда готовилось к печати первое издание этой книги, речи не было о таком страшном явлении, как наркомания. Сейчас оно вызывает тревогу не только у родителей ребят, которые подвержены дурному влиянию, но и у широкой общественности. Смотрите, такие врожденные, естественные для юного существа чувства и стремления, как любопытство, жажда взрослости, коллективизм, страх изоляции, становятся своеобразной ловушкой, «ситом», которое благополучно проходят подростки и молодые люди с твердым характером, имеющие четкие нравственные ориентиры. То есть духовно зрелые, несмотря на незрелый возраст.

По сути, получается так, что те ребята и девушки, которые «осваивают» весь набор так называемых «взрослых» навыков, тем самым и демонстрируют свою детскость.

Мы уже говорили о воздействии на взгляды, вкусы, пристрастия подростков их окружения, компании сверстников. Степень взрослости подростка как раз и определяется силой этого воздействия. Полностью зависим от друзей и подруг — значит, еще мальчишка или девчонка, даже если усы и борода выросли, а у девушки — все внешние признаки зрелости. Влияние послабло — значит, мужает человек. Имеет собственную позицию, независим в поведении — прорезывается личность.

(Об алкоголизме и наркомании мы еще поговорим особо. Они того стоят.)

Сделаем здесь остановку. Попробуем в качестве домашнего задания решить такие психологические задачи.

— У друга, подруги случилась беда. Не станем уточнять — какая именно: кто-то из близких тяжело заболел, умер даже; сам он потерпел крах в работе, в любви... Каким образом вы выразите сочувствие, предложите свою помощь?

Задавая такой вопрос, не раз слышала:

— Да что тут голову ломать? Как получится, лишь бы оно было — сочувствие и желание подставить плечо. Их все меньше в людях остается.

Перебираем возможные варианты поведения и реакций на них. И постепенно пропадает уверенность в том, что нет необходимости заранее продумывать: где, что сделать и сказать. Выясняется: многие собеседники не раз попадали в неловкое положение сами или других ставили. Проницательные оппоненты могут уловить противоречие: раньше утверждалось, что на все случаи жизни не заготовишь слова, жесты, поступки — будь самим собой; а сейчас — обратное. Так-то так, да не совсем. Прежде говорилось о поведении в непредсказуемых, можно сказать — чужеродных условиях. Но и там есть возможность не наступать другому на мозоли. А здесь обсуждается общение с близкими, чей характер тебе хорошо известен.

Есть натуры, которым как воздух необходима твердая опора, нужна подмога во всем, даже в бытовых мелочах, перед которыми человек теряется, стоит грянуть грому. Тут уж не рассуждай — бери на себя все хлопоты, освободив от забот «потерпевшего». Управляй и его действиями. Вот только не мешай излить горе в словах и слезах. Иное сочувствие может быть не принято, не оценено.

Другой характер: в черную пору замыкается в горе. И помощью ему будет тихое, молчаливое присутствие друга, подруги. Без лишних расспросов и громких выражений чувств. Страдальцу лучше дать «отдышаться», прийти в себя. А там он, глядишь, сам совладеет с собой, с бедой.

У третьего нрав такой, что из-за пустяка ударяется в панику. Без смысла суетится сам и других загоняет окончательно. Порой все, что ни сделают для него, раздражает, даже обижает: «В кои веки попросил о помощи — ничего толком сделать не могут. Самому разрываться приходится. А еще близкими людьми называются». Тут не жди доброго слова. Набирайся терпения, забудь о самолюбии...

Четвертый стесняется своего несчастья как слабости. Словно бы он во всем виноват. Для таких натур горе — некрасиво. Вот и стараются сделать вид, что ничего страшного не происходит. Храбрится человек, хохочит: ничего, мол, не беспокойтесь. И даже сам норовит ухаживать за помощниками. И в этом находит утешение, рассеивает свою печаль. Его благодарности за каждую услугу нет предела. Иной раз неловко становится тем, кто пришел ему на подмогу. Некоторые попадают на внешнее бодрчество и отступаются. А зря: ненавязчивая помощь и «стойкому оловянному солдатику» нужна.

Не стану продолжать перечень возможных ситуаций. Вы, наверное, вспомните случаи из собственного опыта. Нашли вы взаимопонимание друг с другом? Всегда ли вы были довольны собой?

Подобное исследование можно провести, обсуждая и противоположную ситуацию: необходимость разделить с близким человеком его радость. Заранее могу сказать: наши опросы убедили, что прийти на помощь попавшему в беду больше охотников, чем порадоваться чужому успеху и удаче. Подумайте: отчего это? Не оттого ли, что соперничеству и зависть примешиваются нередко к самым искренним, родственным, бескорыстным отношениям? Примесь эта, словно ложка дегтя, может испортить и бочку меда. Известно, как ревновал сын Л. Н. Толстого — Лев Львович, сам подвизавшийся на писательском поприще, к успеху отца. Это чувство всерьез и надолго отравило отношения близких людей.

Нынешняя обстановка в стране может обострить эту проблему. Расцвет творчества, самодеятельности, индивидуальности труда непременно откроет дорогу молодым талантам. А в школе, среди сверстников порой царит закон — «не высывайся!», то есть не стремись преуспеть в учебе, в общественной деятельности, чтобы твоими успехами не кололи глаза товарищам. Эта установка нередко сохраняется на всю жизнь, и талантливый юноша или девушка боятся осуждения за яркое дарование больше, чем иной — за бездарность.

Выходит, нам необходимо учиться совместной радости так же, как проявлению сочувствия, и первая наука более сложна, чем вторая.

Снова непреднамеренно от личных проблем незаметно перешли к общественным. Перемены в социальном климате непременно заставят нас по-иному взглянуть на некоторые стороны деловых, личных отношений. Прежде производственные контакты строились строго по «табели о рангах». В рамках этой системы мер легко было ориентироваться карьеристу, подхалиму, которые быстрее других усваивают внешние правила поведения, служебного этикета. Демократические принципы разрушают эту схему: необходимо уважительно относиться ко всем окружающим, беречь чужое достоинство, не роняя собственное. А это весьма сложно. Но именно в таком правиле — основа подлинной гуманизации, а значит — культуры общества.

МУЖЧИНА.ЖЕНЩИНА И «СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В одной из телепередач программы «Мир и молодежь» корреспондент беседовал с юной мамой, катавшей коляску по московскому бульвару. Расспрашивал о том, как сложилась ее семья. Молодая женщина мило и откровенно говорила о встречах с будущим мужем, о прогулках и танцах. Нет, о браке не думали. Жениться «заставил» ребенок. А теперь у них все благополучно складывается.

Интервью как интервью, таких нынче много. А в редакцию журнала «Семья и школа» пришло письмо от пожилого интеллигента: как понимать подобную «откровенность»? На всю страну женщина разглашает то, о чем в недавнем прошлом даже с близкими людьми говорить стыдились. Это что же — такой способ создания семьи теперь считается естественным?

«Я не возмущаюсь, поверьте мне. Я искренне хочу постичь изменения, происходящие в системе нравственных ценностей. Неужели понятия стыдливости, добропорядочности — всего лишь предрассудки, которые нужно отбросить вовсе и забыть?»

Вы, наверное, отнесете такое беспокойство целиком на счет возраста пишущего. Однако я постоянно получаю письма с аналогичными вопросами от людей разного пола, воспитания и возраста. Прочитую одно такое письмо: «У меня никак не складывается личная жизнь, хотя вроде бы и природа ничем не обидела. Про меня говорят: неглупый, симпатичный, незлой, не пью, не курю, выдержанный, и лет немного, нет еще тридцати. Спрашивается, что еще нужно женщинам и девушкам? Многие ребята дурно говорят о девушках, что они курят, выпивают, ведут себя развязно и поэтому к ним нельзя серьезно относиться. А девушки, в свою очередь, говорят: парни нынче нахальные, распушены, пьют, сквернословят, пристают. Кого же слушать, кому верить? Получается, что и они, и мы не уважаем друг друга, даже боимся. Знал я таких девушек, которым и не нужны знаки внимания и уважения, короче — девицы легкого поведения. С такими все просто. Но ведь семью с ними не построишь. Встречался с хорошими девушками, строгими. Тут другая крайность: они все гордость свою показывают, очень высоко себя ценят. Ведешь себя сдержанно, скромно — ничего у них не добьешься, ни внимания, ни интереса. Ведешь нахально — тоже не нравится.

Интересно: в чем причина такой путаницы? Я уже перестаю верить во все хорошее в людях. Пытался советоваться со специалистами. Объясняют влиянием Запада, мол, там возникла «сексуальная революция», теперь она и до нас докатилась, как всякая другая дурная мода. Вроде бы верно говорят. Послушаешь стариков, как они сравнивают современную молодежь с нашими сверстниками 30-х годов, — куда нам до них. И вообще, люди были тогда лучше, чище, уважали друг друга. Но я читал и иное: после революции мужчины и женщины жили не семьями, а «брачными коммунарами». Это было что-то вроде современной «свободной любви». Получается, что и прежние отношения были не такими уж чистыми, просто старики приукрашивают подлинные обстоятельства их юности.

Какая все-таки жизнь сложная и противоречивая штука. Голова кругом идет, когда слышишь, что не только холостые и незамужние общего языка найти не могут, но и женатые. Оттого я думаю: стоит ли вообще быть порядочным, справедливым

человеком, если эти качества нынче никому не нужны? Наверное, и в чем-то ошибаюсь, не прав, и, может быть, не стоит так переживать? Смотреть на вещи просто. Ответьте, пожалуйста.

Петр Ю-ов »

Переживать стоит, отчаиваться — нет! Хотя и мне порой изменяет выдержка. В особенности, когда в почте встречаются письма совсем девчонок-несмышленицей, которые тайком не только от родных, от подруг спрашивают совета: как быть, если одноклассницы принуждают их к сожительству с мальчиками или даже со взрослыми мужчинами? А им все это противно до отчаяния и отказаться не смеют: подруги засмеют, назовут «маменькиными дочками».

Какая уж тут «культура чувств и отношений»! В прежние века у разных народов осуждалась беспорядочность половых отношений как противоестественная. Природа всегда сурово карала болезнями, бесплодием тех, кто манкировал ее заповедями. И в наше время, отмеченное огромными успехами медицины, быстрее старятся, чаще болеют, производят на свет хилое потомство, а то и вовсе лишаются его именно легкомысленные в юности девушки и юноши.

Известно, что даже у животных присутствует избирательность, а не всеядность в половом общении. Есть у них и время «ухаживания», и определенные ритуалы, которые украшают акт, предшествующий появлению потомства. Почитайте, что пишут натуралисты-исследователи: оказывается, и рыбки в аквариуме не соединяются без интереса и разбора. Их научила природа. А человека необходимо специально учить и этому: избирательности, красоте, разумности, современности и уместности физического сближения.

И в этой сфере отношений время и место — важный признак культуры.

Вспомним историю двух ваших сверстников-школьников, героев югославского фильма, так и названного: «Пришло время любить». Фильм этот в свое время пользовался большой популярностью, оттого есть уверенность, что большинству из вас известна его коллизия. В двух словах напомню содержание картины: девочка и мальчик, старшеклассники, встретились на танцах, влюбились, что называется, с первого взгляда. Отношения развивались в ритме современного танца: бурно, безудержно и безоглядно. И вот уже расплата: беременность, аборт, отчаяние родителей, осуждение учителей, попытки разлучить влюбленных. И — счастливый конец: свадьба, окончание школы, отъезд со стройотрядом.

Как вы думаете, могли ли подобные отношения подростков обойтись без драмы, без страданий?! И непременно ли история должна была кончиться столь благополучно? Убеждена: страдания были запрограммированы изначально. Неуместны и несвоевре-

менны *взрослые* отношения среди тех, кто посещает *детское* учреждение, каким является средняя школа, кто не имеет общественного статуса самостоятельных, взрослых людей.

И еще: герои фильма не дали времени своему чувству дозреть, вырасти из бессознательного влечения в подлинную любовь, которая, как вы помните, базируется па дружеском расположении и уважении — чувствах, не возникающих вдруг, с первого взгляда.

Одна учительница, обсуждавшая эту картину со старшеклассниками, попросила вспомнить: о чем юные герои говорили между собой? Ребята растерянно переглянулись и пожали плечами: никто не вспомнил.

— И не напрягайте память,— заметила учительница.— Влюбленные заговорили только тогда, когда надо было решать: как быть с будущим ребенком.

Это очень показательно. Фильм о любви, а влюбленным нечего сказать друг другу. Но «чтоб детей иметь, кому ума не доставало»,— как справедливо заметил поэт.

Обычно в таких случаях школьники энергично ссылаются на пример Ромео и Джульетты и другие примеры великой и вечной, возникшей мгновенно любви почти подростков. Возражение подсказывает статистика: среди тех, кто знаком был до свадьбы меньше месяца, самый высокий процент разводов. Долговечная любовь с первого взгляда — счастливый случай, редкое везение. В моем присутствии работники загса отговаривали молодую пару заключать брак: нагляделись они на то, как разбегаются увлеченные первым порывом от первых же трудностей совместной жизни.

И наконец, пора бы перестать оперировать примером Ромео и Джульетты хотя бы потому, что «нет повести печальнее на свете», чем повесть об их любви. Длилась она — тоже мгновение, и неизвестно, как сложились бы семейные отношения этой пары, разрешился конфликт между родителями так же благополучно, как закончился он в югославском фильме.

Наши юные современники, герои картины, прошли тяжкие круги испытаний, которых истинно любящие и обладающие определенной культурой чувств молодые люди непременно избежали бы. У школьницы должен был родиться ребенок. А ее возлюбленный, перетрусив, бросает ей слова — увы! — столь привычные в своей жестокости: твоя, мол, это забота. И пусть он потом мечется, ищет способы помочь, отчаивается, когда узнает о трагических последствиях аборта (у его подруги никогда не будет детей!), — все это, если говорить правду, ничего серьезного не поправит. Они уже положили первый камень на могилу своей любви.

Ну, поженлись они в конце концов, ну, уехали от своих родителей в далекие края. И что из того? Куда они уедут от собственной памяти? А она им все воскресит: его нетерпение, ее быстрое согласие (вот и основание для внешне беспричинной

ревности), его трусость и предательство, ее, хоть и временное, отвращение (вот и причина для неуважительной подозрительности). Дальше — больше, встанет проблема детей. Она будет жаждать их и винить мужа в том, что их нет. Он из-за отсутствия детей может решиться на брак с другой женщиной. Или, коли и не отважится на подобный шаг, будет скрытно и вечно страдать, обвиняя свою жену: не могла сдержать его порыва!

Правда, многим современным юношам и девушкам достает ума (и средств предупреждения беременности), чтобы не попадать в столь драматическую ситуацию. Чаще всего об их увлечениях взрослые и не догадываются. Но безопасность породила и оголтелую беспечность — в половые связи вступают вовсе неоперившиеся птенцы, наживая ранние и часто неизлечимые болезни души и тела, отцветают, не успев расцвести.

Надо прямо признать, что в югославском фильме взрослые, родители и учителя оказались не более подготовленными к такого рода событиям, чем подростки. Слово мы, взрослая, и впрямь забываем свои переживания этого сложного возраста.

Великий русский физиолог И. И. Мечников в прошлом веке обратил внимание па дисгармонию человеческого организма и полового чувства. Он писал, что ребенок еще совершенно не приспособлен для размножения, а между тем половое чувство у него настолько обособленно, что он получает возможность злоупотреблять им. Что получается? Три момента, которые по сути своей должны совпадать,— половое стремление, половое удовлетворение и размножение,— отдаляются друг от друга промежутками в несколько лет. Девочка десяти лет может испытывать желание физической близости, стать женой она способна только в 16 лет, а стать матерью — не раньше 20! Самое благоприятное время для первых родов определено современными учеными в 20—24 года.

Вот и еще одно объяснение, почему чувства и отношения человека непременно должны быть регулируемы сознанием и нравственными правилами и соотнесены с возрастом и полом. А то ведь пришлось бы за десятилетиями девочками признать право на взрослые отношения, поскольку чувства-то у них могут быть очень сильными. И в то же время у юношей, даже когда они физически вроде бы вполне созрели для отцовства, чувства могут быть вовсе незрелыми, мальчишескими.

Но при этом многие мамы юношей, как и беспечная родительница из разбираемого нами кинофильма, считают, что все тревоги и волнения об отношениях подростков — на совести родителей девочки: пусть, мол, они больше за своим ребенком следят. У парней дети не рождаются.

Вряд ли с этим можно согласиться. Дети появляются из-за легкомыслия сыновей чаще, чем из-за легкомыслия девочек. Они-то пытаются удержать, отговорить своих дружков переходить грань близости. Но юноши, как правило, требуют от них «до-

казательств» любви. А получив их, не считают для себя обязательным доказывать то же самое уже своим ответственным отношением к последствиям любви. Подлинная же взрослость, как мы знаем, определяется не столько чувствами, даже поступками, сколько способностью и готовностью отвечать и за то и за другое.

Это физиологические и психологические противопоказания ранних половых отношений. Социальные заключаются в том, что нынешние подростки ни материально, ни профессионально несамостоятельны, целиком зависят от родителей. Л значит, по совести, не имеют права решать свою судьбу без участия старших. В противном случае это будет нарушением своеобразного семейного кодекса, диверсией против родителей. Как и против учителей: взрослые отношения уместны во взрослом коллективе. Это тоже нужно понимать.

Да кто же из героев разбираемого фильма и им подобных думает в этом возрасте о таком развитии событий? Они не заглядывали вдаль, не помышляли создавать семью. Брак этот — давайте смотреть правде в глаза — вынужденный. Хотя молодые люди и уверяют себя, будто соединились сознательно и добровольно, по любви.

К сожалению, довольно часто явление, когда не по желанию и зрелому решению появляется у юных супругов первый ребенок.

Вынужденный брак, неожиданный ребенок — что может быть печальней при начале семейной жизни? Нет, не из ханжества, не из пристрастия к консервативным жизненным установкам продолжают взрослые твердить современным девочкам и мальчикам о строгости нравов, выдержке, совестливости, о чувстве стыда. -Все эти свойства — часть общечеловеческой духовной культуры, которую мы призваны беречь и совершенствовать.

— Вы что же, считаете, что юноши и девушки конца XX века должны себя вести по образцу и подобию их сверстников из XIX столетия, когда девицы не смели поднять взоры на молодых людей, а те рассыпались в галантностях? Нынче вести душеспасительные беседы о девичьей стыдливости — значит обнаруживать собственную отсталость.

Знаменитый в начале XX века австрийский исследователь, автор нашумевшей в свое время книги «Пол и характер» Отто Вайнингера утверждал, что в некоторых регионах западного цивилизованного мира с определенной цикличностью появляется движение феминисток, сторонниц так называемого женского равноправия. В их поведении наряду с мужскими достоинствами — решительностью, твердостью характера, бесстрашием — появляются и чисто мужские пороки: склонность к пьянству, распущенность в словах, манерах и поступках, безответственное отношение к потомству. Даже во внешности женщины словно бы отрекаются от всего женского: стягивают, прячут, уродуют, грудь,

затягивают фигуру так, чтобы не бросались в глаза бедра. Они берут пример с мужчин во всем — в одежде, обуви, повадках.

В какой-то момент движение феминисток доходит до крайности: начинает сокращаться рождаемость, общественные нравы падают, отрицательно влияя на государственные устои. Обычно первыми спохватываются сами женщины и открывают новое движение: за урегулирование половых отношений, за строгость правил. Приходит понимание: нравственность нации прежде всего пестуется женщиной. И если уж она откажется быть стойкой и порядочной — прощайте, моральные устои.

Подлинная женская революция имела другую сущность и другие формы проявления. Вот как писал об этом Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: переход от группового брака, от беспорядочных связей, от «греховного зачатия» к «единобрачию» совершился главным образом благодаря женщинам. Чем больше с развитием экономических условий жизни, следовательно, с разложением древнего коммунизма и увеличением плотности населения унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой наивный первобытный характер, тем больше они должны были казаться женщинам унижительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или постоянный брак с одним мужчиной. От мужчин этот шаг вперед не мог исходить помимо прочего уже потому, что им вообще никогда, даже вплоть до настоящего времени, не приходило в голову отказываться от удобств фактического группового брака. Только после того, как женщинами был осуществлен переход к парному браку, мужчины смогли ввести строгую моногамию (единобрачие.— Т. А.), — разумеется, только для женщин». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21,—С. 56.)

Обратите внимание: Ф. Энгельс — решительный противник полового неравенства — говорит о выстраданном женщинами «нраве на целомудрие» как о шаге вперед. И уж никак не призывает к равноправию в пороке.

Дальше Энгельс пишет: «Первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским. Единобрачие было великим историческим прогрессом, но вместе с тем оно открывает... продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления других». (Там же.— С. 68—69.)

Но отчего же именно женщина сочла для себя «унижительными и тягостными» беспорядочные половые отношения, отчего именно она затребовала единобрачия?

Думается, приметливые женщины еще в древние времена

уловили закономерность: здоровей, удачливей потомство той матери, к которой накрепко привязан мужчина — отец, работник, добытчик и защитник. Теперь-то уж ни у кого не вызывают сомнений преимущества крепкой семьи в воспитании детей, в ведении хозяйства, даже в профессиональных достижениях. (Последние исследования показывают прямую зависимость всяческого преуспеяния человека — в делах, в творчестве, здоровье — от семейного благополучия. Впрочем, мы уже об этом говорили.)

Вот и выходит, что долгие века женщины смирялись с моральным неравенством во имя блага детей, как это ни покажется странным. Потому что без науки создавали: поведение матери в большей мере отзывается на благополучии потомства, чем поведение отца. Оттого и дочек воспитывали в большей строгости, чем сыновей.

Моральные нормы и правила не были чем-то данным всем людям от начала и навеки. Существовали разные обычаи у разных народов: были сторонники многоженства и многожества, даже приверженцы безбрачия. Но именно наличие упорядоченных связей указывало на то, вышли ли это племя, этот народ из состояния дикости или все еще пребывают в оном.

Однако нынче мы можем столкнуться с таким вот феноменом: общество, достигшее высокого расцвета науки, техники, искусства, впадает в состояние дикости в сфере половых отношений. Примером может служить «сексуальная революция», действительно получившая распространение на Западе, которая, по мнению некоторых ее апологетов, должна способствовать уничтожению векового неравенства в отношениях полов. Для осуществления этих целей привлекались средства массовой информации, которые открыли огонь по таким человеческим качествам, как стыд, застенчивость, скромность, верность, объявив их мещанскими, ханжескими проявлениями, чуждыми просвещенному и свободомыслящему человеку. Высказывались убеждения, что сексуального просвещения молодежи достаточно для того, чтобы построить счастливую семью.

Распространение литературы и кинофильмов, не только снявших таинственные покровы с интимных отношений мужчины и женщины, но и смакующих подробности, пропагандирующих «технологии» секса, привело к тому, что «просветившаяся» молодежь стала обнаруживать склонность ко всякого рода извращениям, резко возросло число психических заболеваний на этой почве, не говоря уже о бурном росте венерических. Все большее число юношей и девушек не хотят, да и не могут строить нормальные семейные отношения.

По некоторым данным, от половины до 2/3 разводов в Англии, Японии и США происходят, наряду с другими причинами, из-за сексуальной неудовлетворенности партнеров или иных нарушений в деятельности половой сферы. Дания, Франция, ФРГ являют собой средоточие этой «науки и практики», наводняют мировой

рынок соответствующей «популярной и научной» литературой. И как раз именно в этих странах уровень рождаемости и устойчивость браков оставляют желать лучшего.

О падении общественной и семейной морали говорят с огромной тревогой все честные люди в этих странах. Во Франции и ФРГ печать называет «социальными самоубийцами» сторонников «сексуальной революции». Как последнее предупреждение природы: «Не играйте с огнем, люди!» — воспринимается известие о распространении небывалой болезни — СПИДа. Эта напасть обрушивается на любителей «запретного плода»: проституток, гомосексуалистов и просто легкомысленных гуляк мужского и женского пола. А плата за «сладкую жизнь» — срыв иммунной защиты организма, который погибает от любой малости, любого микроба. Всемогущий человек становится совершенно незащитным. Вот такие последствия «сексуальной революции». Да и зря назвали это явление столь громким именем. Нет в нем ничего нового, тем более революционного.

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной, Сам о
себе везде трубя И наслаждаясь не
любя. Но эта важная забава Достойна
старых обезьян Хваленых дедовских
времен...

Видите, для А. С. Пушкина «наука любви», поставленная на службу разврату, «достойна старых обезьян».

И нынче у массы материально обеспеченных людей Запада, как и у элиты всех времен, бездумное, безудержное потребительство создает стереотип, по которому строится вся система человеческого поведения, в том числе в интимной сфере. Точно так же, как заменяется машина (мебель, одежда, украшение, игрушки), меняется и «партнер» в семейной или просто совместной жизни. Естественно, чем слабее люди между собой связаны, тем легче происходит эта смена. А больше всего мужчину и женщину, мужа и жену, связывают общие дети. Они требуют постоянства, порядочности, верности. Раз так — отказываются не от того, что мешает рождению и воспитанию детей, отказываются... от них самих. Тем более что, при всеобщей заменяемости, родных детей не подменишь другими, более «модными, современными, более удобными и приятными», а ведь именно эти свойства считаются самыми высокими достоинствами для любой вещи, любой ценности.

Фетиш замены (измены) как основной признак преуспеяния личности или семьи — вот что нынче определяет стиль и мораль поведения многих представителей обеспеченных кругов в буржуазном обществе. Отрицание постоянства как символа консервативности, отсталости взглядов стало для них своего рода

признаком «современности». Любого постоянства. Во всем. В дружбе. В сотрудничестве. В родственных отношениях. Это — первая причина разгула сексуальной анархии (но никак не революции) в капиталистическом мире, свидетелем которого стало наше поколение.

Вторая причина — не менее ощутимая и существенная — отсутствие сдерживающего и регулирующего начала в поведении людей, отсутствие ясных нравственных целей своего существования.

Можно признать, что капиталистические страны сейчас переживают тяжелый моральный кризис. Регулирующее действие религии ослабевает, а высокой идеи, во имя которой человек призван был бы сдерживать грубые желания и страсти, во имя которой он добровольно принял бы на себя обязательства, ограничивающие его потребительские аппетиты во всех сферах, такой идеи у буржуазного общества нет.

Вот и бросается оно из одной крайности в другую: от запретов просвещения молодежи в вопросах интимных отношений к разгулу порноискусства, а от него — в обратном направлении, когда возникают касты, принимающие обет аскетизма и безбрачия. В последнее время появляются признаки того, что в западных странах наступает отрезвление. Многие общественные организации ведут войну с могучей индустрией порнографии, ставшей поистине золотой жилой для ловких дельцов. Появляются запреты на эту «продукцию». Но ведь одними административными мерами не решить столь сложную проблему, как нравственное воспитание молодого поколения. Нужны нравственные идеалы, освещенные и поддержанные наукой и искусством. Правда, в рядах прогрессивной молодежи Запада, в последние годы возникло движение «за новое целомудрие», попросту за здоровые отношения полов.

В нашем обществе сама идея эмансипации полов формулировалась с самого начала иначе. Когда социалистическая революция сокрушила буржуазный строй, а вместе с ним и буржуазную семью, обнаружили три направления в межполовых отношениях.

Сторонники одного своим лозунгом провозгласили «свободную любовь» и объявили войну стыду. Против них очень решительно выступили В. И. Ленин, Н. К. Крупская и многие истинные марксисты, убедительно доказавшие, что распущенность нравов никогда не имела ничего общего с подлинной революционностью, как ничего общего не имело с марксизмом и мещанское ханжество.

В. И. Ленин предостерегал от кокетничанья всепониманием, всепрощением. Он считал, что провозглашение «свободы от брака», как правило, возникает от «стремления оправдать... собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе». (Воспоминания о В. И. Ленине, — М., 1979. — Т. 5. — С. 42.)

Протестуя против лозунга «свободной любви», В. И. Ленин говорил, что в буржуазном обществе понимают под этим свободу от серьезного в любви, от деторождения, свободу адюльтера. Для коммунистов «свобода любви» может означать лишь свободу от материальных (финансовых) расчетов и забот, от собственнических и религиозных предрассудков, от запрета родителей, «от уз закона, суда и полиции». Не мимолетная страсть, не пошлый и грязный брак без любви, а гражданский брак с любовью — такова позиция коммунистов в этом вопросе.

Другое массовое течение представляли те, кто сохранял веками складывавшийся устав семейной жизни. И не венчанные, «не расписанные» в загсе, жили по традиционным заповедям.

Третьи же, их тогда было меньшинство, сознательно принимали на себя тяготы поисков новых форм отношений, которые строились бы на основах высокой морали, а не на страхе перед «геенной огненной», перед осуждением соседским. Они стремились строить личную жизнь по образцу и подобию коммунистического общественного идеала, согласно которому прогресс невозможен при сохранении угнетения одного человека другим.

О подлинной революции в межполовых отношениях говорит изменение положения женщин в нашей стране на протяжении жизни всего лишь одного поколения. Прежде всего женщина получила свободу выбора. Выбора всяческого: образования, профессиональной, общественной и домашней деятельности, выбора супруга, выбора быть матерью или нет. Однако чем большей свободой мы пользуемся, тем больше осознаем, как важна дифференциация полового воспитания. Поэтому мы не устаем повторять о женском и мужском достоинстве, о необходимости формирования этих качеств личности с малых лет.

Мы с вами уже проследили глубинное воздействие социальных условий на систему человеческих отношений, которые, в свою очередь, влияют на физиологические процессы.

Что нам говорит естествознание? Наш великий соотечественник И. И. Мечников в знаменитых «Этюдах о природе человека» написал: у человека «внутренние половые органы указывают до известной степени на обоеполое происхождение. У мужчин наблюдаются остатки женских половых органов... Наоборот, у женщин находят следы мужских половых органов».

Эндокринологи скажут о наличии у каждого из нас гормонального «набора» обоих полов. Мужчинами же или женщинами нас делает преобладание определенных гормонов и свойств. Подобно этому, в поведении, характере, интеллекте нельзя назвать черты и свойства, присущие исключительно и абсолютно одному из полов. Можно говорить лишь о преимущественно женском или мужском признаке.

Как пишет доктор философских наук И. С. Кон, «один и тот же мозг может содержать программы как для мужского, так и для женского поведения». Такая «обоеполость» обеспечивает нам

высокую пластичность, приспособляемость к меняющимся условиям быта, позволяет в критические повороты истории женщинам принимать на себя мужские труды и обязанности, а мужчинам — женские.

Да, но тогда почему существует половое деление свойств и качеств, коли они присущи всем людям в той или иной степени?

Те свойства, что традиционно считаются женскими, видимо, сформировались вследствие выполнения материнских обязанностей. Обращаясь с новорожденным, воспитывая детей, мать вырабатывает такие душевные качества, как терпимость и терпеливость, добросердечие, сострадание, самоотверженность, мягкость и нежность. И чем больше мужчина получил материнской любви, заботы в младенческие годы, тем нужней и ценней ему эти качества в жене. Ведь с ними и связывается у взрослого человека представление о «совершенной женщине». Вечный сын женщины — вот каким видится мужчина во все века. Дитя ли он, муж ли, брат — это уже частности, все равно сын!

Что же в перспективе? Опять адресуюсь к ученому И. С. Кону: «Многие американские и западноевропейские социологи и психологи предсказывают, что мужские и женские социальные роли в перспективе будут абсолютно одинаковы. Лично я в это не верю. Пусть реальные возможности обоих полов оказались гораздо пластичней и шире, чем думали раньше. Из этого еще не следует, что половое разделение труда вообще лишено биологических оснований».

И дальше И. С. Кон, по сути, высказывает уверенность, что никакие социальные перемены не повлияют на биологические особенности женского организма, не отменят материнских функций и всего того, что мы именуем идеалом женственности. Но для его дальнейшего культивирования необходимо соблюдать различия в воспитании мальчиков и девочек.

Таково решение сложной, запутанной проблемы: с пониманием, бережностью относиться ко всему, что заложила в нас природа, не крушить и не ломать ее в угоду временному преуспеванию, но и не полагаться целиком на нее одну, осмысленно развивать то, что признается особым достоинством пола и личности.

Вряд ли кому охота быть существом среднего пола: ни то ни се, без знания и понимания своей сущности, своего земного назначения.

Однако будем искренни: нельзя воспитывать чувства чести и достоинства, не объясняя, что и от чего надо защищать. Герой романа английского писателя Л. П. Хартли подросток Лео Кол-стон был воспитан в полном неведении относительно интимных отношений между мужчиной и женщиной. Столкнувшись с любовью в ее грубо-реальном воплощении, он был так потрясен, что потерял сознание и потом долго тяжело болел. А выросши, отказался от сближения с женщиной, от семейной жизни. Такова бывает цена «наивности».

Бывает и другая реакция неподготовленного подростка на реальные половые отношения. «Мама не устает мне твердить о необходимости хранить девичью честь и достоинство. А их никто не собирается у меня отнимать. Мой друг, Игорь, очень нежно и бережно ко мне относится. У нас такая чистая и красивая дружба. Единственно, что нас тревожит, чтобы я не забеременела. Ведь мне всего 14 лет, а ему — 17. Мама пригрозила: если это случится, она посадит моего друга в тюрьму и надолго. Как это так — в тюрьму? Она, наверное, меня обманывает? Ирина К.»

Не станем иронизировать по поводу «чистой дружбы», которая может привести к беременности. Здесь важно заметить другое: смещение всех представлений об отношениях подростков.

В последнее время прокатилась волна судебных процессов, в результате которых юноши, подростки попадали в колонии «за растление несовершеннолетних». Большинство осужденных ссылались на свое незнание законов. Даже возмущались суровостью наказаний: никто силой не заставлял девочек переступать черту дозволенного.

Непреклонные юридические законы не считают неведение достаточным основанием для оправдания преступления.

Вот история одного такого процесса. Участниками его были подростки-старшеклассники, вчерашние приятели и подруги.

В те дни девушки и юноши стали по разные стороны весов Фемиды. Юноши — ответчики, подсудимые; девушки — потерпевшие. Подсудимые привлекались за одно из тягчайших преступлений — изнасилование.

Члены суда не обнаружили ни у свидетельниц случившегося, ни у потерпевших угрызений совести или гнева против насильников. Подруги даже прослезились, когда конвой уводил осужденных.

Выяснилось, что «потерпевшие» были пьяны до встречи с «насильниками». По собственной воле и охоте они довели себя до такого положения, когда все остальное происходило уже в полубессознательном состоянии «сторон». Так что не было насилия, не было и сопротивления. Оттого я слова «потерпевшие» и «насильники» беру в кавычки.

На встречах с юристами не раз выслушивала сетования на несовершенство законодательства: действительно, за одинаковую вину — разное наказание, даже больше того — девочки объявляются потерпевшей стороной, в то время как порой они же провоцируют мальчишек на глупости. Высказывалась такая мысль: поскольку здоровье потомства и всего народа в большей степени зависит от нравственности женщины, нужно более строго спрашивать с девушек за их поведение.

Член-корреспондент АМН СССР Н. П. Напалков утверждает, что женщины, курящие во время беременности, подвергают будущего ребенка риску заболеть раком. Пьющая девушка (будущая мать) несет несчастье своему потомству до седьмого колена. То

же самое и в отношении беспорядочных половых связей. И суд в данном случае защищал девушек от их собственного невежества, бескультурия. Потому что видел в них потенциальных матерей, чье тело — высшее творение природы — не должно служить орудием минутного и мутного желания, орудием сомнительного развлечения.

На защиту материнства направлены многие статьи Конституции СССР. Так, наравномерен набор юношей и девушек в некоторые учебные заведения, а иные для девушек и вовсе закрыты, как, например, военные и морские училища, хотя ни у кого не возникает сомнения, что у многих современных девочек хватит способностей и физических возможностей освоить военные дисциплины, вынести тяготы службы. И в шахты добывать уголь их не берут. И на пенсию провозжают раньше мужчин на целых пять лет. И в судебных спорах о разводе и разделе детей, имущества, как правило, юридические органы принимают сторону жены-матери, несмотря на то, что именно она могла быть виновницей развала семьи.

По той же причине на производстве все больше культивируется бережное, уважительное, сочувственное отношение к женщине, ее работам и нуждам.

Все преимущества даются женщине исключительно за материнскую миссию! А кто претендует на почести, не исполняя главной обязанности или исполняя ее небрежно, должен знать точно: требует не по заслугам.

Таким образом, вырисовываются два стереотипа эмансипации женщин. Одни избрали лозунг: «Равнение на мужчину!» Образовательный, профессиональный уровень у сторонниц этого типа равноправия, несомненно, поднимается на небывалую высоту, а вот чисто женские качества порой утрачиваются. Это приводит к тому, что в отношениях влюбленных и в семье продолжается затяжная, изнурительная и бесплодная «война полов» за раздел или перераспределение привилегий, комфорта, но уж никак не ответственности за любовь и мир, за честь и достоинство.

Другой путь избирают те, кто эмансипацию воспринимает не как движение за лидером и даже не как движение навстречу друг другу, а как совместное движение к вершинам собственного развития, чтобы стать совершенной женщиной-женой-матерью и совершенным мужчиной-мужем-отцом. Второй путь, очевидно, более человечен и благоприятен. И для личности, и для общества.

Что из всего этого следует? Что женщине, как и прежде, должно быть запрещено то, что испокон веков прощалось мужчине?

Наоборот: мужчине должно быть непозволительно то, что веками запрещалось женщине. Только в этом случае равенство будет строиться не на общих пороках, а на общих добродетелях. Таковую перспективу рисует воображение всех радетелей человеческого блага. Да иного и быть не может: безнравственный

мужчина развращает и женщину, и детей, сеет злые семена, которые потом дают обильные всходы.

Нам не установить царство чести и справедливости, если мы станем мириться с пороками в собственном доме. Но борьба за нравственный идеал не менее сложна, чем борьба за осуществление социальных идей. Нередко самые благие намерения и чувства оборачиваются бедой для многих женщин. Предлагаю вашему вниманию исповедь юной души, которая может дать толчок к новым размышлениям.

«Мне 21 год. Судьба у меня немного необычная. Видно, права моя мама, назвавшая меня фанатичкой. В 18 лет познакомилась я случайно, по переписке, с заключенным, которому оставалось сидеть еще 6 лет. Завязалась переписка. Я горела желанием помочь ему стать на путь истинный. В письмах мы с ним спорили, рассуждали. Он оказался довольно умным человеком (он старше меня на 10 лет). У меня была подруга, которая делила со мной все радости и невзгоды. Вместе мы зачитывались его письмами. Он умел мечтать, страдать, плакать и смеяться в письмах. И я... влюбилась. Именно так мне показалось. Он сделал мне предложение. И я в 19 лет вышла замуж, расписавшись с ним «в зоне».

Представляете, что творилось дома! Но я выдержала и это. Виделись мы раз в полгода, переписывались часто. А через год я «проснулась» и поняла, что не люблю его. Мы начали ссориться. Так все и шло. Не знаю, долго ли это могло продолжаться, но тут случилось то, чего я меньше всего ожидала. Я встретила человека и полюбила его. Полюбила так, что самой страшно стало. Ко мне пришла настоящая любовь, которая только раз дается человеку. И в этом я не ошибалась. Он отогрел мою душу, научил снова радоваться и смеяться. Вроде бы все хорошо. Но тут я поняла, что попала в замкнутый круг. Что делать? Но я у него — все, что есть на свете. Остаться с ним? Но я не умею врать... Вот когда мое счастье начало выливаться слезами.

Все подружки говорили, что я должна пожалеть мужа и остаться с ним. Даже мама так решила. Поймите меня: может, Я действительно эгоистка, безжалостная. Но я подумала о себе. Мне 20 лет. И я всю жизнь должна расплачиваться за ошибку. От меня отвернулась любимая подруга. А я, бессовестная, пожалела себя, того человека, которого люблю, и своих будущих детей.

И я нашла в себе силы, не слушая никого, как и прежде, взять развод. Конечно, нелегко было решиться на это. Мука даже писать об этом.

По вот к чему я все это рассказываю. Человек, которого я люблю, женат. Точнее, он не был официально разведен с женой, хотя и не жил с ней. Он подал на развод, и мы решили жить вместе, не зарегистрировавшись. Я знала, что у него пятилетняя дочь. Но он скрыл, что есть еще и пятимесячный сын. Когда это

открылось, я ревела дни и ночи. Я предложила ему расстаться, хотела уехать из родного города. Но он сказал, что поедет со мной.

Советовалась я с его родней. Все в один голос твердили, что только со мной он стал жить спокойно, почувствовал себя счастливым. И я готова была все отдать ему. Но горькое наше счастье. Горько, что двое детей без отца. Я ночами плачу от боли в душе из-за чужих мне людей. Не подумайте, что я строю из себя благородство. Все друзья и подруги говорят, что я сделала сиротами его детей. Наверное, они правы. Но были ли бы счастливы дети, если бы отец им лгал, жил в неволе... Конечно, мне легко рассуждать. А ей, его жене, каково с двумя детьми?

Я случайно встретилась с ней. Что мне она наговорила! Но я ее не виню, я ее понимаю. Но мне особенно больно, что она обругала моего ребенка, который еще не родился. Ему-то за что?

Может, все же вернуть детям отца? И, значит, отнять его у моего собственного ребенка? Это-то мне не так страшно. Думаю, что ребенок, когда вырастет, поймет меня. Но я сама не могу без любимого жить. Я сознаю: дети — очень дорогое в жизни, но ведь лишит себя счастья в 20 лет тоже трудно. Вероятно, я в самом деле эгоистка. Я всегда ждала любви как чуда и никогда не думала, что моя любовь и мое счастье будут такими горькими. Что же мне теперь делать?

Светлана К.»

Вы со мной, наверное, согласитесь, что письмо это не может оставить никого равнодушным. Тут столько противоречивых чувств и мыслей, столько боли и надежды, что на целую повесть хватило бы. Но это не литература, это — жизнь. И страдания настоящие, не бумажные. Видите, как дорого достается самой Светлане и ее окружению такая естественная, с ее точки зрения, свобода чувств и независимость в поступках. Влюбилась в «отверженного», пошла навстречу своему влечению, перешагнув через протесты матери. «Проснулась» от этого чувства — притворяться не может и не хочет. Уходит, опять же не оглянувшись на суд людской, на то, что при этом теряет любимую подругу, что из-за ее отступничества может еще ниже опуститься тот, кого она хотела поднять.

И новая любовь приносит пока лишь беды. Светлана хочет счастья любимому и с любимым, но это никак не совмещается с благополучием его детей и ее будущего ребенка. И какой у них будет мир и лад, когда рядом существует дом, где в адрес самых дорогих для нее людей будут постоянно раздаваться проклятья?

Юная женщина, почти девочка, все решает сама и, конечно, платить за все будет тоже сама. Полной мерой. Меня, например, заставила содрогнуться вскользь оброненная фраза: «Может, все же вернуть детям отца?» Она ведь и впрямь считает себя все-

могущей и всевластной: «взять», «бросить», «вернуть» мужчину. Вот где груз неподъемный должен быть — сознание такой своей возможности и ответственности! А ей не страшно.

В этой исповеди неизвестно, чего больше — самоотверженности или эгоизма, легкомыслия или заботы обо всех, кто попал под колеса «настоящей» ее любви. И ведь судьба Светланы только внешне не неординарна. По существу, ее проблемы — муки очень многих, кто предаст старого друга, старую любовь, кто строит новые отношения на обломках прежнего счастья.

Как поступит Светлана, трудно предугадать. Еще трудней ей советовать. Но ясно одно: уже сами ее переживания, невозможность беспечального существования «счастливчиков, нашедших друг друга», свидетельствуют в пользу нашей общей морали. Беспокойство души за судьбы прежде любимых, забота о детях — не только о своих, но и о чужих — признак того, что даже таким юным и неопытным женщинам и юношам, как Светлана и ее друзья, важно соединить вечно спорящие чувства: любовь и долг, жажду личного благополучия и совестливое житье.

В первом издании книги «Семья» на этой мысли разговор о «сексуальной революции» и ее гримасах заканчивался. Диспуты в молодежной аудитории подсказали, что в нем отсутствует ответ на важнейший вопрос: как быть юношам и девушкам, если природа властно требует физической близости, а по всем категориям (возрастным, моральным, психическим) они еще не могут создать семьи? Да и не желают связывать себя супружескими узами с теми, кто возбудил сексуальное влечение, но не более того. Ведь не секрет, что многим юношам изменяет выдержка, когда зов пола заглушает голос благоразумия. Да и девушкам, нынче набирающим детородную силу на два-три года раньше своих предшественниц, трудно удержать себя в рамках благочестия.

Постоянная острастка, суровые запреты, как мы убедились, малоэффективны. В прежние времена девушек от «грехопадения» спасал страх перед дурной славой. Теперь его не стало. Осталось опасение внебрачной беременности. Но современная медицина изобретает все новые противозачаточные средства и скоро освободит молодых и от этого сдерживающего состояния. В конце концов можно было бы принять добрачные связи как печальную неизбежность, что и стало правилом на Западе. (О переменах, происходящих на этот счет в мировоззрении молодежи капиталистических стран, мы уже говорили выше: они — в сторону устроения моральных норм и правил поведения.)

Однако проблема эта возникла не вчера, и многие поколения искали альтернативу опасным для души и тела блудным утехам. Все знатоки человеческой природы сходились в одном: силы молодого человека должны быть вовлечены в напряженный и увлекательный труд.

— Ну вот, права была Таня Р., когда предполагала, что

лечить ее любовную лихорадку предложат высокопроизводительным трудом.

Нравится такое «лекарство» кому-то или нет, но оно по-настоящему целительно, как никакое другое. Дело в том, что сексуальная энергия имеет один источник с творческой. Оттого увлечение любым занятием, страстное желание достичь успеха в работе, спорте, искусстве помогает перенести, «сублимировать», как говорят психологи, сексуальную энергию — в творческую. Значит, хочешь излечиться от страсти к телу — влюбись в какое-то дело. В этом и заключается ответ на вопрос: как быть? С полной уверенностью можно сказать, что раннее половое беспокойство и неводержанность в подростковые и юношеские годы усиливается до чрезвычайности у тех, кто ленив и нелюбопытен, кому физический труд не в радость, не манят дальние странствия, думы не занимают чужие боли и творческие искания и т. п., душевные волнения.

В доказательство того, что не старыми ханжами придумано такое суждение, приведу слова А. С. Пушкина:

Но я, любя, был глуп и нем.
Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует, Перо,
забывшись, не рисует Близ
неоконченных стихов Пи женских
ножек, ни голов.

Такова в общих чертах проблема воспитания культуры чувств и межполовых отношений. Но даже это краткое изложение дает достаточное представление о сложности задач, которые нам всем предстоит разрешить: избавиться в своих помыслах, чувствах, поступках от всего, что нас, старших и младших, женщин и мужчин, разобщает, противопоставляет друг другу, от всего, что приносит з наш быт уродство, грязь, бесчестье, унижение нашей природы и достоинства.

Если вдуматься, то осуществление такой программы будет исполнением вековой мечты всего человечества, истинно нравственной революцией. Она прежде всего должна совершиться в сердце человеческого, каждому нужно будет одолеть самого себя. А надо признать, что еще в древнейших книгах было сказано: тот человек самый сильный, кто одолеет свои слабости. И нет для «царя природы» страшней зверя, чем его собственные дурные привычки. По всей вероятности, истинными героями нашего времени будут храбрецы, схватившиеся с этим чудищем, что отравляет нам жизнь, застит солнце.

4

ПОД МАРШ МЕНДЕЛЬСОНА

МЫ ВЫБИРАЕМ — НАС ВЫБИРАЮТ

Теперь переходим к вопросам супружеских, родительских отношений.

— Папа с мамой, поздравьте нас: мы решили пожениться.

Вот таким образом многие молодые люди оповещают своих родителей о том, что в их жизни наступает новая и сложнейшая пора. В устоявшемся быту семьи появляется человек иного рода-племени, «инопланетянин» или «инопланетянка». Естественно, что старшие воспринимают это известие не столько с восторгом, сколько с опаской и тревогой: каков-то нрав, характер будущего нового родственника, как он воспримет порядки, установленные в их доме?

Время со дня объявления о будущей свадьбе и до той поры, пока отшумит свадебное веселье, обычно бывает очень напряженным для жениха и невесты. Хотят ли — не хотят, но проходят они своего рода смотрины-испытание на право стать членом семьи своего избранника, избранницы.

Ничего особенного не говорится молодым людям и родителями друг друга, вопросы все житейские: когда и как справлять свадьбу, кого приглашать, где будут жить молодые? Но за тем, как ведутся эти переговоры, за тем, что важно, что не важно для жениха и невесты, опытные глаза взрослых видят многое такое, чего не разглядеть, не угадать влюбленным. И конечно, пытаются высказать свои опасения, сомнения любимым чадам: правильный ли сделан выбор? Но их старания напрасны.

Спросите любого из тех, кто ставит подпись в Книге Жизни: твоя подруга воплощает предел твоих мечтаний? Ты ее и только ее хочешь видеть рядом с собой всю жизнь, через нее обессмертить себя в потомстве? С теми же вопросами подойдите потом к невесте. И посмотрите на их лица. Скорей всего вы прочтете на них растерянность и даже раздражение. О чем их тут спрашивают? Ну конечно же, они сейчас ни о ком другом не помышляют. Только с этим человеком, кто стоит рядом, возможно счастье.

Искренне забыты увлечения прежних лет, потому что крайне редко до свадьбы сохраняются детские и юношеские влюбленности.

Из ума и памяти выпадает и идеал, рисовавшийся юному воображению. И не вызывает удивления, что тот, кто будет делить с тобой радости и печали, мало схож с героем грез. Ей всегда нравились блондины с голубыми глазами, а выходит замуж за брюнета с карими. Ему будущая жена виделась яркой красавицей, «что невозможно глаз отвести», а женится на маленькой, простенькой, востроглазой девчонке. Что за чудеса такие с ними происходят? Ну, деда и бабки сваливали подобные превращения на «промысел божий», дескать, на небесах браки творятся, кому с кем быть — судьба решает. Теперь не на кого кивать. Можно лишь гадать: как бы сложилась судьба, откликнись на зов других глаз и уст? Конечно же, все было бы иначе — профессия, место работы, внешний облик и то мог бы быть другим. С Машей, домоседкой, любительницей вкусно поесть, Петя, может, раздался бы вширь, обленился, остановился в развитии. А с Катей, заядлой спортсменкой, непоседой, был бы поджарым, жилистым, энергичным и в делах, и в развлечениях.

И невеста, если бы вышла за Колю, жила бы совсем иной жизнью: размеренной, беспечальной, с тихими и умными вечерними беседами, с абонементом в филармонию. А с Петей она будет мыкаться по стройкам, ютиться в вагончиках и бараках, петь под гитару, громко спорить. И порываться бросить всю эту «романтику дальних дорог», и вновь возвращаться к милому шалашу.

А отчего рассталась с Колей и согласилась на предложение Пети? Ведь нравились ей оба, даже первый вроде бы больше.

И вдруг... Проклятое или благословенное «вдруг!» Слово, взгляд, поступок — все переменили. Но ведь и Петя может что-то сделать не так, оступиться. Что ж, и к нему она будет столь же непримиримой, как оказалась к Коле? Нет, ему она прощает больше, чем кому бы то ни было.

Довелось познакомиться с двумя молодыми семьями, чья судьба сложилась удачно. И те и другие находили какие-то «знаки» того, что их встреча была не случайна. Тамара Д-ва уверяла, что первым же взглядом будущий муж отметил ее среди подруг и сказал: «Вот эта — моя!» У нее такой мысли не возникло, зато она вдруг увидела мокрый перрон железнодорожной станции, на перроне стоит она с Геннадием и маленьким мальчиком, все трое — с рюкзаками, собрались в лес. Увидела столь явственно, что даже удивилась: еще с парнем не познакомилась, а уже представляет себя вместе с ним и ребенком.

Елена Б-ва говорила, что ее сердце ничего не просигналило. Зато Алексей, не отходивший от нее ни на шаг уже после первой встречи, уверял, что осуществляется его «вещий» сон. В армии привиделась ему жена с дочкой, обе — Елены. И Алена похожа на девушку из сновиденья. Услышь эти рассказы наши бабушки, наверняка сказали бы — суженые встретились. А сами счастливые избранники только ахают: могли ведь и не увидеться, разминуться в человеческой сутолоке.

— Подумать только: порой вся судьба складывается по-иному из-за какой-то случайности. Даже дети, их жизни будут совсем непохожими в зависимости от «комбинации» родительской пары. И жизнь близких и дальних родичей устроится по-особому из-за выбора, сделанного выросшими детьми.

— Да полноте, сколько можно говорить про выбор, про сознательное, осмысленное отношение к созданию семьи! Например, А. И. Герцен, анализируя в «Былом и думах» свои и Огарева семейные сложности, написал: «Сближение с женщиной — дело чисто личное, основанное на... тайно-физиологическом сродстве, *безотчетном*, страстном. *Мы прежде близки, потом знакомимся*». (Курсив наш.— Т. Л.) Это написал человек, женившийся на двоюродной сестре, которая до брака в течение нескольких лет чуть ли не ежедневно исповедовалась перед ним искренне и до конца!

Так, может быть, случайность соединения и есть закономерность? Ведь, действительно, можно ли до брака узнать, каким супругом или супругой окажется предмет страсти, если само супружеское состояние ни на что не похоже, если оно «таинственно, безотчетно»? И помогут ли нам тогда все способы, хоть народные, хоть научные «вычислить удачу»?

Это влюбленным свойственно и простительно говорить о том, что нет объяснения их предпочтению, их выбору. Любящий знает — за что. «Она меня за муки полюбила, а я ее — за состраданье к ним» (В. Шекспир. «Отелло»). А толстые тома размышлений-

воспоминаний о любимом человеке, оставленные преданными подругами, что это, как не объяснение — за что? А страстные стихи поэтов, в которых во всех тонкостях и психологических подробностях объясняется: чем именно привлекла дама сердца?

Интересно все же узнать: кого и за что любят нынешние юноши и девушки? Иные любят за внешность, иные — за духовные качества. Что же предпочтительней? У кого больше шансов стать счастливым избранником (избранницей)?

Ну что же, социология и эту сторону не обошла своим вниманием. И оказалось, что современные невесты прежде всего ищут в будущем спутнике... интеллигентность, т. е. очень сложный комплекс самых высоких человеческих свойств. Это и ум, и эрудиция, и чуткость, такт, культура внутренняя и внешняя. Вот какой набор свойств прежде всего ценится. На втором месте — отношение к женщине как к другу, заботливое отношение к семье и детям, затем — разумная воля, трудолюбие, трезвость, чувство юмора, стремление к всестороннему совершенству, физическая красота.

Точно так же изменились вкусы юношей и требования к своим избранницам, хотя их «набор» более традиционен: они ищут сочетание доброты, мягкости с самоотверженностью, женственности с верностью супружескому долгу. Но и им важны ум и деловые достоинства подруги, которой придется трудиться с мужем наравне.

Известны и свойства, которые считаются нежелательными в браке: эгоизм, нечестность, грубость, жадность.

Поэтому не нужно быть оракулом, чтобы предугадать, у кого из претендентов на руку одного и того же предмета страсти будет больше шансов одержать победу.

Значит, все-таки существуют нормы и критерии «отбора», и не совсем точно утверждение, что никто не знает секрета, по Кэ-торому люди притягиваются друг к другу. Хотя немало на свете пар, на которых и близкие, и чужие люди не перестают дивиться: и что он (она) в «половине» нашел (нашла)? Совсем они не подходят, ни по каким статьям, а живут — душа в душу! И сами-то супруги на настойчивые расспросы ничего вразумительного ответить не могут, пока всерьез не задумаются.

А секрет долгосрочности такого союза частенько заключается в том, что сошлись люди, объединенные не по признаку подобия, сходства, а по признаку дополнения, когда один из супругов компенсирует нехватку каких-то важных свойств и качеств другого.

На одной из встреч я предложила стершекласникам сделать предположения: какие темпераменты больше подходят для общения, для совместного труда и жизни, а какие — меньше.

Самые наблюдательные тут же заметили: трудно будет ужиться холерику с меланхоликом. Оба неустойчивые, оба беспокойные, один обидчивый, другой раздражительный. А еще холерик

активный, оптимистичный, а меланхолик — необщительный, пессимистичный. Один направлен вовне — экстравертированный, другой — внутрь себя — интровертированный. Как тут сойтись душой и сердцем?

Туго будет и меланхолику с флегматиком: тут главное препятствие не противоположность, а, напротив, сходство: оба — интроверты, замкнутые на себе. Это может привести к тому, что люди будут жить рядом, но не вместе. Одиночество вдвоем — их удел.

Свои сложности в отношениях флегматика и сангвиника, хотя оба — натуры прочные, устойчивые, сговорчивые, хорошо дополняют друг друга: один — пассивный, другой — инициативный, один — беззаботный, другой — старательный, надежный и т. д. Общительность одного и замкнутость другого могут вызвать и ссоры, раздоры.

По принципу дополнения могут сойтись характеры холерика и флегматика, сангвиника и меланхолика. Но каждая из пар должна сознавать, в чем их преимущества, в чем слабости, чего можно ждать друг от друга, а с чем надлежит смириться, как с капризом природы. Любовь и понимание помогут одолеть различия натур, тем более что, как уже говорилось выше, в чистом виде темпераменты встречаются крайне редко. У каждого что-то примешивается от другого темперамента, типа высшей нервной деятельности.

Есть и иные причины, приводящие к тому, что «корабли любви» нередко расходятся в житейском море. Одна из них — неравномерное распределение драгоценных свойств между разными людьми. Одной женщине — красота, другой — душа и ум, третьей — всего этого, но помаленьку. Так же и у мужчин. Нам же часто, как гоголевской героине из комедии «Женитьба» Агафье Тихоновне, хочется, чтобы нос одного жениха был приставлен к губам другого, а фигура при этом была взята у третьего, характер — четвертого. Вот тогда можно было бы выходить замуж (или жениться) без колебаний. Но идеальное, безупречное сочетание, наверное, такая же редкость, как погода, которая устраивала бы всех сразу.

С несправедливостью природы одни мирятся, являя собой скромную прелесть естественности, а другие привлекают себе в помощь заемные достоинства, чтобы усилить влияние своих чар. Чем занимается, например, маленькая девчушка, вертящаяся перед зеркалом и примеряющая мамини или бабушкины наряды и украшения? Уже известно: учится нравиться. Откуда она знает, что яркая одежда и украшения могут служить привлекательной силой для кого-то, кто появится неизвестно когда? Ничего этого она не сознает. Ею движет бессознательная врожденная склонность и способность копировать взрослых. Женщины же до конца дней своих не перестают заниматься украшательством, потому что без всяких лекций и наставлений постигают истину: мужчина в

первую очередь любит глазами. И сколько бы ни уверяли философы представители этого пола, что, мол, все они предпочитают естественные прелести живого лица и тела плодам искусства парикмахеров, портных и ювелиров, придется им не поверить. Хотя бы потому, что даже не вооруженным статистикой взглядом можно заметить, как заинтересованно провожают они нарядно одетую женщину. И как равнодушно бегут мимо простенькой девушки с милым, умным и добрым личиком.

И не исключено, что впоследствии юноша, оказавший предпочтение именно той девушке, которая удовлетворяет его представлениям о красоте, став мужем, стонет от женой страсти к туалетам и украшениям.

Та же картина и в отношении к телесной красоте: в числе основных свойств, желательных для супруги, она не обозначена. Но кто не знает, что именно вокруг красивых девочек рой поклонников жужжит и вьется, обходя стороной скромницу, тем более дурнушку. Да и кто, как не яркие, но холодные, равнодушные красавицы, вдохновляли поэтов на оды и баллады, рыцарей на безумные подвиги, а иных — на преступления?

«Чтобы до конца осознать всю суетность человека, надо уяснить себе причины и следствия любви. Причина ее — неведомо что» (К о р н е л ь). А следствия ужасны.

И это «неведомо что», эта малость, которую и определить-то невозможно, сотрясает землю, движет монархиями, армиями, всем миром. Нос Клеопатры — будь он чуть короче, облик земли стал бы иным. Так определил влияние на мужчин женской любви и привлекательности французский философ Блез Паскаль. При всей гиперболности такого суждения в нем заключена немалая доля истины: Троянская война, как известно, началась из-за прекрасной Елены. Нынче причины войн, как и мира, совсем иные, и все же не смолкают голоса пророков, которые предвещают: мир спасется красотой и любовью. Но наступит это, наверное, тогда, когда красота соединится с нравственностью.

— Разве у красоты... может быть лучшее общество, чем добродетель? — спрашивает Офелия.

И слышит ответ Гамлета:

— Власть красоты скорее преобразит добродетель из того, что она есть, в сводно, нежели сила добродетели превратит красоту в свое подобие.

И мешает красоте соединиться с добродетелью именно ее собственная магическая власть: к прекрасному устремляются все, кто искренне любит и кто просто тщеславен, честолюбив. Самое серьезное испытание мужьям — привлекательность их жен. Только один литературный герой до конца понял положение и состояние души собственной жены, к которой со всех сторон тянулись жадные руки, полные даров и всяческих соблазнов. Это — Яков Богомолов, главный персонаж одноименной драмы М. Горького. Он впервые *пожалел* женщину, чья любовь, стойкость, добро-

порядочность испытывают постоянную осаду. Чаще всего, стремясь заполучить в собственное и единоличное владение жар-птицу, муж надеется на то, что другие мужчины не будут стремиться овладеть этим сокровищем. Когда же его ожидания, естественно, не оправдываются, винит свою возлюбленную именно за то, что сам в ней прежде всего ценил: что она нравится мужчинам.

Наивными бывают и обвинения в адрес жены-кокетки: замужня женщина продолжает кокетничать с другими. Супругу нравилось это ее качество, когда он ухаживал за девушкой. Значит, напрасны сетования на ее ветреность, притворство, способность казаться, а не быть.

Как правило, никто из опрашиваемых, ни девушки, ни юноши, не называют возраст желаемого партнера. Значит ли это, что современные молодые люди вовсе безразличны к тому, старше или младше будет супруг или супруга? Конечно, нет.

Опыт подсказывает: наиболее благоприятно сочетание пары, у которой муж на 5—7 лет старше жены. Отчего? Вспомните утверждение психологов о раннем эмоциональном взрослении девочки, о ее житейской основательности. Разницей в возрасте достигается выравнивание душевной зрелости у супругов.

Однако в последние годы заметно участились браки противоположного характера: юнцы женятся на женщинах значительно старше себя. В определенной мере такое явление можно объяснить инфантильностью молодых людей: некоторые из них предпочитают из одних женских рук — мамы-няни перейти в другие — в руки супруги, прочно стоящей на ногах, умеющей строить семейный быт без помощника (следовательно, не взвалив на молодого супруга все сложности домашнего труда). Точно такая же картина у некоторых девушек, которые отворачиваются от «безлошадных» сверстников и охотно принимают предложение (а то и усиленно добиваются его) преуспевающего мужчины, нередко годящегося им в отцы, но с солидным общественным положением, с машиной, дачей. И причина здесь та же — боязнь и нежелание самой создавать семейное благополучие, стремление явиться на готовенькое.

Расчетливые женихи и невесты составляют менее 10% всех вступающих в брак. Большинство же, как мы уже говорили, подвижны бескорыстием, искренней и глубокой любовью к избраннику (избраннице), даже когда тот старше по возрасту, но ровесник по духу.

Если про мужчин говорят, что они любят глазами, то женщины скорее любят ушами, т. е. очаровывает их умение мужчины говорить интересно, ярко, умно, остро. И не случайно — ведь в речи в большей степени, чем во внешности, проявляется человеческая натура, интеллект. Но вот противоречие, которое заставляет думать, что не всегда и не во всем доверяется девушка словесному обаянию. Из двух претендентов — красноречивого говоруна и де-

ятельного энергичного молчуна она нередко отдает предпочтение второму.

Приходилось слышать от специалистов, что не очень-то последовательно ведут себя девушки, уверяющие, что из всех достоинств будущего супруга они больше ценят интеллигентность. Это свойство предполагает мягкость, терпимость, вежливость в обращении не только с любимой, но и со всем окружением. А ведь известно: интеллигентному юноше бывает трудно решительно противостоять хаму, грубияну, скрутить руки хулигану. Шокирует, парализует волю чужая наглость. И не из трусости, а именно из-за невозможности поднять руку, даже повысить голос на другого человека уходит он от открытой схватки с обидчиком. И... нередко утрачивает свое достоинство в глазах подруги. Ей ведь нужен не только остроумный, находчивый собеседник. Ей нужна опора в ее слабости, нужен защитник и ее будущего потомства. Эти качества в конце концов и являются для многих девушек наиважнейшими в оценках претендентов.

Та же картина, когда сталкиваешься с парами, «дотанцевавшимися» до свадьбы. Мы уже разбирали такую ситуацию, когда анализировали истории героев фильма «Пришло время любить». Несомненно, что героиня, девочка тонкая, музыкальная, неглупая, не думала, не гадала искать себе мужа среди видных, ловких танцоров, не блещущих глубоким интеллектом. Ей, па-верное, тоже по духу ближе интеллигенты. А вот поди ж ты, сама себя загнала в силки судьбы. И она — не исключение.

Доктор философских наук В. И. Зацепин обнаружил кардинальное расхождение в оценках студентками «интересного парня» как приятеля для сегодняшнего времяпрепровождения и как желаемого супруга. Для первого главное: внешность; занимательность, умение танцевать современные танцы и эффектно одеваться. Для второго — внутренняя содержательность, значительность натуры. Однако сами девушки не держат «интересных парней» на почтительном расстоянии от себя, не ограничиваются приятельскими, дружескими отношениями. Когда же дистанция вовсе исчезает, оказывается: в идеале имела один образ, замуж пошла за его противоположность. Потом печальными глазами провожает тех мужчин, что могли бы составить ее подлинное счастье, но были не лучшими партнерами по танцам и развлечениям.

Опрашиваемые студентки отнесли в анкете трезвость будущего супруга едва ли не в конец своих претензий. А почта газет и журналов доказывает: это — одно из первейших условий семейного благополучия. И не только потому, что тяга к рюмке — убедительный признак слабости, незрелости характера. Но и потому, что такая склонность — верная дорожка к полной деформации личности. Все привлекательные черты юноши, как ржа железо, изъест, источит, разрушит водка. И жена встретится лицом к лицу с существом совершенно иным, чем тот, за кого она выходила замуж.

Кстати, почти все опрошенные юноши сказали, что не хотели бы иметь курящую жену и тем более выпивающую. Но не секрет, что именно курящая и выпивающая девушка скорее обратит на себя внимание парней, чем скромница. Порой сигарета, рюмка воспринимаются как своего рода знак смелости, независимости. Забывается, что все эти привычки вредны для совместной жизни.

Обратите внимание: и в отношении к идеалу, и в повседневной жизни у молодых людей существует как бы двойная система мер и оценок. Одна — для влюбленных, другая — для супругов. Что прощается любимому человеку, не прощается мужу или жене.

Если бы в юности все мы подходили друг к другу с мерками вечных ценностей, давным-давно порокам была бы закрыта дорога в наш дом. О том, что минутные импульсы бывают главенствующими в мотивах выбора, свидетельствует и такой факт: почти не услышишь от жениха или невесты, что предпочтение оказано будущему доброму отцу или хорошей матери их общих детей. Эта перспектива вовсе не оценивается.

Неоднозначность, а порой и противоречивость желаний и поведения позволяют говорить о невозможности понять, объяснить и тем более урегулировать выбор супружеских пар.

Однако время помолвки для того и дается, чтобы привести к общему знаменателю желаемое, действительное и должное. И если глаза, обращенные к существу, сейчас наиболее близкому, застилает пелена влюбленности, то они ведь не утратили свою зоркость при взгляде на родню. А мы с вами уже заметили, что, при всей несхожести вкусов, склонностей, темпераментов детей и старшего поколения, основные черты натуры заимствуются нами у родителей, в особенности у матери. Недаром в народе бытовали наставления жениху: пристально смотреть на будущую тещу, если хочешь узнать, кого берешь в жены.

Мы оставили на потом разговор об отношении к такой важнейшей ценности в супружеской жизни, как здоровье двух родов, собравшихся соединиться. Хотя, по чести, нужно бы его поставить в число существенных предпосылок семейного благополучия. Ведь рождение детей, их воспитание — основная цель семьи. А если будущие супруги или их ближайшие родственники страдают серьезным неизлечимым недугом, передающимся по наследству, то следует не семь, а десять раз взвесить, прежде чем принять решение обзавестись ребенком.

В крупных городах нашей страны создаются генетические центры, специалисты которых дают заключение о состоянии здоровья будущих супругов. Такая служба создается по решению Всемирной организации здравоохранения при ООН. Это полезная, точнее — необходимая мера защиты и конкретной семьи, и всего общества от роста числа детей, изначально и навеки обреченных на страдания и болезни.

Помолвка — еще не свадьба. И нет греха, если в результате взаимного изучения молодые люди откажутся от своего наме-

рения соединить свои судьбы. Лучше до свадьбы признать свою ошибку, чем из ложно понятого стыда настаивать на браке, который изначально обречен на неудачу. И таких случаев немало: до 10% подавших заявление не являются в загс. Было бы их больше, если бы не сопротивление... родителей. Иные упираются: мол, неловко перед родственниками. И ресторан уже заказан, и свадебное платье куплено! Тяжелее всего обычно такую ситуацию переживают родители зачинщика размолвки.

Вспоминается мне, как допекали юношу мать и бабушка, как честили его предателем, когда он отказался от женитьбы за неделю до регистрации. Но жених рассмотрел своих будущих новых родственников, понял, что он в семье жены будет вечным несмышленьким-«примаком», а не самостоятельной личностью, тем более не хозяином положения. Невеста же категорически отказалась покинуть дом родителей. И юноша отменил свадьбу. Можно и нужно винить его за то, что не сумел понять родичей любимой девушки и их позицию по отношению к нему раньше, до подачи заявления в загс. Но можно и нужно понять его решение не совершать еще большего зла и глупости, чем отказ от брака.

Нынче участились случаи, когда так поступают невесты, узнавшие, что в семье жениха бытует традиционное пьянство или иные нравственные изьяны. Никто ведь не спешит выставлять напоказ свои болячки. Чтобы разглядеть их, требуется время и определенная мера доверия двух семей друг к другу.

Иной раз свадьба расстраивается из-за того, что родители жениха или невесты встают стеной на пути молодых к загсу. И надо признать: не всегда они бывают безнадежно неправы. Они же лучше, чем кто-либо, знают своё дитя. Что ему по плечу, по силам, а что — нет, «по Сеньке ли шапка».

— Как была права моя мама, когда отговаривала меня выходить замуж за человека, совершенно чуждого нашей семье по духу, по привычкам, — это можно услышать чуть ли не ежедневно в суде на бракоразводных процессах. Молодые мужья обычно не делают подобных ссылок: неудобно мужчине сетовать на то, что в свое время не послушался матери; но и они тоже признают правоту старших, правда, лишь задним числом.

В последнее время во многих городах нашей страны созданы специальные организации, именуемые «Службой семьи», которые прежде всего призваны помочь молодым людям разобраться в сложнейших вопросах грядущей семейной жизни. После подачи заявления в загс жениху и невесте предлагается прослушать особый курс лекций по этике и психологии семейных отношений, психогигиене брака. Одновременно в некоторых регионах помогают будущим молодоженам и их родителям наполнить время помолвки интересными встречами, в которых и сами молодые люди, и их родственники могли бы более полно и разносторонне раскрыться друг перед другом.

При этом советуют исключить ставшие дурной традицией обильные и похмельные застолья, где новые родственники стремятся перещеголять «соперников» в гостеприимстве. Лучше, когда они состояются в творчестве, в искусстве красивого и рачительного домоводства.

Не раз в публикациях на эту тему высказывались предложения: продлить время помолвки на полгода, а то и на год. Но вряд ли дело в сроке знакомства. Героиня романа Романа Роллана «Очарованная душа» Аннета Ривьер и за год не смогла бы разгадать-разглядеть духовное чужеродство со своим женихом, не поживи она совсем недолго в его семье. Когда читаешь эти страницы, думаешь: может, в такого рода испытании — залог более разумного и безошибочного избрания пары? Пожила бы невеста месяц в доме жениха, жених — в доме невесты, на правах друга — подруги, тогда клятвы, что произносятся при заключении брака, были бы куда весомей и осознанней.

Во время одной из встреч в молодежной аудитории было высказано мнение, что уж лучше позволить будущим супругам пожить вместе, т. е. в «пробном браке», как это делается в некоторых странах Запада. Тогда и будет ясно, подходят ли они друг другу, в том числе — в физиологическом плане.

Решительно возражал против подобных «опытов» главный психотерапевт Московской области, кандидат медицинских наук С. Т. Агарков: «Что можно в сексуальном плане узнать за несколько месяцев? Женщина, как правило, раскрывается для этой сферы чувств не сразу, иногда через несколько лет, иногда после рождения второго ребенка. И вообще, что это значит: «подходят — не подходят». С точки зрения чистой физиологии, несовместимость — крайняя редкость, связанная с природной аномалией. Если же он и она вполне нормальные люди, то никаких противопоказаний для их союза в сексуальной области не может возникнуть. В подавляющем большинстве случаев радостному мироощущению любящих мешает психологическая и нравственная «несовместимость», а точнее — безграмотность. Уже одна эта мысль: вести поиски таким же способом, каким ищут костюм или платье — безнравственна. Пришел в ателье или магазин, примерил — не понравилось, замените. Снова не то — подожду до следующего завоза. Это же потребительский подход к человеку.

Любая супружеская пара проходит путь от дисгармонии к гармонизации сексуальных отношений. Но путь этот длится почти всю жизнь. Ведь люди с годами меняются, меняется их эмоциональный настрой, физическое здоровье, значит, необходимо перестраивать и стиль интимного общения. Иначе, при полном сексуальном удовлетворении в юности, в зрелые годы может возникнуть раздражение или стандартизация, переходящая в тоскливый автоматизм, что тоже нередко приводит к охлаждению мужа и жены».

Значит, и в этой сфере не столько важны исходные природные

данные, сколько поиск и творчество гармонии, а «пробный брак» лишен всякого смысла. И еще: в интимных отношениях проявляется вся человеческая личность. Вот ее-то и нужно узнавать до свадьбы.

Помолвка — генеральная репетиция, подготовка к свадьбе, великому, без преувеличения, событию в жизни людей. Когда-то, в старину, наши предки начинали к нему готовиться в пору безмятежного детства будущего жениха или невесты. Девочке готовили приданое: белье, одежду, посуду и другой хозяйственный скарб. Мальчику откладывали деньги на обзаведение своим домом, скотом, инструментом. Приданое было не только доказательством материальной состоятельности рода, но и его трудолюбия, уместности, искусности. Ведь нередко весь обзавод изготавливался родней и самими будущими невестами и женихами. И когда на всеобщее обозрение выставлялись полотенца, подзоры, расшитые и изукрашенные вышивкой, кружевом, всем становилось ясно, что за рукодельницу нынче замуж выдают, каков стиль и вкус у данного семейства. То же самое у жениха: какова у коня упряжь, что за возок везет молодца и его родню, таков и будущий хозяин.

И сама свадьба в народе нередко становилась долгим, изобретательным спектаклем с песнями, танцами, со строгим сценарием и одновременно — безудержной импровизацией, где соавторами были все участники празднества.

Но чем богаче были семьи, тем меньше в них оставалось искрометной самодеятельности, тем больше похвального, заимного веселья, тем больше демонстрации не того, что род *умеет*, но что он *имеет*. В прошлом веке — начале этого столетия печальную славу приобрели скандально-размашистые купеческие свадьбы: с • многодневными запоями, с битьем посуды и физиономий гостей.

К сожалению, с ростом благосостояния нашего народа появились последователи именно такого способа справлять свадьбу, когда все силы, средства двух семей бросаются на то, чтобы пустить пыль в глаза окружению «пышностью и богатством». Вместо того чтобы самим готовить застолье, изобретать способы развлечения гостей, платят огромные деньги за рестораны, за оркестры и ансамбли, оглушающие гостей грохотом, приглашают платных увеселителей, которые проводят торжества по единому сценарию, без различия образовательного, культурного уровня, национальных традиций участников праздника.

Эта тяжеловесность и ординарность, казенная пышность свадеб нередко встречает сопротивление у самих виновников торжества. Многие современные женихи и невесты предпочли бы скромный ужин в тесном кругу друзей и ближайших родственников, завершающийся свадебным путешествием. Но этому, как правило, противится старшее поколение: «Что скажут другие родственники, соседи? Обвинят в жадности, в неуважении. Нет, пусть уж все будет как у людей». А поскольку некоторые новобрачные

находятся на иждивении у родителей, то они принимают волю старших безоговорочно: «кто платит, тот и музыку заказывает». Но постепенно появляется новая тенденция: справлять свадьбы в туристическом походе, в различных клубах. И сам обряд претерпевает значительные изменения, прежде всего — по части застолья. Проходят свадьбы без горячительных напитков. Оказалось, что такая свадьба поет и пляшет лучше той, что подогревает настроение хмелем. Все чаще вспоминают заповеди древних: жениху и невесте, да и потом — новобрачным, до появления детей вино категорически запрещается, чтобы всю жизнь не оплакивать последствия «веселья», глядя на деток-уродов. И ни у кого не остается оскомины от непременных спутников обильных возлияний — драк, скандалов между гостями, вызовов милиции и «скорой помощи» к новым родственникам.

Теперь в порядке практикума предлагаю вам составить психологический портрет желаемого избранника (избранницы), распределив названные ниже свойства в том порядке, в котором вы считаете их важными для себя. А рядом — назовите черты характера и свойства личности юноши (девушки), с которыми вы встречаетесь сейчас и, может, строите дальние планы. Сопоставьте меру различия между мечтой и реальностью.

Для мужа:

1. Здоровье (сила, ловкость).
2. Ум.
3. Красота.
4. Общая культура (эрудиция, интеллигентность).
5. Умение модно одеваться.
6. Умение хорошо танцевать.
7. Уважение к женщине.
8. Трезвость.
9. Трудолюбие.
10. Целеустремленность.
11. Любовь к семье (родителям, братьям, сестрам).
12. Желание иметь детей.
13. Умение добиваться желаемого, сила воли.
14. Самостоятельность.
15. Домовитость.
16. Щедрость.
17. Скромность.

Для жены:

1. Здоровье(стройность,легкость).
2. Ум.
3. Доброта, самоотверженность.
4. Общая культура (эрудиция, интеллигентность).
5. Умение со вкусом одеваться.
6. Умение хорошо танцевать.
7. Уважение к мужчине.
8. Красота.
9. Скромность.
10. Трудолюбие.
11. Хозяйственность.
12. Любовь к детям.
13. Дальновидность.
14. Женственность.
15. Верность, надежность.
16. Терпимость.
17. Стремление к успеху.

18. Верность, надежность.
19. Смелость.
20. Принципиальность.

18. Расчетливость.
19. Общительность.
20. Принципиальность.

Называя черты и свойства характера сегодняшнего друга (подруги), можете приписать те из них, что здесь не обозначены, но существенны для вас. После сопоставления портретов решите, нет ли у вас отмеченного выше «раздвоения» в оценках достоинств друзей (подружек) и тех, кто видится возможным спутником на долгие годы жизни. Насколько преодолимы противоречия? А еще: уже теперь, загодя, наверное, стоит осмыслить, что вы и ваша семья умеете и имеете для создания прочной основы будущего семейства. Коли не накоплен «капитал» полезных навыков, умений, стоит поторопиться с их приобретением. Все это не только пригодится на время предсвадебных и свадебных торжеств, но и поможет расцветить долгое однообразие супружеских будней.

МОЛОДОЖЕНЫ

«Праздник, который всегда со мной» — так, видимо, перефразируя слова Эрнеста Хемингуэя, многие назовут время, следующее сразу после свадьбы. Радость неразлучного общения, возможность не таясь проявлять чувства, сдерживаемые и с трудом скрываемые недавно. Половодье эмоций, обостренное восприятие любого слова: радость — от доброго, обида — от небрежного.

По инерции молодые живут, сохраняя привычки той поры, когда они еще были холостыми: дома не сидится, тянет к друзьям, в компанию, на танцы, в кино. И родители, сочувствуя их непоседливости, не торопятся впрячь юную пару в водоворот домашних забот и обязанностей. Но, нравится или нет, хозяйственные дела начинают постепенно обступать беспечных молодоженов, заставляют сокращать время развлечений, впрягаться в непривычные и не всегда увлекательные занятия.

И впрямь: хочется в гости пойти, а рубашки у мужа нестиранные, чистых носков тоже нет. Утром нужно бежать в институт, на работу, а хлеб вчера купить не успели, завтрака нет. Молодые люди смотрят друг на друга и ждут: кто первый возьмется за выполнение неотложных дел? Кто откажется от предстоящего удовольствия встретиться, пошуметь с приятелями, почитать интересную книгу ради того, чтобы навести порядок в комнате, постирать белье? Да конечно же, оба, разом! Весело, с озорством и насмешками над неумелостью берутся многие молодожены за любое дело. Их увлекает игра во взрослую жизнь: как же, они уже не чьи-то дети, сын и дочка, а муж и жена. Слова-то какие странные, строгие даже. Ведь они теперь должны вести себя и чувствовать совсем не так, как прежде, и окружающие

должны относиться к ним по-иному, более солидно, уважительно.

Проходят дни, месяцы. И постепенно начинает утихать острота ощущений от радостной близости. Реже бурные всплески озорства, игры, чаще появляется потребность побыть одному, что-то обдумать, передохнуть от надобности быть постоянно в добром, благодушном настроении, быть внимательным и чутким к любимому человеку, тем более к новой родне.

Это верный признак, что праздники любви кончаются, начинаются ее будни.

...«Будни, быт, обыденность», бу-бу-бу, бы-бы-бы! Уже в звучании этих слов глухое бубнение, раздражающая монотонность. «Ужели то был сон, а это — пробуждение?»

Самое тяжкое испытание, что настигает юных супругов, не идущее ни в какое сравнение с жизненной неустроенностью, с нехватками денежными, с неумелостью хозяйственной,— будни. Достижение желаемого, повторяемость отношений, событий, реакций. Как известно, молодость особо жадна до всего необычного, нового, требующего выдумки, риска даже, преодоления любых препятствий. И не важно, где ведется борьба, поиск: в учебе ли, на работе или в любви. А тут — рубеж взят, высота завоевана. А что дальше? Не ясно. Спуск с поэтических вершин в долины прозы? Экзамен этот, увы, не выдерживает немалое число молодых пар.

«Живя тесно вместе, люди слишком близко подходят друг к другу, видят друг друга слишком подробно, слишком нараспашку и незаметно срывают но лепестку все цветы венка, окружающего поэзией и грацией личность»,— предостерегал А. И. Герцен.

«Обесцвечивание» себя и другого — второй труднейший экзамен, который нередко не выдерживают молодожены. Хотя -проходят его непременно все, реагируют на него по-разному.

Прежде всего, молодоженам придется осознать очень простую и очень трудно усваиваемую истину: любовь юношеская, добрачная, внебрачная лишь внешне схожа с любовью супружеской. Они — сестры, но отнюдь не одно и то же. У древних греков было два обозначения любви. «Эросом» они называли желание обладать любимым существом, «агапе» — стремление отдавать себя, свои помыслы, силы для счастья любимого. Первое чувство более эгоистично и беспечно, заземлено, второе — более самоотверженно и строго, возвышенно.

Супружеские отношения — по сути постепенный переход первого чувства во второе. Переход этот редко происходит без особых затруднений и усилий мужа и жены. Иногда им даже начинает казаться, что новое состояние вовсе и не любовь, поскольку в нем меньше удовольствия, больше труда души. Но нам уже известно, что чувство это очень переменчиво.

До супружества (и вне супружества) отношения молодых людей напряжены до крайности. Идет своеобразная война, цель которой — завоевать внимание, любовь. Все силы, помыслы,

способности сосредоточены на этом. Оттого в первые месяцы — у кого-то и годы после свадьбы — ненасытность в ласках, взаимное опьянение. Но человеческий организм неспособен жить постоянно в состоянии предельного напряжения и опьянения. Тем более что желания теперь могут быть удовлетворены без борьбы, страсти, отбушевав, покойно укладываются в берега повседневности. Тогда-то и можно говорить, что возлюбленные становятся супругами.

Повторяю, как мир отличается от войны, так семейная любовь — от внебрачной или добрачной. Война, известно, требует подвигов, крови, жертв. Мир — трудолюбия, выдержки, сочувствия и терпимости. Но каждодневное служение одной цели, одному человеку нередко оказывается куда более сложным испытанием, чем кратковременный порыв чувств и желаний. Потому и не все молодые люди безболезненно проходят этап превращения влюбленно-напряженного чувства в спокойно-супружеское. Или, лучше сказать,— в семейное, которое, вероятно, гораздо глубже, сильнее, многогранней и, не побоюсь этого слово, возвышенной просто любовного влечения, воспетого всеми поэтами Земли.

Кто-то скажет: нет такого чувства! Нет такого названия. Чувство есть. Мы признаем существование дружеского чувства, товарищеского, признаем самостоятельным и ценным единомыслие, сострадание, чувство отцовства и материнства, чувство ответственности и долга, наконец, называем привычку второй натурой. Семейное чувство и есть сложный сплав всех этих чувств с «мирно-любовным» влечением мужа и жены друг к другу и к плодам любви — детям. Сплав этот у каждой пары неоднороден: у одних преобладает единомыслие, товарищество, дружеское участие; у других — физиологическая страсть; у кого-то сильнее проявляется чувство ответственности, родительского долга, у кого-то привычка и т. д. Но в той или иной мере присутствуют все необходимые компоненты. Это соотношение и определяет эмоциональный портрет конкретной пары.

Чувство семьи, дома нам хорошо знакомо по бессознательной радости возвращения в родное лоно после долгого отсутствия. Л многие знают тоску по нему, которая настигает даже тогда, когда и друзьями человек не обижен, и соратниками не обойден, и всяческими удобствами и удовольствиями. И все же маятся одиночеством при полном «комплекте» связей и отношений. Это оттого, что все чувства существуют отдельно, не воплощены и не сосредоточены на одном человеке. Отсутствие этого единственного, вобравшего в себя всю гамму эмоций, и мешает испытывать и сознавать полноту и гармонию бытия.

Нередко только этим чувством, необъяснимым и даже не осознаваемым, держатся отношения между супругами, когда они и не очень-то дружны, часто ссорятся, а жить врозь не могут. Как сказали бы старики: домовою не пускает разбежаться.

То, что люди решительно отличают супружескую, семейную

любовь от ее меньшей сестры — любовной страсти, на мой взгляд, очень впечатляюще доказывает такой исторический факт. Английский король Эдуард VIII полюбил американку Уэллис Симпсон, дважды побывавшую замужем. И пожелал на ней жениться. Этому воспротивились парламент и духовенство, считавшие, что подобный брак подорвет авторитет монарха и самой монархии в глазах англичан. Советники предложили королю сохранить уже сложившуюся с Симпсон связь, не узаконивая ее.

По сути, королю не возбранялось делить с подругой ложе, но не разрешалось делить с ней жизнь, заботы и радости. Он не мог принять унижающие его избранницу условия. Эдуард VIII предпочел брак с любимой женщиной королевскому трону. Он отрекся от престола и покинул Англию. Это событие отнюдь не из давних, рыцарских времен служения Прекрасной Даме. В наш рациональный век, в 1936 г., произошел этот случай. Кстати, далеко не единственный. Потому что в России перед революцией на подобное же «безумие» отважился законный наследник российского престола великий князь Михаил.

Нечего говорить, что среди людей, которым приходилось жертвовать куда меньшими ценностями и привилегиями, такие факты — дело обычное. И напрасны уверения, будто сам брак, т. е. признание мужчины и женщины супругами, — лишь формальная подробность. Как бы ни обставлялись эти «условности»: пышными ли торжествами или просто соединением рук с добрыми напутственными словами, с этой минуты два человека признавали себя принадлежащими друг другу и никому больше, связанными честью, совестью, верностью, уважением и взаимопомощью.

Супружеские отношения в корне меняют психологию мужчины и женщины, их внутреннее состояние. Об этом убедительно писал теоретик семьи, доктор философии А. Г. Харчев: «В отличие от полового инстинкта или даже от страсти любовь (супружеская, или семейная. — *Т. А.*) как нравственно-эстетическое чувство имеет своим предметом не просто существо другого пола, а человека, в котором в той или иной степени развита личность, который обладает не только физической, но и интеллектуальной и эмоциональной ценностью и в котором сама физическая привлекательность служит лишь как бы выражением высоких духовных качеств, т. е. приобретает уже эстетический характер».

Приходилось вам, наверное, встречать семейные пары, на долгие годы сохранившие свежесть чувств, блеск глаз при виде «половины». Приглядитесь к стилю их общения: внимательная доброжелательность, вежливая сдержанность, аккуратность.

Подобный стиль отношений доступен большинству супругов при соблюдении некоторых условий чисто профилактического свойства. Прежде всего уяснить для себя, что первые, медовые месяцы, когда еще сохранилась естественная сдержанность, стеснительность, наилучшее время для выработки «рефлексов семейного общения». 128

Элементарные из них: не повышать голоса при выяснении спорных вопросов. Напротив, чем очевиднее разногласие, тем тише, мягче и вежливее должна быть речь. Ссору легче не начинать, чем прекратить, чем потом мириться, зализывать раны, нанесенные в азарте сражений, где нет и не может быть победителей, но есть только побежденные. Ведь искренне любящий страдает не только своей болью, но переживает и мучения любимого существа. Значит, ранив его, ранишь себя и одновременно убиваешь самое главное, самое ценное для обоих: любовь. Есть ли на свете предмет для спора, который стоил бы таких жертв? Кроме, естественно, предательства, измены этой самой любви.

К недостаткам и слабостям друг друга относиться так, как относятся родители к неумению своего ребенка: с терпением и надеждой, что умение придет, выработается со временем. И учить не словом, упреком, а делом, собственным примером. Коли же сам (сама) не способен (способна) показать, приучить, не требуй от другого: несправедливо и бесполезно.

Учитывать возрастные и половые особенности как в мировосприятии, так и в интимных отношениях. Вспомните: женщина, ровесница мужа, психологически, эмоционально старше его. Кроме того, женщина лучше разбирается в области человеческих отношений, мужчина — в предметном и знаковом мире. Нужно доверять природным способностям друг друга. Нет ничего зорного в том, что мужчина спрашивает совета у жены и слушается ее, если, конечно, жена дорожит этим доверием и не злоупотребляет им, низводя мужа до положения безвольного исполнителя своей воли.

Мы говорили, что человеческий организм — сложнейший инструмент, у мужчины и женщины он кардинально отличается и тональностью, и способом настройки. Как вы уже знаете из лекций по половой гигиене, у женщины физиологические процессы вызывают более глубокие и сильные эмоциональные и психические переживания. И чтобы эти переживания были позитивными, нужна половая и этическая грамотность супруга.

Впрочем, если вы внимательно читали вес, что было написано об особенностях отношений молодоженов, то обнаружили требования, основывающиеся на культуре чувств, о которой мы говорили выше. Кто способен тонко воспринимать красоту окружающего мира, проникаться удивлением перед загадкой и чудом человеческой природы, кто добр, чуток в деловых и дружеских отношениях, тот и в интимной сфере проявит эти свойства, найдет дорогу к сердцу любимого человека, не обидит, не унижит его ни словом, ни жестом.

При этом необходимо высказать и такое предостережение. Порой случается так, что избыточная застенчивость и скромность, переходящие в скованность, оказываются столь же вредными для естественного проявления человеческой любви, как и безоглядное бесстыдство. Найти внутреннюю гармонию, нужную тональность.

приемлемую для обоих возлюбленных,— это и есть творчество в любви.

Некоторые специалисты считают, что неведение в области интимных отношений чаще всего становится причиной ссор и даже разводов. Что и говорить: невежество в любой сфере блага не сулит. Однако до сей поры, пожалуй, не установлено, когда половая неудовлетворенность есть причина разногласий, а когда — следствие их. Если супруги предъявляют друг другу высокие человеческие и нравственные требования, а они не удовлетворяются, то и интимные отношения при абсолютной «грамотности» могут стать невозможными и вызвать лишь чувство отвращения.

По всей вероятности, эта сфера чувств и отношений не у всех и не всегда играет основную роль в системе семейных связей. Иначе были бы невозможны многие месяцы и даже годы полного воздержания, верности, когда любящие разлучены или один из них тяжело и долго болеет. Да и без этих крайностей «самые честные женщины обычно больше всего и сохраняют власть над своими мужьями; благодаря разумной и тонкой сдержанности, не прибегая ни к капризам, ни к отказам, они умеют в самом нежном союзе держать мужа на известном расстоянии и никогда не дают пресытиться ими». Так писал в «Семейной энциклопедии», в нравственно-философском романе «Новая Элоиза» Жан Жак Руссо. Но никто и нигде не написал, что можно умереть от сексуального голода. От сердечной тоски по любимому — да, но не от неисполненного физического желания. Напротив, из-за неупорядоченности и излишеств частенько хворают и даже умирают именно «гурманы». Здесь вполне уместно сравнение насыщенности физиологическими радостями пола с насыщением пищей. Про сексуальный голод можно сказать то же самое, что и про пищевой: естественные потребности и запросы удовлетворить сравнительно легче, если они не выходят за рамки нормы, а искусственные — невозможно. Всегда будет возникать желание вкусить нечто прежде неведомое.

Для того чтобы лучше понять свойства своей природы и свойства партнера, молодоженам предоставляется возможность обратиться к специальной литературе, во множестве появившейся в последнее время. Им навстречу идут и медики, и психологи, и философы-этики.

— А как же согласовать такие рассуждения с тем, что раньше говорилось о «науке любви» как о пособнице разврата, которая причинила огромный вред нравственности молодежи на Западе?

Знакомство с отечественной литературой и с литературой стран социалистического содружества убеждает: характер полового просвещения, содержание статей, книг, рекомендаций специалистов у нас направлены на очеловечивание природных инстинктов, их облагораживание, эстетизацию. Нам чуждо обездушивание секса, его механизация, присущие некоторым

западным «просветителям». Не копируют наши сексологи и культ любовных игр, сложившийся издревле в некоторых странах Юга и Востока. Ученые ищут сами и нас приглашают к поискам такого любовного поведения, которое основывалось бы на глубоком знании человека как цельного, одухотворенного существа, наделенного определенными этическими и этническими установками, и индивидуальными, по темпераменту и психике, особенностями природы конкретной супружеской пары.

Насколько данная проблема трудна для постижения, свидетельствуют мучительные раздумья об этом многих великих умов человечества. К примеру, Л. Н. Толстой посвятил ей такие значительные произведения, как «Крейцера соната», «Отец Сергей», «Дьявол», написанные на склоне лет, когда писатель стремился распутать самые глубинные, узловые вопросы бытия.

Эту тему мы оставим без подробного обсуждения, как обычно окружающие оставляют без посторонних глаз молодоженов. А вот на кухню к ним можно наведаться, в магазин с ними увязаться, в прачечную, чтобы узнать, как они справляются с хозяйственными заботами и нуждами, как распределяют обязанности, используют права.

В ЕДИНОЙ УПРЯЖКЕ

«Супруги» — «соупряжники» в общем тягле жизни. О том, что семейный быт нелегко, вы знаете не по книжкам, а по собственным наблюдениям за родителями, соседями, знакомыми. Как же нынче складываются отношения мужа и жены в хозяйственной сфере?

Многие писатели еще совсем недавно с сарказмом и иронией обрушивались на тех своих персонажей, которые пытались вдумчиво-серьезно решать эти житейские вопросы. «Погрязла в быту» — именно так аттестовывали поведение женщины, если она занималась домашним хозяйством, а не бегала сама по закусным и не держала своих детей на сухом пайке, на бутербродах с чаем, все остальное время заполняя суетным служением идолу «красивой жизни».

Теперь вы все чаще читаете книги, видите фильмы, в которых звучит своего рода светлая печаль по уходящему в прошлое теплому, духовитому домашнему пирогу, по незатейливому и милым радостям семейных вечеров, когда за общим столом собираются многочисленные домочадцы, рассказывают истории, байки, поют песни, а то еще рукодельничают: вяжут, плетут, строят, чинят.

Здесь мы опять найдем взаимосвязь, зависимость всего, что делается в доме, от общественных процессов.

Домашний труд до последнего времени был самым тяжелым и малопродуктивным. Крестьяне, по сути, не знали ни роздыху, ни сроку в работе, которая вся шла на удовлетворение самых элементарных жизненных потребностей: наесться досыта, иметь

крепкую крышу над головой, теплую и крепкую одежду и... немного радости, веселья на праздники. Те же потребности были и у городского труженика, с той лишь разницей, что пищу, кров и одежду он приобретал за тяжкий труд не в поле, а на фабрике и заводе. В таких условиях и муж, и жена были загружены работой как вне дома, так и по дому. Естественно, что гуманисты призывали освободить людей от такой кабалы, как призывали облегчить промышленный и крестьянский труд. Особо ставился вопрос о раскрепощении женщины. Ведь в семье все обязанности, связанные с готовкой пищи, с уборкой помещения, со стиркой, шитьем, с уходом за малыми детишками, т. е. работы ежедневные, неизбывные, исполнялись женщинами. А дела, пусть и требующие большой физической силы, но не каждодневные — заготовка дров, строительство и ремонт дома, изготовление всякого домашнего скарба и инвентаря, держались в ловких и могучих руках мужчин.

Развитие общественного производства привело к тому, что многие трудовые операции стали перекладываться на железные плечи машин, всякого рода агрегатов-автоматов. Изменились и производительность труда, и его характер, и условия. Из насадного, беспросветного, нередко обесчеловечивающего он постепенно превращается в творческий, достаточно разнообразный и эффективный. Изменился и домашний труд — сократились до предела исконно мужские заботы (о дровах, о свете и тепле, о воде и скотине). Однако для женщины круг домашних дел долгое время оставался прежним по напряжению, «ассортименту» и снаряжению.

Извечное круговерчение вокруг плиты, корыта, с половой тряпкой, спицами и иглой в руках. Да и что это за производительность такая: полтора часа стоит хозяйка у плиты, а семья управится с ее продукцией за пятнадцать минут, оставив ей гору грязной посуды. И что это за условия труда, если нет отпуска, нет выходных, если хозяйка, как в староредевские времена, «и швец, и жнец, и в дуду игрец»?

В сравнении с самыми прогрессивными сферами деятельности домашняя работа, действительно, долго выглядела неким анахронизмом, отнимающим у людей время и силы, но ничего не дающим. Казалось, что ее вполне может заменить сфера общественного питания и обслуживания. И сама женщина еще совсем недавно рвалась с «бессрочной каторги» домашних дел к работе, к коллективу, к книгам, собраниям, к путешествиям и творчеству.

Так было до последних лет. Во второй половине 70-х годов в отношении к домашнему труду наметилась иная тенденция. В результате огромных преобразований, социальных и экономических, многие жены и матери обрели реальную возможность свободного выбора: питаться ли дома или в столовой, самой ли шить или в ателье отдать, стирать или пользоваться услугами фабрики-прачечной, самой ли ухаживать за малыми детьми или

поручить воспитательницам в яслях и садиках. Тогда-то и появились новые ноты в дискуссиях о быте, о его достоинствах и изъянах. Стали раздаваться высказывания уже о преимуществах домашнего труда перед некоторыми общественными услугами.

Давайте вместе попытаемся разобраться в существовании данной проблемы. И сначала поговорим о распределении обязанностей, о степени загруженности современных мужей и жен.

Из социологических исследований известно: 2/3 всех забот и трудов по дому нынче несет на себе «слабый пол», а «сильный» в это время «болеет» на стадионах, исследует газеты, продавливает кресла и диваны перед телевизором, а то и еще хуже — пропадает у пивных стоек.

И это при том, что женщина полноправной соратницей мужчин в народном хозяйстве. Нынче женщины нашей страны составляют большую часть трудового населения. Среди специалистов с высшим и средним специальным образованием женщины у нас составляют 59%. В сравнении с 1928 г. число таких специалистов возросло в 103 раза! В некоторых сферах общественного производства, науки и культуры они вообще занимают доминирующее положение: например, в торговле, общественном питании, здравоохранении, в народном образовании, в сфере отдыха, развлечений, социального обеспечения и т. д.

Одно время раздавались голоса о необходимости вернуться к традиционному распределению ролей в семье: муж — кормилец, добытчик, защитник домохозяев, жена — хозяйка в доме, воспитательница потомства. Некоторым молодым людям, не очень-то осведомленным в истинном положении вещей в прежние времена, казалось, что этот шаг назад развяжет все конфликтные узлы в отношениях между современными супругами.

— Я очень люблю свою жену и жалею ее. Поэтому не допущу, чтобы она перегружалась на двойной службе. Пусть она сохраняет свою красоту и женственность и пусть ей достанутся лишь мелочи быта: расходы, покупки, готовка, уход за детьми, а глобальные проблемы, вроде обеспечения нашего материального благополучия, общественного положения семьи, как и положено мужчине, я возьму на себя. Что мы — слабее наших предков, чтобы не вытянуть эту ношу?

Подобные высказывания приходилось слышать неоднократно.

Наивные суждения. Точнее, неграмотные.

Во-первых, и в прежние времена не только мужчина был кормильцем семьи. Женщина из бедных, трудовых слоев и прежде сочетала работу для прокормления семьи с чисто домашними делами, была вторым кормильцем семьи, а то и единственным. Это — вдовы, солдатки, жены плавающих и странствующих! Это — незамужние матери, которых и в прежние, суровые для незаконнорожденных детей времена было не так уж мало. Часть женщин возглавляли «семейное дело», вроде известной Кабанихи, Вассы Железновой и т. п.

Российские крестьянки, жены ремесленников, мелких торговцев делили со своими мужьями все тяготы по добыванию средств к существованию. А жены рабочих нередко сами шли на заводы и фабрики либо пополняли штаты господской обслуги: становились прачками, кухарками, швеями. Только те, у кого ребятишек семеро по лавкам сидело, оставались дома — и то нанимались на поденщину. Даже печально знаменитая чеховская Душечка, послужившая мишенью для града насмешек, будучи замужней женщиной, совмещала службу в театре и на лесоскладе с хлопотами по дому.

Не знали забот и труда лишь состоятельные аристократки, и то не все, а с определенным отношением к жизненным ценностям и радостям. Домом они не занимались, детей не рожали, а если и производили на свет одного-двух, то целиком передавали их на попечение наемным воспитателям и учителям.

«Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи просвещения XVIII века, является мнение, будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. <...> Разделение труда между обоими полами обуславливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами. Народы, у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается по нашим представлениям, часто питают к женщинам гораздо больше подлинного уважения, чем наши европейцы. Дама эпохи цивилизации, окруженная кажущимся почтением и чуждая всякому действительному труду, занимает бесконечно более низкое общественное положение, чем выполняющая тяжелый труд <...> которая считалась у своего народа действительной дамой <...> да по характеру своего положения и была ею». (*Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — С. 52 — 53.) Ф. Энгельс, как видите, считал, что тяжелая работа никак не мешала женщине быть «действительной дамой». Более того, женщины некоторых племен американских индейцев, о которых Ф. Энгельс тоже говорил как об истинных леди, не отходя от очага и не подменяя мужей на охоте, вершили основные дела своего племени, вплоть до смещения его вождей, не теряя при этом подлинно женских свойств природы, как и английские пролетарки конца XIX века.

Общество не может двигаться вспять. Это объясняется законами исторического развития, соображениями социально-экономическими и психологическими. Современная экономика не может обойтись без участия половины своего трудоспособного населения в производительном труде. Да и эта «половина» вряд ли захочет отказаться от реализации своих способностей на nive общественного труда. Не захочет отказаться и от материальной самостоятельности.

Опытом доказано: жена и мать, ограничившая свой кругозор лишь домашними делами, в меньшей мере способна понять и разделить внесемейные заботы мужа и детей. И воспитательницей

она будет менее авторитетной, мыслящей узкими категориями собственного клана, потому что в нынешних условиях дети имеют перед собой постоянные примеры женщин эрудированных, широкообразованных, успешно справляющихся и с работой, и с семейными обязанностями. Естественно, что такое сравнение будет не в пользу матери-домоседки.

— А как же мать В. И. Ленина Мария Александровна, жена К. Маркса Женни Маркс? Они ведь нигде и никогда не служили, а были для своих детей и мужей идеалом, непререкаемым авторитетом, женщинами высокообразованными для своего времени и даже разносторонне талантливыми. Все свои дарования они отдали семье. И никто не поставил им такую «жертву» в упрек. Напротив, только восхищались и брали в пример.

Сказать, что обе выдающиеся женщины были только «домашними хозяйками» — значит обеднить их роль в деятельности тех, кто заслужил любовь и поклонение трудящихся всех стран. Они были соратницами, помощницами, одна — гениального сына и других своих детей — революционеров, другая — гениального мужа. И это была их работа, которая гармонично сочеталась с сознательным и ответственным отношением к чисто материнским и супружеским обязанностям. Они никогда не считали бытовые заботы чем-то неважным, удручающим и оглуляющим их душу.

У многих же современных женщин сформировалась система ценностей, в которой домашние труды, к сожалению, имеют самые низкие оценки. Можно ли ожидать в таком случае должного старания, искусства в исполнении семейных обязанностей, того глубокого удовлетворения, которое испытывали многие матери и жены, видевшие в домашних хлопотах возможность деятельно выразить свою любовь? Конечно, нет.

Оценка... Не в ней ли причина неудовлетворенности многих и вполне благополучных женщин?

О том, кто она — женщина — в собственном доме, что для нее самой и для окружающих ее повседневные хлопоты, заботы, переживания, так или иначе осмысливает каждый из нас. В детстве мы думаем о маме, о других взрослых женщинах, что они слишком мало занимаются семьей и нами, что они все время куда-то убегают, спешат. Нет чтобы побыть с теми, кому они больше всего нужны, со своими детьми. Потом, обзаведясь собственным домом, видим все в ином свете: жалеем время, силы, способности, которые отнимает дом, отрывая нас от любимой работы, от интересных людей и встреч. А становясь бабушками и глядя на следующее поколение молодых женщин с высоты собственного опыта и зрелости, снова досадуем: как беспечно и эгоистично дочери и невестки расходуют время и себя. Ну, добро бы работа отвлекала, а то еще и ателье, парикмахерские, телевизор, вечеринки, культ- и турпоходы! Лучше бы с детьми посидели, позанимались с теми, кому сейчас больше всего нужны и кто им самим больше всего нужен. Ведь ничто — ни фильм, ни книга — не

может сравниться с наслаждением, которое дает растущий ребенок. И в то же время, будучи бабушками, сами не хотим, не можем ограничить себя стенами дома: его забот и радостей нам мало для ощущения полноценной жизни.

Видите, как меняется суждение об одном и том же предмете в зависимости от возраста. Мы с вами уже говорили о цикличности в отношениях человека к своей семье, к дому. В прежние времена эта цикличность менее сказывалась на поведении женщины, поскольку ее социальное положение было зависимым, да и домашнее хозяйство не отпускало от себя. Теперь и у нее появилась возможность реализовать свои желания, способности в деловой сфере. Оттого она в определенные периоды больше тяготеет домашними делами, чем общественными, а в иные — наоборот: тянет ее осесть дома.

Меняется оценка семейных ценностей и в зависимости от уровня образования, культуры женщины. Чем выше образование, чем дальше она на производстве от физического труда, тем меньше удовольствия испытывает она от домашних занятий, тем более протестует против «закабаления» ими. В газетных дискуссиях по проблемам женской загруженности, о разделении обязан-

ностей между мужем и женой решительно преобладают голоса научных сотрудниц, актрис, журналисток, учителей, врачей, юристов. Лишь изредка вступают в спор фабричные работницы, строители. Помалкивают деревенские жительницы: доярки, полеводы, кому, казалось бы, в первую голову следовало бы протестовать против физических нагрузок.

При внимательном изучении этого парадокса, когда больше шумят те, кому сочетание физического труда с умственным лишь на пользу, удалось обнаружить его причины. Прежде всего, они в социальной значимости образования, оценке интеллектуальных видов труда. Сравнительно недавно высшее образование да и гимназическое (по нынешним меркам — среднее) было привилегией имущих классов. А это значит, что семья, получившая доступ к образованию, имела достаточно средств, для того чтобы все бытовые заботы переложить на плечи прислуги. Адвокаты, чиновники, врачи, учителя, актеры, как бы ни были бедны и неудачливы, сами никогда не мыли полов, не готовили себе пищу, не стирали белье. Для этого существовали бедные, мужчины и женщины, готовые за угол, питание и грошовый заработок исполнять всю черную работу.

В советское время, даже после войны, еще существовали различия между людьми с высшим образованием и теми, кто имел минимальное и охотно брался обслуживать представителей интеллигентного труда. Домработницы, няни были распространенным явлением. Постепенно эта категория помощников семьи исчезла, а точнее — эти работники перешли в государственную сферу труда. Быть прислугой у частного лица нынче непрестижно.

Теперь образование стало достоянием всего народа. Это — высочайшее социальное завоевание, как и постепенное стирание граней между умственным и физическим трудом в общественном производстве. Однако стереотип сознания меняется крайне медленно. Оттого у многих работников интеллектуальной сферы сохраняются притязания на то, чтобы вся черновая работа делалась кем-то, домработницами или «домработницами», т. е. автоматами, только не ими. В особенности к этому стремятся женщины — творческие работники и руководители: на работе они — уважаемые авторитетные люди, управляют делами больших коллективов, а в собственном доме — вроде бы прислуга.

Еще одна причина неудовлетворенности заключается в специфике умственного труда. Чтобы достичь определенных профессиональных высот в сфере интеллектуального труда, на руководящем посту, необходимо все помыслы сосредоточить на работе. А как это сделать, если женщина вынуждена думать о множестве домашних дел, о воспитании ребенка, о здоровье домочадцев? Голова-то у нее одна: если она занята профессиональными заботами, то, естественно, выключена из семейных интересов, а если обращена мыслями к дому, то упускаются из поля зрения важные проблемы на службе. Оттого женщинам, занятым физи-

ческим трудом, иной раз легче сочетать работу на производстве с семейной нагрузкой. Ведь современный домашний труд тяжел не столько физическим, сколько нервным напряжением. Забота — вот что тяготит больше, чем работа по дому.

Многие исследователи человеческой природы в доказательство интеллектуального превосходства мужчины всегда приводили список гениев из числа представителей данного пола и весьма скромный перечень фамилий женщин-титанов. По всей вероятности, первопричина такой диспропорции именно в том, что материнство — высший акт творчества — и последующие заботы о семье, детях не позволяли женщине предельно сконцентрировать свой интеллект на научном и художественном поприще.

Нынче женщина устает не столько от физических перегрузок, сколько от неравномерного распределения работы. Жена-мать выдержала бы куда большие тяготы, если бы видела: у всех домочадцев тоже руки заняты, голова о доме тоже болит. «Дружно — не грузно, а врозь — хоть брось».

Отчего все внимание в спорах о хозяйственных делах сосредоточено на женском самочувствии? Разве уж так беспечно и беззаботно состояние современного мужчины в собственном доме? Как он разрешает возникающие проблемы?

Мужчина в доме... Мы уже говорили: он заметно облегчил свою рабочую ношу в семье. Стало ли ему от этого легче и уютней? Конечно, нет. Меньше труда — меньше авторитета. Дальновидные мужья сейчас сами ищут полезное занятие, недалевидные ищут оправдание своему безделью. Прежде всего прикрываются традицией: дескать, всегда домашняя работа была уделом женским, а кто спешит подключиться к ней, тот, видать, оказался «под каблуком» у своей супруги. И не замечают, что сами при этом оказались «под каблуком» у предрассудков: будто и впрямь существует работа, которая может унижить мужское достоинство. Но стоило бы им оглянуться вокруг, как суждение это разлетелось бы. Самые знаменитые кулинары, повара — мужчины. Долгое время в прачечных орудовали они же. Портные, полотеры, мойщики стекол... (можно продолжить этот список) — кто они? Разве не заслуживающие нашего признания специалисты? Даже если мужья не достигнут профессионального мастерства в готовке, стирке, а просто будут уметь выполнять любую из названных работ, это уже поднимет их в глазах любящей жены. Да что говорить о семье, когда в чисто мужской среде — в армии — умелец, у которого из рук ни поварешка, ни иголка не вывалится, весьма авторитетная личность. То же самое в геологической партии, в дальнем плавании и путешествии, в турпоходе. Впрочем, турпоход и в вашей среде открывает новых лидеров, этих самых ребят — на все руки мастеров, что и огонь разожгут в сырую непогоду, и суп отменный из ничего сотворят, и разорванные штаны починят, так что и следа не заметишь.

Современные мужчины могут найти себе применение и в об-

служивании всяческой домашней техники, и в изобретении бытовых приспособлений. Обратите внимание: такой солидный журнал, как «Наука и жизнь», почти из номера в номер публикует описание всевозможных поделок, на которые занятые и знающие мужчины не считают зазорным потратить время и мыслительную энергию. А какое распространение получило увлечение домашним конструированием мебели, столярным ремеслом. Глядишь иной раз на «стенки», сооруженные искусными руками хозяина дома, и удивляешься: вот ведь не пропал талант зря, хотя главное занятие этого мужчины не имеет ничего общего с его хобби. И ему отрада, и жене гордость, и детям пример.

И вне стен собственного дома немало трудов, которые мужчине-то прежде всего и по плечу. Заготовка продуктов, переноска тяжелых сумок давно бы уже должны стать истинно мужским занятием. Походы в прачечные, в разного рода ремонтные мастерские и ателье обременительны для женщин не только из-за физической нагрузки и потери драгоценного времени, но и из-за общения с работниками службы быта. Точнее — с работницами, как и с продавщицами. Уже доказано: менее конфликтно общение между людьми разного пола. Значит, там, где по одну сторону прилавка, стола приемной ателье стоит женщина, по другую сторону лучше находиться мужчине.

Любое дело красит человека, безделье, пусть и удобное, комфортное, развращает и разрушает. Бездумное «убийство» времени (под видом отдыха) непременно тянет за собой пьянство, распущенность нравов — самые страшные пороки, убивающие одновременно и семью. Как писал великий русский педагог К. Д. Ушинский, необходимо, чтобы «сделалось невозможным то лакейское препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове, потому что именно в эти минуты портится голова, сердце и нравственность».

Какое точное найдено здесь слово: «лакейское» препровождение времени, а не мещанское, как мы частенько говорим. Мещане — категория деятельная до суетливости. А именно лакеи ничем не озабочены, никого не жалеют, не испытывают ответственности за других. Пусть у «хозяина-барина» в семье — у жены — голова болит. Только бы время провести в тепле и удобстве. Самое печальное чувство и вызывают обычно молодые люди, которые заранее готовят себя к «лакейскому» образу домашней жизни, а не к хозяйскому — сам себе и всему дому голова.

И все-таки, нельзя ли ускорить автоматизацию и механизацию домашнего труда, чтобы все делалось умными роботами, как в романе И. Ефремова «Гуманность Андромеды»: нажал на кнопку — и возникает стол, полный яств, а потом он исчезает со всей горой грязной посуды? А с ним исчезает один из поводов для распрей и ссор.

Давайте проследим наметившуюся тенденцию в этой сфере и

какие приобретения и потери сулит нам «роботизация» семейного производства.

Приглядевшись к нынешнему домашнему хозяйству, мы вынуждены признать, что сетования на его архаичность, на то, что домашний труд не сокращается, — неверны. Если крестьянка еще в середине нынешнего века на приготовление какого-нибудь нехитрого блюда, скажем, молочной лапши, должна была потратить долгие часы напряженной физической работы, то теперь эта процедура у горожанки занимает минуты.

Смотрите: наша бабушка должна была помогать мужу в посевной и уборочной страде, смолотить зерно (нередко вручную), просеять муку, затем замесить тесто, настругать лапшу. И молоко она не в соседнем магазине брала: и траву косила, и сено ворошила, и корову кормила, поила, доила, масло пахтала. И сам процесс варки супа требовал огромных затрат сил и времени: воды натаškai (из реки или колодца), дров принеси, печку растопи... Одно перечисление и то утомительно. Оттого вставала хозяйка засветло, ложилась — затемно. Отдыхала за прямой, веселилась с вязаньем в руках, пела, качая люльку.

Нынче горожанка отсутствует дома почти целый день. На все хозяйственные дела расходует 3—4 часа. И в этот срок успевает переделать столько дел, сколько не каждая ее предшественница-рукодельница успевала. Почему? Да потому, что сам характер домашнего труда, оснащенность не имеют ничего общего с прежним.

Мы пользуемся высокоэффективными нагревательными приборами: плитками, утюгами, стиральными машинами, соковыжималками, холодильниками и прочими предметами, значительно сократившими наши траты. Вычислено, что один работник из сферы общественного питания за-полный рабочий день (8 часов) может накормить лишь 8 человек. Сюда, естественно, включаются трудовые затраты не только самих поваров, но и множества вспомогательных работников (судомоек, раздатчиц, официантов, кладовщиков, разнорабочих и руководящих работников столовых и ресторанов, а также бухгалтеров, контролеров и т. д.). А одна хозяйка за полтора часа наготовит пищу на семью из 3—5 человек.

По своей производительности, энерговооруженности и механизации современный домашний труд становится своеобразной разновидностью индустриального.

Вместе с тем мы найдем впечатляющие примеры того, как вместе с тяжелыми, многооперационными физическими нагрузками человек «освобождается» и от необходимых. Судя по данным исследователей, мы свели физические нагрузки до 1—2% в сравнении с теми возможностями, коими наделила нас природа. А это значит, мы на 98% ослабили себя в сравнении с предками.

Что же станет с нами, если за нас все станут делать домашние роботы? Можно вспомнить роман «451° по Фаренгейту» американского писателя-фантаста Рэя Брэдбери. Жена главного героя, прикованная к постели (не болезнью — бездельем), интере-

суется только телевизионной «родней», не имея собственной, не имея детей, не замечая мужа. Да и он толком не знает, зачем каждый день возвращается в опустылевший дом. Дела общего нет, забот общих нет, интересов — тоже. Чем меньше в семье общего труда, общих забот, тем меньше заинтересованности мужа и жены, родителей и детей друг в друге. Труд не только создал человека, он поможет ему и в будущем оставаться человеком, а не автоматом, потребляющим автоматические блага.

Медики-геронтологи, т. е. специалисты, изучающие долголетие, дружно отмечают такую особенность: состояние здоровья и мужчин и женщин, очевидно, зависит от степени физической нагрузки — чем она больше, тем дольше живет человек. И семейные люди поэтому имеют все преимущества перед холостыми.

Конечно, человеку вредны и чрезмерные перегрузки. Каждому из нас стоит определить ту меру усилий, которая, помогая развивать потенциальные возможности, одновременно не позволит превратиться в загнанную лошадь. Гармония в работе, как и во всех других сферах, должна создаваться соразмерностью между «могу», «хочу» и «должен».

У тех, кто обладает чувством меры, каждый час усилий, потраченных на домашнее производство, не вычеркивается из жизни, а прибавляется к ней. Стоит прибавить к нашему времени, к нашим силам, к нашей радости солидный довесок, который получает семья в виде сохраненного здоровья. Это и приготовление пищи в зависимости от состояния организма, возраста, даже вкусовых причуд. И уборка жилья от пыли, грязи, все более скапливающихся в атмосфере городов и порождающих аллергию, астму и иные заболевания, и т. д.

Мы высоко ценим завоевания современной медицины в борьбе с хворями. Но надо воздать должное и женским рукам, что, не зная устали, моют, чистят, трут, утюжат. Это они помогли врачам свести на нет тиф, дизентерию, холеру и прочие бедствия человеческие.

— Не обязательно упражнять мышцы рук стиркой и уборкой. И ноги не в одной беголке по магазинам и стоянии в очередях укрепляются. Куда приятней бег трусцой, упражнения физкультурные, занятия в танцевальном кружке.

И снова находятся серьезные возражения этому оппоненту. Прежде всего перед нами пример холостых молодых людей, женатых мужчин и женщин, живущих за широкой родительской спиной без трудов и хлопот. Ничтожно малый процент из них действительно ищет дополнительные нагрузки на мышцы, большинство же продолжает усиленно культивировать комфорт и неподвижность.

Хочется напомнить еще одно изречение К. Д. Ушинского: «Есть и такие господа, которые не имеют уже решительно никакого дела в жизни, придумывают себе занятие ради душевного и телесного мочиона: тчат, играют в бильярд или просто бегают по улицам, чтобы доконать пышный завтрак и вернуть аппетит к обеду, но та-

кой труд имеет то же значение, какое имело рвотное за столом римского обжоры: возбуждая охоту к новым наслаждениям, оно помогает расстраивать душевный и телесный организм человека. Труд — не игра и не забава: он всегда серьезен и тяжел; только полное сознание необходимости достичь той или иной цели в жизни может заставить человека взять на себя ту тяжесть, которая составляет необходимую принадлежность всякого истинного труда».

Нельзя сравнивать спорт с домашним трудом, так как они имеют различное нравственно-воспитательное воздействие на окружающих, прежде всего на детей. Физкультура, как известно, лишена очевидного альтруистического начала: мышцы мы накачиваем для собственного здоровья и удовольствия, а работа по дому, укрепляя наше физическое состояние, одновременно служит благу и пользе других членов семьи.

Согласитесь, что обучить бескорыстному служению общему благу на словах еще никому не удавалось. Когда же мать и отец жертвуют своим свободным временем, силами, интересами ради здоровья друг друга и детей, то это и есть самый убедительный урок трудолюбия, самоотверженности.

Мне удалось познакомиться с результатами обследований, проведенных в колониях для малолетних преступников и оступившихся подростков. Обнаружилось такое явление: при всех и всяческих различиях в судьбе и характере ребят, попавших в столь печальные места, у них было одно общее, ярко выраженное свойство — отвращение к любому труду, физическому, умственному.

«Лень — мать всех пороков» — это вам давно известно. А биографии «детей лени» убеждают: с этим пороком не рождаются, им заражаются в семьях, где старшие каждое трудовое усилие сопровождают стенаниями, проклятиями.

К счастью, большинство семей сознательно и ответственно относятся к бытовым хлопотам. Происходит заметный крен и во взглядах людей интеллектуального труда. Их собственный опыт и научные исследования убедили, что к основным потребностям человека — потребности в пище, воде, в продолжении своего рода надо прибавить информационный голод и мышечный. Именно последний — мышечный голод заставил современных, избалованных комфортом горожан, и мужчин и женщин, искать себе дополнительные нагрузки. Замечено: многие хозяйки отказываются от услуг служб быта. Сами шьют, вяжут, стирают белье. Мужчины все чаще засучивают рукава и орудуют обычными лопатами, пилами, топорами, молотками, стамесками, строят летние дома, копаются в земле, снова обзаводятся домашней живностью. Постепенно гордость тем, что семья имеет, начинает уступать более достойной гордости — за то, что семья умеет.

Наверное, так и не угнаться общественной службе за домашней, как не угнаться машине за человеком в создании вещей и услуг, отвечающих нашему индивидуальному вкусу и потребностям. Не случайно на мировом рынке все большую цену приобретают именно

ручные изделия, а на нашем городском — свежие овощи с личного огорода, сметана от своей коровки.

Тут намечается еще один поворот в теме о домашнем труде: как автоматизация бытового обслуживания сказывается на детях, на межличностных отношениях, чувствах, связях взрослых. «Кустарность», импровизационность домашнего производства обеспечивала и неповторимость, разнообразие «продукции». Мы все такие разные не только из-за нашей генетической структуры, но и из-за непохожести среды, способов и стилей обитания.

Стандартизация бытия должна предполагать и стандартизацию сознания, вкусов, привычек, отношений. Мы сейчас заинтересовались высказываниями медиков и с запозданием начинаем заново открывать для себя простейшие истины: от пищи вполне материальной зависит не только физиологическое состояние, но и в определенной мере психология человека.

Воспитание — это слово имеет двоякий смысл. Целенаправленное выращивание ребенка на пище физической и духовной одновременно. А если мы все перейдем на среднестандартный столовский рацион, как это отразится на наших детях?

Демографы подметили: из одних «Черемушек» в другие люди перемещаются безболезненно, подчас не испытывая даже стремления назад, к истокам, ностальгии, неременной спутницы мигрантов. Тяга домой возникает тогда, когда образ дома впитывается всеми чувствами: когда в нем живут особые звуки, цвета, запахи, особые и неизменные установки, традиции. «Лица необщее выражение» требуется не только художественным произведениям, но и нашим домам, семьям, чтобы быть притягательными для чад и домочадцев.

А сделать наши бытовые заботы более легкими и даже приятными можно, что называется, не отходя от плиты, простым и дешевым способом: искать в каждом неприятном занятии оборотную сторону. (Выдающийся философ-гуманист современности Альберт Швейцер считал основным условием прогресса человечества, его культуры — нравственность и оптимистическое мироощущение. Культура семейных отношений тоже должна воспитываться на оптимизме и этике, пронизывающих каждое мало-мальски значимое дело.)

Вот пример такого подхода. Социологи вычислили, сколько километров женщина проходит от плиты к обеденному столу и обратно. Многие километры! Можно, узнав это, начать жалеть себя и клясть тех, ради кого это делается. А можно и обрадоваться: ведь благодаря этим километрам удлиняется жизненный путь в сравнении с теми женщинами и мужчинами, кто уклоняется от подобных нагрузок.

Вы скажете: несерьезное утешение. Для кого как. Придется признать, что чем серьезней люди относятся к быту, тем больше вносят в него игры, шутки, выдумки. Нам нужно искать в каждом занятии свою долю радости, бодрости и умышленно прикрывать

глаза на теневые стороны работы, которую хочешь не хочешь, а исполнить должен. Впрочем, от нас зависит и тягостное «должен» осветить приятностью «хочу, могу».

Сейчас много пишется об аутотренинге: человек сам себе может внушить, что он спокоен и благодушен, когда бывает возбужден, раздражен. Отчего эти приемы не использовать и во время занятий неприятными домашними делами?

Расскажу такую историю. У молодоженов собрались гости — старые друзья, раньше успевшие обзавестись семьей и ребяташками. Как часто в таких случаях бывает, обсуждались приобретения и потери супружества в сравнении с холостяцкой вольницей. Молодой супруг сетовал на занудство кухонных обязанностей, которые пытается взвалить на него жена.

— А для моего Стаса мытье посуды, чистка овощей — развлечение, которым он ни с кем не делится,— заметила одна из женщин.

— Ну, уж никогда этому не поверю. Притворяется твой Стае.

— Ничего подобного, я не притворяюсь. Просто есть тут небольшой секрет, которым я охотно поделюсь с друзьями. Так же, как и ты, я с тоской и отвращением входил в кухню и то после очередной порции воркотни и упреков в тунеядстве. И уж затем вымещал на жене накопившееся раздражение, чтобы она впредь сто раз взвесила: стоит ли овчинка выделки — моя помощь. Но однажды во время мытья посуды я поймал себя на том, что отвлекшийся от самого процесса работы мозг «выдал» решение одной заковыристой задачки, которая никак не давалась моей группе.

" Обрадовавшись, мысленно повторил найденную формулу и начал насвистывать любимую мелодию. Входит жена и с удивлением разглядывает меня: отчего это я так развеселился? Спасибо, говорю ей, что поручила мне это полезнейшее занятие. Она подумала, что я ее разыгрываю. А я решил: все дело не в том, что я делаю, а в моем настрое. И на другой день без напоминаний и просьб принялся мыть посуду. Заняв руки, отвлек мысли от посторонних забот и сосредоточился на конфликте, возникшем в моем коллективе. На работе никак не удавалось сосредоточиться на нем, а ситуация накалилась до крайности. Не скажу, что все прояснилось до дна, но свет забрезжил.

— А что тут сверхъестественного? Занять руки или ноги автоматическими движениями — лучший способ высвободить мыслительную энергию,— подтвердил другой приятель-психолог.— Говорят, С. П. Королеву немало плодотворных идей пришло в то время, когда он копался в саду, выхаживая любимые свои розы.

— Могу подтвердить: эта «психотерапия» так увлекла Стаса, что он отобрал у меня львиную долю самой неквалифицированной, механической работы — готов впрок начистить овощей, азартно пылесосит мебель, драит полы. Вот только кулинарить никак

не может: тут нужна сосредоточенность. А он то пересолит, то переперчит или вовсе недоваренным накормит. Но в чем он прав: его прием изменил всю атмосферу в доме. Я с пятилетней дочкой стала играть в эти же игры. Бывало, ее никакими наставлениями не заставить убирать комнату. Однажды говорю ей: «Посмотри, какие полчища врагов, видимых-невидимых, напали на наш дом». Сама показываю, как в луче солнца вьются пылинки. «Давай освободим от них стол, стулья, двери, окна». Она с готовностью схватила тряпку, трет, даже запыхалась. И теперь, увидев пыль, зовет меня: «Давай выгоним видимых-невидимых, они опять к нам пробрались».

— Короче, развлекаетесь, в игрушки играете? А как же долг, обязанность? Они ведь при этом не воспитываются. Не каждый день надо решать конфликтные задачки, а мыть посуду необходимо ежедневно. То же самое — у девочки: не будет постоянно возникать желание поиграть в уборку, а убирать приходится постоянно.

— Ты прав, нередко и я без охоты направляюсь в кухню, через силу берется за веник дочка. Но нет предваряющего работу чувства: она меня унижает, что-то отнимает. Просто сегодня она мне не нужна, зато нужна другим. И в этом — благо.

У мужей и жен, видимо, не будет постоянных претензий друг к другу и обид, коли занятия и обязанности будут распределены прежде всего с учетом личностных особенностей и природных возможностей. У кого что хорошо получается, тому это дело и поручать. И при этом относиться с полным уважением к непривычному способу исполнения заданий. Некоторые властные натуры-лидеры признают допустимым только их приемы, методы работы. «Делай, как я»,— требуют они от родственников. И этим вызывают ненужные ссоры, яростное сопротивление тех, кто и рад бы выполнить поручение, но по-своему, как ему сподручнее. А слепо копировать — редко встречаются охотники.

И здесь, в семье, как и в нашем общем государственном хозяйстве, инициатива каждого участника домашних дел должна высоко цениться и всячески поощряться, потому что она лучше буздумной, механической исполнительности. Она — свидетельство равнодушия того, кто исполняет доверенное задание. Даже если инициатива на первых порах причиняет всяческие неудобства, даже если из-под неумелых рук летят осколки разбитой посуды, сыплется крупа, льется молоко. Эти потери не столь разорительны для семьи, как выработанное вследствие страха что-то испортить равнодушие, а то и лень.

Люди всегда больше ждут и ищут в работе самостоятельности, возможности выдумывать, пробовать. Чем шире в нашем доме поле для такого рода поисков, тем с большим интересом и удовольствием трудятся его члены. А чем больше вкладывает человек своих трудов в любое дело, тем больше прикипает к нему душой.

Раздел о семейном труде и распределении обязанностей оказал-

ся очень объемным. Это не случайно. На домашние обязанности расходуется львиная доля времени, сил мужа и жены. Не только у поэтов, но и у простых смертных «любовные лодки» чаще всего разбиваются о быт.

Домашние же дела и есть деятельное проявление любви, а не что-то ей категорически противостоящее.

Теперь, может быть, исполняя поручения родителей или сами ища себе дела по дому, вы будете знать: работой этой вы не только платите долг благодарности матери-отцу, облегчаете их участь, вы еще и готовите себя для грядущих трудов, которые позволят вам стать атлантами, поддерживающими ясный свод своего семейного счастья. Накачивайте мышцы рук, души, ума, будьте неутомимы и изобретательны. Трудно в учении — легко в бою, в бою за мир и благополучие дома своего в том числе.

Домашнее задание после этой главы зададите себе сами. И пусть оно будет ежедневным, нарастающим, усложняющимся, оттого все более осмысленным и интересным.

В некоторых школах после обсуждения этой темы устраивались выставки рукодельниц и мастеров: девочки приносили в школу блюда, изготовленные их руками, «фирменные» пироги и торты собственного изобретения. Приходилось отведывать и плоды рук юношей, которые тоже умеют блеснуть кулинарным мастерством, если не заражены предрассудками. Один девятиклассник изготовил такую живописную и ароматную пиццу, словно проходил практику в итальянской траттории. В другой школе взяли воспроизвести «литературный обед», где был бараний бок с кашей, как у Со-бакевича, украинские галушки и пампушки, которые стряпала говорливая Хивря, пили ребята сбитень, приготовленный по древним рецептам.

Но не только гастрономические способности обнаружили старшеклассники. Была устроена выставка их рукоделий: платя собственного сочинения и исполнения, вязаные вещи, украшения и даже предметы домашнего обихода, выточенные из дерева, и т. д. Выставка эта сделалась открытием для самих ребят и для учителей: словно увидели они друг друга и педагоги их впервые и с непривычной стороны.

Стоит, наверное, и вам попробовать свои силы и способности в этой бесконечной сфере творчества.

5

МАТЬ И ОТЕЦ- ГЛАВНЫЕ ВОСПИТАТЕЛИ

МАЛЕНЬКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

Читатель, видимо, уже привык, что мы задаемся, на первый взгляд, самыми наивными вопросами, которые на поверку оказываются самими сложными: что такое семья, супружеская любовь? Теперь время осмыслить и вообще самоочевидные вроде бы вещи: зачем нужны растущим детям папа-мама, а родителям — неугомонная ребячница?

Выясняется, что и этот вопрос не такой уж простой и однозначный. Спор на тему: нужны ли ребенку для благополучного развития именно его, родные воспитатели, или можно передоверить дело воспитания специалистам-педагогам, которые смогут вести младенца к взрослости более разумно, осознанно, спору этому — не одна тысяча лет.

Еще в Древней Греции Платон, вслед за Сократом, утверждал: все зло мира, эгоистичность людей, их разобщенность произрастают прежде всего из наличия неравных условий воспитания детей в семьях. Неумеренная любовь родителей к собственному чаду плодит индивидуализм, корыстолюбие и прочие дурные свойства, порождающие вражду между людьми. Последующие философы и педагоги не обошли своим вниманием эту проблему, хотя и оценивали ситуацию по-разному.

Предшественники научного коммунизма, особенно ценимые Марксом и Энгельсом французские просветители считали, что дети лишь в раннем младенчестве должны жить и расти в доме родителей. Затем они должны воспитываться в общественных детских учреждениях, чтобы преодолеть разнородность воспитания, чтобы создать для каждого юного гражданина одинаковые условия развития.

Еще 15—20 лет назад бытовало мнение некоторых научных авторитетов, что государство должно взять на себя воспитание детей «от люльки до университета». В последние годы ученые изменили суждения на этот счет, потому что убедились на опыте: любовь родителей, их постоянное общение с детьми имеют для малышей не меньшее значение, чем воздух и солнечный свет. Гармоническое развитие ребенка немислимо без семейного воспитания, которое должно сочетаться и подкрепляться общественным, и противопоставлять эти две формы по меньшей мере неразумно.

Теперь педиатры утверждают, что даже несколько месяцев «лишения любви» наносят умственному, нравственному и эмоциональ-

ному развитию ребенка до трехлетнего возраста непоправимый урон. То есть именно в самом раннем детстве закладывается фундамент всей последующей духовной жизни человека, а от прочности этого фундамента, от того, из каких материалов он сложен, и зависит, какое сооружение потом можно будет на нем воздвигнуть, какой величины и сложности.

Последние годы принесли нам открытия, ошеломившие многих людей, далеких от этих проблем. Посчастливилось мне познакомиться с замечательным ученым и человеком, физиологом И. А. Аршавским. Он убедительно доказывает: лишение любви решительным образом сказывается даже на развитии зародыша человеческого. По мнению ученого, чтобы на свет появился ребенок физически, эмоционально и даже морально здоровый, необходима взаимная любовь родителей друг к другу и ЖЕЛАНИЕ воплотить свое чувство в общем дитяти. Дети, зачатые случайно или осознанно, изначально будут отличаться друг от друга, даже если у них общие родители.

«Больше того, необходима доминанта беременности в сознании, в стремлениях не только будущей матери, не только будущего отца — всех родственников,— горячо настаивает И. А. Аршавский.— Сиротство начинается не тогда, когда умирают родители или когда они отдают ребенка на воспитание государству, а тогда, когда они и другие члены семьи воспринимают известие о том, что через девять месяцев их род увеличится, не как высшее благо и счастье, а как беду, видят только грядущие заботы и тяготы».

Можно было бы усомниться в словах ученого, но они удивительно совпадают с народной мудростью, которая гласит: каждого младенца должны ждать и желать по 40 родичей со стороны матери и отца. ЖДАТЬ и ЖЕЛАТЬ... Это ведь не просто отвлеченные мечтания: наши чувства, эмоции имеют вполне реальную и очень большую энергетическую силу. Положительную и отрицательную. И. А. Аршавский убежден: оптимистами, жизнестойкими, миролюбивыми рождаются прежде всего ребяташки, которых с нетерпением поджидает родня. С тревожной, ранимой, вследствие этого — агрессивной психикой появляются на свет чаще всего те, кому никто не рад.

Естественно, что каждый день жизни в младенческом возрасте может снять тревогу ребенка или усугубить ее. Нередко ведь случается и так: ребенка не очень ждали, а появился — и заполнил собой, осветил теплом и светом жизнь взрослых. Тогда отойдет, оттаит сердечко малыша. И он ответит улыбкой на улыбки, счастливым лепетом — на лепет матери, спокойным доверием на крепкие объятия отца. Но как же печальны будут глаза нежданного ребенка, когда родители передадут свои труды и хлопоты в руки ясельной нянечки или воспитательницы.

Некоторые ученые предлагают вовсе отказаться от содержания детей в яслях. Их нетерпение понятно: любовь воспитывается только любовью. А какая самая образованная, добрая воспитательни-

ца может столь щедро, как родительница, расточать ласку, нежность, сочувствие каждому из двух десятков малышей, которые составляют ясельную группу?

Но пока по соображениям и педагогическим и экономическим мы не можем отказаться от ясельного воспитания.

По всей вероятности, наиболее разумную позицию занимают те исследователи, которые оставляют за родителями право свободного выбора, где и как им растить детей. Правда, эти исследователи оговариваются, что такое право нуждается в экономическом обеспечении.

Теперь делаются новые шаги для этого: малообеспеченным семьям выплачивается пособие; при рождении ребенка матери дается длительный оплачиваемый отпуск. Есть и другие

льготы. Эти дополнительные расходы государства в конце концов приносят ощущаемую и семьей и обществом пользу.

Как уже было замечено, без родительской любви ребенок при живых отец-матери — сирота. Но ему совсем не безразличны и их отношения между собой. Как бы мал он ни был, а все отлично чувствует, чутко воспринимает их лад и ссоры. Вот мнение доктора педагогических наук А. И. Кочетова: «Любовь родителей друг к другу может стать главным воспитательным фактором, воздействующим на ребенка. Именно любовь родителей друг к другу, а не только любовь к детям. Множество ошибок совершается молодыми людьми в начале семейной жизни, но ни одна из них так не вредна, как невнимание к собственному чувству взаимной любви. Когда отец и мать любят друг друга, больше всего от их любви получает ребенок. Без нее — весь мир бледнеет, и никакие педагогические меры не могут восполнить ее влияние на ребенка». И В. А. Сухомлинский считал, что научить ребенка любить — это научить самому важному в жизни. А «научить» его можно только личным примером.

Короче, родители нужны ребенку прежде всего как «учителя любви» в самом широком смысле слова. Да и сами матери и отцы очень много теряют, если не уделяют должного внимания своим детям, отторгают их.

«Как ребенок нуждается в том, чтобы о нем заботились, и это дает ему ощущение и прочности мира, так и взрослый человек испытывает потребность заботиться о другом, быть опорой для слабого, ощущая таким образом собственную силу и зна-

чительность. Полнее всего это проявляется именно в родительских чувствах», — пишет И. С. Кон.

О том, что родители дают детям, мы все более или менее осведомлены. Но не всегда точно представляют старшие, чем сами обязаны детям, которым подарили жизнь.

У Толстого есть такая запись: «Если предположить, что человечество состояло бы из миллиарда бессмертных существ, число которых не могло бы ни увеличиться, ни уменьшиться, где бы мы были и что бы мы были, великий боже! Мы стали бы, без сомнения, в тысячу раз учнее, но и в тысячу раз хуже!» Он же убедительно показал, что минуты ожидания и сострадания к роженице, пережитые Болконским, Левиным, Карениным и Вронским, очищали души мужчин от мелочных страстей. от корысти и злобы. Такие минуты делали их Людьми!

А вот признание нашего современника, кандидата технических наук В. Беянина: «Я, например, бросил курить и избавился от этой дурной привычки с легкостью. Считаю, что проявлению силы воли способствовали мои еще не родившиеся дети. Ожидание, а затем и рождение ребенка являются мощным стимулом для самовоспитания, искоренения дурных привычек, выработки терпения, которых порой нам так остро не хватает».

Отец запрещает себе то, что в будущем станет запрещать своему ребенку, — это и есть подлинная и единственно возможная мораль, которая ведет к улучшению всех людей и отдельной личности.

— Нет, нынешние дети себя не оправдывают. Расходы на них — сил и средств — огромные, а отдачи что-то не видать.

Эту воркотню вам, наверное, доводилось слышать не только от стариков. Особенно часто возникают подобные разговоры, когда молодоженов допекают старшие: дескать, почему не спешат обзаводиться первенцем или остановились на одном. Однажды в момент таких вот выяснений юный супруг решительно заявил:

— Я знаю, как намучились со мной мои родители. Так что я себя добровольно не стану обречь на подобные испытания.

Ему стали рисовать картину, которую являло бы собой общество, если бы все были столь же себялюбивыми. И действительно, что произошло бы, если бы человечество перестало воспроизводить потомство? Нецелесообразными стали бы все поисковые, исследовательские работы, высокое искусство, наука — все ни к чему. За-

чем они, зачем «великие и вечные вопросы», на которые мы ищем ответы, если не будет тех, кому они обычно адресуются, если не будет потомков, продолжения? Человечеству ничего не останется, как прожить накопленное историей достояние. У людей, переживающих военные катаклизмы, всегда сохраняется главное — надежда: кто-то выживет, пробьется, исправит содеянное, восстановит разрушенное, создаст новое, поскольку народит и вырастит детей. Бездетное общество будет лишено этого сознания. А что может быть страшней безнадежности?

Не дать жизнь новому человеку, отказаться от собственного продолжения?.. Не потому ли у многих народов почиталось это смертным грехом, что сим решением отнимается у рода-племени не только надежда на будущее, не и перечеркивается его прошлое. Не надо обладать сверхмогучим воображением, чтобы пред-' ставить, как спасали наших пра-пра-пра... их собственные отцы и матери от глада и мора, от чумы и от стрелы. Великие страдания и жертвы, перенесенные нашими прауродителями, бережно сохранившими слабый огонек человеческой жизни, тонкую ее нить,— для чего они, если их так легко может оборвать ленивая рука эгоистичного потомка.

— Опять эти вечные категории: прошлое, будущее! — взорвался молодой супруг.— Откуда такая тяга к глобальным обобщениям по частным поводам? Мое решение — мое личное дело. Я же не открываю кампанию по борьбе с деторождением. Вон сколько сложных проблем вызвал демографический взрыв в других странах. Так что еще надо посмотреть: может быть, я помогаю человечеству выжить именно тем, что не продолжаю его. И еще одно: я не могу существовать сразу в трех измерениях. Живу я сегодня, а не вчера и не завтра. И не вижу, чтобы в этом сегодняшнем моем бытии ребенок принес бы мне что-нибудь, кроме хлопот и забот.

Публика собралась начитанная, и каждый выложил известную информацию. Одни говорили о том, что так или иначе при-

рода сама корректирует количество возможного и необходимого на Земле населения. Другие напомнили регулирующую политику некоторых государств. Разговор постепенно ушел в общетеоретические дали. Но вдруг выступила молчавшая до сих пор женщина, видимо, с большим и не очень легким жизненным опытом. Она обратилась к молодому человеку:

— Ты вот говоришь, что видел, как малыши помешали твоим друзьям в учебе, в профессиональных достижениях, что слышал, как нестерпимо кричат новорожденные. А ты слышал, знаешь, как кричат *нерожденные* дети?..

Слова эти, сказанные тихо, всех словно оглушили.

■— Твое личное дело, говоришь? — продолжила женщина.— А лишить жену высшего человеческого счастья: носить под сердцем, растить, любить, обмирать и возрождаться с малышом — это чье право? А лишить и своих и жениных родителей радостей, которые приносят внуки, радостей пусть и тревожных и дорогостоящих, но ведь ничем не заменимых! Ты видел, как твоя мать заглядывает в чужие коляски? А потом так же будет заглядывать и твоя хорошенькая и пока что беспечная «женка», как ты ее называешь. Вот тогда она и услышит, и ты вместе с ней, голоса тех, кого нет, кого она могла бы подарить миру и тебе. Как справедливо заметил философ: «Если к сорока годам комната человека не наполняется детскими голосами, то она наполняется кошмарами».

— Это удар ниже пояса! — вспылил парень и вышел, хлопнув дверью.

Этот разговор наводит на серьезные размышления. Не только потому, что он обрел такой поворот: от общечеловеческих, глобальных проблем — к личностной судьбе. А потому, что спорящие стороны правы по-своему.

Юноша прав в том, что не все можно и нужно доказывать методом от противного. Что будет потом, если он не обзаведется ребенком, ему убедительно продемонстрировали и в историческом, и в личном плане. Но так никто и не сказал, что ему даст ребенок в нынешнем.

Давайте и мы зададимся этим вопросом: для чего нужны дети?

...В послесловии к «Крейцеровой сонате» Толстой указал на такую особенность цивилизованных народов: с ростом образования, общей культуры и благосостояния меняется взгляд на детей, оценка их роли во взаимоотношениях супругов. «...В нашем обществе, вследствие опять того же ложного значения, которое придано плотской любви, рождение детей потеряло свой смысл и, вместо того, чтобы быть целью и оправданием супружеских отношений, стало помехой для приятного продолжения любовных отношений...»

И нынешние исследователи проблем семьи отмечают, что первого ребенка супруги чаще всего заводят не ради него самого, не для того, чтобы вкусить радость отцовства и материнства. Опросы будущих матерей выявляют такую картину: многие

молодые женщины говорят, что рожать решились оттого, что «так случилось», прерывать беременность страшно, а рожать — не очень. То есть это как раз тот случай, который мы уже рассматривали: первенец у молодых — «сюрприз», неожиданный презент. Родителям не до него. Они заняты собой и друг другом. В обостренном внимании к тому, кто и что сказал, как взглянул, что кушил, нередко тонут, пропадают те бесчисленные и глубокомысленные мелочи, которыми полны время ожидания ребенка и время его роста.

Мать десятерых детей, доктор биологических наук М. П. Кол-пакова в телеинтервью призналась: она не испытала всей остроты и значительности материнских переживаний с появлением первого ребенка. А вот на втором ей открылся и в ней открылся этот особый мир неведомых дотоле чувств. Но, по всей вероятности, родительская «бесчувственность», которая и прежде бывала, и нынче нередко встречается, является следствием определенной эмоциональной неподготовленности молодой женщины именно к материнской миссии. И молодой матери полезно подсказать: на что и как смотреть, что видеть, слышать? Такое знание одним природным инстинктом к продолжению рода не дается. А окружающие советчики больше учат юных мамаш гигиене ребенка, учат, как с ним гулять, играть, т. е. опять же учат *давать* ребенку, но не учат *брать* от него. Учат трудам материнства, а не его радостям.

Особое значение приобретает появление ребенка в семьях, где молодожены не объединены общими профессиональными интересами, имеют разные пристрастия и увлечения. Их прежние, добрачные привязанности тоже направлены в разные стороны, к собственным родственникам, которые, возможно, еще долгое время будут чужими людьми и друг для друга, и для каждого из супругов. Все это частенько «работает» па духовное и эмоциональное разобщение юной пары. Ребенок сразу делает всех этих людей родными, а молодоженов не просто возлюбленными, но по-настоящему родственниками. Значит, ребенок даст своим родителям и родителям родителей чувство общности забот, желаний, интересов.

«Будущей маме нельзя волноваться», «кормящей женщине нужны особые условия, режим, покой» — это часто слышат молодые супруги. И мало-мальски подготовленный к роли отца молодой человек старается снимать напряженность в отношениях. И в такое время привыкает к мысли, что женщину нужно оберегать от лишних раздражителей. Так еще не появившийся или только родившийся младенец уже дает матери чувство ее особой значимости, как бы заслоняет ее от всяких напастей и обид. А отцу дает возможность продемонстрировать свое благородство, почувствовать себя защитником, помогает ему поупражняться в великодушии, в терпимости, выдержке.

Все эти качества весьма полезны и необходимы не только в личных отношениях между мужем и женой, но и в любой профессий-

ональной деятельности. Ведь и в рабочей обстановке женщины нередко страдают от недостатков именно этих черт и свойств характера у своих коллег-мужчин. И чем меньше в нашем доме детей, тем меньше и подобного нравственного опыта, тем острее мы ощущаем дефицит этих качеств.

«Отплачивают» дети за то, что взрослые их учат и тратят на это время и силы, очарованием чистоты, непосредственности. И тоже учат старших искренности, милосердию и демократизму.

«Дяденька, а вы — дурак?» — серьезно, без злобы спросит герой повести Веры Пановой «Сережа» солидного мужчину, который сыграл с ним действительно дурацкую шутку. И своим вопросом объяснит матери истинную цену «солидности» надутого собственной спесью глупца. «А король-то голый!» — закричит другой мальчишка и откроет глаза целому королевству. «Устами младенца глаголет истина» — признает и народная мудрость. Пусть родители нередко сердятся на «недипломатичность» ребятишек, даже наказывают за то, что они «не умеют себя вести», т. е. притворяться, как был наказан и пановский Сережа, но ведь благодаря им взрослые и прозревают, возвращаются к здравому смыслу, которого лишаются порой под влиянием массового гипноза, вроде того, что овладел людьми в сказке Андерсена.

У Л. Н. Толстого есть рассказ-притча «Сила детства». Писатель предлагает читателю осмыслить такую ситуацию. Народ победил в борьбе с ненавистной ему властью, идет охота за самыми главными притеснителями — городовыми. Один из них попал в руки разъяренной толпы. Страсти накалены до предела: готовится самосуд, предотвратить который не в состоянии даже разумные предложения — передать городского в руки правосудия. В это время в толпе раздается крик ребенка, сына того человека. Ребенок еще не понимает всего, что происходит, но чувствует: отцу грозит страшная опасность. Отец старается успокоить мальчика, уверяет его, что это он идет с приятелями и скоро вернется домой. Затем он просит окружающих его людей подтвердить его слова и проводить ребенка до дому. Когда мальчика увели, городской сказал: теперь делайте со мной что хотите. И те же люди, что минуту назад были полны жажды справедливой мести, вдруг заколебались. Раздались сначала неуверенные возгласы о помиловании, а потом крики, столь же решительные: «Отпустить его!» Толпа, счастливая своим милосердием, радостно кричала и пела.

Сила детства в том и заключается, что она пробуждает чувства добрые. От скольких падений, глупостей, грубостей, лжи, несправедливости спасли взрослых детские глаза, полные доверия и участия. «Постыдилась бы (постыдилась бы) ребенка!» — восклицают нередко родители, обращаясь друг к другу, когда все средства воздействия на зарвавшуюся «половину» бывают исчерпаны. И действительно приходят в себя, стыдятся. И, сами того не заме-

чая, возносят собственное дитя в ранг нравственного судьи, хранителя и зеркала семейной чести и совести.

Глядя на детей, общаясь с ними, люди приобретают не только нравственные навыки, с их помощью расширяют свой кругозор, множат полезные привычки.

В любой сфере труда и досуга требуется лишь какая-то часть наших свойств, способностей, качеств. Где-то нужен наш ум, где-то руки, где-то ловкость, где-то чуткость и т. д. По только ребенку нужна вся личность родителя без остатка: и ум, и руки, и сила, и доброта, и выражение глаз, и интонации, даже родной запах ребенку дорог и важен. А уж о пристрастиях, деловых увлечениях, интеллектуальных и физических занятиях особо говорить не приходится.

Сами готовые включиться в любое дело, дети часто увлекают взрослых в свои занятия. И тем самым не дают родителям обрести жирком, спасают от ограниченности. Приходится молодым папам и мамам тратить время на долгие прогулки, путешествия в лес, в парк, куда иначе они не нашли бы возможности (или — охоты) выбраться.

Во время таких прогулок дети требуют разъяснений по вопросам, которыми взрослые уже давно не интересуются. К, примеру: отчего муравьишка такой маленький, а тащит большую ветку? Откуда у него силы берутся, если у него нету мышц? Л действительно, откуда? — задумываются родители и идут в библиотеку, ищут объяснения. К примеру, одна любознательная девчушка открыла своему отцу-художнику многокрасочный мир бабочек, стрекоз, всяких козявок и букашек, которых он раньше хоть и видел, но не замечал. Теперь же он всерьез увлекся энтомологией.

В других семьях мама вместе с сыном или дочерью начинает изучать музыкальную грамоту, пытается рисовать, а то и шить (это надо для уроков домоводства). А папа заражается конструированием, увлекается филателией.

Все эти занятия и память встряхивают, освежают давно забытые знания, и новыми сведениями нас обогащают. Так что, помогая детям, а потом внукам подниматься по ступеням, родители одновременно не дают и себе замшеть в традиционных представлениях о мире. И еще. В таких случаях, хочется или нет, дети каждого из взрослых превращают в учителей и учеников одновременно: старшие учат их, учатся вместе с ними, учатся у них.

Вот и выходит, что, прибавляя множество больших и малых дел и хлопот, прежде всего хозяйственных, дети заставляют взрослых отрывать взор от привычной повседневности, обращают их мысли к вечным вопросам бытия. И открывают новое зрение, новое чувство.

Банальные истины время от времени тоже нуждаются в переосмыслении. Как и эта мысль, которая уже приводилась выше: дети — бессмертные, реальное, осязаемое, живое. Можно против-

поставить этому утверждению слова Маяковского о том, что, умирая, мы можем «воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела».

Но, вернувшись к началу разговора: для чего нужны дети? — придется признать, что «долгие дела» только тогда и возможны, если их будет кому продолжать. Как нужно, чтобы было кому водить пароходы, названные именами героев, чтобы было кому прочесть великие строки. А чем мы будем матери-истории более ценны: собственным ли делом или тем, что вырастили-воспитали замечательного сына, дочь, — увы! — знать нам это чаще всего не дано.

Славен был «род Пушкиных мятежный» деятелями незаурядными, энергичными, оказавшими свое влияние на многие события российской истории. Но отчего внимание нынешних поколений задерживается на их делах и биографиях особенно часто по сравнению с другими знаменитыми фамилиями, нередко более влиятельными даже? (Например, мы не так пристально изучаем биографии деятелей из рода Голицыных, хотя их роль в нашей истории куда значительней.) Да оттого, ответит любой школьник, что не среди Голицыных появился и вырос тот, имя которого составляет целую эпоху в отечественной истории и культуре. Они — Пушкины — предки гения, он — их кровь и плоть.

Мне долгое время не давался смысл слов Максима Горького о том, что мы все рождаемся и живем для лучшего, вложенные им в уста Сатина. Последующее уточнение тоже не очень было ясно: дескать, для лучшего мастера, ну, скажем, столяра, плотника, сапожника. Когда же вместо названий профессий поставила слова: *для лучшего в своем роде*, — все встало на свои места.

Мы рождаемся и живем для того, чтобы хоть немного продвинуть свой род к совершенству, к идеалу человека.

— Ну, хорошо, — скажет скептик-оппонент, — с простыми смертными все понятно. А для чего такое «продолжение» самому Пушкину или тому же Толстому, ведь они сами являются вершиной рода и бессмертны в своих произведениях.

А действительно, для чего Толстому нужны были дети, да еще в таком большом количестве? Ведь к мыслям о греховности супружеских отношений, если в их основе не лежит цель — иметь потомство, он пришел к старости, уже тогда, когда 13 детей родила ему Софья Андреевна.

По обыденной мерке, дети должны были служить помехой в творческой деятельности великого писателя. И сколько страданий причинили ему они, когда разделились на противостоящие друг другу (и ему) группы, когда некоторые из них захотели лишиться его права поступать и жить по нормам, им же выработанным и проповедуемым...

Если мы вчитаемся, вникнем в то, что сделано, написано Толстым, то везде отыщем «отпечатки пальцев» его детей. И ра-

дости, которые они давали своему великому отцу, и печали — все нашло свое отражение и выражение в его творчестве, которое и есть не что иное, как кардиограмма, запись движений его души. А дети в ней занимали огромное место.

«Когда мой отец писал роман «Семейное счастье», он еще не был женат.

— Мне казалось тогда, — сказал он однажды, — что я понимаю женщину до глубины ее души. Но когда я женился, то увидел, что я ее совсем не знаю. И только благодаря своей жене я научился ее понимать. А теперь, — продолжал он, глядя мои волосы, — с тех пор, как мои взрослые дочери доверяют мне свои тайны и раскрывают свою душу, я сознаю, что ни до женитьбы, ни позднее я ничего не знал о женщине и только теперь начинаю ее понимать», — так пишет Т. Л. Сухотина-Толстая, дочь и друг Льва Николаевича.

Как вам покажется такой поворот в разговоре о роли детей в нашей жизни? Выходит, чтобы мужчине понять женщину (жену), нужно вырастить дочь? И наоборот, чтобы женщине понять мужчину (мужа), нужно вырастить сына?.. Наверное, так. Впрочем, такого рода рассуждения ведут нас и дальше. Чтобы в полной мере понять и оценить собственных родителей, отца и мать, надо самим стать родителями; надо пройти через все муки и радости материнства и отцовства.

Вот, оказывается, еще для чего нужны дети: они «переводчики», помогающие понять друг друга людям разных поколений, разного возраста и пола. И если вспомнить, как аристократка Долли Облонская быстро нашла общий язык с крестьянскими женщинами, когда они заговорили о ее детях, то мы вынуждены будем признать, что дети служат связующим звеном и между людьми разных сословий, разных уровней культуры, сфер деятельности.

В системе доказательств огромной значимости детей в жизни взрослых очень много дает наша русская, классическая литература, в которой, как ни в какой другой, воплощена мысль о самоценности детства. И тот, кто отказывает себе в трудном счастье — рожать и растить детей, действительно, заслуживает не осуждения, но сожаления, так как очень сильно обедняет свою жизнь.

Во многих странах на специальных занятиях готовят не только девушек, но и юношей к встрече с будущим младенцем. Обучают тому, как его кормить, одевать, купать, играть с ним, гулять. Проводятся ли такие занятия у вас? Хотели бы вы их организовать? Психологи уверяют, что даже небольшой предваряющий практикум очень облегчает в будущем труды юных родителей. На этих занятиях ребята из многодетных семей могут помочь товарищам, лишенным братьев и сестер, освоиться с непривычными обязанностями. Обычно уроки сначала вызывают усмешки, неловкость, но они быстро проходят, если

ждается сознание: никому без этих навыков не обойтись в скором будущем.

Мы уже не первый раз обращаемся к вашему собственному опыту. Вот и теперь попробуйте вспомнить: как разглаживались морщинки у глаз ваших родителей, когда вы, еще малыми несмышленишками, одаривали их лаской, заботой. Попробуйте вернуть, насколько это возможно, тепло вечерних разговоров. А еще оглянитесь вокруг себя, на собственных сестреночек и братишек или на дворовых знакомых малышей, и вы с удивлением увидите, как тянутся они к вам, как стремятся обратить на себя ваше внимание, заслужить похвалу пусть и неумелым подражанием. Ведь это такая благодарная публика и для вашего самовыражения: каждая веселая и добрая игра с ними — отрада и очищение души. Лишь неумное высокомерие способно чуждаться малолеток, а им, к сожалению, нередко страдают старшеклассники. Более того, еще и насмеются над теми парнями, **что «возьтятся»** с ребятами из младших классов, учат их добру. А надо бы, напротив, видеть в этом залог и свидетельство большой и чистой души.

ТАЙНЫ МАТЕРИНСТВА

Вам, наверное, не раз доводилось слышать слова о великой тайне материнства. С одной стороны — какая уж тут «тайна», нынче и детсадовцу известно, что детей не в капусте находят. А с другой стороны — в материнстве, в отношении к нему таится столько загадок, что их еще не одному поколению ученых разгадывать придется. Вот, к примеру, такое странное явление: искусство всех стран и народов восславляет женщину-Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! (Это — известные слова Горького.) Ее божественный лик запечатлен на тысячах живописных полотен и в скульптурах. В то же время еще недавно такие слова, как зачатие, беременность, роды, вслух произносить считалось «неприличным». Да и сами будущие матери порой стыдились своего состояния, старались разными способами скрыть изменения в фигуре. Как это в нас уживается: восторг и стыд, гордость и страх? Говорят: «Мать — единственное божество, не знающее атеистов». Но ведь и достается этому «божеству» обид, печалей, забот, как никому другому на свете. Говорят: «Без матери не было бы ни героя, ни поэта». Но ведь не было бы и труса, и подлеца, и невежды?

Как же разгадать главный секрет материнства? Обратились мы с этим вопросом... к вашим сверстникам, будущим родителям. В ленинградской школе № 307 создан класс, в котором занимаются ученики, избравшие для себя специальность педагога. Учащиеся (в основном — девушки) интересуются психологией, им преподают человековедение. В этом классе и проходила наша беседа. Сначала разговор не клеился. Ребята говорили как по-заученному. Мама — это нежность, забота, самоотверженность, щедрость души и сердца. Она все поймет и простит, даже тогда, когда все вокруг осудили и отвернулись. Иной реакции трудно было ожидать: в класс вторглись посторонние люди, да еще — с кинокамерой (этот диспут был записан телевидением и использован в передаче, которая так и называлась — «Тайны материнства»).

По вот встала черноглазая, смешливая Лиля и заявила, как в прорубь прыгнула:

— Я хочу поскорей выйти замуж и родить десять детей. Говорю подругам — смеются. Взрослые женщины тоже мне не верят: зачем тебе это? Будешь всю жизнь с ними нянчиться.

Поднялся невообразимый шум. Ирония, подначки показали, насколько сверстники не принимают всерьез заверений одноклассницы. Скажи она, что собирается стать женщиной-космонавтом, убеждена: такого насмешливого веселья ее намерения не вызвали бы. Что с нами происходит?

Лилия призналась: у матери она — единственная дочь. И видит в себе эгоизма больше, чем человеколюбия. Она и хочет с детьми и через них освободиться от чрезмерного себялюбия. И это ее объяснение было воспринято более вдумчиво и серьезно. У большинства ребят ситуация схожая: единственные дети, пользующиеся своей уникальностью и страдающие от нее.

Тогда-то и пошел у нас настоящий разговор о сложностях и противоречиях материнской миссии, материнского чувства.

Я заметила: в последнее время горы бумаги изведены на статьи и книги о том, что не понимают родители своих подросших детей.

— А кто из вас,— обратилась я к ребятам,— честно скажет: понимает ли он свою маму? Что у нее за плечами, какой трудный опыт, сколько переживаний и з-за вас и с вами, какие страхи и сомнения одолевают ее? Отчего привычная заботливость время нами вдруг сменяется раздражением?

Ребята утихли. Видно было: не задумывались прежде об этом. Только одна Марьяна сказала:

— Мне легко представить мамины переживания. Мы с ней так похожи, что иногда слов не надо, чтобы понять, кто и что думает.

Такое единодушие встречается не так уж часто. Ведь отношения родителей и детей такие же сложные, как и отношения влюбленных. Еще бы! Все-таки самая сильная страсть — это материнское чувство. Его обычно считали слепым инстинктом. Но вот врач-гинеколог Ю. М. Местергази

уверял, что в творении ребенка не одно чувство важно, но, как в любом творчестве, должен участвовать интеллект. И не только в процессе воспитания, но и в момент зачатия. Развивая мысль Аршавского, он сказал:

— Ребенок должен быть задуман! То есть вся душевная и мыслительная энергия в момент решающего соединения мужчины и женщины должна сосредоточиться на грядущем плоде любви.

Потом встретилась я с молодыми, но многодетными супругами Тamarой и Геннадием Д-выми (о том, как они познакомились, мы уже рассказывали). Тамара призналась: они именно задумывали наперед всех детей, кроме первенца. Поначалу они вели себя, как и все,— бездумно, безграмотно. А к появлению каждого следующего они готовились особо. Во-первых, по известным специалистам расчетам «вычислили» день зачатия, чтобы появился ребенок определенного пола. Они решили, что у них будут два мальчика и две девочки. Так и вышло. Во-вторых, у обоих супругов строже стала диета, они больше гуляли на свежем воздухе. Когда я с искренним восхищением рассказывала об этой семье своим знакомым, некоторые решительно возражали:

— Что же это за отношения? Все — по графику, по расписанию, как на вокзале движение поездов. Где же свободная игра чувств?

«Игра» и иная забава хороши и уместны, когда не предполагаются столь серьезные последствия, как рождение человека. Мы слишком дорогую цену платим «импровизации» в этом случае. На мой взгляд, молодая семья, о которой здесь рассказывается,— новое явление в нашей действительности, которое заслуживает доброжелательного внимания. Как требуют переосмысления и некоторые старые советы, к примеру о поведении супругов во время беременности жены.

Как известно, в животном мире после зачатия половое общение между особями прекращается. До недавнего времени у российского крестьянства беременная женщина становилась для мужа неприкосновенной. Оторванные от природы горожане забыли это святое правило, как и многие другие законы живой жизни. Когда Л. П. Толстой в «Крейцеровой сонате» прямо обвинил в себялюбии мужей, продолжающих интимную близость, не заботясь о здоровье жены и будущего ребенка, «интеллигентные» обыватели чуть ли не на смех его подняли. Дескать, что же, в долгие месяцы беременности и кормления мужьям «поститься»? Или идти за утехой к другим женщинам? Да этого сама жена не захочет. Потому и жертвует своим здоровьем, идет навстречу желаниям мужа, хотя сама при этом и не испытывает радости. Ну, а ребенку, считают супруги, вреда от этого не будет.

Однако современная наука подтвердила правоту народных правил. И. А. Аршавский доказывает: в момент соития в организме женщины происходят сильные биохимические реакции, которые вредны плоду. Любящие и знающие отцы без особых для своего

организма потерь воздерживаются от любовной близости. Ученый считает, что справедливы и другие народные обычаи: ограждать будущую маму от всего печального, тревожного; и сама она не должна попусту злиться, думать о дурном, завидовать. Все эмоции — положительные и отрицательные — впечатаются в развивающийся мозг. Получается, что недобрые дела и помыслы изначально противопоказаны человеческому существу.

В последнее время значительно возросло число младенцев, появляющихся на свет с отклонениями от норм развития.

По мнению И. А. Аршавского, лишь небольшая часть из них несет на себе печать наследственных болезней. Главная причина физиологической незрелости плода — в нарушении заповедей поведения самой беременной и ее близких, а также — сотрудников, коллег по работе, которые не очень-то заботятся об условиях «наибольшего благоприятствования» для будущей мамы с первых дней беременности и до предродового отпуска.

О глубинной связи плода и матери свидетельствует и такой факт. Американские экспериментаторы записали на магнитофон биение сердца матери в спокойном состоянии и в минуту тревоги. И эту запись попеременно включали в помещении, где находился новорожденный. Тот немедленно начинал плакать, как только слышал учащенный стук материнского сердца. И напротив, блаженно улыбался, спокойно засыпал под равномерное его биение. Различает новорожденный и голос мамы.

Вот почему никак нельзя оправдать предательство матерей, оставляющих младенца в доме ребенка. Некоторые из этих кукушек на законные упреки в бессердечии только машут рукой: государство у нас богатое — воспитает, пропасть не даст, на ноги поставит. Спору нет: сирот без призора не оставляют. Но состояние младенца с первых дней жизни преданного матерью, можно, наверное, сравнить с чувствами человека, оказавшегося ночью в дремучем лесу. Душа его сжимается от страха и отчаяния. А потом так и не может до конца выпрямиться. Медики с тревогой пишут, что все дети, которых нынче называют обидным словом — «отказные», обнаруживают признаки нервных расстройств. Насколько велико значение любой малости в это время, свидетельствует решение Всемирной организации здравоохранения, принятое еще в 1981 г. о том, чтобы ребенка не позже чем через 20—30 минут после рождения прикладывали к груди матери. Оказывается, в первых каплях молозива, которые он получает из материнской груди, заключена целая «аптека», вооружающая младенца средствами иммунной защиты.

Раннее прикладывание ребенка к груди, пробуждает у матери могучий инстинкт оберегания, который может и затухнуть за те 2—3 дня, на которые ее чаще всего разлучают с ребенком. Как рассказывал Ю. М. Местергази, в роддоме, где он является главврачом, заведен именно такой порядок: маму с младенцем сразу помещают в одну палату. И, по многолетнему наблюдению,

всего одной этой меры оказалось достаточно, чтобы женщины, решившиеся до родов отказаться от ребенка, изменили свое намерение. Черствое сердце матери смягчил малыш, круглые сутки сопящий носиком у ее изголовья.

Известно также, что в некоторых странах отцам разрешено присутствовать при родах. Врачи уверяют, что это поддерживает духовные и физические силы матери. И еще замечено: такие отцы в редких случаях оставляют семью.

Во всем мире катастрофически быстро растет число детей, вскормленных искусственно. «Безмолочность» мам — плата за нездоровый и неразумный образ жизни. Но и за консерватизм медицины — тоже. Отлучение ребенка от груди на первые часы, тем более дни резко снижает способность матери к вскармливанию. А что грудное молоко незаменимо никакими смесями, кефирами, кашками, — доказано со всей убедительностью. Грудное молоко содержит в себе всю таблицу Менделеева, но кроме того оно содержит... свойства характера кормилицы. Еще в Древней Спарте знали об этом. Аристократы приглашали выкармливать детей женщин из Лакедемонии. Жительницы этой части Греции отличались особой храбростью, которую малыши и должны были «впитать с молоком».

Понимаю, что эти суждения могут вызвать улыбку недоверия. Но никто не иронизирует по поводу биохимической реакции организма на страх, стрессовое состояние (адреналин). Теперь известно и биохимическое выражение радости (нонад-ренилин). Значит, наверняка отыщется когда-нибудь и формула нежности.

Взгляните на портреты мадонн: самые одухотворенные, светящиеся лица у них в момент кормления грудью. Реальные мадонны в эти великие мгновения полного единения с младенцем «беседуют» с ним на им двоим понятном наречии — бессловесном взаимном любовании. Мать семерых детей, Л. А. Никитина заметила, как нервничал сосущий ребенок, даже плакал, если она в это время разговаривала с кем-нибудь или... читала книжку. Видимо, вкус молока, сдобренного нежным вниманием, совсем иной, чем у молока с примесью безразличия, тем более раздражения. Ведь железа внутренней секреции, «заведующая» деятельностью молочных желез, находится... во лбу. Значит, на вскармливании ребенка отражаются наши мысли. Вот какие удивительные вещи открываются нам, и прежде всего — чудо взаимосвязи души, помыслов, тела в самых естественных физиологических процессах.

Вообще, к великой печали нашей, придется признать, что мы растеряли богатый опыт предков по вынашиванию и вскармливанию младенцев и не спешим обзавестись новыми знаниями, добытыми мировой наукой. Плата — высокая смертность и заболеваемость малышкой в нашей стране, по которой мы занимаем непочетное место среди других стран.

Здесь мы лишь коснулись того айсберга проблем, которые представляют взаимосвязь новорожденного и мамы. С ростом ребенка сложности не убывают, только трансформируются. Недаром в народе говорят: «Маленькие детки спать не дают, с большими сам не уснешь». И как же трудно заслужить это почетное и высокое звание хорошей матери!

С одной стороны, идеальная мать должна все свое внимание сосредоточить на своем потомстве. Однако такой идеал вряд ли может вызвать восхищение. Более того, не убеждена, что точное его копирование вообще осуществимо. Трудно подготовить ребенка к жизни, к миру, будучи оторванной от этого мира. Трудно научить любви к другим людям, будучи отстраненной от чужих бед и тревог. Трудно быть беспристрастным судьей своим детям, не зная всех сложностей реального бытия за стенами собственного дома.

Поэтому, с другой стороны, для лучшего исполнения своей материнской задачи женщине нельзя целиком сосредотачиваться только на этой миссии.

Хорошая мать не может быть человеком, замкнутым только на своих детях! Ее душа должна быть открыта болям и радостям людей близких и далеких, должна быть равнодушна к несправедливости, творящейся в мире, даже если ее собственные дети вполне благополучны.

Тут снова на память пришли дорогие и знакомые образы. Прежде всего — матери Владимира Ильича Ленина, Марии Александровны Ульяновой. Как и любая другая добрая мать,

она растила детей для радости и счастья. Но она твердо знала сама и детей учила: немисливо строить собственное счастье на несчастье других, нельзя быть радостным среди обездоленных. Очевидно, что для тех, кто воспитан на таких высоких нравственных принципах, только один путь в жизни — борьба за общее счастье. Борьба, которая — мать видела — отнимает силы, здоровье, свободу и даже жизнь.

Мать все знала, но не только не остановила, не отговорила детей, но всячески поддерживала их, помогала им.

Значит, с одной стороны, мать должна учить детей самосохранению, умению выжить, с другой — мы преклоняемся перед матерями, которые учат детей не щадить себя во имя чужого блага.

Двойственность видится и в распределении ролей между матерью и детьми. Традиционно она — ведущая, наставница, руководительница, а дети — ведомые, исполнители ее наказов. Но нередко мы чтим ту мать, что, не теряя ни любви своих детей, ни авторитета, становится их помощницей, принимает их правду и веру, даже если они отличаются от ее устоявшихся воззрений и привычек. В литературе такой пример являет собой горьковская Ниловна. Мать с готовностью пошла на выучку к сыну, стала его духовной дочерью, если так можно выразиться. Значит, хороша не только та мать, что умеет хорошо учить, но и та, что у детей учится.

Наконец, мать соединяет в себе роль защитницы и судьи своих детей. Нередко матери, готовые своей грудью, своей жизнью защитить родное дитя от напастей, сами же карают презрением своего отпрыска, спасшего собственную жизнь ценой трусости, предательства. В годы Великой Отечественной войны миллионы матерей посылали своих сыновей и дочерей на защиту нашей Родины, становились их соратницами и на фронте, и в тылу. Недаром благодарные потомки рядом с памятниками героям войны поставили памятники и их матерям. Женщины-матери совершили подвиг, который, думается, еще не нашел достойной оценки и воплощения в произведениях искусства. Они спасли, вскормили на скудных хлебах, подняли и поставили на ноги целое поколение детей-сирот военного времени! Не дали пропасть, сгинуть, сбиться с пути миллионам ребятишек, заменив им погибших родителей. Когда нынче иные благополучно устроенные молодые женщины отказываются иметь детей или останавливаются на одном, ссылаясь на трудности и занятость, хочется напомнить им об этом. Ведь их предшественницы не были домохозяйками, но хватало у них сил, и физических и душевных, не только на своих, но и на чужих детишек.

Как видим, в понятии «хорошая мать» переплетаются требования, предъявляемые к ней природой и обществом. Порой эти требования вступают в противоречие друг с другом. Большое искусство найти равнодействующую силу, которая помогла бы, не разрушая естественные чувства и стремления матери, уравновесить их с общественными потребностями и нормами.

Почему не все жаждущие могут овладеть искусством материнства? Что им мешает? Надо признать, что, кроме общих, так сказать, теоретических представлений о должном, в нашей жизни мы часто следуем правилам, которые диктует ближайшее окружение. А правила и советы эти нередко бывают далеки от идеала. По мнению философов, влияние микросреды на наше мировоззрение и поступки нередко оказывается более сильным, нежели опосредованное влияние макросреды. В переводе на бытовой язык: наше домашнее «радио» — какая-нибудь Марья Алексеевна — может стать более авторитетным судьей, нежели ученые советчики из радиопередачи «Взрослым о детях». А еще

есть незримые управители нашими пристрастиями: мода, престиж, желание быть «как все» или «не хуже других». Сколько слез, маминых и детских, пролито перед алтарями этих идолов. Сколько добрых намерений и прекрасных чувств было изуродовано до полной неузнаваемости ложно понятым представлением о материнском долге.

Порой та, что призвана быть образцом нравственности, аккумулятором человеческих добродетелей, нарушает все возможные заповеди и законы, чтобы расчистить путь своему ребенку ко всяческим благам и удобствам.

И если малому ребенку никто в вину не поставит сверхусердие матери и то, что он им пользуется, то подростку, тем более юноше или девушке, можно попенять: отчего тот принимает как должное неправые действия родительницы? Отчего не откажется от модных тряпок, разного рода дорогостоящей аппаратуры, наконец, от лишних денег, когда известно, что добыты все эти блага нечестным путем? Отчего не воспротивится устройству в техникум или институт в обход конкурса, по знакомству? Герою известного фильма, снятого по пьесе В. С. Розова «В добрый путь», Андрею, выпускнику школы, совершенно справедливо было брошено обвинение: это из-за него, из-за его разгильдяйского отношения к учебе мать потеряла голову и теперь пытается «устроить» сына хоть в какой-то вуз, пусть ему и неинтересный.

Но чтобы подняться до сознания ответственности за себя и за родителей, нужна растущему человеку крепкая душевная закалка. А ее не всегда получают те дети, которых прячут от сложностей и противоречий жизни во всем прочем безупречные мамы.

Но вот другой образец поведения. Обратимся снова к Герцену. Мать Владимира Бельтова, главного героя философского романа «Кто виноват?», прежде всего озабочена формированием высоких нравственных начал в душе сына. Для этого она отгородила сына от всякой житейской прозы и «скверны» и поместила его в своеобразную башню из слоновой кости. Для ближайшего окружения, точнее, для тех, кого она сама ценила, мать Бельтова была «несравненной». Но однажды она услышала, что она не кто другой, как «эгоист, преисполненный любви». Так назвал ее сын, ставший взрослым и понявший, что совершенно не знает жизни, не видит в ней своего места, не имеет элементарных навыков труда и борьбы. Свет в окне для собственной матери, он стал «лишним человеком» для общества, своего рода тенью среди живых.

Расхождение в оценках материнского поведения — явление не такое уж редкое. Иной раз доходит до абсурда. Так, Кабаниха, мать-деспот, пользовалась почетом среди Диких. Проста-кова, мать-раба, была нормой в кругу Свиных. Мать Веры Павловны, героини Чернышевского, вкладывала силы и деньги

в воспитание дочери, как в выгодное предприятие, рассчитывая иметь с этого солидные проценты. Мать-ростовщица, она тоже не была отверженной в своем окружении.

Сколько микромиров, столько своих «эталонов». Какому из них последует юная мамаша, не имеющая собственного жизненного опыта?

Возьмите в руки заповедную книгу Л. Н. Толстого «Путь жизни», и вы узнаете: заслуживают осуждения родители, чьи дети воспитываются «не в виду тех задач человеческой жизни, которые предстоят им, как разумным и любящим существам, а только в виду тех удовольствий, которые они могут давать родителям». В таких семьях «главная забота родителей не в том, чтобы приготовить их (детей.— Т. А.) к достойной человека деятельности, а только в том... чтобы как можно лучше напитать их, увеличить их рост, сделать чистыми, белыми, сытыми, красивыми и потому изнеженными и чувственными. Наряды, чтения, зрелища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, от картинок на коробках до романов и повестей, все больше разжигают эту чувственность, и вследствие этого самые гадкие половые пороки и болезни делаются обычными условиями возрастания этих несчастных детей богатых сословий».

Если присмотреться к программе, коей задаются некоторые современные мамы, не найдем ли мы сходства с картиной, что нарисовал нам великий моралист? И разве не вынуждены будем согласиться, что его тревога, предостережения имеют под собой серьезную почву? А в то же время есть ли альтернатива этому желанию: видеть свое дитя цветущим, благополучным, всем удовлетворенным? Не на голодный, же паек сажать детей, когда взрослые имеют все возможности для удовлетворения собственных потребностей?

По всей вероятности, нам еще предстоит переместить центр своего внимания с внешней, часто вещной стороны воспитания к внутренней, глубинной сути формирования личности. Тогда, может, в числе «заслуженных мам» окажутся и те, у кого ребятишки не бог весть как одеты, упитанны, а просто здоровы, бодры, энергичны. И не те мамы будут в почете, что уведут детей от трудностей и тягот жизни в теплые закутки своих квартир, но те, что смело выпускают их в лес и поле, в мастерскую природы и в дебри техники.

Две установки бытуют у матерей издавна. Одна: дети — цветы жизни, и поэтому первый долг родительницы — их беречь, холить и лелеять. Вторая: дети такие же люди, как и взрослые, только знают и умеют меньше. Задача родительницы: готовить их к серьезным обязанностям, что возлагает на них звание человека.

Поднять «на-гора» ценные ископаемые земли — важно, а ценные «ископаемые» детской души — еще важнее. Написать поэму — нужен талант, а взрастить поэтическое сердце — не мень-

ший. Мать, как и поэт, не всегда может наперед знать результаты своих трудов, они часто непредсказуемы. Оттого мы и говорим, что материнство — сродни творчеству, оно тоже «езда в незнаемое».

И чем дальше, тем процесс формирования человеческой личности будет все сложнее, будет требовать от родителей все больших знаний, умений. Ведь дети растут не в замкнутом пространстве семьи. О разнородном влиянии на них многочисленного отряда воспитателей по должности и по своей охоте мы уже говорили. Детсадовские, школьные, теле-радиояни и учителя не только помощники мамы, но в чем-то и ее конкуренты. Они учат, увлекают, развлекают, используя суперсовременную технику. Чтобы не утратить авторитет в глазах всезнаю-

щих акселератов, чтобы к ней ребенок обращался со всеми вопросами, тревогами, мать должна много, неустанно «работать над собой», т. е. самосовершенствоваться, расти вместе со своими детьми. И тогда, наверное, повзрослевшие дети скажут с благодарностью: всем хорошим в себе мы прежде всего обязаны маме. Это и будет самая высокая аттестация в трудной должности. Для исполнения этого долга женщинам полезно повторять вещи слова В. А. Сухомлинского: «...я должна быть во сто раз мудрее мужчины — отца моих детей, потому что в миссии продолжения рода человеческого, сохранения и приумножения духовных богатств человеческая природа возложила на меня несравненно большую ответственность, чем на него... быть гордой, мудрой, недоступной... должна иметь то, чем гордится человек: собственное достоинство, сознание высокой цели жизни, творческие способности, склонности, призвание». В этом — залог не только счастливого расцвета наших детей, но и собственного душевного роста, долгого здоровья и достойной уважения старости. Во имя этого стоит постараться.

ОТЦОВСКАЯ РУКА...

— Не ставится ли этим призывом к женщине мужчина-отец в заведомо подчиненное положение, не отводится ли ему пассивная роль в воспитании детей?

На мой взгляд, взаимодействие супругов очень образно выражено в «Песне о Гайавате» Г. Лонгфелло:

Муж с женой подобен луку,
Луку с крепкой тетивой;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна,
Хоть она его и тянет,
Но сама с ним неразлучна:
Порознь оба бесполезны!

Интересы отца и матери направлены на общую цель: вырастить детей физически и нравственно здоровыми, граждански зрелыми, раскрыть их способности и дать им соответствующее образование. Но достигают они этой цели каждый собственными способами. Если старания матери прежде всего сосредоточены на сохранении здоровья и сил своего ребенка, то старания отца направлены на то, чтобы научить ребенка бесстрашно их тратить на общую пользу. Как правило, именно он прививает детям навыки, требующие напряжения, волевых усилий, самоотверженности, воспитывает в них чувство долга и ответственности за порученное дело, выводит их интересы за порог собственного дома. Именно он в большей степени приобщает свое потомство к общественным заботам.

Отец выполняет роль связующего звена: в обществе он выступает как носитель семейного начала и интереса, а в доме — как носитель общественного. Этим он и дополняет мать, но не заменяет ее.

Нередко женщина растит детей без отца. Несомненно, это требует гораздо больших усилий, и редко она обходится без посторонней (или родственной) помощи. Здесь роль отца должен взять на себя дедушка или старший брат матери, а порой и хороший приятель. Потому что детям совершенно необходим зримый пример мужского поведения.

В настоящее время мало кого из женщин устраивает просто присутствие мужчины в доме. Требования к современному родителю растут год от года.

Было время, когда молодые люди всеми правдами и неправдами старались избежать возни с новорожденными, мол, искони это было заботой матери. И понятно почему: ребенок ближе к матери физиологически. Он успокаивается, когда чувствует рядом привычный стук ее сердца, когда вдыхает ее запах, слышит голос.

Но вот и эта вроде бы бесспорная истина подверглась пересмотру. Врач-акушер Ю. М. Местергази рассказывает:

— Я ни одной ночи не позволил жене вставать к ребенку (а их у меня двое). И убедился: этим убиваю сразу двух, а то и больше зайцев. Во-первых, даю жене выспаться, отдохнуть от дневных хлопот. Во-вторых, не позволяю малышу выработать привычку к ночному кормлению. Представьте себе: грудничок чутко различает, чьи руки его пеленают и качают. Одну ночь он проголодался, требуя маминых рук и груди, вторую ночь — то

же самое, а на третью «осознал»: не будет ему прикорма. И он стал быстро успокаиваться.

Теперь, беседа при выписке малыша и мамы из роддома, советую папе взять на себя ночное общение с ребенком. При этом я еще держу тайный умысел: «приручить» не только малыша, но и папу. Убежден: чем больше он вкладывает себя, своих забот в ребенка, тем дороже тот ему.

Вспомнил доктор, как его приятель, современный, «стильный» молодой человек, сделал для себя открытие, несколько дней повозившись с сынишкой.

— Оказывается, новорожденный с первых дней реагирует на музыку, да еще и избирательно. Замучился с ним, успокаивая, пока не пришла мама. Взял поставил пластинку с рок-ансамблем, так он зашелся криком. Сменил музыку, поставил концерт Вивальди, гляжу: затих, таращит глазенки. Потом проверил впечатление. Все повторяется: на классику — улыбается, гукает, а потом спокойно засыпает. Как тяжелый ритм — в крик!

Одно мимолетное «открытие» пробудило в молодом отце интерес к способностям младенца. И уже занятие с ним было не в тягость, а в радость.

Так что, призывая отцов больше внимания уделять малышам, врачи-консультанты действуют не только в интересах матери, которой нужна помощь мужа, но в значительной степени и в интересах отца. Только тогда он испытывает чувства родительские во всей полноте, когда сам, своими руками ощутит хрупкость, беспомощность ребенка, его зависимость от заботы, внимания взрослых, в том числе и отца, который должен научить своего отпрыска самой важной и сложной науке — жить! Отец испытает ни с чем не сравнимую радость, наслаждение, когда станет наблюдать растущее в ребенке доверие к нему, желание прижаться к нему, спрятаться за пего. Гордость, уверенность в себе, в своей абсолютной незаменимости — вот те чувства, которые пробуждает в родителе крошечное существо.

Когда выше говорилось о противоречивых требованиях, предъявляемых обществом и природой к матери, то, по существу, рассматривалась ситуация, когда мать берет на свои плечи все тяготы воспитания детей. Когда же отец с готовностью принимает часть ноши, противоречия эти если не снимаются вовсе, то значительно смягчаются. Вот как видится миссия отца поэту И. Шкляревскому, остро пережившему его потерю:

— Поспи,— говорила мать.

— Вставай! — говорил отец.

— Поешь,— говорила мать,

— Учись! — говорил отец.

Приеду. Слова все те ж, Да

только не все слова. Осталось: —

Поспи, поешь...— А следом

шумит трава.

Дети растут, меняется роль отца в их жизни. Именно отец должен приучить своих детей к труду, труду напряженному, может быть, даже рисковому. Он должен помочь увидеть цели в жизни, близкие и дальние, научить добиваться задуманного. В доме все работы, не требующие специальной подготовки, отец может выполнять вместе с сыновьями.

Придет время, и отцу предстоит объяснить мальчику физиологические особенности его организма, приучить его к гигиене. А еще объяснить, как вести себя с девочками, как заслужить их уважение, внимание, как беречь их честь и достоинство. Никакие книги не заменят доверительной беседы отца с сыном, как и матери с дочерью. Ведь отец может предостеречь сына от повторения собственных ошибок, некогда причинивших ему немало страданий.

Искусство отца и матери заключается в том, чтобы, не роняя авторитета, не опускаясь до небрежной фамильярности в отношении с детьми, стать для них самыми близкими и сердечными друзьями, кому можно сказать самое-самое и быть уверенным, что тебя поймут. А родителям, в свою очередь, нужна уверенность: будет туго взрослым, младшие не струсят, не захнычут, но, напротив, примут на себя труды и заботы о благополучии отчего дома.

Вернусь к встрече со старшеклассниками из ленинградской школы № 307. Немало споров вызвала у ребят просьба вообразить, какими они будут мамами и папами. Ведь это их дети станут жителями планеты Земля в следующем столетии, в начале третьего тысячелетия.

— Никакая механизация и роботизация ничего не изменят в отношениях родителей и детей. Это — незыблемые связи,— уверенно заявила одна девушка.

Так ли это, если оглянуться на несколько десятилетий назад? Что нового привнесла научно-техническая революция в эти отношения? Можно ли надеяться, что дальнейшая механизация и автоматизация производства и быта высвободят время и душевные силы членов семьи для взаимного общения? Или, напротив, поработят нас? Как сохранить, развить, одухотворить чувства, что мы получили в наследство от наших мам и пап? Давайте подумаем, помечтаем, поспорим.

СЕМЬ «Я» — МНОГО ИЛИ МАЛО?

До сей поры мы с вами размышляли об опыте общения детей со взрослыми. Но есть и еще одна сторона семейных отношений, имеющая огромное эмоциональное значение для всех родичей. Братишки-сестренки — они тоже многое дают друг другу и берут от совместного обитания. К сожалению, современная семья слишком часто лишает детей прекрасного чувства брат-

ской любви. Ограничиваясь единственным ребенком, некоторые мамы подводят под такое решение теоретическую базу: занятые на работе взрослые не могут воспитать нескольких ребятишек в соответствии с уровнем требований, предъявляемых к человеку нашим сложным веком. Насколько справедливо подобное суждение, нужно разобраться. Заодно включимся в дебаты ленинградских школьников.

Вы помните, что девятиклассница Лиля наметила обзавестись десятком детишек. Ее одноклассница возразила, что дело не в количестве, а в качестве, чем вызвала очередную вспышку насмешек.

— Лиля будет бороться за количество, а Таня — за качество. А может, нужно в роддомах ввести госприемку?

Но очень скоро ребята посерьезнели и заговорили о действительных преимуществах большой семьи. Не из личного опыта, из наблюдений за выходцами из таких семей, из воспоминаний взрослых им было известно: жилось им тесно, но не скучно, может, не так сытно и комфортно, зато больше самостоятельности с детства прививалось. В детском ли саду, в школе ли всегда можно без особых усилий угадать: вот этот малыш или подросток из большого семейства. Такие дети, как правило, не капризны, расторопны, ловки, больше в них сердечного тепла и заботы о других, меньше зазнайства и эгоцентризма. Их успеваемость в школе ничуть не хуже успеваемости единственных.

Надо ли объяснять, как благотворно такие дети действуют на любую обстановку, в которой появляются? А для родительского сознания и чувства иметь перед глазами доброжелательных и трудолюбивых детей — высшая отрада. Но подлинная мука лицезреть избалованное" всеобщим вниманием и заботой единственное дитя, возвращенное тепличным растением. Для него любой сквозняк — ураган, любая житейская неурядица — землетрясение.

Демографы, психологи считают, что в семье детей должно быть не менее трех, а лучше четверо. Такое число отвечает потребностям общества в расширенном воспроизводстве населения и дает возможность домочадцам испытать полную гамму родственных чувств. Особо чадолюбивые родители вполне могут отважиться на большее.

Конечно, речь идет о большом добром семействе. Если же в доме сквозняки и ветры бездумья, отчуждения, то чем больше детей, тем больше беды. В особенности горе ребятам, у которых родители — алкоголики, гуляки бесшабашные.

Однако возникает закономерный вопрос: отчего в прежние, куда более суровые и голодные времена в крестьянских, рабочих семьях и даже в аристократических было правилом — иметь много детей, а исключением — единственное чадо? Нынче же все наоборот.

Советские демографы считают, что наши предки рожали детей

числом побольше отнюдь не из-за одного могучего родительского инстинкта, не из-за одной необразованности и простоты нравов или из-за отсутствия средств предохранения от беременности и т. п. (Последнее — еще одно заблуждение. Документы доказывают: еще тысячи лет назад в Египте и Греции были известны средства предохранения и прерывания беременности. Известны они были и индейским племенам. Однако на рождаемости это не отражалось. В нашей стране есть регионы, где сохраняются традиционно многочисленные семьи, несмотря на известные и там средства ограничения деторождения.)

Причина большой рождаемости в прошлом, по мнению А. Г. Харчева, основывалась на сознании, что нужно создать определенный «запас прочности». Ведь из всех рожденных младенцев, даже в очень обеспеченных семьях, только часть доживала до взрослого состояния. Детские смерти были столь же привычным явлением, как и рождение. «Бог дал, бог взял», — так говорили наши бабушки. Теперь выживает подавляющее большинство новорожденных. Поэтому ослаб страх остаться бездетными при малом количестве ребятишек, даже при единственном ребенке. Кроме того, если сравнить век нынешний и век минувший, то неизвестно, «накопила» бы иная бабушка столько детей или остановилась бы на третьем, четвертом. Прежде ребятишки росли, как трава при дороге, никто и думать не хотел о том, чтобы «яйца» непременно больше «курицы» знали и умели. А теперь ведь именно эти соображения возникают у каждого семьянина, когда он решает вопрос: быть или не быть еще одному ребенку? Поэтому и пришли специалисты к выводу, что наиболее желательным для общества переход от неограниченной многодетности к семье с 3—4 детьми.

Рожали наши предки числом побольше и из-за корыстных побуждений: дети были не только едоками-потребителями, но и кормильцами, опорой в старости. Полстолетия назад ребенок начинал «обрабатывать» себя с 9—10 лет, а в крестьянстве и того раньше. Ныне же у нас все семьи трудовые, и все они, независимо от образовательного уровня, социального и материаль-

ного положения, содержат, растят и учат наследников почти в два раза дольше — как минимум до 16 лет. Немалые средства вкладывает и государство в обучение каждого школьника и студента.

Но вот что любопытно: нередко соседствуют семьи с одинаковыми условиями жизни, образованием и профессией родителей, а количество детей в них — разное. Мне довелось обнаружить такое в Кулундинской степи. В соседних колхозах жили хлеборобы. У жителей одной деревни — по 8—12 детей. У жителей другого поселка — по 2—3 ребенка. Спрашиваю: в чем дело, отчего такая разница? Пожимают плечами. Одна женщина сказала: «Мужики у них трезвые, обстоятельные, и жены не работают. Отчего не рожать детишек».

Следовательно, число детей в семье во многом зависит от того, насколько надежна опора у жены. Немалую роль играют и ценностные установки женщины и мужчины, о которых мы с вами уже размышляли. Есть и такая причина малодетности современных семейств: у некоторых молодых супругов при решении дилеммы — дети или вещи, комфорт, свободное время, решение принимается в пользу бытовых удобств и удовольствий. Дети обычно оказываются врагами вещей, их «конкурентами». Потребительский ажиотаж этих родителей заставляет жертвовать живым бессмертием ради торжества вещественных ценностей.

В редакционной почте встречается немало писем мужей, сетующих на то, что жена отказывается иметь двух или трех детей при том, что все условия для этого созданы и муж готов делить все трудности по воспитанию. Недовольство -мужей в данном случае вполне законно. Если здоровая женщина отказывается родить ребенка, она, по существу, выступает как человек, насильно захвативший то, что ему одному не принадлежит. Она присваивает право одной решать вопрос о бессмертии мужа и благополучии старшего поколения. Решает важнейший для всего общества вопрос с сугубо эгоистических позиций.

Но бывает, что в таком решении может быть повинна не одна женщина, но и мужчина, если он исповедует взгляды того молодого супруга, чьи высказывания были приведены в главе «Маленькие пришельцы» и кого не переубедил целый синклит родни и знакомых... Впрочем, муж волен распоряжаться лишь до той поры, пока жена разделяет его воззрения. В конечном счете за ней последнее слово.

— Мужчинам легко и просто достаются дети,— можно услышать резонные возражения женщин.— Им не носить, не рожать, не кормить, не нянчить.

Тут и спору нет, что главные тяготы по воспитанию детей на первом году их жизни ложатся на женские плечи. Но важно знать не только сегодняшнюю ситуацию, важно видеть, в какую сторону дело движется. А теперь и неспециалист заметит: с коляс-

ками на улицах все чаще встречаются молодые папы. И в молочной кухне в основном они, и пеленки — их забота. Значит, этот аргумент — мужья не помогают — постепенно утрачивает свою силу.

Иной довод: карьера женщины. Многодетной матери, мол, придется отказаться от честолюбивых стремлений — достичь максимальной высоты в избранном деле. При двух или нескольких ребятишках она непременно отстанет от своих бездетных или однодетных сверстниц-колег.

Очень многие факты опровергают и это мнение. Если дети рождаются сразу, один за другим, то потери времени практически одинаковы. Даже сил! На первого и единственного ребенка мать выкладывается гораздо больше, чем на двоих, тем более троих. Во-первых, сильнее всего ее изнуряет неумение, незнание азов по уходу за ребенком, его кормлению. Со следующим многие процедуры производятся почти автоматически. Во-вторых, первенец приковывает к себе больше внимания, требует огромных расходов нервной энергии, потому что ему заняться, поиграть не с кем. Вот он и пристаёт к папе-маме. А когда детей двое или трое, они отлично занимают друг друга. И материальные расходы со вторым ребенком сокращаются: вещи от первого донашивает следующий. И по болезни ребенка мать с двумя сидит не на много дольше, чем с одним. Здоровье малыша во многом зависит от душевного равновесия родителей. Может ли быть спокойной мать, имеющая единственное чадо, когда она постоянно опасается потерять его, обмирает из-за каждого скачка температуры?

Наконец, о чисто профессиональных интересах женщины. В какой зависимости они находятся от количества детей? Нет надобности обращаться к экспертам, чтобы заметить: продвижение по службе матери двух-трех детей несколько замедляется, но карьера ее не рушится вовсе. Сравните женщин эдак под пятьдесят, ближе к итоговому, в служебном плане, возрасту. Они чаще всего на одних «высотах» — и имеющие детей и нет. Почему?

Отставая в молодые годы, мама впоследствии успеваешь наверстать упущенное (если, конечно, ее профессия не имеет жестких возрастных ограничений, как, например, балерина). Зато замедляет с годами разбег та, что ради служебного успеха отказала себе в трудном счастье материнства.

Французские исследователи «вычислили» снижение профессиональных, прежде всего интеллектуальных способностей женщин в самом активном для деторождения возрасте — в 20—30 лет. Значит, рождает женщина или нет, организм ее отвлекает энергию от дела. Перебор в себе естественные стремления, женщина с годами начинает ощущать перебои в здоровье, падение работоспособности — так природа мстит за отступничество. Глядишь, и докторская диссертация не закончена, решаю-

щие открытия делает кто-то другой. И некогда преуспевающая женщина с тоской оглядывается на чужих малышей и печально размышляет о смысле и назначении своем в этой жизни.

...Нужны родителям несколько детей, а не единственный ребенок, и для удовлетворения своих материальных потребностей в старости. Вопрос материальных отношений родителей и детей очень серьезный и заслуживает особого внимания. И мы на нем остановимся, когда будем осмысливать экономику семьи.

А теперь поразмыслим о том, что дают родственные связи сестер и братьев для самих детей. Ну, прежде всего, что такое братство?

Вспомним: для всех мыслителей, мечтавших о будущем царстве добра и справедливости, высшим выражением единства людей и было их братство! В давние и недавние еще года существовало такое романтическое правило: друзья, соратники, единомышленники скрепляли клятву верности кровью и становились побратимами. Братья по духу, братья по классу, братья по делу, по борьбе... Выходит, братство в своем высоком выражении может основываться не на одном кровном родстве, но и на общности целей, идей, дела. Не случайно это слово считается этапом нерасторжимых человеческих уз.

Кровные братья остаются братьями, даже когда у каждого своя жизнь, свои стремления. Потому что в сознании их выработался «рефлекс соучастия». Возникнув в самые ранние годы совместных игр, испытаний, даже проказ, этот рефлекс развивается, становясь неразрушимой привычкой подставлять плечо под жизненную ношу брата, не спрашивая наград и почестей.

Известны и другие примеры, и жизненные, и литературные, когда братья являют миру свою отчужденность, холодность, а то и вражду. К слову сказать: родными братьями были прототип Иудушки Головлева и... писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, беспощадным пером запечатлевший его страшный лик и сделавший это имя нарицательным. Первопричиной антагонизма братьев, по всей вероятности, бывает или глубокое равнодушие к детям со стороны родителей, или когда мать, отец делят их на «любимчиков» и «постылых».

Любви друг к другу братья и сестры учатся у своих родителей. Поэтому особенно важно, чтобы отношение к детям было ровное, справедливое, что встречается, увы, не всегда. Школьным учителям известно: нередко в многодетной семье младший ребенок бывает более избалованным, эгоистичным, чем даже единственное чадо. Неравенство перед людьми самыми близкими и дорогими нередко порождает соперничество, ревность, а то и зависть, переходящую во вражду.

...Когда мы обращаемся к истории удивительной семьи Ульяновых, то начинаем сознавать, что первоосновой, фундаментом дружбы, соратничества братьев и сестер было добросердечное отношение родителей ко всем детям. Как родители, так и дети

обращали свои помыслы на помощь тому из родных, кто в этот момент больше других нуждался в поддержке. Оттого мы и воспринимаем Ульяновых как единое целое даже тогда, когда уже образовалось несколько самостоятельных семей, все жили врозь и общались друг с другом в основном с помощью писем.

Вот такого рода общность мы именуем чувством кровного родства, святым братством. Между прочим, вы не задумывались: отчего нет сходного термина, определяющего нерасторжимую связь братьев с сестрами и между последними? Не понятно. Ведь есть убедительные примеры глубокой и стойкой привязанности, делового сотрудничества и между сестрами. Встречаются между ними и соперничество, отчужденность — все так же, как и у мужской половины рода человеческого.

Особенно впечатляющими являются отношения между дочерьми Карла Маркса: верность, забота, готовность к безоглядному самопожертвованию и в то же время товарищество соратниц по борьбе. Может, человечество не оценило еще такие отношения и не зафиксировало их в особом слове оттого, что все же привязанность большинства женщин к собственным детям, заботы о доме полнее занимают мысли и сердце, чем у мужчин? Мы можем строить лишь предположения о причинах такой «дискриминации» в отношении сестринских свойств.

Однако надо оценить и оборотную сторону безоглядной привязанности братьев и сестер. Если мы говорим с восхищением о братстве, основываемся на высоких благородных чувствах и целях, то не так уж редко приходится в жизни встречаться и с братством, основанным на общем злом деле. «Братья-разбойники» — это не только герои романтических поэм, но и «герои» вполне прозаических следственных протоколов. Сколько несчастий доводилось испытывать родным только из-за того, что старший брат ввязался в драку, пристал к дурной компании и увлек за собой младшего.

Существенную роль в отношениях братьев и сестер играет возраст. Взаимосвязь сильнее всего проявляется у погодок и у ребятишек с разницей в два-три года. Общие детские заботы. В этом случае даже пол не разводит ребят по разным компаниям. Скачут, бегают, прячутся, возятся девочки и мальчики одинаково. Это — большая и полезная школа, в которой ребята учатся навыкам товарищества, общечеловечности, самоотверженности.

Особые сложности возникают в отношениях братьев и сестер, когда разница в годах между ними значительная. Ну, к примеру, 10—12 лет. Надо сказать, что немало нынешних супругов, в юности побоявшихся обременить себя вторым ребенком, где-то к 40 годам спохватываются и обзаводятся малышом. Благо для него вырастили «няньку».

Л у первенца сам факт появления «конкурента» нередко вызывает настоящую панику. Хотя, будучи сам маленьким, часто кланчил у родителей: «Купите мне сестренку (или братишку)!»

Но с годами это желание иметь рядом с собой постоянного товарища, родное существо остывает у того, кто испытал в полной мере преимущества единственности, в особенности понаблюдав за многодетными семьями, где приходится сверстникам делить и лакомства, и родительскую любовь. Но если у матери и отца хватит такта и разума «влюбить» первенца в меньшего, тогда старшие сестры становятся заботливыми «маленькими мамами», а братья — опекунами несмышленишей.

Действительно, обязанности старшей дочери в многодетной семье сродни материнским. Ведь едва новорожденный появится в доме, у нее уже забот выше головы. Мать к малышу словно пришта, а старшая — ив консультацию сбегать, и в магазин, и посуду помыть, и постирать. Потом частенько ей поручают малыша в ясли отнести, забрать его, когда родители задерживаются на работе. Идет время, растет маленький. Глядишь, он к своей «няньке» тянется, пристаёт, уроки мешает делать, зовет играть, гулять. Как хвостик, за старшей сестрой везде плетется. Даже когда подрастет, ревет влед спешащей на свидание сестренке: «И я с тобой».

В будущем нынешние ее заботы обещают немалые преимущества. Первенцы в большой семье, как правило, легче и быстрее становятся самостоятельными, лучше переносят всяческие жизненные испытания. И грядущее материнство им не & тягость: все-таки немалый опыт ведения хозяйства приобретен и с младенцем обращаться научились.

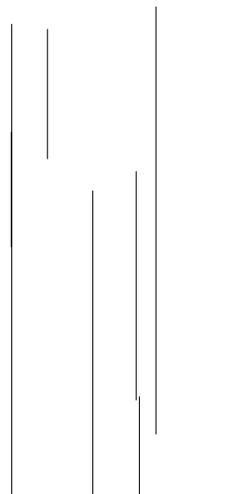
Если попытаться графически изобразить динамику отношений ближайших родственников, то у многих, наверное, линии будут тесно соприкасаться- в раннем детстве, постепенно расходятся в пору взросления, а затем в преклонные лета снова сойдутся, переплетутся, чтобы совместно раствориться, исчезнуть в небытии.

Жизнь позволяет нам подметить эту характерную особенность: самая неутолимая жажда общения с теми, кто с тобой вместе рос, появляется именно на закате дней, когда воспоминания детства, отрочества бывают ярче и эмоционально напряженней, чем впечатления вчерашнего дня. Тогда человек вдруг начинает разыскивать друзей детства, а с родными идет «на мировую» даже после долгих лет глухой или открытой неприязни.

Для обсуждения предлагается такая тема: как вы относитесь к идее «планирования семьи», ее численности? Американские супружеские пары при опросе высказались за «нулевой вариант», т. е. двое родителей — двое детей, одна мама—один ребенок. В чем уязвимость такого расчета? Будет ли для вас обязательным и существенным согласие будущего мужа (жены) относительно числа детей в семье? Зададите ли вы этот вопрос своему другу (подруге)? Постесняетесь? Почему?

6

СТАРШИЕ В ДОМЕ

НОВЫЕ РОДСТВЕННИКИ

В предыдущих главах дела и отношения молодой семьи рассматривались несколько изолированно от старшего поколения. В жизни чаще всего полностью отгородиться молодым не удастся, если, конечно, новая семья не возникает где-то далеко от родительского очага. Около 60% молодоженов из загса отправляются к родителям жены или мужа. А это значит — новая ячейка должна вписаться в прочный, сложившийся уклад жизни. Точнее, «чужеродному элементу» придется приспособливаться к уставу и правилам, ему прежде непривычным. И «хозяевам» приходится притираться к нему.

Естественно, что подобный процесс не может проходить безболезненно для обеих сторон, не может он оставлять равнодушным и «связующее их звено». Скорее наиболее тяжело приходится как раз этому «звену»: связывать воедино равно дорогих, но чужих друг другу людей.

Какие здесь возникают коллизии и как они разрешаются современными семьями? Как уживаются между собой нынешние свекрови и невестки, зятя и тещи, в прежние времена дававшие повод для множества драматических и комических историй?

Однажды в редакцию пришло письмо старой женщины. Она рассказывала о несчастье, постигшем ее семью: погиб самый дорогой для нее человек, единственный сын. А его жена, молодая вдова, осталась с ребенком на руках. О чем же просила понесшая невосполнимую утрату мать? Помочь устроить семейную жизнь своей невестки, милой, доброй, образованной, но очень застенчивой Галочки, которая вот уже несколько лет живет затворницей. А годы проходят. «Ей нужен муж, внучке — отец, без этого не будет у них счастья, а у меня — покоя».

Свекровь обращается с просьбой к «Службе знакомств» найти тонкий, деликатный способ вывести Галочку «на люди», в интересный круг возможных партнеров или сообщить ей (свекрови) адреса тех, кто мог бы стать претендентом на руку и доброе сердце невестки.

Обычно славим мы самоотверженность, бескорыстие матерей.

А этот поступок в чей реестр заслуг занести? Матери или свекрови? Да и отделимы ли они в данном случае?

Но, к сожалению, такие свекрови в нашей жизни встречаются не так уж часто. Случайно ли, что про тещу целые «сериалы» веселых анекдотов сложены и песни поются, а про свекровь ничего подобного. Ни одной безобидной шутки-прибаутки. Неужто так уж несправедлива народная молва, готовая обычно понять и простить?

Попробуем разобраться, как складываются отношения свекрови и невестки в современной семье. На стиль отношений между членами современной семьи существенно влияет уровень образования, а он значительно вырос. К свекровям постепенно приходит сознание, что их недовольство снохой не всегда вызывается недостатками самой молодой женщины, скорее общими свойствами женской психики.

Способствуют смягчению нравов свекрови и невестки и чисто объективные причины: они все чаще живут врозь и материально друг от друга не зависят. Большая часть молодоженов, живущих со старшими, обосновываются у родителей жены. Согласитесь, что при такой ситуации поводов для взаимного недовольства у свекрови и невестки гораздо меньше.

Но во все времена, при любых трудностях и тяготах жизни было немало семей, в которых отношения складывались тепло и сердечно. Сноха, бывало, в таком доме и само-то слово «свекровь» выговорить не могла, таким оно ей казалось скрипучим да корявым, неправедным. «Матушка», «мама», а потом — «бабушка», и не делалось различия: чья она — мужнина мать или собственная.

В современных семьях редко зовут свекровь «мамой», больше по имени-отчеству. Но при этом глубинные отношения становятся мягче, деликатней. Нередко свекровь и невестка обретают трогательное единение, вроде того, что установилось между героинями комедии П. Бомарше «Женитьба Фигаро». Свежеиспеченная свекровь Марселина бросается помогать невестке Сюзанне в ее плутнях с графом и мужем, так характеризуя юную подружку Фигаро: «Она такое прелестное создание! Ах, когда личные интересы не вооружают нас, женщин, друг против друга, мы все как одна готовы защищать наш бедный, угнетенный пол от гордых, ужасных... (со смехом) и вместе с тем недалеких мужчин».

И все-таки сам факт, что только 1/3 молодоженов живет с матерью мужа, довольно многозначителен. Значит, молодой семье у матери жены живется лучше, чем у матери мужа. Обе — матери, обе желают счастья своим детям, но — то ли понимают это счастье по-разному, то ли точек соприкосновения и поводов для раздражения у тещи с зятем меньше, чем у двух женщин на одной кухне?

Ну а если обе эти «должности» сходятся в одном человеке?

Как тогда теща-свекровь реагирует на поведение своих новоявленных ростовников?

Приведу такую расхожую притчу. Разговаривают старые приятельницы. Одна рассказывает другой про жизнь своих детей. Дочке в браке повезло. Зять попался внимательный, заботливый, трудолюбивый. Молодая жена не успевает сон с ресниц стряхнуть, а он уже в булочную сбежал, завтрак приготовил, кофе сварил — все успевает и умеет. Но зато уж сыну не повезло — так не повезло! Жена попалась ленивая, с гонором. Утром не соизволит встать, сыну завтрак приготовить. Он, бедный, вынужден сам себе еду разогревать, а то и уходит на работу голодный. Ее же с колоколами не добудишься.

В этой притче, наверное, выражена особенность материнской психики: одинаковую ситуацию оценивать совершенно по-разному. Что хорошо для собственного дитяти, то и вообще хорошо, даже если кому-то не очень удобно и приятно. Все, что хоть в малом ущемляет интересы моего чада, должно быть отринуто и осуждено, даже если справедливо.

Может быть, отношения двух женщин, свекрови и невестки, порой не складываются оттого, что у старшей глаза затуманены любовью к сыну и у молодой они не больно-то зрячи? Эмоции, не регулируемые здравым смыслом, терпимостью, могут бед натворить немало. Вот несколько примеров.

...Сын женился неожиданно для матери, чем кровно ее обидел. А досаду свою мать перенесла на молодую жену. Та не захотела терпеть напраслину, добилась, что уехали от родителей в другой город. Потом в течение четырех десятков лет ни свекровь в дом невестки, ни та к ней — ни ногой! Сорок лет войны на расстоянии, в которую были втянуты и дети, и внуки, и дальние родственники. И не устали, не заключили перемирия даже в годы совместных утрат.

Не было бы необходимости приводить подобный пример, если бы из него, как из сказки, нельзя было извлечь «нарек, добрым молодцам урок». Очень важно, чтобы муж умно и тактично ввел в дом молодую жену, не сделал ее без вины виноватой в глазах собственной матери. Надо суметь расположить своих родственников к будущей невестке, при этом не вызывая материнской ревности. Мудрено? Несомненно, но ведь и дело того стоит: будет ли мир и лад в собственном доме.

Случай другой. Сын только-только отпустил усы-пушок, а мама уже в тоске и отчаянии: вот-вот появится на горизонте «она», разлучница-похитительница ее счастья, ее благополучия. Как признавалась моя знакомая, вполне образованная женщина, при одной этой мысли у нее дыхание прерывалось, комок подкатывал к горлу. Когда же и впрямь появилась «она», были слезы, истерики, были и попытки сдерживаться, из которых ничего путного не получалось, а даже еще хуже: все чувствовали себя «злодеями», которым приносится в жертву материнское сердце.

Сын не выдержал, настоял на разводе, заслужив за это обвинение в предательстве.

Мне кажется, что в данном случае материнское начало у свекрови уступает собственническому. Тогда и появляется безоглядная ревность, столько слез исторгшая из невесткиных глаз. Порой молодой муж, впитавший с молоком матери привычку слушаться и почитать ее, не желает вникать в существо ссоры между двумя женщинами и занимает одну позицию — мамину. Как правило, результат такой односторонности — глухая, прорывающаяся скандалами вражда уже с собственной женой, развод.

— А где мое место на самом деле? — спрашивал однажды такой неустроенный супруг и сын. — Разорваться мне, что ли, между ними? Вся их страсть расходует друг на друга, на меня ни сил, ни времени, ни сердца не хватает.

Думается, что в такого рода состязаниях заведомо не будет победителей. Чья бы сила ни одолела, пострадают семья и счастье всех участников «турнира». Вернется ли сын к матери, в ее полное распоряжение, он не забудет и не простит ей разрыва с женой, тем более если без отца останутся его дети. Отвадит ли жена мужа от его матери, ей это тоже даром не пройдет. Ведь этим она подает пример nepочтительности и неблагодарности собственным детям. Как это отзовется на ней самой в недалеком будущем, можно легко представить.

Обычно жена надеется перевоспитать мужа. Но для этого от нее требуется максимум дальновидности и педагогического такта. А где молодой женщине взять дальновидность и педагогическое искусство? Тут-то она и начинает спотыкаться. Стараясь ослабить влияние матери, то и дело попрекает мужа: «Это у тебя от матери такой характер, такие замашки!» И не понимает, что достигает обратного результата. Вместо того чтобы понять и принять ее правоту, муж отмахивается от замечаний. И не удивительно: человеку ведь легче оправдать свои недостатки, тем более врожденные, привычные, ставшие натурой, чем решительно изменить себя. Из этих соображений он старается оправдать и ту, что сотворила его таким, ту, что сама обладает теми же качествами.

Даже самые справедливые претензии молодой женщины должны смягчиться сознанием, что перед ней мать и ее сын!

Любовь к матери, всякой, хорошей или дурной, — одна из подлинных человеческих ценностей. Кому, как не женщине, дорожить этим чувством.

— Хорошо, любовь к матери — священное чувство, но отчего только к собственной? Ведь я тоже мать, но уже его детей. Знаю, одной нужно поклоняться, а с другой можно не считаться, не церемониться?

Это — лейтмотив многих разговоров уязвленных невесток. И здесь есть своя логика. Разрешить подобную задачу может лишь объект соперничества — сын и муж.

Для нравственного и физического здоровья мужчин благотворна дружба между свекровью и невесткой. Да и во всем доме атмосфера меняется, когда у хозяек лица благорасположенные, улыбчивые, веселые. Для детей-внуков доброе согласие между мамой и бабушкой — что солнечный свет, «биостимулятор роста души». Их сердца минет тень соперничества, не остудит холодность отношений между самыми любимыми людьми.

Очень полезно за принцип взять у юристов «презумпцию невиновности». Видя, что другая женщина делает что-то не так, говорит не эдак, попытаться внушить себе: не виновата! Она родилась в другой семье, в другое время, воспитана с другими привычками. Не виновата свекровь, что не может переменить вкусы и привычки, потому что годы затвердили, сцементировали характер. Не виновата невестка, что молода, неопытна, нерасторопна, много промахов делает.

Очень полезно помнить о возрасте и привычках другого человека. Лучше всего искать в поступках и словах друг друга не оплошности и недостатки, а объяснения и доводы в пользу друг друга.

...Но правильно ли все взваливать на плечи двух женщин? Ведь любую семейную роль нельзя сыграть в одиночку — это роли коллективные. В отношениях участвует все окружение: и свекор, и остальные родственники, которые либо не противятся разыгрывающимся страстям, либо утихомиривают их и помогают молодой женщине войти в круг семьи, стать желанным, равноправным ее членом.

Тут особенно велика роль свекра. Он обычно более доброжелательно быв'ает настроен к жене сына и в то же время имеет большое влияние на собственную супругу. И не в том дело, что он часто берет на себя обязанности «третейского судьи». Скорее, он умеет быть громоотводом, оборачивая шуткой резкость, стараясь разрядить облака взаимного недовольства.

По аналогии с отношениями свекрови и невестки было бы справедливо посмотреть: какими предстают в глазах друг друга и ближайшего окружения два члена семьи разного возраста, но одного пола — тесть и зять.

Молодой супруг, поселившийся в доме жены, а именно эта ситуация прежде всего интересна, поскольку наиболее распространена нынче, заставляет потесниться старших. Это — во-первых. А во-вторых, экономически он тоже бывает зависим от тестя, все еще главного кормильца во многих семьях. Частенько браки у нас заключаются между юнцами, не имеющими крепкой материальной базы. И при этом столкновения между мужчинами — довольно редкое явление. Хотя замечено: зачастую отец к дочери относится нежней, чем к сыну, прикипает к ней сердцем и вроде бы должен испытывать жгучую ревность к ее избраннику.

Причина такой безконфликтности, на мой взгляд, в том, что

оба, как правило, не имеют дома серьезного дела, занятия. А хозяйственные заботы: купить мебель такой конфигурации или иной, поставить шкаф в углу или у стенки, жарить или тушить овощи... и прочая, и прочая, не затрагивают кровных интересов, не вызывают принципиальных возражений, а значит, противостояния.

На чем же, на какой почве порой возникают неприязненные отношения между людьми разного пола, разного возраста, разных сфер домашнего влияния — между тещей и зятем?

Надо признать, что в отношениях между этими членами семьи нередко решающую роль играет неприиспособленность зятя к семейной жизни.

Что греха таить, будущие мужья нынче нередко воспитываются в тепличных условиях, боятся перегрузок самостоятельной жизни. И, став зятьями, никак не могут взять в толк: чего от них требуют родители жены? Его собственная родительница никогда не пеняла ему на невключенность в домашние заботы, напротив, всячески его оберегала от них. Значит, это родительская обязанность, а не одолжение, за которое нужно особенно благодарить другую женщину — мать жены. А если еще и молодая жена, т. е. дочь, не подготовлена к преодолению лишений и невзгод, то соединение двух «берущих» под крылом одной матери чревато неприятностями для всех членов семьи.

Бывает, что зять чувствует себя неприкаянным не только из-за неустроенности в новой семье, но даже, напротив, из-за желания новых родственников угодить ему, освободить от трудов и забот. Нет у молодого человека своего дела в доме, нет ответственности, нет долга, нет и занятости. А, как известно, безделье — мать всех пороков.

Вот и здесь противоречие: нагружает теща зятя всякими домашними работами и заботами — может этим его обидеть, раздражить и его, и свою дочь. Освобождает от всех забот — открывает сосуд со всякими пороками. Разумная мера, видимо, и в этом случае должна стать главной судьей и советчицей.

В какой же ситуации мир и согласие между новыми родственниками сохраняются на долгие годы? Да много способов и методов достижения доброжелательности с обеих сторон, когда есть обоюдное желание. На моих глазах протекали безболезненные отношения этих двух членов семьи. При том что зять был, прямо скажем, не подарок. До регистрации тесть иначе как «шалопаем» и не называл его. А теща горючими слезами умылась на свадьбе. Однако на другой день было сказано, как отрезано: дело сделалось, теперь мы — одна семья, значит, все подмечать и говорить, что на добро. Ни слова — во зло. И выдержали обещанное. Иной раз уже дочка на мать сердилась:

— Почему не вмешаешься, не пригрозишь, а все только по шерстке его гладишь? И свекровь за него, и ты, родная мать,

тоже. А я — одна, без поддержки и опоры, вроде бы кругом виновата.

— Дурочка,— смеется, бывало, мать.— Ты же мне дочь. Ну посердилась немного, сердце и отошло. Куда нам с тобой друг от друга деться? А он запомнит и перетолкует каждое мое неосторожное слово. Потом тебя же от меня и отвалит, передо мной дверь закроет. Кому от этого хорошо станет? Тебе, ему, мне, сыну твоему? Вот и соображай! Семейная жизнь — школа дипломатии и тончайшей политики. А ты — «справедливо — несправедливо». Если бы была единая и неделимая справедливость, тогда еще куда не шло, а то ведь что разумно для нас с тобой, для мужчин вовсе нет. И наоборот. Да и со временем многое для нас меняется: мы завтра, может, сами поймем и поддержим то, что сегодня принимать в расчет не желаем.

Надо воздать должное и зятю: «шалопаем» он был по молодости, а не по сущности. Сумел понять и оценить родителей жены, перенять их стиль: ничего во зло друг другу. И все сделанное для его семьи старшими принимал с искренней признательностью, не попрекал за отказ в помощи, коли такое случалось. И теперь, когда уже нет в живых тестя и тещи, память о них в этом доме — самая добрая и неизменная.

...Теща в дом — мир в дом. Она, глядишь, печатает объявления в газете, переезжает из удобной и привычной квартиры в худшие условия, лишь бы поближе к детям и внукам. Она раньше, чем иссякнут силы и желание, уходит со службы на пенсию. Видели вы толпы терпеливых и еще не старых женщин в раздевалках обычных и музыкальных школ, стынувших на стадионах в" ожидании, когда набегаются милые сердцу внуки. Летом на даче они живут месяцами, оторванные от собственных дел, забросив нередко своих мужей.

Чего же ждут и требуют они от своих зятьев? Внимания и чуткости прежде всего. А еще и сочувствия к волнениям неугомонного материнского сердца. Внимание для них — бальзам, благодарность и деликатность — лучшая награда. А чем может теща завоевать расположение зятя? Помочь, если может и хочет, дочери стать самостоятельной хозяйкой в его семье, работать на укрепление их союза.

Здесь получается картина, аналогичная той, что складывается в отношениях между свекровью и невесткой, с той разницей, что двум женщинам почаще нужно оглядываться на возраст друг друга, а теще с зятем — учитывать пол. Ему не забывать о том, что теща — женщина, а ей, в свою очередь, что он — мужчина, пусть и молодой, неопытный, но уже с определенными представлениями о собственном достоинстве. Как видите, не такие уж это тяжелые и неисполнимые условия.

Молодая ли жена входит в семью родителей мужа, мужчина ли вырастает в чужой уклад жизни — никому из них не избежать притирания характеров, преодоления разницы привычек, вкусов и

интересов. Большинство новых родственников с честью преодолевают скрытые пороги и водовороты и выходят на глубокое и полное течение реки жизни. Случаются и кораблекрушения. Не без того. В семье, как и в школьном, в производственном коллективе, могут оказаться психологически несовместимые личности. И тут, как и везде, действуют одни и те же законы сотрудничества. Знать и применять их можно и полезно уже сейчас.

В качестве практикума предлагаю вспомнить: сколько раз довелось вам менять привычный коллектив на новый? Переходили из одной школы в другую, из нее — в училище, некоторые — в техникум, а то и поступали на временную работу. Наверное, везде приходилось адаптироваться (попросту говоря, приспособливаться) к незнакомым условиям и людям. Всегда ли удавалось найти общий язык?

Проанализируйте свой опыт, слова и поступки, помогавшие снимать напряжение в отношениях с одноклассниками и сослуживцами. Кто сумел и успел усвоить правила и нормы культуры общения, одолеет в будущем трудности вхождения в новую семью с большей легкостью, чем «необученные», и приобретет в лице еще недавно чужих людей «кровных содружников». А это, поверьте, очень ценное приобретение.

БАБУШКИ И ДЕДУШКИ

Не будет преувеличением сказать, что XX век необычайно увеличил и тем самым возвел в два периода в жизни человека: детство и старость.

Люди долго недооценивали значение детства для последующего развития личности. А старость рассматривали всего лишь как итог жизни. И поэтому эти два периода особым вниманием исследователей не были избалованы. Продолжительность жизни в дореволюционной России была очень низкой: средняя продолжительность жизни мужчин едва превышала 30 лет, женщины жили на два-три года дольше.

Это, конечно, не означало, что все жители страны умирали молодыми или в зрелые годы. Цифры продолжительности жизни населения извлекаются из статистических данных, фиксирующих все рождения и смерти. А значит, среднее число будет тем меньше, чем выше смертность не только в зрелые годы, но и в детские. В дореволюционной России детская смертность была очень высокой. Оттого средние показатели продолжительности жизни были удручающе низкими. Действительно, старики в доме были скорее исключением, чем правилом. От непосильного труда, от голода крестьяне, рабочие, ремесленники рано сходили в могилу. Не дотягивали до старости и их антиподы — люди богатые, состоятельные,— эти как раз из-за излишеств, распущенности нравов и образа жизни, разрушающего здоровье.

Нынче численность людей пожилого возраста растет быстрее даже, чем число новорожденных. Не случайно ученые-демографы говорят о постарении населения нашей страны. В 1939 г. в СССР было менее 7% жителей старше 60 лет. В 1970 г. их уже стало около 12%. Демографы предсказывают, что к началу следующего века эта цифра вырастет до 17%.

Увеличение доли пожилых людей порождает проблемы, не существовавшие в прежние года: обществу необходимо выяснить и укрепить место и значимость пенсионеров в общественной и семейной жизни, поддержать их здоровье, организовать полезную деятельность, отдых и содержательное общение.

Мы с вами затронем лишь некоторые из этих вопросов.

Пиком жизненной и трудовой активности человека многие современные исследователи считают 40—45 лет. После 50 лет-нередко начинается спад. И вот что примечательно: при этом как бы в перевернутом виде повторяются этапы становления человеческой личности.

На вершине, на пике лет — резкий всплеск всех сил и способностей, наступает «вторая молодость». И мужчина, и женщина словно бы расцветают вновь. Это уже доказанный факт: почти во всех областях общественного труда ведущими специалистами, руководителями коллективов выступают люди, кому около пятидесяти. В президиумах собраний, конференций, в наградных списках прежде всего они.

Приглядитесь к нынешним странствующим и путешествующим, к посетителям музеев, филармоний, фестивалей — значительную долю здесь тоже составляет вполне солидная публика. А оглянитесь на заядлых садоводов, самодеятельных умельцев, рукодельниц и домашних изобретателей, участников клубов, студий... Иной раз остается только удивляться: как это им удалось сохранить силы, любознательность, увлеченность, жадность до всего необычного?

Объяснение можно найти в их семейно-общественном статусе: социальное положение достаточно прочно, разрешены самые насущные бытовые проблемы (заработок, жилье и т. д.), дети стали взрослыми, сняли груз забот с плеч родительских. Что ж, живи и радуйся, реализуй все стремления и интересы, на которые в прежние времена не хватало ни времени, ни средств, физических и материальных. Счастливая пора... для тех, кто на пути к ней не растерял своей душевной энергии и не растратил ее в погоне за мнимыми ценностями и удовольствиями.

Затем наступает время постепенного снижения жизненной активности. Ко многим возвращается «подростковая» пора глубинного осмысления назначения человека в жизни, только с «обратной перспективой» — с взглядом не в будущее, а в прошлое.

Некоторые драматически переживают эту пору. Все больше дел и удовольствий, про которые приходится говорить: это не для меня. Снова, как в отрочестве, увеличиваются «ножницы» между

«могу» и «хочу»: подростки *еще* не могут осуществить многое из того, что они желают, а стареющий человек *уже* не может реализовать многие желания.

И снова, как в давние года, мучают очевидные перемены во внешности не в лучшую сторону. С той лишь разницей, что у подростков эти перемены временные, а у стариков — навсегда. Со страхом вглядывается он (она) в жестокое своей правдивостью зеркало. Подросток подмечает уродующие его лицо прыщики и всяческие пигментные пятна, старики — морщины, вялость и обвислость кожи, мутнеющий цвет глаз.

Особенно тяжело эти перемены переживают женщины.

Чье это незнакомое лицо глядит на нее из зеркала? Кто эта женщина? Как она должна вести себя: как одеваться, причесываться, двигаться, разговаривать? Не ясно. Кризис жанра.

Горячие приливы крови к голове, учащенное сердцебиение, одышка, повышенная нервозность и плаксивость (прежде всего у женщин) — таковы внешние проявления этого состояния. Иногда оно оборачивается серьезным расстройством здоровья. И если подростковые муки длятся 2—3 года, климакс (так называется у медиков подобное состояние организма стареющих людей) у некоторых женщин затягивается на 5—8, а то и 10 лет.

И здесь хочется сказать об отношении окружающих к «переходному возрасту». Если переживания юной души и муки расцветающего тела взрослые понимают и стараются облегчить, помня себя в этом возрасте, то о возрастных особенностях пожилых молодые, как правило, ничего не знают, оттого и не сочувствуют. Порой считают, что просто у «стариков» портился нрав.

Как и любой возраст, старость вызывает разные эмоции. Вы помните, как писал о ней молодой Гоголь в поэме «Мертвые души»: «...все может стать с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости...» Всем известны слова о страшной беспощадности старости, которая, по мнению молодого писателя, хуже самой смерти.

Но вчитайтесь, вдумайтесь в свидетельство человека, дожившего до этих лет, кто о старости знал не по внешним и преждевременным суждениям. Писатель В. В. Вересаев, не раз упоминавшийся в наших разговорах, совсем иного мнения на сей счет: «Все мы растем в презрении к старости и в ужасе перед нею. Но если бы я тогда знал, — а кто это в молодости знает? — если бы я сам тогда знал, какую нестрашную, какую радостною и благодатною может быть эта грозная старость!..»

Вспоминаю скомканную тревожность юности, воющие муки самолюбия, буйно набухающие на душе болезненные наросты, темно бушующие, унижающие тело страсти, безглазое метание в гуще обступающих вопросов, непонимание себя, неумение подступить к жизни...

А теперь каким-то крепким щитом прикрылась душа, не так уж

легко ранят ее наружные беды, обиды, удары по самолюбию, в руках как будто надежный компас; не страшна обступившая чаща; зорче стали духовные глаза, в душе — ясность, твердость и благодарность к жизни.

...Да, может быть, если бы знала молодость, какая возможна озаренная, поднимающая дух старость,— может быть, она бы менее беззаботно «прожигала» себя... Промотать все силы — и потом прийти к мутноглазой старости, харкающей, задыхающейся, с брезгливо отвисшей губой и темным лицом. И говорить юности: «Старость — это страшная, проклятая пора человеческой жизни»».

Подобные суждения можно встретить у многих мудрых старцев, которые вошли в эту долую, гораздо более продолжительную, чем юность, часть жизни, не промотав достояние, отпущенное природой и окультуренное воспитанием: тело, ум, сердце человеческое.

Говорят, старость — это возмездие. Пожалуй, о доброй старости можно сказать: она — награда за честно, разумно и сердечно прожитые годы.

Справедливо и другое суждение: «Человеку столько лет, на сколько он сам себя чувствует». И старость — не возраст, а состояние здоровья: физического, интеллектуального и эмоционального. А уже ваш собственный опыт подскажет: кого из вашего ближайшего окружения можно отнести к молодым, несмотря на долгую и трудную биографию за плечами, а кого к пожилым, ждущим пенсионного обеспечения, хотя еще спины не согнул на общественной ниве и ничего путного не вырастил. Есть ведь и среди ваших сверстников юные старцы: вроде бы уже все испытавшие, все знающие и уставшие от многознания, разочарованные в жизни, брюзжащие на ее несовершенство. Им до «мутноглазой» дряхлости идти очень долго, а их глаза уже скепсис замутил и на белый свет смотреть не хочется. Вот кого жалеть-то надо!

Современные молодые люди безоглядно именуют своих родителей стариками и считают, что те себя уже исчерпали, изжили все желания и интересы, кроме одного: как бы получше устроить свое потомство, пестовать и агукать внучат. Многие молодожены не желают вникать в то, что превращают в дедушек и бабушек молодых мужчин и женщин, полных творческих замыслов и иногда честолюбивых мечтаний.

Немало конфликтов возникает в новообразовавшихся семьях именно из-за непонимания состояния «стариков», особенностей их возрастной психологии.

— Бабушка, ты чего пляшешь? Бабушкам плясать не положено! — стыдила внучка свою сорокапятилетнюю бабусю, которая смотрелась совсем еще молодой, привлекательной женщиной и, действительно, забыв про свой «чин», лихо отплясывала модный танец на семейном торжестве.

— Ишь, наши старики — туда же, про любовь запели! —

иронизируют молодые супруги, видя в острой чувствительности, в кокетстве бабушек и в галантности дедушек чуть ли не забвение моральных норм, нечто неприличное.

Какими же они рисуются придирчивому и ревнивому взору нынешних юных и уже взрослых детей, современные бабушки и дедушки, и какие есть на самом деле?

По сказкам, по народным преданиям, бабушка — это ветхозаветная старушка, тихонькая и неутомимая, как мышка, спящая по дому, всем угрожающая и ничего не требующая взамен, мастерица стряпать и ткать, шить и вязать, искусная сказительница былей и небывальщин, сочинительница ласковых колыбельных, подмога детям и утеха внукам, добрая совесть И свет дома. А дед — само собой — всевед, борода седая, глаз с хитрым прищуром, тоже неугомонный умелец и домашний философ.

Правда, подобные идеальные образы и в прошлом-то не на каждом шагу встречались. Живые натуры и характеры всегда сложнее идеализированных представлений. Даже нежно любимая бабушка Алеши Пешкова мало похожа на иконописный лик. А дед Каширин — прямо-таки злой гном. Видимо, народная мудрость, создавая сказочные типажи, отобрала все са-мое-самое важное, необходимое для лучшего исполнения этих ролей.

Хочу обратить внимание на одну лингвистическую особенность. В английском, французском, немецком языках нет слова, аналогичного нашему,— «бабушка». Там она зовется «большой мамой», т. е. обозначена ее функция, ее главенствующее положение в семье. Как видите, в данном определении отсутствует эмоциональная окраска, отношение к той, что является мамой мамы и папы.

Русское слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом «ушк» вроде бы, напротив, умаляя масштабы ее фигуры и значимости, одновременно поднимает ее на пьедестал любви. Не случайно в словаре Даля у этого слова 12 вариаций, таких же уютно-ласковых, и лишь одно — «бабка» — угловато-грубое.

Снова напомним: язык отражает сложившуюся практику отношений. А все наши путешествующие-странствующие отмечают особенность европейского и американского быта: отстраненность старшего поколения от взрослых детей и внуков.

Правда, и у нас в последнее время появились женщины, которые не спешат облачиться в бабушкин чепец и даже стесняются этого звания. Оглянитесь на их возраст и самочувствие в жизни — и все станет ясно. Бабушками становятся в 35 и в 40, а дальше — до рекордного срока земного существования. Поэтому одинаково справедливы слова о том, что современной бабушке ничто женское не чуждо, в том числе любовные переживания, желание повеселиться, принарядиться. Правильно и то, что ей могут быть присущи возрастные, старческие недостатки. Оба сужде-

ния правомерны, но лишь с точной оговоркой, что они относятся к разным категориям бабушек.

Средняя продолжительность жизни нынешних женщин держится на отметке в 75 лет. Это значит, что, став уже бабушками, они нередко остаются дочерьми, невестками престарелых родителей. Кто не испытал такого, не поймет, как подобный факт действует на самочувствие женщины. Пока есть на свете люди, что зовут тебя «дочкой», ты еще юна, у тебя еще все впереди! Сколько бы поколений за тобой ни теснилось. А у любой женщины ее внутреннее, психологическое состояние отражается решительным образом на физиологии, на внешности.

Очень часто молодые бабушки и выглядят как старшие сестры своих взрослых дочерей. Фигуры спортивные, подтянутые, косметика, одежда ничем не отличается от молодежной. И это объяснимо: бабушки сплошь и рядом трудятся вместе с молодежью, и никто для них не делает скидки «на возраст», на их солидное положение.

А про дедушек и говорить нечего. Они и прежде, и тем более теперь не хотели и не хотят уступать пальму первенства никому.

...Главный водораздел, который определяет типы бабушек и дедушек, проходит между работающими и пенсионерами. Это часто даже важнее, чем возрастные различия. При всем блестящем внешнем антураже положение работающих «стариков» сложнее, едва ли не самое напряженное, нежели у других членов семьи. Я назвала бы это время страдой. На ниве жизни действует тот же порядок и режим, что и на земельной пашне. В весеннюю пору: вспашка и посев, зачин главных дел и отношений, веселое, беспечное время. Летом растут посеянное, радуются силе, теплу, свету чувств, верят в то, что этому буйству красок, соков не будет предела. Осень смешает все: радость и страх, гордость и отчаяние, краски у нее горячечные, красота какая-то вызывающая. Одно слово: переломная пора. Вот он — желанный урожай, убирать его отраднo и грустно, а порой — насадно.

Смотрите. Родители к этому сроку, как мы уже говорили, достигают вершины профессионального мастерства. Соответственно самые высокие заработки в семье часто бывают у них. Отсюда при появлении в доме маленького существа, требующего заботы и ухода, молодая мама часто даже речи не заводит о том, чтобы бабушка осталась с внучкой или внуком дома, а она пойдет работать. Это не оправдывается общесемейными интересами. И денежные потери будут большими, и деловые, и престижные. И наконец, старшей маме необходимо заработать себе пенсию, обеспечить существование на то долгое время, когда она сядет дома.

Так что частенько юные мамы нынче шьют и вяжут, рассказывают сказки и снуют по дому. А многим бабушкам некогда этим заняться.

Правда, немалая часть бабушек и дедушек живет и действует

как раз в рамках традиционных правил. У них с годами дом занимает все большую часть времени и сил. С работы они не знают иной дороги, кроме как за внучатами в школу, в садик или ясли, а потом на каток или в зоопарк. И сидя у телевизора, в программах прежде всего ищут «малышовые» передачи.

Можно ли считать такой образ жизни ущербным? Вряд ли; каждому — свое. Просто наше время предоставляет возможность выбора поведения, не навязывая жесткие нормативы и обязательность.

На профессиональную спешку работающих бабушек и дедушек накладывается масса семейных обязанностей, тоже свойственных лишь этой поро. Вдруг резко старятся еще недавно такие бодрые, самостоятельные и деятельные родители, те, кого они тоже могли называть «стариками», тем самым отделяя себя от людей этого звания. Что такое уход за хронически больными, немощными стариками, объяснять тягостно и не сказать нельзя. Кто не пережил медленного угасания дорогого человека, всех проблем посещения больниц и совмещения этих забот со службой, не поймет того, что обрушивается на плечи прежде всего дочерей.

Болезни стариков, тем более их смерти, долго и мучительно переживаются стареющими детьми. Пожалуй, тяжелей, чем потери в юности. Молодость не знает, не чувствует масштаба потерь, ее от горя отвлекает и утешает перспектива долгой жизни. А тут возникает сознание, что своим уходом родители сняли барьер, ограждающий тебя от зияющей бездны небытия.

И ты остаешься один на один с тем, о чем за их спиной и думать не приходилось...

Родители нынешних молодых бабушек уходят в вечное никуда, оставляя своих седеющих детей перед вопросом: что же такое все эти зримые знаки преуспеяния, звания и названия, дома, квартиры, вещи, деньги? Они ли будут материальным, вещественным доказательством их земного существования, более важным, чем дети и внуки?

Но уходят из жизни не только старики. Зачастую и 45-летние бабушки срывают свое здоровье, покидают нас, так и не успев состариться. И все же редко услышишь призывы: «Берегите молодую работающую бабушку! Она очень полезный член общества!» Напротив, со всех сторон слышатся требования, обращенные именно к ней. «Берегите мужчин!» — это к ней адресуются демографы и медики, потому что пик мужской смертности приходится на молодых дедушек. «Берегите молодую семью! Она без помощи старших может развалиться!» — и это к ней. Она ведь играет в семье главную роль, как мать, как свекровь и теща. И наконец: «Берегите внуков! Они — ваше продолжение, ваше бессмертие!» Все верно, все правильно. Кому же, коли не ей, беречь всех, заботиться обо всех. Ведь это время ее высшей самоотдачи. Но в страду, как известно, одному со всеми работами не управиться. Есть поддержка, есть взаимность — силы множатся, нет — гаснет желание везде поспеть. Наоборот, копится усталость и потребность заслуженного отдыха, тихих радостей. Вот когда нужна добрая подмога и мужа (дедушки), и детей, и прочих родственников — всех, кому она дорога.

Я намеренно отодвинула разговор об отношениях бабушки с внуками, чтобы было ясно: теще до того счастливого мгновения, когда она склонится к изголовью детской кровати, бабуся уже запыхается, исполняя множество других обязанностей и ролей.

В предсмертном письме С. А. Толстая обращается со словами любви и прощания ко всем родным и близким. Но особенно прочувствованные строки отнесены к внучке, Тане Сухотиной: «Совсем особенно отношусь к тебе, моя дорогая, горячо любимая, милая внучка Танюшка. Ты сделала мою жизнь особенно радостной и счастливой. Прощай, моя голубушка! Будь счастлива, благодарю тебя за твою любовь и ласку. Не забывай любящую тебя бабушку, С. Толстую».

В народе говорят: внуков любят больше, чем собственных детей. Не знаю, больше ли, но по-иному. Более осмысленно, более бескорыстно и сосредоточенно. В старости у человека есть время и желание всмотреться в маленькое существо, вслушаться в его лепет, открывая много такого, что в сутолоке будней, наполненных работой, было упущено, не замечено в собственных детях. А именно на заинтересованности взрослого и строится ответный интерес, доверие, открытость ребенка, который очень точно знает, кому важны его заботы, его переживания, а кому — нет.

Эта сердечная доверчивость малышей бывает особенно дорога тогда, когда собственные взрослые дети закрыли души для матери и отца, сведя все общение к набору ритуальных слов и знаков уважения.

Обостренное чувство к внукам нередко испытывают бабушки и деды, не насытившие своего родительского желания, имеющие единственного ребенка. Им бывает мало одного внука или внучки. Они просят молодых подарить еще возможность нянчить, растить малышей. Однако все чаще слышат решительный отказ: их укоряют их собственным примером. Упрек справедливый. И не докажет родитель юным головам свое запоздалое раскаяние, опасение за их собственное благополучие при единственном ребенке.

Степень близости старого и малого нередко прямо пропорциональна разнице в возрасте. Чем дальше на шкале жизни отстоят они друг от друга, тем теснее связь. Может, оттого, что у ребенка все радости и печали складываются из самых простых и естественных впечатлений бытия и у стариков — тоже. И те и другие радуются солнышку и свету, зеленой травке, пробивающей асфальт.

Иное дело — отношение внуков, вошедших в расцвет сил, к теряющему последние силы старому человеку. Тут могут возникнуть и отчуждение, и разлады, и взаимное раздражение. Стариковские бесконечные «почему?», «зачем?» не имеют ничего общего с детскими наивными вопросами. Дитя спрашивает, чтобы знать, «предок» — чтобы укорить, а то и осудить. В самом этом вопросе, почему ты так поступаешь, говоришь, одеваешься, заключен очевидный подтекст: «Почему любишь не то, что мне нравится? Значит, ты предпочитаешь иное, а иное — это дурное».

Пространные объяснения часто ни к чему не приводят: тут говорят два разных поколения, две разные эпохи. Попытки уходить от ответов расцениваются как оскорбление. Постепенно утрачивается нежное взаимопонимание. Хорошо, если сохраняются сочувствие и забота о здоровье и благополучии обеих «сторон». Порой и этого не остается.

Теперь старики все реже бывают главными советчиками для внуков. Молодежь знает столько, сколько иной бабушке, да и дедушке тоже, и мыслью не объять. Есть у внуков другие советчики по всем жизненно важным вопросам, обладающие более широкой эрудицией и абсолютным авторитетом: писатели, ученые-мыслители, наконец, газеты, журналы, телевизор — весь этот могучий арсенал просвещения, который аккумулирует общечеловеческий опыт. Но помимо общих сведений и суждений любому из нас важен опыт, накопленный собственной семьей. В романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» человек, лишенный родовой памяти, превращается в безвольного раба-манкурта. А некоторые нынешние молодые, что не интересуются живой историей семьи, душевными переживаниями стариков, сами обрекают себя на эту долю безответных манкуртов.

У многих современных писателей в чести именно древние старухи, хранительницы семейных преданий, поэзии и морали. Особенно удались они Валентину Распутину в повестях «Последний срок» и «Прощание с Матёрой» и Виктору Астафьеву в «Последнем поклоне». Но ведь надо уметь видеть и слушать сердцем, чтобы разглядеть их нравственное богатство. Увы, не каждому из нас это дано, но всем необходимо к тому стремиться.

Наконец, старики, как и дети, не дают угаснуть в душе людей теплу благодарности, поддерживают способность к самопожертвованию,

культивируют снисходительность и терпимость.

Становясь немощными, как дети, старики стремятся сохранить главенствующие позиции в делах семьи. Это — изначально конфликтная ситуация. Но выходят из нее с достоинством многие доброжелательные и рассудительные люди.

В молодой семье появился малыш. Юная мама только пылинки с него не сдувает. Растит его строго «по науке». А бабушка ей свои советы-рецепты подбрасывает. И все ссылается на опыт многих поколений. Из-за этого бесконечные ссоры-раздоры.

— Что ты ребенка микстурами и таблетками пичкаешь, когда у него простой насморк? Возьми и седи ему в носик несколько капель грудного молока и так — каждое кормление. Молочко и очисти ему носик. Так я делала, когда ты болела, так учила меня моя мама, а ее — прабабушка. И проку было больше, чем от всяких лекарств. По крайней мере, без аллергии росли.

— Еще вспомни, как бабки зубы заговаривали, от сглазу святой водой поили.

— Что мы, в каменном веке живем? — негодовала дочь.

Напряженность смягчил разумный зять. Он попросил жену не отвергать с ходу любой совет матери. Опасности, уж точно, в грудном молоке нет, напротив, это — самое целебное вещество. И, может, ребенку поможет подышать. Если нет, воспользуемся лекарством. А самое главное — не в насморке дело: зачем отталкивать любящие руки бабушки? Над детской кроваткой должен, как говорили в старину, «витать добрый ангел», а не баба-яга с помелом носиться.

— Ну, вот и ты заразился этими присказками-причитаниями моей мамули, — рассмеялась жена. Но послушалась, перестала ввязываться в бессмысленные споры с матерью. А если не могла с ней решительно согласиться, пыталась делом переубедить бабушку. И та, видя, что не из пустого упрямства дочь возра-

жает, что она с ней стала считаться, перестала быть напористо-категоричной. Признала полезным закаливание, сама стала носить ребенка в поликлинику, где его бесстрашно отпускали плавать в бассейне, отчего по первости она чуть в крике не зашла, испугавшись: утопят ее ненаглядного внука легкомысленная девчонка-медсестра и доверившаяся ей дочь.

А вот иная ситуация. Супруги перегружены работой — выше головы. Домой приходят вымотанными до того, что язык уже не ворочается. Хочется тишины и освежающего сочувственного молчания. А свекровь, намолчавшись за целый день верчения по хозяйству, только и ждет их появления, чтобы душу отвести.

— И все-то ее интересует, что творится в мире. Особенно она любит обсуждать международное положение, — рассказывала ее племянница. — Когда я у них появлялась, на меня обрушивался поток жалоб и взаимных обвинений: тетя негодует на их черствость, а брат с женой — на невыносимую многословность матери. Предложила я тете не замыкаться в четырех стенах, почаще выходить в соседний сквер, общаться со сверстниками. Обиделась: что я тебе — бабка со скамейки? О чем мне с ними говорить? Как щи варить? И без них знаю.

Племянница однажды привела ее на стадион в группу «Здоровье». И словно в доме посветлело. Тетя нашла себе подходящую компанию любителей «мировых проблем». Наговорится она всласть, набегается, вот и взрослым детям не досаждают. Теперь уже они с любопытством слушают рассказы матери о ее успехах в спорте. Иной раз вместе выбирают на лыжную прогулку. Старшая женщина у них спорт- и культорганизатором стала.

Все реже под одной крышей живут представители трех, тем более четырех поколений. В городах и в деревнях, в рабочих семьях и среди интеллигенции, в много- и малодетных семьях тенденция общая: жить врозь. Можно сожалеть, вздыхать, но, видимо, есть в такой настроенности свой резон: молодая семья жаждет, как воздуха, самостоятельности. И государство идет ей навстречу, поставив задачу — обеспечить каждую семью отдельным жильем.

Но чем больше расстояние, отделяющее стариков от молодых, тем слабее родственные связи. Уже проверено временем и доказано исследованиями: общение бабушек и дедушек с внуками в больших городах во многом зависит от местожительства тех и других. Если дорога занимает час и больше, то можно с уверенностью говорить, что вся нагрузка в общении ляжет на телефон. Видеться родственники смогут лишь по выходным и торжественным дням или в дни общей беды.

Многие семьи стремятся преодолеть эту «полосу отчуждения», переселяясь поближе друг к другу. Это и почитается нынче за оптимальный вариант отношений между сородичами: жить рядом, но не вместе. Ленинградские архитекторы строят экспериментальные дома для семей, которые хотят жить в тесном соседстве, но

опять-таки самостоятельным хозяйством. Так, возводятся квартиры с двумя кухнями и местами общего пользования (для старшего и младшего поколений). Короче, люди ищут разумное решение возникших сложностей.

Эликсир жизни для любого нормального человека в любом возрасте — сознание своей нужности близким людям, возможность любить и быть любимым. Коли у старого человека есть такое сознание и чувство, можно считать, что судьба к нему добра, даже если иссякли силы и здоровье, если не каждый день и час видит он около себя родные лица и чужая рука подает ему лекарство.

Во время встреч с вашими сверстниками я не раз замечала, что разговоры о детях и стариках меньше всего находили ду~ щевный отклик в аудитории: не наши, мол, это заботы. И приходилось напоминать, что подлинная гуманность общества, семьи или отдельной личности определяется прежде всего отношением к детям и старикам, к самым беззащитным и нуждающимся в помощи нашим сородичам. И для самопознания, для постижения скрытых черт и свойств собственной природы самые точные критерии — сочувствие, добросердечное внимание не только к тем, кто имеет и умеет, но и к тем, кто уже | все отдал.

Приглядитесь, как обращается ваш друг (подружка) со своими «предками», может, и пуд соли не придется вместе съесть, чтобы разглядеть за внешним лоском черствость, эгоизм, а за показной грубостью — заботу о больной бабушке или одиноком деде.

И еще. Попробуйте воспроизвести свое «родовое древо», проследить историю своей семьи. Кого из дедов-прадедов и прабабушек вы хорошо знаете, о ком только слышали? Попробуйте вспомнить: много ли внимания вы уделили старикам и как они отзывались на вашу доброту? Может, еще не поздно вернуть тепло прежних отношений, если они почему-то охладели, согреть сердца бабушек и дедушек искренним интересом. Ведь это люди, давшие жизнь вашим родителям, вынесшие на своих плечах тяжкие испытания войной, разрухой, голодом и аыстоявшие в них.

7

СЕМЕЙНАЯ ЭКОНОМИКА

СИЛА И СЛАБОСТЬ ВЕЩЕЙ

В переводе с греческого слово «экономика» означает — умение вести дом. Дом семейный, «дом» государственный — они и отличаются, и схожи между собой.

...Вы уже поняли: теперь разговор пойдет о вещах, вроде бы лишенных живого чувства, романтики, а потому далеких от восторженной юности, ее бескорыстных мечтаний. Рубли-копейки, счета-расчеты — кому это интересно?

— Да не верьте тем, кто так говорит,— вскричал однажды девятиклассник.— Рубли-копейки нам очень даже важны и интересны. Надоедает клянчить у родителей на кино, пластинки, на дискотеку, на нужную книгу. А сколько нотаций приходится выслушивать из-за просьбы купить какую-нибудь модную вещь. Были бы у нас собственные деньги — меньше было бы поводов для ссор в доме. И родителям полегче стало бы.

Многие одноклассники бурно поддержали это выступление. Рассказывали, как пытались устроиться летом на работу и ничего не вышло: нет паспорта. Да и тем, у кого он был, старались отказать под любым предлогом. Но были в классе и ребята, которые дипломатично помалкивали. Как потом выяснилось, им родительских денег хватало на удовлетворение всех запросов. И особых отказов, запретов на приобретение нужных вещей они не знают. К ним примыкали те, кто приспособился добывать деньги и вещи хитроумным, но незаконным способом: спекуляцией, фарцовкой. Эдакие юные бизнесмены появились в последние годы в некоторых школах: они все имеют, даже с приятелями могут поделиться, отнюдь не бескорыстно.

Оппонировали ребятам, озабоченным своим материальным положением, несколько человек, объявивших, что их забота — не тряпки, магнитофоны, а высокие духовные интересы, добывание знаний.

— Не случайно газеты так много пишут о «вещизме» как о нравственной болезни. Излечиться от нее можно, только перестав вообще обращать внимание на то, кто и во что одет, какие предметы нас окружают.

— И это вам удастся? — не удержалась я.— Вас не волнует красота одних вещей, нелепость других? Кстати, при всей вашей убежденности, одеты вы все вполне современно.

Припомнился такой случай. В одной из школ Москвы регулярно проводились «Дни хлеба». На уроках и после, на концерте, читались стихи, пелись песни и частушки о том, что «хлеб — всему голова», что бросить его — значит совершить злое дело. Я спросила как-то участницу спектакля: знает ли она, как, достается хлеб насущный ее родителям?

— А при чем тут мои родители? Они же не хлебобобы? — удивилась девушка.

— По сути, родители, чем бы они не занимались, для своего дитяти — хлебобобы, потому что добывают ему пропитание. А небрежное отношение к любому продукту, к любой вещи, заработанной честно, сродни святотатству, о котором вы сейчас так выразительно говорили. Это — растрачивание их труда, сил, талантов, надежд.

И тут я снова услышала патетическую речь о «вещизме» и его растлевающем влиянии. Тогда и возникла мысль: несколько отодвинуть разговор про общесемейный бюджет, про доходы и расходы, а в первую очередь обсудить тему, вам, очевидно, более близкую: вещи и их место в системе наших отношений. Взглянуть на проблему с исторической, социальной, психологической, этической и эстетической точек зрения, а еще — проследить превращение естественных и мнимых потребностей друг в друга.

Начну с писем ваших сверстников, с размышлений, вызванных ими.

«Здравствуйте, уважаемые редакторы!

Не знаю, как мне жить дальше. Родители уже давно ничего не покупают из одежды. Учусь в ГПТУ второй год. Мне семнадцать лет. И ничего у меня нет. Никуда поэтому не могу пойти. Мало подруг. У меня есть только одна красная юбка. Старая, мамина. И я в ней везде. Родителей своих я люблю и уважаю, ни в чем им не отказываю, если надо что-то сделать. Подойдешь к маме, попросишь: «Достань мне, пожалуйста, какую-нибудь дорогую модную вещь». А она и слушать не хочет: «Подрастешь, тогда...» Я расту. И по-прежнему не расстаюсь со своей красной юбкой. Горько, обидно. Не понимают меня родители. Девочки из моей группы многие красиво одеваются.

И есть такая пословица: «По одежде встречают, но по ней же и провожают».

Я очень люблю красиво одеться, пойти в кино, на дискотеку, посидеть с какой-нибудь компанией, люблю танцевать. Но со мной никому не интересно. Никому я не нравлюсь. Может быть, в этом виновата моя красная юбка? Как жить дальше? Что делать?

Наташа Л., г. Минск».

Казалось бы, чего проще ответить на такое письмо. Не гонись, мол, за внешней красотью, будь душой богата. Тем более, что пословица говорит совсем иное: по одежде только встречают, провожают по уму. Привести парочку примеров из жизни великих, которые вовсе пренебрегали своей внешностью, но были всеми любимы и почитаемы. Можно вспомнить и собственное военное и послевоенное житье: как на выпускной школьный бал пришли мы в маминых платьях, на живую нитку подогнанных по худеньким девчоночьим фигуркам, в маминых туфлях, в которые я натолкала бумаги и, как в сказке, во время танца потеряла башмачок. Но, честно говоря, не хочется: иное время — иные песни. Тем более, что во все времена отношения человека с его «оболочкой» были совсем не простыми.

Размышляя над письмом Наташи, я то и дело вспоминала давние песни, разного рода истории.

«Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...»

И зачем рыскал по свету за своей красной свиткой гоголевский черт? Будто не мог занять новую...

И что такое носовой платок, подаренный Отелло своей златокудрой подруге, почему его нельзя было подарить другому?

Что с нами делают вещи? Какую власть мы им даем над своей душой и поступками? Вот надевает девочка обыкновенный тренировочный костюм и кеды — и она вся подобралась, напряжинулась, движения ее четки, размеренны. А вот она же, но в модных джинсах и кроссовках. Вроде бы наряд мало чем отличается от спортивного, однако посмотрите, как изменилась ее пластика, взгляд, состояние. Немножко запрокинута голова, взгляд чуть снисходительный, вальяжная походка. Она уже не спортсменка, она — «фирмовая девочка». А это уже совсем иная роль, и ее «зрители» — все прохожие, а главные критики — компания сверстников. Эта же девушка в школьной форме — третье обличье, в выходном платье — четвертое. В халатике — дома, в рабочей робе — на стройке, в белом халате — в больнице... Бесконечные и часто неожиданные для нее самой превращения. И каждый раз, сохраняя главное в своем «я», она все же чувствует и действует по-иному.

Молодость в естественном стремлении испытать, узнать, почувствовать разные состояния какого-то другого возраста, иного стиля, жадна до этих переодеваний-перевоплощений. (Вот почему, по-моему, театр — одно из устойчивых увлечений школьников, Одеть другое платье — словно иную жизнь прожить. Вот почему любимое развлечение — карнавал. И любят его не только дети, но и взрослые, не зачерстневшие душой.)

Скажите, пожалуйста, отчего любой народ, на какой бы ступени развития ни стоял, стремится как-то себя приукрасить, а не просто прикрыть бренное тело от дождя, ветра и холода теплой тканью, шкурой животного, травяными, деревянными или еще какими-нибудь немудреными одежками-обувками? Ведь

сколько выдумки тратится, сил, времени, чтобы соорудить праздничный наряд для гаитянской красавицы, для эвенкийской модницы, для русской крестьянки, для мексиканской невесты... Материалы тут бывают совершенно разные: от гирлянд экзотических южных цветов до шкур оленя и песка, от морской ракушки, речного жемчуга до замысловатой цветной вышивки и кружев. Потребность в таком украшателстве стала причиной появления и развития различных ремесел, искусств. И наоборот, развивающиеся ремесла возбуждали «аппетит», жажду к перемене обличья.

Если таков всеобщий закон, не продиктован ли он самой природой, которой отчего-то это украшателство благоудно? Оглянемся вокруг: чем радуется наш взор вечная природа? Бесконечным разнообразием, чудом расцветок и форм в мире растений и животных. Для чего бы ей этакая расточительность? Тем более, что каждая особь того или иного вида чем-то да отличается от своих собратьев. Да и среди миллиардов людей нет двух, даже однойцевых близнецов, абсолютно похожих друг на друга. Диалектика тут, видимо, заключается в том, что для совместного уживания и выживания нужны как сходство сородичей, так и их различие! Для продолжения рода нужна заметность, привлекательность, которые более всего важны в пору, когда живое готовится к исполнению своего высшего назначения. Самые прекрасные цветы распускают деревья и растения, готовясь к грядущему плодоношению. Лучшие шкурки и оперения «надевают» звери и птицы в пору «жениховства», самые звонкие песни, самые грациозные танцы исполняют они в короткое время брачных игр и турниров.

Люди любят эту буйством красок и звуков. И там, где не оборвалась живая связь человека с природой, жажда пышных и изобретательных уборов воспринимается совершенно спокойно и естественно. Хотя и у нецивилизованных племен существуют свои представления о том, что красиво и достойно, что уродливо и неприлично. Потому что *одеяние, кроме украшения и средства выделиться, изначально служило своего рода социальной анкетой, условным знаком, по которому можно было узнать, кто есть кто*. Свой ли соплеменник или соседский, из дружеского или враждебного рода. Дальше — больше. Из какого сословия: богатого, бедного, военного, крестьянского, господского, рабского и т. д. И эта иерархия существовала тысячелетия, культивировалась, закреплялась в народных песнях и сказаниях, в литературе и искусстве.

Мы все — дети и взрослые — бессознательно стремимся к обновлению и украшению своей внешности. Вот, к примеру, такая сценка, которую каждый из нас может видеть ежедневно. Универсальный магазин: толпа течет, бурлит, выстраиваясь у одного прилавка в долгие, многочасовые очереди, быстренько оглябая другой прилавок. Многие посетители уходят из магазина

без покупки. Спросите: отчего? Ответят: нет того, что искали. А что особенно искать, когда полки ломятся от товаров?

— Но ведь эти фасоны устарели, такие вещи теперь никто не носит...

Значит, нам важна не любая вещь, пусть самая добротная, удобная. Важно не только идет ли нам этот фасон и расцветка, но и то, как оценивается вещь неким общим гласом, именуемым многомерным словом «мода». Это ее требования закладываются в наш мозговой «компьютер», когда мы мгновенно окидываем взглядом ткани, костюмы, пальто, вчера еще привлекательные; но если сегодня они не отвечают критериям моды, говорим недовольно: «Купить нечего!»

Человек — существо общественное по своей природе, отсюда

тяготение к стереотипному поведению, отсюда исходное желание: быть как все. Но одновременно человек стремится не потеряться в толпе себе подобных. Отсюда жажда иметь отличительные признаки — и вещественные в том числе.

Быть не хуже других — программа-минимум, быть лучше других — программа-максимум. Здесь, как и везде, проявляется единство и борьба противоположностей. Гасится эта борьба, снимается ее «напряженка» только тогда, когда осознается и материальное, и символическое значение вещей и они ставятся на свое место. Про людей, которые постигают истинную цену вещей, и говорят, что их «провожают по уму».

А что эта «корь» — веще- и знакомания — затрагивает и выходцев из семей, далеких от сугубо меркантильных интересов, свидетельствуют признания Т. Л. Толстой-Сухотиной. Помните: она рассказывала, как в ней, молоденькой девушке, боролись желания красиво одеться и внушенные отцом мысли — быть выше этих стремлений. Когда она исповедалась отцу о том, что иногда шляпка или платье, как у Фифи Долгорукой, затмевают в ней самые хорошие чувства, пробуждают зависть, Лев Николаевич с мудрым сочувствием утешал дочь: что же, пусть будет по ее, важно, что в голове есть «принципы», а в душе — совесть. Они в конце концов одолеют.

Принципы и совесть. Вот чего, случается, не хватает тем людям, которые проходят искус вещами. И это, кстати, меня больше обеспокоило в письме Наташи, чем ее желание красиво

одеваться, веселиться в компании сверстников. Перечитаем слова, с которыми она обращается к матери: «Достань мне, пожалуйста, какую-нибудь дорогую и модную вещь». Видите, речь идет не просто о замене надоевшей красной юбки чем-то иным, более современным. И не о покупке чего-то в универмаге, и не о том, чтобы вместе с мамой сшить новый наряд, который позволил бы ей быть отмеченной в кругу друзей. «Достань»... А что кроется за этим словом?

«Любимая» и «уважаемая» мама должна рисковать своим материальным благополучием (вещь-то должна быть не только модной, но и дорогой), может быть, даже — честью и свободой. Ведь Наташа точно знает: желаемое на прилавке не лежит. Маме нужно искать окольные пути приобретения модной вещи, связываться со спекулянтами, переплачивать им сверх и без того немалой суммы. То есть совершать действия, считающиеся уголовным преступлением!

Что, Наташа этого не знает в свои семнадцать лет? Сомневаюсь. Значит, не принимает в расчет, чем и как будут оплачиваться ее желания. Может, эта незрелость чувств и сознания и заставляет маму отказывать дочери в естественном стремлении быть «как все» или «не хуже других»? Мы этого не знаем. А потому и не можем рассудить. Но зато вполне можем предсказать: если у Наташи не появится необходимая сознательность в отношении к вещам, то ее, действительно, будут провожать не по уму, но всего лишь по одежке.

А изменить ее ориентацию сможет лишь общение с людьми, чьи интересы шире ее нынешних, кому вещи служат, но кто не позволяет им поработить себя, кто поможет девушке найти занятие, которое заполнит ее ум и душу. Тогда болезнь пройдет, выработается иммунитет к разного рода соблазнам материального мира. Ведь вещи, украшения, развлечения обычно заполняют только пустующее «помещение».

Вот видите, как ни старалась я избежать сентений о том, что богатство души выше золота-серебра, — не смогла. Да и куда денешься от истины. Другое дело, что душевной красоте вовсе не обязательно являться на люди в одной и той же «проклятой красной юбке». Скажу больше: безразличие к вещам — не всегда признак внутренней содержательности. И тому доказательство — еще одно письмо:

«Пишу вам впервые. Мне пятнадцать лет. У меня есть мама, папа, младшая сестра. Но семьи, как у других людей, у нас нет. Каждый живет сам по себе. В 1981 году мы переехали на новую квартиру, где мы сейчас живем. Я ходила к девочкам и видела: родители все время в доме что-то делают: то балкон застеклят, то ванну, то кухню украшают. У нас же ничего со временем не менялось, даже мебель не купили, не то что магнитофона. У нас никогда не отмечают дни рождения и праздники. К нам никто не приходит, и мои родители ни к кому не ездят.

Приходят с работы, поужинали, смотрят телевизор и потом ложатся спать. Все деньги, которые зарабатывают, они стараются растратить на пищу. Они, по-моему, ни о чем не думают, что им и нам надо. Мне кажется, пройдут годы, мы с сестрой станем взрослыми, потом выйдем замуж, а в приданое ничего нет?! И мне так обидно, что у меня такие родители. Иногда я плачу. Называю их неродными. Как же еще можно назвать?

Инна П., г. Киев».

Давайте вместе преодолеем неприятное чувство, возникающее каждый раз, когда дети выставляют на общественное осуждение родителей. Так или иначе, наши семейные дела не остаются тайной для окружения. И мы все имеем на счет родных и знакомых определенное мнение, не всегда восторженное. Поговорим о сути письма.

Уверена, ситуация, вырисовывающаяся из рассказа Инны, не такая уж редкость. В ее семье вещами не интересуются, но и ничем иным — тоже. Живут по принципу: день да ночь — сутки прочь. Лишь бы ничего в доме не происходило. Но ведь когда в доме ничего не происходит, это и есть самая большая беда. Девочка это почувствовала душой, не осознавая, быть может, неокрепшим умом. Отсюда первые ее слова: у нас нет семьи, каждый живет сам по себе. А доказательства она приводит те, что бьют в глаза: неустроенность быта, отсутствие связей с окружающими, беспечность относительно будущего дочерей, их «приданого». В этом случае устаревшее слово, видимо, придется понимать фигурально: никакого добра, ни материального, ни духовного, дети из отчего дома не вынесут во взрослую жизнь. Прежде всего — умения жить семьей, единими интересами.

Личность человеческая формируется, совершенствуется в деятельности, а деятельность, в свою очередь, пробуждается и направляется желаниями. Если человек ничего не желает, он как будто и не живет, действует лишь как автомат. И в самом его существовании есть что-то противоестественное, механическое.

Инна П., видимо, ощущает в невнимании родителей к их общему очагу безразличие лично к ней и ее сестренке. Ведь слова «быт» и «быть» не случайно одного корня, слова-родичи. Возникает ощущение сиротства (мама, папа «неродные», как пишет Инна П.) при живых родителях.

Недавно, встречаясь со школьниками, попросила их ответить, что для них неприятней, мучительней: хмурый взгляд незнакомого человека в автобусе, пусть незаслуженно недоброжелательный, или же бесстрастное разглядывание, а то еще полное игнорирование, взгляд как сквозь стекло. Ребята, все до одного, ответили: взгляд словно сквозь стекло. Человек может перетерпеть несправедливость, обиду, боль. Ему невыносима собственная ненужность другому, безразличие к себе.

Ребята очень толково обсуждали, как нелепа «дружба» по

вещному признаку: с этим я, мол, дружу, потому что он модно одет, а с этим — нет, он одет хуже. Но...

— А в жизни все равно водятся прежде всего с теми, у кого одежда самая-самая, жвачка заграничная, ярлыки особенные,— с горечью заметила девочка, страдающая из-за невнимания к ней сверстников совсем так, как семнадцатилетняя Наташа.

— Девчонки — известные тряпичницы,— высокомерно заметил один мальчик, сводя таким образом проблему к свойствам женского пола. Да и мы тут все время вели разговор, оперируя примерами из жизни девушек и женщин. Но ведь это несправедливо. Иные юноши ради того, чтобы заполучить джинсы, шли даже на преступление: кражу. А многие из тех, кто ничего предосудительного делать не станет, нередко досаждают родителям просьбами купить им модные штаны. И будут бороться, как за свое высшее достоинство, за право носить прическу, которая ныне считается супермодной. Это — во-первых.

А во-вторых, скажите по совести, ради кого все эти муки и страдания девочек? Ради них, мальчиков, которые очень падки на все яркое, блестящее, выделяющееся из толпы, хоть и не признаются в этом. Откуда страх у Инны из-за «приданого»? Значит, у нее в подсознании заложена уверенность: грядущий избранник не будет равнодушным к тому, во что она одета.

Хороша я, хороша,
Да плохо одета.
Никто замуж не берет
Девушку за это.

Это ведь в народной песне поется. А песня отражает не частный случай, но житейскую практику.

— Какая пошлость, какое мещанство! — воскликнет иной просвещенный читатель.— Когда это было? При царе Горохе?

Да нет же. Не так давно довелось выслушать признание молодого мужчины, жаловавшегося на неудачу во втором браке.

— Попался, как мальчишка, как уклейка на мотыля. Разочаровался в первой жене, по сути в первой своей любви, сравнивая ее со своими сослуживцами. Видел-то ее только утром — после сна да вечером, после работы. И вечно она неприбранная, запыхавшаяся, какая-то бесцветная. А на службе женщины — все как наподбор. Хоть в манекенщицы: модные платья, маникюры, прически. Точила мысль: неудачно я женился.

А тут наши общественные организации развернули общественно-массовую работу. Коллективные выезды за город, спортивные состязания. Гляжу: как эффектно выглядит в спортивном костюме моя коллега, какая стройная и ладная у нее фигурка. И все — голову потерял. Очнулся — в чужой квартире, на чужом диване, перед чужим телевизором. Прошло всего полгода, как мы поженились. Глядь: передо мной знакомое лицо — без косметики и прически, в бигудях, фигура, обезображенная халатом.

Вот что писал без малого два тысячелетия назад тонкий знаток человеческой психологии, древнеримский поэт Овидий Назон:

Что нас пленяет? Убор и наряд, позолота,
каменья,
Женщина в зрелище их — самая малая часть. Впору бывает
спросить, а что ты, собственно,
любишь? Так
нам отводит глаза видом богатства Амур.

Тяготение к вещам как ярлыкам и знакам социального отличия — особенность по преимуществу мужская. Если женщины в предметах и вещах всегда ценили прежде всего их утилитарное назначение и красоту, то мужчинам вещи служили еще и средством обозначения их происхождения, положения на общественной лестнице. Им в первую очередь нужно было отличить своего соплеменника от чужого, на поле боя — соратника от врага.

Давайте вспомним такой исторический факт. Реформы Петра I в России вызвали противоречивые настроения в разных слоях общества. Но была одна, которой противились и бояре, и купцы, и крестьяне: требование царя сбрить бороды, остричь волосы и изменить покрой одежды на иноземный манер. И царь без пощады наказывал упрямец или облагал их разорительной данью. Даже головы летели с плеч! Значит, почему-то и для Петра внешний вид людей был чрезвычайно важен. Хотя, казалось бы, какая разница: с бородой мужчина или брит, в кафтане или зипуне, лишь бы служил пользе отечества? Ведь сам-то царь не очень строго придерживался «политесу». Но нет. Царь хотел породнить Россию с Европой, а для этого нужно было доказать, что москвиты «свои», хотя бы по внешности. Прежде в России по одежде узнавалась степень сановитости. Знатным и оказывалось почтение. Заморские же одежды указывали только на кошелек владельца, а не на его род.

Борьба царя и его супротивников шла не только за покрой одежды и прическу, но и за определенный уклад жизни. Надо сказать, что тогдашние дамы приняли перемены в одежде и быстрее и легче. Еще одно доказательство того, что мужчины очень щепетильны в отношении знаков социального отличия.

Знаменательна реакция русского общества на желание Льва Толстого ходить в простой полотняной одежде, босиком или в сапогах собственного изготовления, есть простую пищу, пахать землю. Какую бучу вызвала эта «причуда» знаменитого писателя у имущих! Хотя миллионы россиян одевались так, как граф Толстой на портрете И. Репина, никого это не волновало и не шокировало. Но как можно смешать образ жизни разных социальных слоев?! Это же самая настоящая революция!

Теперь-то мы знаем, что писатель действительно ратовал за физически здоровый режим и нравственно чистый образ жизни

простых тружеников. Ведь и понятие здоровья — тоже категория социально значимая. Одно дело сохраненное своим трудом и собственным благочестием, а другое — врачебным уходом, усилиями прислуги, лечением на водах и другими средствами, опять же даруемыми имущественным превосходством. Получается, что человек, зараженный имущественно-кастовыми предрассудками, готов отвернуться от всего, что ему в пользу, лишь бы не уподобиться своему собрату, стоящему на нижней ступени социальной лестницы.

С этой позиции становится понятным гневное беспокойство российской верхушки: если имущие в быту будут жить точно так, как неимущие, то зачем все их преимущества — все эти звания, чины, деньги и ценности? А без них немислимо утверждать свою власть над низшим сословием.

С развитием могучей промышленности, международных связей, с изменением социальных условий одежда людей несет все меньше каких-то особых отличительных признаков. Иной раз смотришь по телевизору на уличную толпу и не сразу поймешь не только социальную принадлежность прохожих, но даже из какой страны ведется передача. И эта «одинаковость» очень сказывается на психологическом самочувствии взрослого человека. Все труднее ему остановить на себе взгляд толпы. А подростку-то и подавно! Вот и цепляются некоторые из вас за всякого рода экзотические приметы: то заплатки на крепкую одежду нашьют, то обвешаются значками, то брюки расширят до того, что метут мостовую, то сузят до предела. И ведь порой расплачиваются за свои «игры» здоровьем: жесткие и сверхузкие джинсы не одного молодого человека привели к трагедии бесплодия (это доказанный факт). Хорошо, что им на смену пришла одежда, не сковывающая тело. Только надолго ли? Мода возвращается все быстрее.

Так что придется признать: не исключительно это женское и современное свойство — пристрастие к вещам. А впрочем, чего нам считаться? Мы все: мужчины и женщины, юные и старые — живем и действуем как сообщающиеся сосуды. Нам вместе и искать разумную меру потребления того потока вещей, которым заполняет наш рынок промышленность, развивающееся ремесло.

Попробуйте провести такое исследование, лично сами или всем классом, как надумаете. Извлеките из шкафов, из чуланов, с антресолей вещи, которые еще недавно были предметами страстных вожделений: ваших ли, старших братьев-и сестер или родителей. Устройте их смотр. Можно дополнить экспозицию фотографиями из семейного альбома, где в одежде прошлых лет запечатлены ваши родичи старшего поколения.

Вглядитесь в вещи, которые периодически провозглашались эталонами красоты, совершенства, были «самыми-самыми». Оцените: стоили ли они пролитых слез, мук зависти и отчаяния? В конце концов всех и различий-то: шире — уже, длиннее —

короче, в обтяжку — свободно, косо — прямо, пестро — гладко... Подивитесь способности человеческого **ума** к самообману: ведь вчера самыми красивыми и желанными казались сапоги на высоком каблучке, потом — на низком, на тонком — на широком, с высоким голенищем — с укороченным. Устройте «вселенский суд» вещам — с прокурором, адвокатами, с присяжными заседателями. Посмейтесь над засильем тряпок. I Что осмеяно — не страшно.

ПОТРЕБНОСТИ ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ИСКУССТВЕННЫЕ

Однако, веселясь, не будем тешить себя несбыточными надеждами на абсолютную свободу от вещей.

«...Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д. ...» — писал Ф. Энгельс. (*Маркс К-, Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 350.*) В этом высказывании в четкой последовательности обозначены материальные и духовные потребности: первичные (которые обеспечивают людям возможность земного существования) и вторичные («высшие») потребности: в труде, творчестве, в любви, уважении сограждан, в самореализации. (Насколько подобные разделения условны, мы с вами увидим немного позже.)

Потребности в еде, одежде, жилье, безопасности, продолжении рода называются витальными, т. е. жизненными, от латинского слова «вита» (жизнь). Иначе их еще называют естественными. А вот способы их удовлетворения и все возрастающие масштабы могут быть разумными или неразумными, искусственными и даже извращенными, вызванными не насущными нуждами, а исключительно соображениями самолюбия: вот этим самым — чтобы «как у всех», «не хуже других», «лучше других».

Голод. Он удовлетворяется пищей простой, незамысловатой, не требующей особых ухищрений с приготовлением, сложной и дорогостоящей сервировки. Аппетит — уже совсем иное дело: он требует порядка, искусства, разнообразия. Есть еще и гурманство, т. е. особое пристрастие к еде. Тут еда становится культом, ей подчиняются все прочие желания. Иногда такое пристрастие оборачивается болезнью — обжорством, с полным нарушением и физических процессов, и моральных установок. Своего рода наркомания. Бывали случаи, когда аристократы «проедали» целые состояния.

О питье — речь та же. Естественную жажду утолить проще простого: ладошка, подставленная под струю ручья,— вот и «посуда», вот и отрада. В деревне — колодец, ковш, самовар и чашка. В городе — стакан и водопровод. Затем — чайник и заварка: то ли из замороженных трав, то ли из заморского чая. Или домашний квас, морс, сок... Дальше все — как с едой. Потребности возрастают, а с ними расходы: самые разнообразные

напитки, кофе, шипучие, крашеные лимонады, «колы», тоники. Появляются неестественные, привитые человеку дурными примерами потребности в алкогольном питье, отравляющем организм, разрушающем ум и личность.

Одежда-обувь. Мы уже говорили об их двойственном назначении в нашей жизни. Впрочем, так же как и других предметов обихода, домов, машин, произведений искусства и т. п. Все они нередко из средств нашего существования превращаются в самоцель и поработают человека.

Цель, которую преследуем мы, потребляя тот или иной продукт, придает ему истинную цену и значение. Возьмем для примера утоление голода. Пока человек утоляет его без оглядки на «приличия» и чужие установки, он удовлетворяет витальные потребности своего организма. Как только он начинает действовать «по правилам», все равно по каким — разумным или не очень, он выходит за пределы естественных потребностей. Когда человек садится за стол и, придирчиво осматривая сервировку, прикидывает: есть ли у него такие же блюда и напитки, какие он вчера отведал у соседа, он прежде всего утоляет голод своего тщеславия.

Но вот голодный делится последним куском хлеба с собратом по несчастью. Что здесь важнее: крохи пищи или душевная щедрость?

То же самое можно сказать и о так называемых «высших» потребностях. Ведь и чтение книг бывает всего лишь физиологическим процессом: многие еще читают, чтобы развлечь свою скучающую лень, чтобы скорее уснуть. А то — боятся осуждения коллег в «отсталости». Иные приобретают книги, картины, пластинки, чтобы выгодно поместить деньги. Можно ли в таком случае говорить о духовности и высшей природе подобных потребностей?

Выходит, низкими или высокими, без кавычек, витальными по человеческой сути, физиологическими и одухотворенными наши потребности становятся не сами по себе, но прежде всего в зависимости от желаний и предпочтений.

Развитие человеческих потребностей идет от простых, здоровых ко все более усложненным, порой даже искусственным. В индустриальных странах люди все дальше уходят от необходимых продуктов и вещей к избыточным и престижным, «знаковым». Происходит это в согласовании с развитием человека.

У первобытных людей регулятором их желаний выступала природа, как и у животных. Она учила своих детей: *не бери больше, чем надо для поддержания жизни, в другой раз не получишь и необходимого.* Будешь переедать — зверя не догонишь или сам от него не убежишь. Будешь голодать — то же самое. Не запасешься едой впрок — помрешь в пору непогоды и бескормицы. Пока все блага доставались человеку с помощью собственной силы, ловкости, сообразительности, люди жили

по законам, так сказать, экологической справедливости и целесообразности. Законы эти закреплялись в нравственных принципах, характерных для жителей данного региона. К примеру, для обитателей мест, где природа щедра и благодатна, где можно без особых усилий добыть себе пропитание, не было нужды в развитии особой бережливости, не было надобности городить и сложное хозяйство, создавать особую утварь, строить фундаментальные жилища. В таких регионах медленнее развивалось производство вещей и технической оснастки, которые остро необходимы в краях с более суровыми климатическими условиями. У народов северных зон, в особенности там, где каждый клочок земли поливается потом и кровью земледельца, отношение к земным плодам, естественно, было иным, чем в странах, где финики и бананы сами падали в рот. Оттого северяне бываю более бережливыми, запасливыми, расчетливыми, но и более хваткими, инициативными в добывании средств существования.

Отношение к материальным ценностям определялось и плотностью населения, размерами жизненного пространства. Скажем, в тундре, тайге, пустыне, в труднодоступных горных местностях, в глухих деревнях, где встреча с чужим человеком счастливая (или опасная) редкость, гость — священная личность. Ему — все: тепло, почет, лучший кусок, дорогой подарок.

С появлением городов появилась и иная установка. Здесь, как говорится, каждого стучащего в твою дверь не ублажишь.

Вам не в новость слышать разговоры об особенностях быта у разных народов: одни отличаются щедрым гостеприимством, другие — более прижимисты. Некоторые с охотой высмеивают собственную скупость, как, к примеру, иронизируют на свой счет финны и болгары (жители города Габрово). Традиционное отношение к материальным ценностям сказывается на всем жизненном укладе и не может не влиять на характер подрастающего поколения, даже если это поколение в школах, в кино, книгах встречается с совершенно иными суждениями, чем дома. Нередко в городской семье поэтому царят деревенские порядки, если старшие недавно покинули сельские края. И восточные традиции сохраняются в семьях, переселившихся в западные регионы, и т. д.

Правда, если проанализировать наиболее распространенные принципы, укоренившиеся в сознании и поведении людей разных народов, то можно обнаружить нечто их объединяющее. Моральные заповеди, повелевающие добывать хлеб свой в поте лица своего, не красть чужого, не завидовать неправедному богатству, помогать ближнему своему, можно встретить во многих сказках, мифах, песнях южан и северян, жителей западного и восточного полушарий. Жадность, хвастовство богатством — самые страшные пороки, которые всегда посрамляются и наказываются в сказках. Имущий в народном представлении всегда хуже, глупей умеющего, но бедного, хотя именно богач стал на тысяче-

летия хозяином положения. Умеющий — соавтор природы, ее поверенный, ему служат солнце, ветер и вода, звери и птицы, вещи и машины.

Труженику всегда известна подлинная стоимость продукта, товара, как они достаются их создателям, насколько от них зависит жизненное благополучие людей.

Крестьянская семья в России, например, обычно к еде относилась как к священнодействию: был свой торжественный ритуал, с которым домочадцы принимались за трапезу. Каких только ласковых названий не давал народ хлебу насущному, добрых прозвищ кормилицам — коровам, курам-несушкам. Точно так же труженики относились к своему дому и ко всякой утвари: ничего зря не бросали, не ломали — берегли.

Однако... народ же исповедовал и вроде бы противоположную истину: «Не хлебом единым жив человек». И не щадили живота своего, не то что имущества, когда приходила общая беда. Ради свободы, чести, верности идее не раз жертвовали всем достоянием, накопленным тяжкими усилиями. Многочисленные примеры этому найдутся в истории любого народа.

Кроме высших духовных потребностей людям всегда были ведомы и простые житейские радости, которые дают рукотворная красота труда, общение с родичами и друзьями. И нередко получалось так, что утоление естественных потребностей облекалось в праздничную форму, становилось фактом искусства. К примеру, народ каждое трудовое действие сопровождал играми, торжествами, будь то начало или завершение сева, жатвы, сенокоса или возведение новой избы, забивание скота или, напротив, приобретение буренки. Всякий праздник имел свое «вещественное» и «пищевое» воплощение.

Надо признать, что искусство вообще родилось и выросло на трудовой и хозяйственной основе. Вслушайтесь в песни своего народа — в них то и дело встречается перечень полевых работ, беседы с домашними животными, с полем и лесом. Вглядитесь в национальные танцы, и вы увидите, насколько они повторяют многие рабочие движения и ритмы; на охоте и на пашне, за прялкой и шитьем. Первыми художниками, скульпторами, архитекторами были неизвестные строители и украшатели жилых домов и всей их утвари.

Потребность в духовной пище, в этих нематериальных ценностях такая ове врожденная и неистребимая в человеке, как и потребность в удовлетворении телесного голода. И определенное время их никто не разделял, как неразделен был создатель и потребитель — простой труженик.

Постепенное, все возрастающее разделение труда развело по разные стороны создателей и потребителей, породило отдельные отрасли промышленности, сельского хозяйства, науки, искусства. Л в этих отраслях произошло дальнейшее дробление обязанностей. Любое производство, кроме кустарного, нынче расчленено на

множество процессов, которыми занимаются сотни и тысячи людей, порой друг друга и в лицо не знающих. Несомненным благом является то, что с этим разделением несоизмеримо возросли коллективное мастерство и производительность труда во всех сферах нашей жизни. То, что не под силу было самому расторопному кустарю, стало под силу артельному, фабричному, заводскому объединению. Промышленное производство сделало товары, некогда считавшиеся предметами роскоши, общедоступными. Таких ванн комнат, которыми нынче оборудованы самые обычные городские квартиры, не было у дворян и бояр, даже у принцессы Цербстской, то бишь Екатерины Великой.

Вот как воспринимали эволюцию потребностей философы-просветители: они считали, что человек, самой природой созданный таким образом, что не может останавливаться в своей деятельности, в любознательности, в стремлении к новизне, удовлетворив естественные потребности, бывает вскоре вынужден создавать себе совершенно новые потребности, или, вернее, его воображение делает старые потребности более утонченными. Естественные потребности неизбежно заменяются потребностями, которые мы называем мнимыми или условными; последние становятся столь же необходимыми для нашего счастья, как и первые.

Марксистская философия вскрыла нерасторжимую зависимость потребностей личности от общественного развития, и прежде всего от развития общественного производства. И действительно, мы можем получить в собственное распоряжение только такие вещи, услуги, которые люди научились создавать. К примеру, что проку было бы далеким нашим предкам испытывать потребность в горячем супе, вареных овощах, коли еще не были открыты и созданы огнеупорные материалы, в которых и стало возможным варить разнообразную пищу. Да они, наверное, и не испытывали подобной потребности. Скорее, она и возникла лишь после того, как были открыты новые материалы, появилось искусство изготовления посуды.

Сейчас уже трудно определить, что рождалось прежде: потребность в вещах или производство их, которое нередко «провоцировало» потребность.

Все, что мы создаем и потребляем, марксисты называют «овеществленными отношениями» человека к природе, к другим людям и к самому себе. Оттого в нашем разговоре об экономике превалируют не цифры, а цели, мотивы, т. е. категории этические и психологические. А экономические законы, действующие на пространственных площадях страны и на крохотном плацдарме семейной жилплощади, проявляют себя сходно. Один из главных — закон постоянного возвышения потребностей.

— Но разве возможно удовлетворить все потребности человека, если они не имеют границ и меры? Кто и каким образом может их теперь регулировать?

В социалистическом обществе таким регулятором выступает

закон обязательного участия всех граждан в общественно полезном труде. «Кто не работает, тот не ест», «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Это значит, что наши потребности могут удовлетворяться в зависимости от того, как мы трудимся на общую пользу.

Правда, при социализме сохраняется различие в характере труда и в том, как он вознаграждается. Критерием здесь служит признаваемая государством общественная надобность данной работы и степень мастерства ее исполнителя. Однако и при равных заработках характер потребностей и способ их удовлетворения нередко различаются самым решительным образом. Вот тут и проявляется личность со всеми своими врожденными и воспитанными свойствами.

Рассмотрим несколько наиболее типичных вариантов семейной экономики. Прежде всего — наиболее распространенный, связанный с народными традициями. Все доходы зарабатываются честным, добросовестным трудом. Цель его — обеспечить себя и семью всем необходимым для жизни и реализовать свое профессиональное умение. За лишним рублем в такой семье не гонятся, но и от заслуженной премии не отказываются. К дому, ко всему, что в нем есть ценного, относятся бережливо, но не коленопреклоненно. Нет погони за эффектными безделушками, вещи предпочитают долгосрочные, надежные, чтобы служили честно. Члены такого семейства, как правило, составляют прочный костяк и трудового коллектива, и родственного клана. Они трудятся, чтобы жить достойно, и живут достойно, чтобы трудом своим украсить жизнь.

Именно на них держится благополучие — и материальное, и моральное — любой нации, они — словно земля, из которой произрастают и хлеб, и простые ромашки, и разные экзотические цветы. До той поры, пока масса тружеников держится разумной и честной установки, у народа есть свет впереди, как бы ни были тяжки данные времена. Но если разрушить этот плодоносящий слой, развратить его жадностью, своекорыстием, суетной погоней за призрачными ценностями, тогда и все общество обречено на крушение.

Есть и другой вариант ведения домашнего хозяйства, в котором переплетены сложные отношения к собственному труду и к плодам труда чужого. Это встречается в семьях, тяготеющих к науке, искусству. Дом и все заботы, с ним связанные, имеют подчиненное значение: они лишь средства для осуществления больших жизненных планов. Дело требует воздержания, скромности, даже аскетизма — пожалуйста, готовы. Палатка для жилья во время экспедиций, консервы, зуд комариный вместо соловьев — нет проблем. Точно так же не смущает переодевание в модный костюм из спецовки для какого-нибудь торжества, общественного собрания. Не вызывают особых эмоций роскошные апартаменты гостиниц, уютные кабинеты в собственных квартирах и даже кофе

в постель. Все возможно и приемлемо, поскольку — не самое главное. Лишь бы не мешало, не отрывало от любимой работы.

Третья жизненная установка: прожить в свое удовольствие. Значит, и работа, и домашние условия будут оцениваться именно по этой шкале. Все, что приносит пользу — удобства, комфорт, важно и желанно: то ли успех на службе, то ли красивая вещь, вкусная пища, даже... книга, как знак благополучия. Зато трудности, необходимость самоограничения воспринимаются как беда, переживаются тяжело. Терпеть их можно только в надежде на скорую и полную компенсацию: новым назначением, квартирой, машиной и прочими благами.

Четвертая ситуация: семья, у которой главная жизненная цель — накопить побольше денег и дорогих вещей, чтобы чувствовать свои преимущества перед другими. Ради этого можно свои сегодняшние нужды и желания завязать в тугой узел. А то и увеличивать домашнюю мощь за счет сторонних приработков, не всегда достойных и чистых. Работа оценивается исключительно «приваром», домочадцы — своим вкладом или расходом. Про эту «экономику» можно сказать, что она самая расточительная при вечной скарденности. Но именно такие потребности не знают насыщения. В русском народе про такую страсть обычно говорят: прорва! Что ни дай, ни получи — все мало. Утрачивается вкус истинных человеческих ценностей: любви, дружбы, заботы друг о друге. Все закрывают собой вещи и деньги. Они — кумиры. Именно такую жизненную установку именуют мещанством, которое определяется не вещами, но только отношением к ним. К сожалению, с ростом общего благосостояния заметно возросло количество семей этой категории. „

А может быть установка прямо противоположная этой. Все материальные интересы сведены к минимуму, нет и честолюбивых стремлений. Люди хотят прожить тихо, скромно, в любви, согласии, внимании друг к другу. И работа, и хозяйство воспринимаются как средства для вот такого независимого, достойного, честного, но несколько отстраненного существования.

Бывает «богемная» семья. Тогда в доме будет шум и гам, дым коромыслом, дорогие книги, украшения, цветы и картины, обильные застолья в праздники и сухомытка в будни, самые-самые эффектные, ни на что привычное не похожие, но порой бесполезные вещи.

И наконец — семейство, вовсе лишенное какого бы то ни было собственного взгляда на вещи и жизнь. Его позиция, если только здесь применимо такое слово, диктуется модой, подражанием тем, кто впереди, кто на виду. И не важно, чем достигается это первенство и преимущество. В таком семействе и работу, и домашний быт будет трясти и лихорадить вечная погоня за очередным кумиром. Модно быть физиком — будут жилы тянуть, чтобы «приобщиться», стать физиком при явных способностях, скажем, к биологии, и наоборот. Модно ходить в отрепье —

будут платить за чужие обноски бешеные деньги, отказывая себе в самом необходимом. Модно отращивать волосы — перестанут стричься, когда изменится пристрастие — обречены наголо. И так в суете протянут всю жизнь. Впрочем, зачем мы перечисляем возможные варианты подобных превращений? Достаточно вспомнить знаменитую Эллочку-людоедку из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» — и образ готов.

В абсолютно чистом виде подобные ситуации встречаются не так уж и часто. Гораздо чаще — смешанные типы семейств и их жизненных экономических позиций. Более того, при внимательном анализе возникает такое впечатление, что есть и некая возрастная закономерность в том, как люди ведут свои домашние дела. Подражание, свойственное, как известно, по преимуществу подростковому возрасту, наиболее распространено в семьях с малым супружеским стажем (семья-подросток). И это естественно: свой стиль еще не выработался, а стиль родителей повторять не хочется. Вот и пробуют то один, то другой вариант бытия.

И богемные замашки — возрастная болезнь молодой семьи. В пору же, когда упрочены позиции в служебных делах и в домашнем быту, начинают появляться настроения, которые можно было бы назвать эпикурейскими: желанными становятся развлечения и удовольствия. Позднее потихоньку крен делается в сторону профессиональных достижений и интересов, бытовые проблемы отходят на задний план. Когда намечается спад трудовой энергии, все больше хочется тишины, душевного тепла и уюта. И наконец, когда все земные страсти испробованы, испытаны, некоторые люди, особенно пожилые и одинокие, в ценных вещах и накопленных деньгах находят замену живым радостям и отношениям. Недаром скупость в воображении художников накрепко связана со старостью физической и оскудением душевным.

Молодость, зрелость и т. д. — понятия относительные, мы с вами уже обсуждали это. Теперь нам важно помнить: всякому овощу — свое время. Когда семья до скончания дней гоняется за призраками моды, это значит — она так и не вышла из подросткового состояния, осталась духовно незрелой, несмотря на возраст домочадцев. Когда семья, только-только возникшая, все оценивает в рублях-копейках, значит, сошлись старички, даже если по паспорту молодоженам двадцать лет.

Подвижность наших натур может существенно влиять и на характер ведения семейной экономики. Сложилась у вас, к примеру, полезная и достойная привычка бережливого отношения к плодам собственного и чужого труда — к вещам и деньгам. Однако незаметно для вас самих бережливость перерастает в скопидомство, скарденность. И вот уже добродетельная черта «перевернулась» в свою противоположность — в серьезный моральный дефект. Точно так же широта души, бескорыстие могут обернуться бездумным мотовством, которое иных приводит к унижительному положению вечных должников.

Значит, необходимо запастись впрок молчалинскими добродетелями — «умеренностью и аккуратностью»?

Умеренность — добродетель, утверждавшаяся всеми знатоками человеческой природы и общественного устройства. Однако не в молчалинском понимании ограниченности, определяемо?! социальным положением. «В чинах мы небольших» — вот истинный мотив его скромности. А уж когда такой деятель доберется до больших чинов, он сбросит, как поношенный сюртук, всякую скромность и развернется во всю ширь.

Подлинная нравственная воздержанность и умеренность предполагает самоограничение тех, кто имеет большие возможности удовлетворить свои потребности, но сознательно ограничивает себя в целях собственного физического здоровья и в целях справедливости, заботы о ближних и дальних людях. Потому что известно: *если ты берешь себе с избытком, значит, у кого-то не будет и необходимого.*

Повторим: личность, ее природные и воспитанные установки определяют в конце концов, будет ли семейная экономика целенаправленной или хаотичной, расточительной или бережливой, скопидомной или аскетичной, помогающей человеку развиваться или закрепощающей его в тисках материальных забот. «Хочу, могу, должен» — какое содержание мы вкладываем в понятие личности, таково будет и наше отношение к доходам и расходам. Насколько наше «хочу» соотносится с «могу» и «должен», настолько мы сами будем удовлетворены тем, как ведется наше домашнее хозяйство.

Потребности естественные и мнимые. Предлагаем составить реестр собственных насущных потребностей и «вычислить»: без чего вы можете обойтись безболезненно, а что нужно позарез. При этом может случиться, что ваши сокровенные желания покажутся кому-то мнимыми. Не смущайтесь: на вкус, на цвет товарищей нет. Как нет их на разнообразные интересы, увлечения. Один поэт высказал такой парадокс: без необходимого он проживет, а вот без лишнего — никак, имея в виду расхожее мнение о пользе тех или иных вещей, которое не совпадает с его пристрастиями.

Однако есть такие потребности, удовлетворение которых связано с нарушением законов, юридических или нравственных норм. Вспомните: есть ли в вашем классе, в компании сверстники, взрослые люди, «прирабатывающие» перепродажей дефицитных вещей, пластинок, книг и журналов с непристойным содержанием, платной демонстрацией запрещенных фильмов? Пользуетесь ли вы их «услугами»? Знаете ли вы, что и продавец, и покупатель в таком случае совершают преступление, караемое законом со всей строгостью? Если не пользуетесь, то считаете ли это занятие предосудительным и

выражаете ли осуждение открыто или занимаете позицию невмешательства?

Приведите еще примеры антисоциальных и аморальных потребностей, которых следует избегать самим и помогать освобождаться от их власти другим.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ

«По одежке протягивай ножки», — завещали нам мудрые предки. И к этой фразе сводится главная формула рационального ведения хозяйства. «Одежку», как уже говорилось выше, определяет наша зарплата. А теперь еще — доходы от индивидуальной и кооперативной деятельности.

Как лучше вести семейное дело? Здесь нам не обойтись без цифири. Естественно, что оперировать придется статистическими усредненными данными. Обратимся за этими сведениями к специалисту, доктору экономических наук Б. В. Ракитскому, выпустившему очень интересную и поучительную книгу, которая так и называется: «Стратегия благосостояния».

Нас интересует: какими возможностями располагает средняя советская семья? Экономист говорит, что важнейшими при формировании материальных условий жизни семьи являются два фактора: уровень доходов и состав семьи. Разное соотношение в семье работающих и иждивенцев (детей, инвалидов, пенсионеров с небольшой пенсией) решительно сказывается на «подушном» доходе. Вот как это выглядит на примере: в одной семье взрослые получают довольно солидную зарплату, скажем, по 200 рублей папа и мама. Но в семье пять детей и бабушка, получающая маленькую пенсию. А в другой семье родители получают по 120—150 рублей в месяц, но у них на иждивении один ребенок. Простой подсчет обнаруживает, что в первой семье на каждого члена придется по 50 рублей, а во второй — по 90 рублей. Таким образом, ниже оплачиваемые работники могут оказаться более обеспеченными, чем выше оплачиваемые.

«В любом обществе существует понятие высокой, средней и малой обеспеченности семей, а соответственно — высоких, средних и низких доходов в расчете на одного человека. Понятно, что со временем, по мере повышения уровня жизни, происходит повышение критериев каждой из таких групп, так что сегодняшний средний уровень обеспеченности — это вчерашний высокий и завтрашний низкий. Это значит, что одна и та же зарплата в разное время дает нам возможность по-разному вести свое хозяйство», — пишет Б. В. Ракитский и приводит динамику роста благосостояния советской семьи за последние два десятилетия.

За период с 1966 г. по 80-е годы денежные доходы населения удвоились. К примеру, нынче около половины семей в нашей стране имеют средний доход на каждого члена 100 и больше рублей.

А еще в 1965 г. таких насчитывалось всего около 4%. Малообеспеченными нынче считаются те, у кого доход исчисляется в 70 и менее рублей на домохозяина. Их число сократилось примерно в три раза и имеет заметную тенденцию к дальнейшему снижению. Экономист предсказывает, что к концу столетия средним будет считаться доход в 200 рублей на каждого члена семьи. Пока такой достаток имеет меньшая доля населения страны.

Существенно меняются и наши расходы. На продукты питания мы теперь тратим в сумме больше, чем прежде, но в процентном отношении меньше, чем несколько лет назад. Понятно, почему? Заработная плата неукоснительно возрастает, а государственные цены на большинство продуктов растут медленнее доходов. Суммарно увеличиваются расходы на продукты еще и из-за того, что меняется их состав: сокращается потребление дешевых и менее калорийных продуктов, вроде хлеба и картофеля, которые раньше в России потреблялись в большом количестве. Растет в нашем рационе доля более дорогостоящих и более калорийных продуктов: мяса, рыбы, масла, яиц, колбас, молока, а также овощей и фруктов.

В среднем наша семья тратит на питание от трети до половины всех доходов. Приблизительно такая же доля приходится на промышленные товары. В сумме — около 80% бюджета. (В США средняя семья имеет возможность тратить на покупки не более 40% дохода. Остальную часть поглощают налоги, взносы в кассы социального страхования, плата за лечение и обучение детей, за квартиру и другие расходы.) И в количестве, и в качестве расходов у нас происходят заметные перемены. Все больше приобретаем мы предметов долгосрочного пользования (а значит, более дорогие): холодильников, телевизоров, мотоциклов и автомашин, мебельных гарнитуров, ковров, мехов и т. п. Чаше меняется одежда, обувь, все больше внимания уделяется современным моделям, а не лишь бы ноги да тело были укрыты, как это еще было совсем недавно.

Сельские жители стали такими же активными потребителями промышленных, да и многих продовольственных товаров, как и горожане. Семейная экономика селян претерпела самые решительные изменения. Поэтому и требуется сейчас различных товаров во много раз больше, чем еще три десятилетия назад. В этом проявляется закон справедливого выравнивания жизненного уровня советских людей, где бы они ни жили — в городе или в деревне. Но в этом процессе, как и в любом другом, есть и свои негативные стороны. С «корабля современности» сбрасываются устои, привычки, выработанные многовековым опытом народа, приспособившимся к определенным жизненным условиям. В крестьянской среде бытовало правило: ничего не покупать, что можно сделать и добыть самим, ничего не выбрасывать, что еще может сгодиться в хозяйстве.

Крестьянская бережливость и оборотистость в условиях энергетического дефицита, сокращающихся запасов полезных ископаемых, возможностей земли прокормить и одеть растущее население планеты оказывается наименее полезной привычкой. Но, к сожалению, и сами крестьяне постепенно изменили эти свои обычаи, имея перед собой пример городской семьи и все увеличивающееся количество и совершенствующееся качество товаров широкого потребления, с которыми, конечно же, не может состязаться кустарь-одиночка, самодельный мастер.

Нынче в нашем общем хозяйстве — в государственной экономике — утверждается тенденция: промышленное производство должно стать безотходным, таким, в котором отходы одного предприятия и хозяйства становились бы сырьем для другого. Но это положение не сможет стать всеобщим, если в нашем собственном доме и хозяйстве мы не приобретем навыков бережливости и утилитаризации всего, что устаревает, выходит из моды. А в характере современных молодых (да и не очень молодых) людей уже утвердилась расточительно-небрежная манера обращения с вещами, изменить ее будет очень непросто. Но и нельзя сказать, что совсем невозможно. В последние годы возникают кооперативные объединения, специальные кружки при клубах, в которые вступают и старшеклассники, учащиеся ПТУ, искусно использующие отходы крупного производства, утилизируя для создания новых и привлекательных изделий: игрушек, сумочек, поясов, пластмассовых украшений, сувениров и т. п.

Здесь уже были названы основные цифры расходов на питание и одежду: не больше 80% от общего дохода. Нужно еще учесть ежемесячную плату за квартиру, электричество, газ, расходы на транспорт, на культурные занятия и развлечения, на спорт, на путешествия в отпуск, на праздники и подарки. Для каждой статьи расходов рачительная хозяйка заводит конверт и кладет в него обязательную сумму из каждой зарплаты и старается не «занимать» для других нужд. Так и ведет дело. Очень разумно поступают многие родители, вовлекающие своих детей во все эти счета-расчеты. Дети с младых ногтей ориентируются в принципах рачительного хозяйствования. Знают реальные возможности родителей. Оттого и не кланчат денег на покупки и развлечения, которые семье не по карману.

Узнают они и то, что за редким исключением (строительство дома или кооперативной квартиры) нет таких вещей, которые стоят дорого, чтобы они были жизненно важными. Как говорят в народе: «Все, что необходимо, — дешево, все, что излишне, — дорого».

Если же покупка или расход требует многомесячного накопления, что ж, можно откладывать и экономить, но так, чтобы не во вред остальным статьям расходов. Каким образом? Заменить одни потребности и траты более скромными. К примеру, хочется нам отправиться летом в путешествие, которое требует значитель-

ных расходов: на дорогу, на путевки, на спортивное и «представительское» снаряжение. Заводим особые статьи в названных прежде разделах бюджета, с ориентацией на отпуск. В разделе «одежда, культурные интересы и развлечения», в питании даже — свои отчисления в кассу будущей поездки.

Можно сократить расходы на необязательные продукты, например на заморские фрукты, и при этом не понести урон в необходимых витаминах, поскольку известно: в апельсинах меньше витаминов, чем в нашей северной капусте, тем более квашеной. Сократить можно и потребление жиров, если не жарить продукты. Жареная пища более вредна, чем вареная. И вообще, натуральные продукты, чем менее они подвержены обработке, тем больше сохраняют питательных веществ. Значит, в домах, где отопление оплачивается в соответствии с расходом дров, электричества, газа, экономию денег на топливо тоже можно будет переадресовать в графу самого-самого желанного расхода. Но только экономии в средствах, а не в необходимых калориях.

Главное: воздерживаться от необязательных покупок, даже если они дешевы, тем более — если дороги. Вещи, как и их создатели — люди, не терпят одиночества, им требуется «достойное общество». К примеру, купили мы неожиданно-негаданно встретившийся... ну, скажем, сверхмодный плащ. А к этому плащу нет подходящих по цвету и фасону туфель. Значит, покупай туфли. Но они могут «не состыковаться» ни с одним платьем или костюмом, что уже есть в вашем гардеробе. Выходит, предстоят новые расходы или снова туфли менять. А еще нужна и сумочка под стать плащу и туфлям. Там, глядишь, и зонт окажется в кричащем раздоре с обновками, смена губной помады потребуется...

Та же история может произойти с приобретением новой люстры, нового дивана, ковра, даже с оклейкой стен какими-то особыми обоями. И придется признать: чем оригинальней и эффектней вещь, тем капризней у нее норы, тем значительней разрушительные последствия ее появления в доме.

Кандидат философских наук Л. Г. Борисова, как и полагается человеку такого звания, попыталась подойти к женскому гардеробу с научной точки зрения и создать схему, которая помогала бы нам избегать таких оплошностей и не попадаться на удочку ненужных, но соблазнительных вещей. Главный принцип ее методы: не покупать вещей-одиночек, не имеющих средства с теми, что «проживают» в доме. Каждое приобретение должно соединяться с максимальным числом других компонентов: по цвету, по стилю, по месту использования и назначению. Нет в гардеробе вещей спортивного назначения, знайте: приобретение одной желанной куртки будет истинным разором. Нет в обиходе вещей, которые созвучны, скажем, розовому цвету, не покупайте розовую кофту, как бы она вам ни нравилась. Несоединимы пестрые платья с кружевным воротником, а строгих у вас еще

не бывало,— удержитесь от покупки даже недорогого воротника. И ставьте себе пятерки каждый раз, как сумели одолеть соблазн. Более того, сумеете порадоваться преодолению своей слабости, как торжеству Красоты и Разумности.

Экономии помогает и обычай пускать в дело отходы. Сколько денег тратим мы на приобретение новомодных средств для ухода за своей внешностью: дорогостоящие мыла и шампуни, кремы и лосьоны. А ведь косметологи отговаривают нас от погони за новинками. Масса людей заработала на этом болезни волос, кожи, аллергию... Куда полезней использовать сухой хлеб для мытья головы, остатки прокисшего молока, сметаны, майонеза для втираний в кожу рук. Кожуру фруктов и овощей используйте для питательных масок. Мы же нередко все это выбрасываем в помойное ведро, выбрасывая вместе с этим и свою красоту, свое здоровье (поскольку через кожу в организм тоже поступают питательные вещества), и свои деньги, и чужие труды по добыванию этих продуктов.

Сократить вроде бы обязательные расходы можно всегда, как всегда можно компенсировать огорчения от несостоявшейся покупки. Вспоминаю, как отреагировала моя знакомая на возникший вдруг ажиотаж вокруг ковров. Денег у нее на подобную обнову не было, да и не предвиделось. А тоже захотелось украсить стены дома. Она взялась «стряпать» свой, рукодельный ковер из старых шерстяных одеял, платьев, прикупила только отделочные материалы. И соорудила такое панно, что всех владельцев стандартных красавцев-паласов только зависть брала.

В последнее время во всем мире обнаруживается крен в сторону именно рукодельных изделий. Они значительно дороже промышленно-производственных изделий. И это понятно: когда у всех может быть то же, что и у меня (а при миллионных тиражах разного рода товаров неизменно появляется набивающий оскомину стандарт), тогда непременно появляется желание иметь нечто уникальное. Таким может быть лишь ручное изделие мастера. Вот вам и возвращение к кустарщине, к самодеятельному ремеслу, которым совсем недавно владели наши деревенские бабушки и дедушки и у кого не спешили перенимать умение охочие до модных новинок детки и внуки. К сожалению, любительский труд занимал до последнего времени незначительную часть нашего досуга. На просмотр телепрограмм, слушание радиопередач мужчины и женщины еще недавно тратили 28% свободного времени, а на любительский труд — всего около 1,5%. Как ни парадоксально звучит, но именно у нас, в стране победившего труда, долгое время считалось неприличным заботиться о приработке, вовлекать детей в занятия, пополняющие семейный бюджет. Оттого мы и столкнулись с извращенным отношением к вещам: *иметь* их очень хочется, а *зарабатывать* — нет. Теперь этот взгляд постепенно меняется. И в семье, и в школе. Так что при желании старшеклассники, учащиеся ПТУ и техникумов скоро смогут вносить свой вклад в семейный

бюджет и тем снимут еще одну серьезную проблему, которая мешает нашему дому обрести все радости жизни.

Выше мы заметили, что доход семьи представляет дробь, в числителе которой сумма общего заработка, в знаменателе — число домочадцев. Статистика свидетельствует: доход семьи с появлением первого ребенка сокращается на 30% в сравнении с бездетной. С экономической точки зрения, многодетная семья для супругов — разорение. Оттого многие и не обзаводились тремя и более детишками, а в некоторых регионах останавливались на одном ребенке. Однако и тут тенденция заметно меняется к лучшему: растут всевозможные льготы для многодетных; больше становится таких семей.

А если будет предоставлена возможность школьникам включаться в трудовые дела взрослых и получать заслуженную зарплату, то и психология родительская станет иной. Дети будут выступать не только помощниками по дому, но и в какой-то мере кормильцами. В этом видится решение и многих воспитательных проблем: невозможно вырастить гражданина и труженика из ребенка до 18, а то и до 22 лет, упражняющегося только в потреблении результатов чужого труда.

Многие расходы, связанные с воспитанием детей, берет на себя государство. За содержание детишек в яслях и садах родители оплачивают лишь пятую часть расходов, государству каждый дошкольник обходится в 400—500 рублей в год. Обучение школьников, учащихся техникумов, вузов — еще дороже. Немалые суммы выплачиваются будущим мамам за отпуск по беременности, а потом — в послеродовое сидение с малышом; оплачиваются больничные листы во время болезни ребенка; выдаются льготные и бесплатные путевки в пионерлагеря, санатории. Общество заинтересовано в том, чтобы в семье росло не меньше трех ребятшек, так как расходы на них со временем окупаются сторицей. Единственный ребенок не сможет в грядущем прокормить своих стареющих родителей.

— Это в прежней семье дети были кормильцами стариков. Нынче им пенсию выплачивает государство. Они еще сами подкармливают молодоженов, что привыкли жить иждивенцами. — Нередко доводилось слышать такое мнение.

Действительно, деньги пенсионеры получают у государства. Но, как справедливо заметил социолог, доктор исторических наук И. В. Бестужев-Лада, деньгами никого не накормишь, в них никого не оденешь и ими никого не согреешь. А вот реальное обеспечение ?)тих денег: продукты, одежда, топливо, развлечения, уход и защита — все достигается трудами вчерашних детей и нынешних внуков. От количества и качества их труда во многом зависит экономическая, оборонная мощь страны, культурный, образовательный уровень общества, всех его членов независимо от возраста и личной обеспеченности. В условиях современного производства трудящийся человек полностью возмещает все

прошлые расходы на свое воспитание и начинает создавать запасы для грядущих поколений.

Если будет нарушена пропорция работников и едоков (пусть и заслуженных), естественно, компенсация за прошлый труд будет совсем иной.

Так что просидеть сиднем на шее у престарелых родителей нынешним единственным тем более не удастся, потому что у них нет подмены. Впрочем, статистика показывает, а наш личный житейский опыт подтверждает: у нас работает или учится все трудоспособное население. Только несколько миллионов мам выключены из общественного производства, но они заняты ответственным делом: пестуют будущих граждан. Откровенных тунеядцев у нас не так уж и много, чтобы на их примере делать заключения о целом поколении. Кого же тогда имеют в виду, когда говорят о вечных иждивенцах? Спорщики неосмотрительно пользуются терминами. Иждивенец — это нетрудящийся человек, находящийся на полном обеспечении семьи. А временная поддержка, которой пользуется учащийся или труженик, который почему бы то ни было имеет низкий заработок, — совсем иное дело. Это называется родственной помощью, которая для большинства из нас вполне естественна. Рассмотрим некоторые виды и мотивы родственной поддержки.

Молодые муж и жена — студенты. Надо ли особо объяснять, что родительская поддержка в этом случае — нередко суровая необходимость. Относительно благополучен только студент-холостяк. Молодой же семье жить на стипендию невозможно. Многие молодые ребята с охотой совмещают дневную учебу с вечерней работой, как только предоставляется возможность для такого совмещения. У нас долгое время существовало нелепое правило: работающему создавались условия для вечерней учебы, а учащемуся запрещалось систематически работать. Теперь многое меняется в лучшую сторону: труд студентов находит себе применение в разных областях. Некоторые стройотряды города Днепропетровска, к примеру, создают фонд материальной помощи для семей товарищей, строят удобные общежития для молодоженов и детские садики. Такая взаимопомощь студентов со временем смягчит остроту вопроса о помощи родителей своим взрослым детям-студентам.

Есть, конечно, и немало молодых людей, которые совсем не нуждаются в помощи. Это прежде всего рабочие дефицитных профессий. Привычное объявление: «Требуются шоферы автобусов, гарантируется заработок 220—250 рублей в месяц». Какая тут нужна доплата? Такое же положение и у строителей, механизаторов сельского хозяйства, не говоря уже о сталеварах и шахтерах.

Во все времена почти у всех народов старшее поколение помогало молодоженам встать на ноги: построить свой дом, обзавестись необходимым скарбом, рабочим инвентарем, всякой

животиной. Крестьяне выделяли сыновьям земельный надел, имущие классы — часть наличного капитала и т. п. Приданое для дочерей готовилось загодя, много лет. Если же делить и отдавать было нечего, то делили крышу и хлеб, нужду и труды.

Нынче у нас приданое загодя не готовят и капиталы для будущего «дела» не дают. «Приданным» и «капиталом» становится ежемесячное «пособие», которое получают многие молодые после свадьбы от родителей.

Основной Закон нашей жизни — Конституция СССР обязывает родителей содержать детей до их совершеннолетия, но не в зрелые лета. Тут уж дело добровольное. И претензий никаких быть не должно. А дети обязаны содержать своих родителей, если те утратили работоспособность и не могут сами зарабатывать или имеют пенсию, которой не хватает для удовлетворения насущных потребностей. Родительские обязанности ограничиваются 18 годами, а дочерние и сыновьи — до скончания жизни. И в этом глубокий смысл и высшая справедливость: ведь как бы ни старались дети, они остаются в неоплатном долгу перед родителями за бесценный дар — жизнь!

Впрочем, мы незаметно перешли рамки разговора и вторглись в иную сферу (и главу) — юридические основания семейного уклада.

... Экономика — понятие нравственное. Мы начинаем сознавать это со все большей остротой, когда из категории малообеспеченных переходим в разряд обеспеченных. Здесь мы размышляли о том, как вести дела при среднем достатке. Обычно считалось, что отсутствие материальных затруднений снимает все заботы и проблемы. Покупай что душе угодно, пользуйся благами жизни в свое удовольствие. Все это так. Но лишь для людей, которые не задумываются о том, какими будут они сами и в особенности их дети в обстановке вседоступности. Ведь если это деньги честно заработанные, то достаются они специалистам высокого класса. Такими обычно становятся люди, уровень знаний и умений которых выше среднего. Они — на виду, на них равняются, им подражают те, кто следует за ними. Значит, они должны подавать пример разумных потребностей и нравственного их удовлетворения.

Можно с уверенностью говорить о том, что немало специалистов, имеющих высокую зарплату, ведут разумный образ жизни и своих домочадцев приучают к сдержанности в потребительских желаниях. Мне неоднократно доводилось бывать в домах видных деятелей науки и культуры, знаменитых рабочих и видеть, как непритязательны они в одежде, еде, в меблировке своих комнат. Самые главные ценности для них — общение с интересными людьми, книги, произведения искусства. Некоторые, правда, увлекаются собиранием коллекций, требующим огромных затрат. Но все чаще мы узнаем, что такие собрания дарятся родному городу или селу, откуда родом данный деятель.

Возникли фонд культуры, фонд помощи детским домам и др.

На их счета поступают немалые суммы от граждан нашей страны. Известно, как откликнулись наши люди на чернобыльскую трагедию. Более 500 млн. рублей в течение нескольких месяцев было переведено в счет помощи потерпевшим от аварии. Не остались без общего участия и жители Грузии, когда природа обрушила сыпучие снега и селевые потоки на ее селения.

Такого рода взносы заслуживают всяческого одобрения. Их нельзя называть пожертвованиями, потому что жертвы, в глубинном смысле этого слова, тут нет: люди отказались не от необходимого. Скорее — благотворительностью. (Слово это вновь входит в наш лексикон со всем своим глубоким смыслом — «творение блага».) Часто добрый пример подают имеющие достаток не намного выше среднего, когда спешат поделиться с теми, кому необходима помощь: с малообеспеченными родственниками, с друзьями, попавшими в беду, отдают скромные сбережения на благоустройство улиц, на сохранение природы, сооружение памятников и т. п.

Умение извлечь истинную радость из отказа от своих удовольствий в пользу блага другого человека, народа, общества — это и есть нравственная экономика при возрастающих возможностях.

Не будем кривить душой: далеко не все высокообеспеченные люди склонны к самоограничению. Многие, напротив, находят именно в своем материальном преимуществе смысл и цель всех профессиональных усилий и достижений. Бывает так, что не только дальнему помочь — норовят у ближнего еще что-то отхватить.

Страсть накопительства — одна из сильнейших человеческих страстей. Борьба с нею, когда представляется, такой выбор товаров, услуг и благ, которые можно приобрести за деньги, значительно трудней, чем во времена «великого комбинатора» Остапа Бендера. Тот, обретя миллион — «голубую мечту идиота», никак не мог им воспользоваться в условиях того времени, когда распределение основных благ велось централизованным, карточным способом.

Но, скажите, какие обоснованные претензии мы можем предъявить к людям, чье благосостояние добыто честным трудом? Мы ведь все разные по своим потребностям, пристрастиям, привычкам и чудачествам. Оказывается, наше неосознанное стремление к выравниванию домашнего быта тоже имеет глубокие корни.

«Всякая частная собственность как таковая ощущает — *по крайней мере* по отношению к *более богатой* частной собственности — зависть и жажду нивелирования... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная мера*», — писал К. Маркс. (Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — Т. 42. — С. 114—115.)

«Грубый коммунизм», искаженное представление о равенстве,

о должном и приличном не только в частной, но и в личной собственности еще далеко не изжиты в нашем сознании и отношениях. Поспешно выносятся приговоры непрошеными судьями по чисто внешним признакам благополучия: вот сосед обзавелся машиной, вот купил ковер, а у меня ни того ни другого. Значит, он дурной человек, обыватель-собираатель. И при этом мало кто сознает: своим «судом» он нарушает одну из гарантированных свобод.— неприкосновенность личности и ее частной жизни, которая охраняется государством, Конституцией СССР. Только в том случае, если известны и доказаны нечестные источники приобретения ценных вещей, человек может быть подвержен официальному осуждению и общественному порицанию. Во всех иных случаях оскорбленный честный труженик имеет право привлечь своих хулиганов к ответу.

Ученые оспаривают позицию тех, кто продолжает ратовать за уравнительную политику распределения благ. Это — нарушение основополагающего принципа социализма: «каждому — по труду». Опыт, который наше общество извлекло из предшествующего периода развития, отвергает такой подход. В принципе наше государство стремится к сближению размеров заработков разных категорий работников. К сближению, но не к уравниловке.

«Государство стремится избежать уравнительности, при которой игнорируются реальные различия в квалификации, в тяжести работы, ее престижности, условиях деятельности. Все эти моменты, представляющие... жизненный интерес, должны быть учтены при распределении благ... Моральным стимулам, энтузиазму, творческому горению коммунисты всегда придавали и придают немалое значение. Но, будучи материалистами, они вслед за В. И. Лениным считают материальную заинтересованность основой привлечения людей к труду, опорой коммунистического строительства. Всякие же теории и идеи, призывающие игнорировать материальные интересы людей, принадлежат не марксистам-ленинцам, а левацким ревизионистам прежде всего троцкистского толка». Так пишет Б. В. Ракитский, объясняя очевидное различие и в материальных возможностях, и в потребностях политически равноправных граждан нашей страны.

Видимо, наиболее разумным и справедливым будет энергетический подход к питанию и ко всему потреблению в целом. (Думаю, ученые найдут единую меру вещей, как нашли калорийный эквивалент для пищевых продуктов.) Сколько энергии мне необходимо, чтобы исполнить свое назначение и не расстроиться, а укрепить свое здоровье,— это и есть максимум потребления, который я могу себе позволить. Сколько энергии, физической и душевной, потребует приобретение и эксплуатация той или иной вещи и чем она возместит эти потери,— это и будет критерием отношения к ней. И вообще, вставать из-за стола с легким ощущением голода — самая здоровая мера и в материальном, и в духовном питании. Пресыщение в любой сфере так же

нездорово, как и вынужденное голодание, насильственный аскетизм.

Если же встать на более высокую ступень морального отношения к материальным благам, *то отдавать нужно больше, чем получаешь: энергии, света, тепла, внимания, удобств и удовольствий. Только тогда это будет и разумно, и рачительно.* Отдавать взятое в долг у природы, полученное авансом у прошлых поколений, и, уж конечно, не потреблять без оглядки на тех, кто придет после нас. То есть постепенно сглаживать разрыв между экологической и экономической мерой потребления.

— А как же закон возрастающих потребностей? Как его совместить с такого рода суждениями?

Давайте перечитаем строки Программы Коммунистической партии Советского Союза, принятой на XXVII съезде КПСС:

«Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе со все-сторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающихся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа». (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 138.)

Идеал, к которому мы стремимся, как видите, прежде всего ориентирован не на рост меркантильных потребностей. Напротив, возрастет потребность ОТДАВАТЬ себя и свои способности на благо людей. Потребность БРАТЬ будет глубинным образом связана с этой сверхзадачей: получать знания, умения, силы, получать радость и удовольствия с тем, чтобы воздать за это сторицей другим людям радостью и счастьем. Только в таком единстве личных и общественных интересов и возможно преодоление извечных врагов человечества: зависти, корысти, злобы.

Итак, экономика — явление нравственное. Семейная — тем более. Считаете ли вы, что ваше нынешнее положение сводится только к получению благ? Ищите ли вы возможности возместить расходы семьи и общества на ваше воспитание посильным трудом или стремитесь подольше задержаться в беспечном детстве?

Предлагаем воспользоваться микрокалькуляторами и проделать следующие расчеты. Вычислить собственные насущные потребности по главным статьям: питание, одежда, жилищ-

ные расходы, культурные запросы, траты на спорт и здоровье. Помножить эту сумму на три (минимальное число членов вашего будущего семейства). И таким образом вывести уровень грядущей зарплаты, которая вам потребуется для удовлетворения нынешних ваших желаний. После этого не повредит провести повторный анализ запросов: от чего вы можете отказаться, перенести осуществление мечты на дальний срок. Операция эта — самая житейская, которую приходится осуществлять каждому из нас, чтобы не остаться у разбитого корыта надежд при своем «здоровом аппетите».

Умение терпеть и отказываться не менее полезное свойство, чем настойчивость в достижении желанной цели. Потому еще два вопроса к вам: умеете ли вы радоваться чужому достатку и успеху? Способны ли вы поделиться дорогим комфортом, как бедные люди делились последним куском хлеба, или считаете, что забота о слабых, малоимущих — только государственное дело?

Как и прежде, никто не обязан отвечать на поставленные вопросы вслух и публично. Главное, чтобы вы их задали себе и чтобы честно на них отозвалась ваша душа.

8

ПО ЗАКОНАМ ЧЕСТИ

КОГДА В СИЛУ ВСТУПАЕТ ЗАКОН

Мы с вами подошли к юридической стороне семейных отношений. Самым убедительным свидетельством того, что личные отношения накрепко связаны с общественным укладом, служит наличие у всех народов кодекса законов о семье и браке. Кодекс этот может быть записан на папирусе, высечен на камне, а может — воплощен в ритуальном действии. Он может быть принят единоличной волей диктатора: «быть по сему!» или общим решением племени, голосованием народа — во всех случаях он требует от членов сообщества неукоснительного подчинения ему. «Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен быть принужден *подчиняться законам брака*, раз он вступил в брак», — настаивал К. Маркс. {*Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. — 2-е изд. — Т. 1. — С. 162.) Без обязательного правила личные отношения превратились бы в хаос, а хаос и есть самая страшная для общества разрушительная сила. Потому послушание так или иначе осуждается и наказывается. И меры наказаний за проступки у каждого народа свои.

Во всех прежних главах прямо или косвенно мы касались принципов и норм, которыми руководствуются граждане нашей страны в своих материальных, моральных стремлениях и действиях. Здесь мы познакомимся с основными положениями Конституции СССР, адресованными семье. Конечно, воспроизведем мы лишь дух нашего законодательства, но не его букву.

Одно из существенных изменений, происшедших в последние годы в общественном сознании и в законодательных документах, — признание высокой и непреходящей ценности семьи. В последней Конституции СССР есть статья, которой не было в предыдущих: а ней говорится, что государство защищает интересы семьи. Это очень важный пункт. Раньше государство устанавливало законодательным путем систему отношений между гражданами и гражданками без учета их семейного положения, тем самым оно как бы выводило семью за скобки своих интересов и обязательств, рассматривало ее как частное дело мужчины и женщины. Но семья, как мы уже знаем, никогда не была абсолютно

автономной ячейкой общества. Поэтому включение статьи об отношении государства к своей ячейке явилось фактом юридической целесообразности и справедливости.

И действительно, многие десятилетия существует тенденция в распределении общественных средств — давать немалые преимущества семейным людям перед холостыми и бездетными. Последние обязаны платить налог за бездетность. А имеющие детей получают государственные льготы, о чем мы говорили выше. Преимущества получает семья, в особенности многодетная, и при распределении жилья. А государство записало в Конституции как принцип — помощь семье в воспитании подрастающего поколения. Для этого постоянно расширяется сеть детских учреждений, совершенствуется служба быта и общественного питания, в определенных регионах будет увеличиваться фонд пособий при рождении каждого ребенка и т. д.

И положения многих других статей Конституции, казалось бы, на семью не направленных и ей не адресованных, имеют прямое касательство к устройству нашей личной жизни. Когда мы читаем статью, в которой говорится о том, что Советское государство способствует усилению социальной однородности общества, стиранию существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, дальнейшему сближению всех наций и народностей СССР, то не можем не осознавать: такие меры служат и стиранию принципиальных противоречий в мировоззрении нынешних и будущих супругов, воспитанию единых социальных и нравственных установок у подрастающего поколения, которые, как мы уже говорили, и способствуют тому, что и наши «мезальянсы» становятся удачными.

Также интересам каждого гражданина, а значит — семьи, отвечают статьи, закрепляющие наши общие права на образование, труд, отдых, охрану здоровья, на жилище; статьи, охраняющие человека от посягательств на его имущество, достоинство и честь, на тайну его личной жизни. И естественно, важнейшей для семьи является статья о равенстве прав мужчин и женщин.

Если внимательно вчитаться, то окажется, что все гражданские свободы, направленные на справедливое распределение благ и обязанностей, учат нас честному и достойному поведению по отношению друг к другу.

Мы уже говорили о том, что государство кровно заинтересовано в укреплении и развитии первичной ячейки общества. Это значит, что материальная помощь семье не может расцениваться как благотворительность: льготы и пособия берутся из общего нашего кармана, который до той поры щедр, пока все члены большой советской семьи добросовестно исполняют свой гражданский, профессиональный и человеческий долг. Оттого-то рядом со статьями о правах граждан записаны статьи о наших обязанностях. Родители обязаны заботиться о воспитании детей,

готовить их к общественно полезному труду, растить их достойными членами социалистического общества. Дети должны отвечать заботой о престарелых родителях.

Но, кроме конституционных норм, существует еще и особый свод законов — Кодекс о семье и браке, который более детально определяет характер отношений всех членов семьи и их обязанностей друг перед другом. Это своего рода точка отсчета права и справедливости, ниже которой начинается нечестность и беспорядок, выше которой — подлинное достоинство, благородство.

К примеру, в этом Кодексе говорится о том, что муж и жена располагают равными правами на обладание имуществом, нажитым во время совместного проживания. А конкретному супругу Н. досталась жена, ничего не умеющая и, главное, не желающая делать ни на общественной ниве, ни на семейной. Ее представления о браке сродни тому, который высказала мадам Кукушкина, героиня комедии А. Н. Островского «Доходное место». Она считала, что жены существуют затем, чтобы мужья их одевали как нельзя лучше, любовались на них, доставляли все наслаждения, исполняли каждую прихоть.

Супругу подобная ситуация с годами стала невыносимой, и он решил расторгнуть неудачный брак. По закону совести и чести, жена не должна была бы предъявлять никаких имущественных претензий к бывшему супругу. Но она адресует к юридическому закону, и тот обязан присудить ей определенную долю супружеского имущества, за исключением того, что принадлежало обоим до брака и что было получено в подарок, в наследство каждым из них.

Некоторые мужья, - оказавшиеся в подобном положении, пытаются установить справедливость самостийно: начинают утаивать сбережения, выносить из дому и прятать вещи — и этим добиваются того, что теряют собственное лицо, человеческое достоинство. Все-таки лучше по закону потерять, чем такой ценой приобрести.

Бывают и противоположные случаи: жена занимала более высокую ступеньку на общественной лестнице и высокомерно взирала на супруга, который хоть и вносил немалый вклад в общую кассу, но был, по ее мнению, ей не пара. Отношения обострились до крайности, и муж ушел, взяв в руки чемодан с немудрящим скарбом, оставив и жилье, и машину, и дачу жене и детям. Этот поступок, по юридическим нормам, вроде бы противозаконный, но человек вправе поступать благородней предписаний, он не вправе только поступать бесчестно.

Вы спросите: отчего оба примера взяты с мужьями? Разве жены не попадают в подобные обстоятельства? Попадают и действуют аналогично. При разводе суд, как правило, им присуждает большую часть имущества, так как при всем равенстве прав и обязанностей закон защищает интересы того супруга, с кем остаются дети. А оставляет он детей чаще при матери.

Случается, отцы и доказывают, что могут справиться с обязанностями воспитателя ребенка не хуже матери. Но все преимущества по-прежнему остаются на ее стороне. Тема эта волнует общественность. Действительно, сложившаяся практика вроде вступает в противоречие с Основным Законом, утверждающим абсолютное равенство мужчины и женщины. Кодекс о браке отнюдь не застывшая в непреложности глыба, он уже неоднократно изменялся под влиянием живой, подвижной практики нашего общества. Вполне может статься, что и эта проблема найдет свое юридическое разрешение.

Приведенные здесь примеры могут подвести к мысли, что Кодекс этот вступает в действие только тогда, когда на семью обрушивается беда. Скорей напротив, он присутствует неосознано во всех ответственных и справедливых наших действиях, но становится очевидным тогда, когда мы от него отклоняемся. Знание его необходимо и в профилактических целях. Печально видеть, как вполне взрослые и образованные люди обнаруживают невежество относительно норм поведения в своей повседневной жизнедеятельности. Был, к примеру, случай, когда муж отказал в материальной помощи жене, ставшей инвалидом. И на суде негодовал за то, что его обязали платить ей алименты: «Я, мол, не обязан ее вечно содержать, если она потеряла трудоспособность не по моей вине. И вообще, я с ней развожусь». Но закон есть закон. И перед его лицом, как и перед лицом общественной морали, сей муж оказался в весьма плачевном виде. Потом он пытался оправдать свое поведение «юридической безграмотностью», да уже поздно: уронил свое человеческое достоинство.

Перед судом нередко предстают родители, вовлекшие своих детей в пьянство. И бывает странно слышать, как оправдываются в таких случаях виновные: мол, наши деды и отцы так поступали и никто их не осуждал. Разве родитель не хозяин своей семье и детям? И судьям приходится растолковывать азы социалистической морали и права человеку, который родился и вырос в социалистическом обществе, объяснять, что он живет не при домострое и в семье нет «хозяина», чья необузданная воля — закон для домочадцев.

Родители отвечают по всей строгости закона за жестокое обращение с детьми, за то, что оставляют их без внимания и заботы, за то, что несовершеннолетние становятся преступниками. Беспечные и безответственные взрослые порой отказываются кормить и воспитывать свое потомство. Тогда они лишаются родительских прав. Государство забирает у них детей, помещает их в детские дома или передает на воспитание тем, кто достоин общественного доверия. Приемные воспитатели получают все права на помощь в содержании детей, но и ответственность наравне с родными. Закон освобождает детей от обязанностей перед бывшими родителями, когда те оказываются в нужде и состарятся.

Самая распространенная причина разлучения детей и родителей — пьянство взрослых. Об алкоголизме, его губительных последствиях для личности, семьи и общества в последнее время говорят и пишут много. Хотя проблема эта возникла перед человечеством не сегодня и не вчера. Хочу подчеркнуть: именно перед человечеством, а не одной нашей страной, как полагают некоторые. Еще много лет назад в США алкоголизм называли национальным бедствием. Французы считают, что пристрастие к вину самоубийственно для их нации. Всемирная организация здравоохранения причислила алкоголь к наркотикам.

Какой материальный урон наносит пристрастие к спиртному, тщательно подсчитали экономисты США еще в 70-е годы. Ежегодно потери составляли астрономические цифры: только из-за травматизма, связанного с потреблением алкоголя, непосредственный ущерб, причиняемый промышленным предприятиям, достигал 120 млн. долларов. Лечение травмированных обходилось в миллиард. В 7—8 млрд. оценивались убытки, причиняемые нетрезвыми водителями. Общий урон, наносимый алкоголизмом национальной экономике США, составлял 15 млрд. долларов в год. В последующее время показатель этот не сокращался, а возрастал.

В книге демографа В. А. Сысенко «Молодежь вступает в брак» приводятся важные сведения о поистине губительных последствиях для любого общества, любой семьи и личности привычки к пьянству. По данным ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения.— *Т. А.*), алкоголизм родителей является причиной умственной отсталости детей во Франции в 60% случаев, в США — в 50%, в Норвегии — в 40% случаев. Он способствует возникновению и других форм психических заболеваний. Так, у подростков с различными формами психической патологии алкоголизм родителей установлен в 58,8% случаев. Кроме названных заболеваний, дети алкоголиков страдают недержанием мочи, судорогами, неврозами, плохо успевают в учебе. Не миновала эта беда и страны социалистического содружества. Хотя социальные причины у этого явления разные, результат одинаков: вред экономике, рост преступности, подрыв национального здоровья, падение нравов, разрушение человеческих судеб, страдания детей. В нашей стране каждый рубль, полученный от продажи алкогольных напитков (народ его прозвал «пьяным рублем»), оборачивается потерями в полтора — три рубля: из-за аварий, прогулов, заболеваний, бытовых травм, снижения производительности труда, порчи оборудования, роста бракованной продукции, необходимости увеличивать штаты милиции и наркологов...

Медики считают, что 40%(!) средств по их ведомству расходуется на ликвидацию последствий алкоголизма. Ведь

многие распространенные заболевания, в частности сердечнососудистые, раковые,— нередко следствие пристрастия к спиртному, и колоссальные суммы тратятся на вылечивание больных алкоголизмом.

Выяснено, что средняя продолжительность жизни этих больных приблизительно на 15 лет меньше, чем у людей непьющих. Страдает здоровье не только самих приверженцев «зеленого змия», их детей, но и близких родственников: 2/3 жен алкоголиков обнаружили те или иные признаки нервных расстройств, причем 1/3 из них нуждалась в стационарном лечении.

Советское государство не раз принимало постановления о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Но, к сожалению, меры прежних лет не возымели должного действия. Указ, изданный в 1985 г., и решительный настрой всего нашего общества покончить с этим злом вселяют надежду в сердце каждого человека, который неравнодушен к судьбе собственного народа, его нынешнему и грядущему благополучию. Включены буквально все рычаги воздействия на пристрастившихся к дьявольскому зелью: экономические — удорожание его стоимости, сокращение производства и продажи, ужесточение наказания за прогулы и выпуск бракованной продукции, лишение премий; социальные — непредоставление отпуска в летнее время, перенесение очереди на жилье, другие санкции; медицинские — добровольное и принудительное лечение; моральные — осуждение в трудовых коллективах, критика в печати.

О накале гнева, с каким наши писатели и публицисты обрушиваются на пьянство, свидетельствует, например, статья под заглавием «Очередь за бедой», опубликованная в «Неделе*» и вызвавшая большой поток писем. Привожу ее здесь почти полностью.

«...Молодой парень, недавно окончивший ПТУ, пьяный, полез в женское общежитие льнокомбината, бывшие там кавалеры-«химики» не пускали молокососа. Завязалась драка. Парню набили морду и отправили домой, баиньки. Он же за это решил убить первого встречного. Первым встречным оказалась молодая женщина-красавица на шестом месяце беременности, с успехом заканчивающая университет в Москве и на каникулы приехавшая в Вейск, к мужу».

Дальше автор статьи пишет: «Эпизод взят из недавней повести Виктора Астафьева «Печальный детектив». Не надо утешать себя тем, что, дескать, литература она литература и есть — у писателей воображение богатое, они много чего придумают. История, конечно, из жизни — в редакционной почте и пострашнее сыщутся. «Ах, алкаши вы, алкаши, погубите вы державу!» — восклицает в отчаянии один из персонажей повести, формулируя главную ее мысль, ту писательскую тревогу, которая, собственно, и вызвала эту очень невеселую повесть к жизни.

Давайте-ка мы с вами, читатель, присмотримся да прислушаемся поостроже к себе. Всегда ли такую же тревогу испытываем и разделяем, когда, проходя мимо лавки, где дают спиртное, вышагиваем вдоль очереди, растянувшейся на полулицы, а то и, поругиваясь, становимся в ее конец? Понимаем ли, что очередь эта — за бедой?

Не знаю, как вас, читатель, а меня охватывает не просто неловкость, но самый настоящий стыд, когда я вижу людей, томящихся в такой очереди. Не за куском хлеба, не за молоком для ребенка, а за поганым зельем, глотнув которого, явится человек в свой дом уже не человеком, а, воспользуясь словом того же Виктора Астафьева, звериной.

Может быть, еще и потому так оскорбительно мне зрелище подобной очереди, что совсем недавно довелось провести день в учреждении, где растут дети, искалеченные той самой жидкостью, которой с таким вожделением дожидаются и добиваются их отцы и матери. Об этом много писали, говорили, снимали страшные документальные ленты. Но надо бы, право, показывать их каждый день, по всем программам. Почему? Л потому, что жалко, конечно, когда пьяный тракторист превращает в груды металла новенькую машину. Сердце болит, когда спичка, брошенная рукой уже ничего не соображающего мерзавца, предает огню многомесячные труды других, трезвых людей. Но все это ничто в сравнении с ребенком, обреченным вырасти недочеловеком по вине тех, кто его родил.<...>

Как же надо, чтобы стояли эти дети перед глазами тех, для кого очередь к винному прилавку — предмет ерничества, веселых шуток, разухабистых анекдотов. <.,>

Настало нам с вами время посмотреть правде в глаза и посуровать: размеры бедствия, подтачивающие наши социальные устои, таковы, что не до шуток. Пока мы не перестанем похихикивать при виде пьяного, бредущего раскорякой по родимой улице, пока не запретим себе со странной снисходительностью грех питейства, добра не жди. Сухой закон принадлежит к числу тех, что сверху, волевым нажимом не вводится. Его должен объявить каждый сам себе и соблюдать неукоснительно. Не в мини-масштабе, когда десяток чудаков собираются за самоваром да на этот самовар устремлен глаз телекамеры — смотрите, дивитесь. В масштабе всей страны, каждый гражданин который осознал прямую обязанность быть членом общества трезвости. Мы должны стать таким обществом. Все! Иначе нам сегодня нельзя. Уже нельзя!»

В этой страстной проповеди выражены боль и надежда всех, кого не одурманила, не завлекла отравы, проникающая в кровь, в мозг и диктующая человеку свои законы бытия-пития. Но отчего разумные речи не сразу доходят до ума и сердца? Отчего вызывающие ужас документальные фильмы, показывающие полное разложение взрослой личности и врожден-

ные уродства детей, не останавливают тех, кого ни родные, ни сослуживцы не причисляют к безвольным алкоголикам? Почему подростков, у кого нет еще «пьяной привычки», эти фильмы не отвращают от вина? Вот что не дает мне покоя! И я мысленно иду за обладателем бутылок с горьчительной жидкостью из магазина в его дом.

...Семейный праздник, веселая кутерьма приготовлений к приему гостей: уборка квартиры, беготня по магазинам, священнодействие на кухне, споры об убранстве стола. А потом — придиричивое заглядывание в зеркало: хорошо ли сидит платье, новый костюм, не помялась ли прическа.

Приподнятое настроение омрачает лишь глава семьи: он раздражен тем, что потратил уйму времени на покупку вина и водки. Без них же, по его убеждению, праздник — не праздник.

— И что придумали? — негодует он. — Позакрывали все винные магазины. Оставили лишь несколько отделов на огромный район. Так к ним же милицию надо вызывать — такие толпы собираются, когда водку начинают продавать! Боролись бы с заядлыми алкоголиками, принудительно запирали бы в больницы. А мы-то, нормальные люди, почему лишены возможности праздник отметить, как наши предки отмечали — с бокалом вина, рюмочкой водки?.. Перегиб!.. Из одной крайности шарахаемся в другую...

Воркотню эту слушают домочадцы. Мужчины то и дело выражают солидарность. Женщины только вздыхают: чарка эта известно до чего доводит. Сегодня — одна, завтра — две, а там — и до больницы рукой подать. Подростки помалкивают и «мотают на ус». А один вот уже и поддакивает разгоряченному папаше:

— Запретили продавать спиртные напитки тем, кому нет еще 21 года. Паспорт как полноправным гражданам выдают в 16 лет. На военную службу призывают в 18 — значит, доверяют оборонять страну. А решать, пить — не пить, когда и сколько — не доверяют: несмышлениши, мол.

— Говорю, перебор. Мы вон и работать начинали намного раньше вас, и за бутылкой (для отца ли, для мастера) пацанами бегали. Ничего! Не сбились с пути. Пьяницами, по крайней мере, никто не считает...

Застолье удалось. Кто был грустен — запел; кто охал, жаловался на разные хвори — лихо отплясывал, забыв о предостережениях врачей; застенчивый и молчаливый обрел «красноречие», трусливый готов был сокрушить всех великанов, а резвого едва сдерживали друзья и родные. Однако скандала, битья посуды и прочего безобразия за столом не случилось. Оттого расходились по домам довольные праздником и друг другом, обещая в следующий раз встретиться в том же составе, но на иной «площадке».

— Славно посидели... Расслабились... Душу отвели... — слышится со всех сторон.

Знакомая картина? Наверное, многим из вас, как и автору

этих строк, доводилось видеть такое застолье, а то и участвовать в нем. Когда в прежние годы среди веселящихся попадался гость, отказывающийся от горячительных напитков, его брали в штыки, следили, чтобы вместо водки в рюмку не налил себе минеральной воды, срамили, обижались. Отступали лишь тогда, когда человек ссылался на открывшуюся язву и т. д. Да и то уговаривали не доверять эскулапам. Какая это пытка — противостоять нажиму не врагов, а близких людей, уверенных, что они хотят тебе добра и блага, что своим противостоянием ты демонстрируешь «неуважение» к компании, народным обычаям и вообще... Не всегда прежде удавалось выстоять перед этой осадой. Теперь — легче. Однако на противника хмельных удовольствий посматривают с настороженностью: впрямь не пьет, прикидывается трезвенником, «по указу», или сам по себе?.. А его призывы ограничиться за столом соками, безалкогольными «шипучками» все еще вызывают и усмешки, и досаду.

Мне не раз встречались стойко сопротивляющиеся искушению разделить с родными и друзьями хмельное веселье люди, чье детство было омрачено семейной драмой из-за пристрастия отца или матери к проклятому зелью. Да! Если ребенок с малых лет видит мутиглазое пьянство, часто причиняющее ему боль, у него невольно может выработаться стойкое отвращение к выпивке. Беда ведь — самый суровый воспитатель: она не уговаривает, не агитирует, а требует, бьет. Но когда вино в сознании ребенка, а потом и взрослого, накрепко связывается с праздником, с удовольствием — жди неизбежного: повторения и даже распространения заразы в следующем поколении. Действительно, самые убийственные факты, цифры, картины могут оставить этих людей безучастными: это — не про нас, с нами ничего подобного не случилось и не случится.

«Мой папа иногда приходит с работы усталый, хмурый. Все тогда не по нем. А выпьет рюмку-другую — и, глядишь, подобрел: острит, смеется. Готов с нами, детьми, возить. Дурачится, как маленький. Чтобы папа никогда не хандрил, мама на всякий случай припасает бутылку «антигрустина» — так она называет водку. Что же в этом плохого?» — прочитала я однажды в анонимной записке школьника.

Надо ли особо доказывать, что этот мальчик уже оценивает «пользу» от алкоголя точно так же, как и его папа, мама. Встретятся в жизни трудности, неурядицы (а у кого они не встречаются?) — вместо того чтобы одолевать их и собственное дурное настроение, он также потянется к «антигрустину». Хотя никакие узлы при этом не распутываются (напротив, затягиваются еще крепче) и хотя усталость, снятая рюмкой сегодня, завтра только нарастает (ведь организм по-настоящему не отдохнул, а только обмер от наркоза), папа доволен, мама спокойна, а дети всемы.

Трагедия, которая ворвется в эту семью через несколько лет, не видна беспечному взору. А «польза» — вот она, на виду. Таков

подлый норв «антигрустина»: сначала он усыпляет бдительность тем, что повышает настроение, вроде бы прибавляет СИЛЫ И смелости, а потом за все, что дал, потребует трехкратную и ВС4 возрастающую плату.¹ И этот же папа будет хмуриться уже не из-за настоящих неприятностей, а для того, чтобы получить помол и право лишний раз «расслабиться». Организм, приученный к отраве, станет имитировать усталость, даже провоцировать неурядицы, чтобы «заработать» порцию наркотика. Создается заколдованный круг: регулярно выпивающие люди неизменно работают хуже трезвенников, вызывают нарекания, для «утешения» прибегают к спиртному, которое их незаметно и непременно сводит вниз. Никогда и никого вино не подняло к вершинам искусства, ремесла, семейного благополучия. Это уж точно!

Вполне может статься, что папа того школьника, чью записку я привела выше, доживет до седин и ни разу не переберет через край, не напьется до безобразия, и его пристрастие не будет замечено сослуживцами. Все равно ему самому, его домочадцам, всем нам будет нанесен невосполнимый урон. Мы теперь знаем, во что обходятся стране заядлые алкоголики. Но увы! Никто пока не сосчитал и даже не представляет, какие колоссальные потери природного таланта, рабочего мастерства, душевных сокровищ доброты, любви постепенно теряют «культурно пьющие». Эти потери не вопиют, не взывают к отмщению. А что такое «омоложение» гипертонии, сердечно-сосудистых заболеваний, раковых опухолей? Плата за бокал яда, поднятого с беспечным тостом: «За ваше здоровье!» Плата за иллюзию бодрости, силы, которую этот бокал возбуждает у пьющих понемногу. А в итоге — сокращение жизни на годы и годы, рост смертности среди молодых, раннее сиротство детей в мирное время.

«В плену иллюзий» — так назвал свою публицистическую книгу страстный борец с «зеленым змием», академик медицины Ф. Г. Углов. *Иллюзии — вот главная притягательная сила алкоголя. Самообман, который позволяет пьющему довольствоваться суррогатами жизненных ценностей и лишь разменивать подлинное богатство на фальшивые блага.* Иллюзии вербуют юных, не умеющих отличить истинный дух бодрости, веселья от пьяного куража, смелость созидателя от «смелости» бесшабашного разрушителя.

Давайте снимем шоры и приглядимся к веселящейся компании. Вроде бы вино помогает обрести общий язык людям разных интересов и настроений. Но тот, кто вслушается в застольные речи, очень скоро обнаружит, как интересная непохожесть уступает место единообразному примитиву и даже пошлости. Верхом остроумия становится пошлый анекдот. Скромность прячется, открывая плацдарм хвастовству, а то и хамству. Порядочность и благородство тоже не в чести у пьяного сообщества: не случайно большинство измен и падений совершается под воздействием винных паров. Иллюзия единения и свободы, раскованности.

А на самом деле нивелирование личности и подчинение «низкому штилу». Оттого нельзя доверять пьяным заверениям в вечной дружбе и любви: все эмоции, возбужденные алкоголем,— обман. Алкоголь бьет без промаха по самому главному нашему центру — по самоконтролю. Из разговоров о том, что есть человек, вы знаете: он сам себя созидающий и совершенствующий индивид. Алкоголь же убивает в нас истинно человеческое начало, но при этом создает иллюзию возвышения, а не падения.

Все, что- здесь говорилось об алкоголизме, применимо к другим видам наркотического самоотравления. И про наркотики не скажешь, что это — изобретение нашей противоречивой действительности. Пожалуй, в новинку лишь масштабы распространения этой заразы и разнообразие отравляющих веществ, которые создает современная химия и фармакопоя (вследствии чего появилась токсикомания, т. е. влечение ко всяким ядохимикатам).

Пришла пора объяснить: почему так обеспокоилась общественность вовлечением в этот порок именно подростков и женщин? Есть физиологические особенности подросткового и женского организма: они невероятно быстро воспринимают всякого рода вредные привычки, у них низкая сопротивляемость, хрупкая биологическая защита, да и сила воли слабовата. Медики говорят: подросткам бывает достаточно пару раз «зарядить» себя наркотической дрянью, чтобы появилась тяга к нему. То же — у женщин. Взрослому мужчине для привыкания требуются иные дозы и сроки. Теперь, наверное, станет понятным и узаконенное запрещение продажи спиртного подросткам и молодежи до 21 года: по той же причине — быстрого привыкания неокрепшей души и тела к вину и водке.

Что же собой представляет многочисленная, даже можно сказать — безграничная «родня» алкоголя? Задала этот вопрос, а ответить затрудняюсь. Во-первых, оглушить себя, оказывается, можно совсем безобидными и даже полезными веществами, целебными (при определенной дозировке) травами, настоями, медикаментами; косметическими жидкостями, стиральными и чистящими средствами; клеями, лаками, бензином и бог знает чем еще. Во-вторых, даже это перечисление воспроизвожу не без страха: не навредит бы! В бытность свою в командировке в г. Мурманске услышала от местных властей нарекание в адрес своего коллеги. Думая обстоятельно разобраться в механизме действия отравы, журналист рассказал о том, что юнцы «нюхают» и какого состояния эйфории достигают. На следующий день несколько подростков попадают в больницы с признаками тяжелейшего наркотического отравления. Одного из них спасти не удалось, другие будут инвалидами. Когда стали разбираться, выяснилось: вычитали ребята «рецепт» опьянения в газете и решили попробовать. Попробовали!

Такова еще одна особенность переходного возраста, про

которую мы говорили в главе о формировании человеческой личности: стремление все испробовать, испытать. И прежде всего — самого себя: смогу ли, как другие? Правда, многие из вас не сунут руку в огонь, когда им скажут, что огонь жжется. Эти учатся на чужих ошибках. Другие — на собственных. А есть такие, кого и полученные горькие уроки не останавливают перед неумной жаждой «острых ощущений». Вот они-то скорее всего и пополнят ряды преступающих все и всяческие запреты.

До последнего времени дебатировались вопросы отношения к наркоманам: больные они или преступники? Лечить их или наказывать? На мой взгляд, такое противопоставление искусственно. Наркоманы — больные преступники. Мы привычно повторяем: здоровье людей есть высшее достояние государства. Значит, преднамеренное уничтожение этого богатства — преступление более тяжелое, чем кража имущества. Пусть человек и «крадет» собственное здоровье — страдает от этого не он один, страдает его окружение, наконец, и все мы, у кого отнята ЛИЧНОСТЬ, которая могла бы внести свою лепту в общее благополучие.

И еще — наркомания, как говорят юристы, «криминогенное» явление. Что это означает? Поскольку законом запрещены производство и открытая продажа наркотических веществ, добычей их занимаются люди корыстные, зарабатывающие на этом грязные барыши. И чтобы «рынок»

не скудел, они пускаются на такие подлости, за которые следовало бы давать максимальные сроки лишения свободы. «Дельцы» дают любопытным мальчишкам и девчонкам покурить «травку» или уколоться бесплатно. И, как уже говорилось, очень скоро подросток становится рабом в руках торговца «белой смертью». Для того чтобы одурманить себя очередной затянкой, уколом, юные наркоманы крадут деньги сначала у родных и близких, потом выходят на уличный грабеж, а там — и на вооруженное насилие.

Наркотики начисто уничтожают душевные связи человека. Он становится безоглядным и опасным, как раненый зверь. Однако и торговцы страшным зельем, даже сами не употребляющие его, заражаются, словно трупным ядом, всеми пороками, которые приобретают наркоманы.

В качестве народного заседателя в районном суде участвовала я в слушании дела о скупщиках и продавцах наркотиков. Это была пестрая компания: милиционер с высшим юридическим образованием, работник культуры со специальным образованием, шофер, окончивший десятилетку, полуграмотные грузчики. В одном конце нашей страны скупали они десятками и сотнями килограммов «сырье» для приготовления наркотического порошка и продавали его в другом конце страны с «приваром», в несколько раз превышающим все расходы по перевозке и переработке.

Перед нами были люди, лишённые элементарных чувств любви, верности, чести, забывшие супружеские, родительские, дружеские привязанности. Для них деньги стали тем же наркотиком, что и порошок, которым они торговали.

Задаю вопросы молодой красивой женщине, работнице районного отдела культуры в одном из городов Средней Азии: почему она разъезжает по стране, оставив двоих детей дома без материнского догляда?

- Ас ними мой муж.
- Простите, вы говорили, что в путешествии вас сопровождал муж.
- Это другой.
- Но в деле указано, что ваш муж отбывает заключение за убийство.
- Это — первый.

Туркменка — многоженица! Видимо ли было такое прежде? А она не смущается и не боится гнева своих сограждан. Лжет безудержно и безоглядно. Разоблаченная, выкручивается или соглашается, когда ее припирают к стене показания соучастников по бизнесу.

Вспомнились тут этапы мучительной, кровопролитной борьбы нескольких поколений лучших людей туркменского народа за освобождение женщин от социального неравенства, мужнего гнета, от темноты и невежества. И как же распорядилась дарованными ей свободами и преимуществами эта женщина? Образование, интересная профессия, семейная доля — все брошено под ноги, растоптано в грязь. Но судьям не положено выражать свои эмоции, «читать мораль». Да и по всему видно: запоздали люди с наставлениями. Человек утратил способность самоосуждения, а без него все старания пробудить угрызения совести — напрасны.

Еще более отвратительное явление — милиционер, вовлекший в страшный бизнес шофера-наркомана, которого приметил и запугивал тюрьмой. Эти двое воспринимались своего рода сим-

волическими сиаемскими близнецами: безудержная корысть и неостановимая жажда очередной дозы дурмана всегда найдут друг друга. К цели они идут, словно танки с сорванными тормозами, уничтожая все на своем пути. И сами непременно оказываются в кювете. Вот и эти «бизнесмены»: у одного на восемь долгих лет без отца и мужа остался дом, потеряны навсегда доброе имя и любимая работа. У другого — беспомощная мать-старуха вряд ли дождетса блудного сына из мест весьма отдаленных.

Каковы же масштабы этого бедствия? Вот сведения к середине 1987 г., опубликованные в «Известиях» (№ 133, 1987). В США 22 млн. зарегистрированных наркоманов и 22% населения хоть раз да попробовали наркотик, во Франции 1 млн. наркоманов, в нашей стране употребляющих (но не признанных медиками больными) 123 тыс., а состоящих на учете — 46 тыс. Из них 14 тыс. (!) несовершеннолетних наркоманов.

К сожалению, действенных способов лечения этого недуга медицина еще не нашла. Лишь 10% прошедших курс становятся нормальными людьми. Большинство употребляющих наркотики, как уже говорилось, встают на путь преступления. Подсчитано, что 8% из них тратят в месяц от 300 до 500 рублей, 22% — от 1000 до 3000 рублей. Понятно, что даже самые состоятельные люди, попавшие в зависимость от наркотиков, не могут удовлетворить собственные потребности без «левых» или жульнических заработков, если не занимаются настоящим грабежом.

Конечно, в сравнении с буржуазными странами у нас это заболевание еще не стало эпидемией. А надо ли ждать пожара? Ведь и в США начиналось все с четырехзначных цифр.

Будто снежный ком, лавина с гор растет, набирает злую силу эта беда. Остановить ее, как и распространение алкоголизма, можем мы лишь общими усилиями. И в этой борьбе ваше место — едва ли не на переднем крае. Ведь это ваши сверстники прежде всего попадают в липкие тенета совратителей чистых душ. Это вы первыми узнаете о том, что ваш друг, подруга, знакомые «попробовали» запретный плод. Чаще всего вы держите эти. знания в тайне.

— А что вы предлагаете? Доносить на своих? Нет уж, увольте! — так и слышу негодующие голоса.

И вспоминаю себя в юношеском возрасте. Да легче язык проглотить, чем пойти к учителям, к родителям с кляздой на однокашника. Но ведь это — не безобидная шалость. Тут жизнь на кон поставлена. Представьте себе: на вашего товарища напала стая хулиганов. Схватка неравная. Что же, вы будете раздумывать: звать на помощь или «делать хорошую мину», молча погибать? Конечно, нет резона поднимать крик по первому сигналу беды: стоит прежде испробовать собственные средства помощи. По-пытаться отговорить товарища от повторения проб и ошибок. Если ;;; чувствуете, что вашего влияния недостаточно, — зовите роди-

телей. Ваше молчание может обернуться преступным пособничеством.

Однако есть задача и посложнее: алкоголизмом или даже наркоманией страдают взрослые люди, сами родители. Да еще и детей, подростков вовлекают в преступление. Дума», первым шагом к их отрезвлению — и физическому, и моральному — будет решительный и стойкий отказ делить с ними застолье, «балдение». А дальше — все как у любого педагога, сталкивающегося с трудным подростком: вовлекать старших в полезные и интересные занятия. Да-да, это не такое уж редкое явление, когда, нелегкие обязанности воспитателя ложатся на неокрепшие ребячьи плечи. Вам, наверное, попадались газетные заметки, где рассказывается, что главой семьи становится старший сын (или дочь), на чьих руках не только младшие сестренки и братишки, но и непутевые, опустившиеся родители. И ребята изо всех сил стараются сохранить остатки отчего дома, не дают рухнуть его стенам под напором злых ветров. К ним на подмогу приходят другие родственники, соседи, сослуживцы. А еще — врачи, наконец, и разные административные органы.

Но всего дороже ребятам из неблагополучных семей увидеть и почувствовать: школьные друзья не оставят их один на один с огромным горем, как это — увы! — бывает слишком часто в реальной жизни. Ведь как мы рассуждаем в эгоистическом благодушии: мы сами закон блюдем, в нашем доме — мир и лад, пусть специальные службы заботятся о тех, кого настигла беда. А нам всех нуждающихся в сочувствии не отогреть и не утешить. Зато как мы негодуем, когда равнодушие касается нас самих. И не догадываемся: это нам воздалось сторицей по делам нашим. Бумеранг черствости неотвратим и беспощаден.

...В одной из передач телевидения «12-й этаж» весь Союз стал свидетелем непреднамеренного противостояния сверстников: ребят из группы добровольной помощи обществу охраны памятников культуры и истории и так называемой «лестницы». Одни страстно отстаивали свое право решать судьбу архитектурного облика родного города, другие — «лестница» — обнаружили полное к нему равнодушие. Одни требовали: не мешайте нам трудиться на общую пользу, другие — «лестница» — твердили: дайте нам то да се, создайте условия для развлечений, для слушания тяжелого рока, занятий брейк-дансом и т. п.

Первые призывали вторых: идите к нам, нужны позарез сильные, ловкие, молодые, как раз такие, кому под силу вынести нагрузки тяжелого рока и брейка, но только мускулы их нужны не для танцев, а для спасения разрушающихся зданий. Вторые вяло возражали: нам учиться нужно, уроки готовить, — словно бы первым делать нечего, заданий им учителя не дают.

Спор ни к чему путному не привел. Как и должно было быть: кто настроен брать на себя, никогда не сговорится с тем, кто берет себе; кому покоя не дают чужие заботы, не сговорится с тем,

кто ищет развлечения своей скучающей лени. Из числа первых выходят герои всех времен, не только нашего. Из вторых... всякое может выйти. Но в болото бездуховности они забредают гораздо чаще, чем первые. А значит, выше у них опасность увязнуть в преступных связях и привычках; реальнее возможность скатиться вниз по скользкой лестнице.

Если хотите, в этом противостоянии столкновение не подростковых групп — столкновение мировоззрений, которые не знают возрастных границ, деления на «отцов и детей». Среди взрослых тоже немало стоящих по разные стороны баррикады в отношении к ценностям жизни. Одни ведут неустанную борьбу не только на крупных плацдармах, но и за каждого из нас. Другие не испытывают охоты тратить себя на благо других: я занят, у меня «уроки», пусть работают те, кому деньги платят, мне нет дела до других.

Когда наше общество взялось за очищение собственного дома, многие из таких любителей единоличного комфорта решили, что для этого потребуется усилить наказания за проступки и пороки, сократить продажу алкоголя, улучшить лечение больных алкоголизмом и наркоманией. Наивные (или лукавые?) представления! Все эти меры действительны лишь для излечения тех, кто «баловался» горячительными напитками и «травкой», обезьянничая, чтобы не казаться белой вороной среди развеселой компании. А душа и помыслы тосковали по настоящему делу, по чистоте и красоте человеческих отношений. Их отвратить от дурмана можно сравнительно просто: открой двери кружков, клубов, дай простор инициативе, позови к честным и интересным людям, и забудут они грехи юности. Но вот люди с опустошенной душой для самооглушения найдут способы и средства при любых строжайших запретах и «сухих законах».

Значит, *прежде всего искоренять нужно не следствие — причину: бездуховность, убогость мыслей и чувств, мелкий эгоцентризм.*

Подумайте вместе: где ваше место в народной борьбе за оздоровление нашего образа жизни? Удалось вам преодолеть искушение — попробовать «запретный плод»? Остановили вы друга или подругу, тянущихся к дурману? Если нет — почему? Что для вас важнее: сегодняшние насмешки «многоопытных» лидеров вашей компании или завтрашняя сломанная судьба и осуждение, уже не только словесное, общества, родных, друзей? Какие способы противостояния чужому вредному влиянию вы предпочитаете: молчаливый уход в сторону, открытое возмущение, деятельное вовлечение своих сверстников в круг своих полезных интересов?

РАЗВОД ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Стоит ли убеждать кого-то, что чем более отстранены друг от друга члены семейства, чем больше каждый озабочен собственным благополучием в ущерб другим, тем выше риск остаться супругам в одиночестве. К сожалению, почти привычным явлением стали у нас разводы — это свидетельство нашего социального нездоровья. Ведь уж как страдают все участники печальных событий, сопровождающих распад семьи! Бывшие муж и жена наносят душевные травмы и друг другу, и детям, и родичам. Загляните в приемные врачей-невропатологов, в психотерапевтические клиники и консультации, да и в больничные палаты для сердечников и язвенников — значительную часть пациентов составляют жертвы разводов.

Вот данные, полученные американскими врачами: развод ослабляет иммунную систему женщины. Они более подвержены инфекциям, в 6 раз чаще умирают от пневмонии. И вообще — посещают врачей на 30% чаще, чем имеющие нормальную семью. Правда, все те же печальные показатели — у женщин, несчастливых в браке, т. е. любое неблагоприятное, подтвержденное официальным документом или нет, равно болезненно отражается на женском организме.

Стойкость иммунитета мужчин в зависимости от семейного положения американские специалисты еще не изучили. Но у нас есть сведения, что на них семейные неурядицы или одиночество действуют еще хуже. Бессемейные умирают от болезни сердца в 3,5 раза чаще, чем живущие в кругу родных. Дорожные катастрофы с первыми случаются в 5 раз чаще. Самоубийством кончают холостяки и разведенные вкуче чаще семейных в 6 раз! Еще 150 лет назад было зафиксировано: ни один холостяк не попал в число долгожителей. Даже в сравнительно молодом возрасте, 20—30 лет, смертность среди холостых мужчин на 25% выше, чем среди женатых.

Удивительные эти цифры наводят на мысль: широко бытующее представление, будто семья больше всего нужна женщине, не подтверждается жизнью. Одинокие женщины менее драматично переживают свое одиночество. Средняя продолжительность их жизни не намного отличается от продолжительности жизни женщин, имеющих семью... Что же в браке столь важно для мужчины? По всей вероятности, его общее самочувствие связано с уверенностью: он нужен КМУ-ТО, от его здоровья, труда, преуспевания зависит весь домашний уклад. Он лишний раз побережется в рискованной ситуации, он и строже в нравах, чем его товарищ-холостяк, наконец, ему есть на кого опереться в трудную минуту. И еще очень важный фактор: общественное мнение. (Само слово «холостяк» по-русски означает половую ущербность, неполноценность.) Наличие детей всегда давало основание мужчине чувствовать свою физиологическую мощь. Вот и причина бодрого духа,

который противостоит разным недугам. А развод губительно действует на отца семейства потому, что сразу лишаются смысла даже его производственные успехи: кому они в радость?

Как развод отражается на детях — видеть и слышать рассказы о них горько. Оказывается, дети — самые большие «собственники». Они ни с кем, ни с чужими тетями-дядями, ни с новоявленными сводными братиками-сестрами, не желают делить любовь и внимание *моего* папы и *моей* мамы. Вот как пишет об этом специалист по проблемам семьи из Литовской ССР, где очень высок процент распадающихся браков, Н. Я. Соловьев: «...и пред-разводная и послеразводная ситуация наносит здоровью ребенка непоправимый вред... После развода родителей трех-шестилетние дети испытывают чувство вины и самоуничижения, семи-восьми-летние — злость и обиду, главным образом — на отца, десяти-одиннадцатилетние — обиду на обоих родителей. Более трети детей обычно хуже учатся, нарушают дисциплину, некоторые начинают конфликтовать со всеми, даже с друзьями, иные убегают из дома».

Таким образом дети протестуют против капризов и игры родительских чувств и отношений. И справедливо: они нуждаются в обоих родителях, а не в одном, как бы тот его ни любил, ни баловал. Дети и есть главные страдальцы при распаде семьи.

— А нельзя избежать подобных страданий, отменив вообще разводы?

Несколько столетий христианская религия именно так и решала проблему: брак заключался раз и навсегда. В России развод разрешался только в особых случаях: когда один из супругов оказывался-бездетным, когда свершалась измена и она-была доказана свидетелями прелюбодеяния, когда один из супругов оказывался душевнобольным или был осужден на длительный срок.

Какими муками оборачивалась невозможность развода и для супругов, и для детей, когда ненавидящие друг друга люди оказывались осужденными на вечное пребывание под общей кровлей, можно только вообразить по трагическим повествованиям (Анна Каренина — хрестоматийный пример).

Революция решительно разрушила такую установку. В. И. Ленин считал, что право человека на свободное заключение брака должно непременно подкрепляться и правом на развод, когда супружеские чувства себя изжили. Был период (после Великой Отечественной войны, он и вызван был великими потрясениями и потерями, которые понесла советская семья), когда оформить развод было делом затыжным и унижительным. Но жизнь убедила: у погасшего огня и супруги не согреются, и детей остудят.

Изменение закона о семье и браке привело к увеличению числа разводящихся. Расставались уже не только плохие жены с плохими мужьями, но и хорошие с хорошими, переставшие быть нужными и милыми друг другу.

Приходится слышать недовольство упрощенностью юридичес-

кой процедуры. Дескать, нужно, чтобы муж и жена жертвовали при разводе чем-то серьезным. Может, остановились бы, задумались, а там — страсти улеглись, глядишь — и помирились. Не уверена, что тут многое изменит сама процедура. Да она и нынче не из приятных, и время дается супругам на размышление. Право на развод — высокое завоевание общества. Как говорил

В. И. Ленин: «...на деле свобода развода означает не «распад» семейных связей, а, напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях». (*Ленин В. И.* Поли. собр. соч.— Т. 25.— С. 286.)

Возросшее число разводов некоторые исследователи зачисляют в разряд доказательств «кризиса семьи». Думается, что это явление скорее означает не упадок ее авторитета и возможностей, а рост требований супругов друг другу, к стилю и образу совместного бытия. Значит, семья со временем будет расти качественно, ни мужчину, ни женщину видимость семейных отношений, «лишь бы замужество, лишь бы дом», — теперь не будет устраивать. Они ищут подлинно человеческое, гуманное, высоко нравственное соединение. Разводами они не семью отрицают, отрицают формальный брак во имя подлинного.

И вообще, нам пора признать: семейные радости и труды — удел не всех и каждого. Как в прежние времена были женщины и мужчины, считавшие себя «не созданными для блаженства», так и всегда будут. И винить их в этой неспособности — напрасные хлопоты.

Государство сделало немало для того, чтобы нейтрализовать или совсем уничтожить социальные корни развода: этому способствуют уравнение женщин с мужчинами и свободный выбор пар, запрещение насильственных браков, осуждение расчетливых отношений, снятие национальных и религиозных препятствий для суп-пужества и т. д. Что же касается природных корней развода (непостоянства влечения друг к другу мужа и жены, например), то попытки «исправлять» ситуацию в законодательном порядке не дали добрых результатов: утратившие привязанность супруги нередко устраивали ад кромешный в собственном доме или ударялись в бега, если им не позволяли расторгнуть брак.

— Но что приводит к разводам, если 90% современных браков заключается по любви?

Самое большое зло для семьи мы уже назвали — алкоголизм, именно эта причина в 44% случаев указывается в судах. В особенности когда инициатором развода выступают женщины, они же нынче подают почти 2/3 заявлений о расторжении брака. Это значит: 300—400 тыс. семей терпят крушение, разбиваясь о пьяный быт, а не о быт вообще. В последнее время растет число разводов, в которых уже муж оставляет пьющую жену и забирает с собой детей. Самое отвратительное из всех «приобретений» эмансипированных женщин.

Около 25% разводов — из-за супружеской неверности. И тут тоже ничего не возразишь, никакими новомодными теориями не прикроешься. Никогда и нигде не терпели люди измену, ни в дружбе, ни в любви, ни в отношениях деловых, ни в отношениях к своему народу, к Родине-матери. Все можно простить: ошибку, оплошность, недомыслие, даже нечаянное падение, но не предумышленное предательство!

Отчего человечество так непримиримо к этому явлению? Потому что ни одно совместное деяние невозможно совершать без веры друг в друга. Роду не выжить, нации не устоять перед чужим натиском, если нельзя положиться на самого близкого.

Разлюбил человек — бывает, мы по природе своей — увь! — не однолюбы. Иначе не было бы первой и других влюбленностей, не выходили бы вторично замуж и не женились разведенные и вдовы, не посещало бы нас, как самое мучительное наказание, влечение замужней или женатого к чужому мужу или жене. Что тут делать? Наверное, прежде всего нужно выдерж кой и временем, разлукой испытать новое чувство — не обман ли это, не просто томление тела и души, принятое за глубокое чувство.

И еще нам полезно помнить, что любовь имеет свои приливы и отливы, свои периоды бурного цветения и временной остуды. Био ритмы присущи всему живому, они определяют, по мнению медиков, 90% физиологических процессов, в том числе потребности в физиологической близости с супругом или супругой. Доктор философских наук В. И. Зацепин в книге «О жизни супружеской» рисует диаграмму подъемов и спадов любовного влечения у разных индивидов. Он обнаружил, что повышенная конфликтность возникает между супругами, у которых накладываются друг на друга волна прилива и пора спада чувства.

Ученый считает, что супругам полезно в пору осложнений и охлаждений отправляться в командировку, в отпуск, отвлекаться, наконец, каким-нибудь интересным занятием, короче, отходить друг от друга на безопасное расстояние. Глядишь, значительно реже вспыхивали бы «немотивированные» стычки и поослабло бы влечение к другому объекту, который оттого, может, и стал привлекателен, что временно немилой стала «половина».

Можно использовать эти знания и в отношениях между друзьями, влюбленными. Эти отношения ведь тоже подвержены биоритмическим колебаниям, и бывает, что между всегда душевно близкими людьми словно черная кошка пробегает. Ссорятся из-за чепухи и понять не могут: что с ними происходит? Им бы тоже на время отойти друг от друга без обид и упреков, тогда и возвращение было бы радостным.

Мы уже говорили, что по-настоящему и измены, и ссоры, и недоразумения, которые потом сводятся к стандартной фразе в заявлении о разводе — «не сошлись характерами», чаще всего — дань нашему невежеству, незнанию самих себя, своей природы

и природы другого человека, ставшего самым близким, но не самым понятным. Слишком дорогая дань.

Снова цитирую Н. Я. Соловьева: «Спешим, братцы, спешим... И самое горькое, что многие понимают: развод не принес им счастья! По зарубежным исследованиям, даже спустя два года 25% женщин и 20% мужчин жалели, что расстались. Вот и плачут по ночам в подушку: «Вернись, я все прощу». Прощать бы раньше — и упреки, подозрения... Думаю, не каждое увлечение ставит под сомнение брак, не всегда оно — измена, хотя, видимо, всегда — обман доверия. Что ж, мы призываем быть терпимым к недостаткам другого, — возможно, в каких-то случаях это относится и к неверности. Но подчеркиваю: если она случайна, если из семьи не ушла любовь».

Но этот же ученый категорически исключает всепрощение. Оно немислимо в доме, где растут дети. Такая обстановка их растлевает. Когда невыносимо совместное житье, то нужно постараться расторжение брака по возможности обезболить и облагородить разумом. (Ищем же мы и находим средства, помогающие обезболиванию родов, хотя это естественный процесс.) И первым таким средством, на мой взгляд, является убеждение: человек является кузнецом не только своего счастья, но и своего несчастья. Сама «операция» развода, бывает, от его воли не зависит. Но зато целиком от него зависит, будет ли она проведена «малой кровью» или обескровит и его и близких людей в бессмысленных и недостойных баталиях.

Попытаемся сформулировать некоторые условия «благополучных» разводов, иной раз прибегая к доказательству методом от противного. Хочется обратить внимание на возможность разумных поступков, когда сердце бывает оскорблено и непримиримо. (И снова обращаю внимание ваше на то, что суждения о разводящихся супругах вполне применимы к дружеским связям, к отношению между влюбленными.)

Медея, героиня древнегреческого мифа, чтобы отомстить изменнику Ясону, убивает своих (его) детей! Попытки различных мыслителей и писателей понять и оправдать убийцу-мать так и не достигли цели. Конечно, большего предательства со стороны мужа и вообразить нельзя. Ясон оставил не просто жену, он оставил женщину, которой был обязан исполнением своей исторической миссии, славой, успехом и даже спасением своей жизни. Он предал ту, которая сложила к его ногам все, чем богат, тверд и крепок человек: любовь отца, свои идеалы (своих богов), она оставила родину, сменила царское положение на горький хлеб изгнанницы. Преступление Ясона, по убеждению Медеи, должно было получить соответствующее возмездие. И она его нашла. Однако, как это нередко бывает не только в искусстве, но и в жизни, карающий меч оказался обоюдоострым.

Мне думается, эта легенда несет в себе очень важное предостережение. *Как бы велика ни была жертва, принесенная на алтарь*

любви и супружества, как бы велико ни было предательство и неблагодарность, нельзя самому потерпевшему выступать в роли судьи. Наказывая изменника, можно жестоко ранить невинных и замучить себя. Нравственный опыт человечества подсказывает нам первую «бракоразводную заповедь»: не суди, да не осужден будешь. Передай в беспристрастные руки решение спорных дел: виновен — не виновен, в какой степени и как наказать? На то и существует суд: государственный, людской, наконец суд совести самого предателя. Пострадавшей стороне больше присуще гордое терпение.

Многому учат нас и более близкие к нам исследователи человеческих судеб. Например, Н. Г. Чернышевский и Л. Н. Толстой искусно воспроизвели поведение «новых» людей в таких довольно традиционных обстоятельствах, как осознание горькой истины, что ты нелюбим, что тебе предпочли другого. Дмитрий Лопухов (герой романа «Что делать?») и Федор Протасов (герой драмы «Живой труп») поступили на удивление одинаково: симулировали самоубийство и исчезли из жизни своих честных, порядочных, но нелюбящих жен. Вдумчивый читатель нам возразит: у первого еще не сложились отношения с женой, супругами они были только юридически; у второго эти отношения уже распались и тоже оставались супружескими лишь по документам. Значит, у обоих пар «делить» было нечего. Надо было привести форму в соответствие с содержанием, что и было сделано весьма деликатным образом.

Все это так. Но есть, по-моему, здесь определенный нравственный урок. Жертвуют своим благополучием не «виновные», а «потерпевшие», не те, кто предпочел другого партнера (пусть лишь в мыслях, в душе, а не в поступках), но те, кто осознал: выбор сделан не в их пользу.

Какая же в этой жертве мудрость и справедливость?

Мудрость та, что оба супруга предпочли доброе отношение, уважение и благодарность жены ее ненависти, презрению, унижительным выяснениям отношений — всему, что сопровождает обычно попытки насильно удержать «законную половину», усугубляя чувство ее вины за невольное возникшее влечение к другому человеку.

В. А. Сухомлинский справедливо писал, что чем чаще ребенка судят и осуждают окружающие, тем меньше у него остается совестливости, тем больше желания сделать тоже виноватыми, «тоже плохими» своих собственных судей. Или хотя бы представить их таковыми в собственном воображении. Истина эта применима и к взрослым. Виноватая «половина» нередко ищет средства уличить, обвинить партнера, чтобы не выглядеть уж вовсе дурной.

Вот сама собой напрашивается и вторая заповедь, которую неплохо бы помнить нам в любых конфликтах и критических ситуациях: *не умножай зла, не усугубляй вины виноватого*. По совести признать, заповедь очень трудно исполнимая.

В процессе распада семьи люди порой раскрываются с самой неожиданной стороны даже для самих себя. Всегда бескорыстные вдруг становятся мелочными. Мягкие, всепрощающие — непримиримыми ненавистниками. Как говорят медики, в патологии нередко выявляется то, что скрыто в норме. Скрыто... Но не отсутствовало же вовсе. Катаклизмы обнажают пласты чувств и отношений, но не привносят что-то невиданное. Поэтому истинная цена супружеских связей, их культура и порядочность как раз и обнаруживаются в период разрыва. И когда мы слышим о скандальном разводе «вполне порядочных» людей, можно с большой долей основания поставить их порядочность под сомнение. При всем при том не будем смешивать со скандальностью мучительность, болезненность развода. Это совершенно разные понятия. Первое — общественное поведение, а второе — душевное состояние.

Многие мужчины и женщины находят мудрые и гуманные решения, когда расстаются. Они не отказывают друг другу в уважении, дружбе. Их дети продолжают любить и ценить обоих.

Тут, пожалуй, самое место и время рассказать об одной ситуации, когда супруги, разводясь, избежали унижительных сцен. Заслуга в этом прежде всего принадлежала женщине. Как объяснила «потерпевшая», помогло знание, пусть и дилетантское, основ самовнушения, аутотренинга.

В момент признания мужа, что он любит другую, она чуть было не лишилась рассудка. Потом сдержалась, вспомнила советы психологов: в любом, самом отчаянном положении можно отыскать точку нравственной опоры, зацепившись за которую удержишься, не сорвешься в бездну отчаяния. Надо только ее отыскать. Эту точку опоры она обрела в мыслях о том, что у нее была любовь, у нее есть ее плод — ребенок. Не каждому так везет в жизни. То есть она сосредоточила свои мысли не на том, что теряла, а на том, что имела.

Ее былые радости, счастье, воспоминания о них никакой суд и развод не отнимут. А ведь человеческое самочувствие не одним сегодняшним днем питается. В него крепко вплетены вчерашние страсти и надежда на завтрашний успех. Когда же впереди неизвестность и даже тем более — печаль, особенно бережно стоит хранить свет, идущий из прошлого.

Это самовнушение помогло ей обрести равновесие, а потом и новые, снимающие боль, доводы появились. Она начала приучать себя смотреть на мужа как на «чужого» мужчину, которого она любит, а он ей не отвечает взаимностью. **Что же**, разве такое случается редко? Но никто же при этом не выставляет свои переживания напоказ, не тычет пальцем в сторону «виновного». Как, впрочем, не демонстрируют обычно и счастливую любовь. Значит, надо скрыть раны, скрыть боль от окружающих, и прежде всего от ребенка. Ему вообще ни к чему знать о сердечных переживаниях матери. Для него папа просто живет отдельно.

Из этой истории можно вывести еще одну заповедь: *не топ-*

тать свое счастливое прошлое. Оно даст силы пережить тяжелое настоящее. В материальных делах держаться норм, определенных законом. Что и кому положено — отдавать без дискуссий. Если кто-то недоволен, пусть спорит с гражданским кодексом, а не с бывшим супругом (супругой). Как объяснила та женщина, и в этом бескорыстии есть свой «расчет».

— Я решила: если стану ущемлять его законные права, этим только сниму с его души сознание несправедливости предпочтения мне другой женщины. А это сознание для него самое тяжкое наказание.

Не стану лукавить: счастливому концу у этой истории не было. Как я уже говорила, женщина осталась одна. Но процесс распада семьи не отнял у нее лишних сил, здоровья, нервов, собственного достоинства. Все она сохранила. Сохранила и уважительное отношение бывшего мужа к себе, и заботливого отца своему ребенку. На мой взгляд, это и есть один из вариантов «развода по-человечески». Известны и другие случаи. Их не так уж мало, вопреки общему впечатлению. К сожалению, искусство (и наука), повторяю, интересуется лишь громкими драмами и трагедиями. (Статистика утверждает: особо мучительные разводы случаются в двух-трех случаях из ста.)

Поскольку мы признаем многовариантность любви, постольку можно ожидать и многовариантности «благополучных» разводов. Смягчить страдания двух людей, не сумевших построить общий дом, может убежденность: они утратили лишь часть былых связей, они перестали быть возлюбленными, но отнюдь не перестали быть родителями, порядочными людьми, наконец.

В этой главе мы касались самых болевых точек в семейных отношениях. Точнее — некоторых. Потому что, действительно, истина — одна, а заблуждений — тысячи. Закон — общий, а нарушения его индивидуальны. Так, к примеру, мы оставили в стороне острые для нашего времени вопросы отношений мачехи и отчима к неродным детям.

...В какой мере все эти проблемы имеют отношение к вашей нынешней жизни? В самой прямой и непосредственной. Мы уже столько раз говорили: в семье главное — общий настрой, нравственный климат. И творится он каждым членом независимо от возраста, пола, состояния здоровья и материального обеспечения. Именно вашего сострадания и не хватает старшим, когда они, случается, попадают в вязкие тенета ссор, неудач. Когда в доме беда, ее не чужими руками разводят, а собственными. И в ваших силах либо помогать тушить пожар, либо подливать масла в огонь, «грея руки» на этом огне.

Наверное, подлинным проявлением вашей человеческой зрелости может быть решение видеть в неполадках, в крушении семьи не чью-то злую волю, а скорее стихийное бед-

ствии. И стойко, мужественно преодолевать его разрушительное воздействие: спасать в душах своих родных все доброе, что прежде объединяло их, напоминать о светлых радостях и праздниках, о поддержке и участии со стороны «враждующих сторон». И уж, конечно, пересиливать собственную боль и растерянность, желание укрыться, спрятаться от навалившейся беды.

Выше говорилось о настроениях и чувствах, которые овладевают детьми при разводе родителей. Помогите младшим братишкам и сестренкам одолеть отчужденность от взрослых и сверстников, их дерзкую конфликтность, помогите обрести особый интерес в учебе, в занятиях спортом, искусством. Короче, не замыкайтесь сами и не позволяйте и старшим, и младшим замкнуться на горестных мыслях.

Иногда именно стойкость подростков и юношей является той «соломинкой», которая позволяет «тонущим» взрослым добраться до спасительного берега.

ОДИНОЧЕСТВО: БЕДА ИЛИ ВИНА!

Компания взрослых обсуждала международные события. Пожилая женщина, пережившая блокаду Ленинграда, с тяжким вздохом заметила:

— Все можно выдержать, стерпеть, лишь бы мир сохранить.

Что может быть страшнее войны?

Пятилетняя внучка ее, вертевшаяся подле взрослых, отозвалась немедленно:

— Страшней войны одиночество!

И как бывает в таких случаях, когда устами младенца глаголет истина, общество онемело, переглядываясь и недоумевая: откуда этому птенцу, даже на час единый не оставшемуся без общения со старшими и сверстниками в детском саду, известен ужас одиночества? И на чем, он, вообще, основывается?

Важнейшая сущность человека определяется философами как совокупность общественных отношений. Это определение видимо, надо понимать так, что индивид, лишенный общества себе подобных, не может стать человеком. Помните: в главе о влиянии близкого окружения на формирование нашей личности приводились слова К. Маркса: «Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к себе как к человеку». Выходит, без Павла (или любого иного представителя рода человеческого) не быть и Петру (и любому из нас)! Вот, по всей вероятности, откуда этот страх перед одиночеством.

Однако, по убеждению Ф. М. Достоевского, одиночество невыносимо как образ жизни, но необходимо для отдохновения души, как сон — для восстановления телесных сил. Есть натуры, которым

такое отдохновение требуется чаще и в больших дозах, чем другим. Таких обычно именуют людьми замкнутыми, нелюдимыми, с ними трудно найти общий язык, сотрудничать, веселиться. Кто такие — одинокие? И каково им живется-может?

— Скажите, почему общество отдает предпочтение семейным гражданам? Ведь уже доказано: жить семьей трудней, но и счастливей, чем в одиночестве. Надо ли еще досаждать всяческими ограничениями тем, кто и так обделен судьбой?

Вопрос этот не раз обсуждался в молодежной аудитории, ведь нынче значительно вырост легион одиноких мужчин и женщин.

Известны объективные социальные причины бессемейности молодых людей: например, наличие у нас городов и сельских мест, где остро не хватает мужчин и «незамужние ткачихи (доярки, птичницы, учителя, врачи и т. д.) составляют большинство». Одновременно растет число новостроек, где чрезвычайно низок процент молодых женщин в сравнении с количеством мужчин — строителей, лесорубов, моряков... Существуют в старых городах преимущественно мужские или женские производства: металлургические комбинаты, шахты или предприятия легкой промышленности. Там встретить будущего супруга или супругу чрезвычайно трудно, а то и невозможно. Значит, встретиться потенциальные женихи и невесты могут лишь на досуге, во время отпуска. Нужно увеличивать число молодых клубов, танцевальных залов, туристских баз.

Мешают созданию молодых семей и материальные трудности, и нехватка жилья. Возникла и такая причина роста холостяков: экономическая и моральная независимость женщин, что обеспечивает им возможность выбора образа жизни и стиля поведения.

Как мы говорили выше, холостыми остаются и мужчины, для которых супруга всего лишь универсальная прислуга. Такие девушки ныне редкость, зато к услугам холостяка множество всяческих ателье, столовых, контор, которые позволяют ему вести собственный дом и без женской помощи.

Однако стоит приглядеться повнимательней, как заметишь: в абсолютно одинаковых условиях одни молодые люди создают семью, преодолевая все объективные сложности, другие — так и остаются неприкаянными, ходят греться к чужому огню. Значит, существуют и какие-то субъективные, личностные причины, приводящие к одиночеству. Наверное, нам полезно осмыслить именно это явление.

— У моих родителей есть родственники и приятели, которые не имеют семьи, однако не производят впечатления больных, нечастных, тем более обреченных. Напротив, многие из них преуспевают во всех делах и выглядят энергичными, жизнерадостными. Мои мама и папа порой даже завидуют их вольной жизни, — как-то возразила одна старшеклассница во время беседы на эту тему.

Тут требуется уточнение: кого мы именуем одинокими, бессемейными. Нередко в эту категорию мы заносим людей, имеющих

множество разнообразных родственных связей. Знакомые и родственники, про которых говорила девочка, вполне может стать, сами имели родителей, к которым были очень привязаны и чье внимание, забота питали их сердце любовью и кому они платили тем же чувством. Были у них и сестры-братья с детьми, кого они любили горячо и искренне. (Вы можете вспомнить своих или родительских тетей и дядей, без коих не проходит ни одно важное событие в вашем доме.) Конечно, такого рода связи не могут в полной мере заменить настоящую семью и кровных детей, но все же в определенной степени снимают остроту чувства неустроенности и неприкаянности, которое переживает вовсе одинокий человек.

Известны и такие случаи, когда лучшие друзья семейного дома становятся почти родичами: в радости ли, в беде — они тут как тут. И берут на себя ношу потяжелее, а награду находят в успехах своих приятелей. И тем самым обретают самый ценный статус — дорогого, необходимого человека. А это очень важно для внутренней устойчивости, для того, чтобы не сетовать на судьбу.

Есть большая категория женщин, которые обзаводятся всеми хлопотами родной матери, так и не создав собственной семьи. Это — бездетные и незамужние няни, воспитательницы чужих детей. Литература всех времен и народов запечатлела доброе тепло, сердечную мудрость нянюшек, выпестовавших многих великих людей, и те обессмертили некоторых из них своей любовью и признанием. Например, А. С. Пушкин именно Арину Родионовну звал мамушкой и ей, не матери, посвятил самые проникновенные и ласковые строки:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

Марина Цветаева признавалась, что хотела бы быть для Поэта тем, чем была ему Арина Родионовна, и лучшей доли не пожелала бы: не матерью, не возлюбленной, не женой, а именно няней-подругой.

Приведенные примеры и те, которые вы отыщете в своем окружении, лишний раз подтвердят, что к любому явлению нужно подходить не шаблонно, а вдумчиво. Дальше мы будем анализировать состояние и поведение людей, несчастливых в своем одиночестве.

Попробуем разграничить их по особенностям характера и по отношению к семье.

К первому типу можно отнести тех, кто хочет завести семью, но не может.

Второй в принципе не прочь обзавестись семейным кругом, но может обойтись и без него. Семья для него «меньшее зло», чем одиночество, но отнюдь не желанное благо.

Третий — принципиальный противник семейной жизни, хотя имеет все объективные и субъективные возможности для ее создания.

Четвертый и не может, и не хочет обзаводиться семьей.

Четвертый из обнаруженных типажей, по всей вероятности, мам здесь придется обойти молчанием. За невозможностью и нежеланием создать семью кроются чаще всего серьезные невзгоды, болезни тела и души, может, даже трагические обстоятельства. По это — единичные случаи.

Первый типаж очень распространен среди одиноких. Главным образом его составляют люди застенчивые, робкие, скромные по природе и воспитанию. Поскольку этими свойствами бывают наделены в первую очередь девушки, поговорим именно о них, хотя все сказанное юноши легко могут перевести на свой счет, как и последующие примеры, когда поведение представителей разных полов мало отличается.

В любом зале, где шумно веселится молодежь, легко заметить девушек, которые жмутся к стенке, прячутся за колонны весь вечер, наблюдая за чужим весельем и успехом. Они уходят в тень, чтобы скрыть свои истинные или, что чаще всего, вымышленные и, уж конечно, преувеличенные недостатки, внешние и внутренние. Оттого, действительно, остаются в тени своих более бойких подруг, которые ни в чем прочем их не превосходят.

То, что незамеченными и отвергнутыми остаются нередко девушки, обладающие свойствами исконно женскими, что предпочтение оказывается их антиподам, заставляет некоторых усомниться: так ли уж ценны эти свойства? Иначе самыми желанными невестами оказались бы как раз они: застенчивые, скромные. А какими добрыми и верными женами, наверное, стали бы многие из них!

- В таком же положении нередко оказываются и более энергичные, самостоятельные, даже деловые девушки и женщины, но имеющие вполне определенный идеал возможного друга и супруга. Нередко его портрет «срисовывают» с отца или брата — мужчин, горячо любимых и чтимых. Они видят, что большинство подружек, некогда тоже мечтавших о рыцарях без страха и упрека, мирятся с реальностью и, выйдя замуж, потом всю жизнь старательно воспитывают своего мужа по собственному представлению о должном. Но бескомпромиссное сердце не откликается на зов человека, далекого от намеченного образца.

Если подобные «идеалистки» и отваживаются на замужество без высокой страсти, то, не способные к компромиссу, а точнее — не готовые к трудам по перевоспитанию себя и других, нередко разводятся и снова остаются в одиночестве.

Когда же грядет сорокалетие, многие из них охотно начинают участвовать в клубах «Кому за 30», обращаются в службу содействия созданию семьи («Службу знакомств») с просьбами о помощи.

Обратите внимание — и здесь мы встречаемся с благородными характерами и установками. Такие девушки и женщины не кидаются на шею первому встречному и поперечному. Они не смиряются с прозябанием в браке без любви и уважения. При этом они

готовы истово трудиться на благо близких, любимых людей, тоже будут преданными женами и самоотверженными матерями. За малым дело встало: найти идеального мужа. Л ими — увы! — не рождаются, ими становятся в процессе совместного духовного творчества.

К этому же типу относятся и женщины бесхитростные, простые, но постоянные в своих чувствах и поступках. Психологи про таких говорят, что у них основные нервные процессы довольно устойчивы, даже инертны. Одинокими они остаются, потеряв мужа, возлюбленного, сохранив в душе вечную к ним привязанность (и при этом не всегда бывает и важно: умер ли он, ушел ли к другой). Не предпринимают повторных попыток создать семью, когда обожглись на совместной жизни с пьяницей, грубияном.

Встречаются среди одиноких единственные, неповторимые мамы и папыны любимицы. Им хорошо, уютно под родительским кровом. И так не хочется от него отрываться, хотя они не мыслят свою взрослую жизнь без дружной собственной семьи. Но при этом чтобы в привычном укладе ничего не менялось. Когда же они все-таки выходят замуж, то редко становятся самостоятельными хозяйками и мужу не позволяют обрести независимость от родительской воли и опеки. Для них муж — мамин зять. Оттого случается возвращение в родные пенаты без вины виноватых, разобитых на всех мужчин маменьких дочек.

Точно такая же ситуация складывается и у многих единственных маменькиных сынков. Если же под общей крышей сходятся двое единственных и неповторимых, то удержать их друг около друга может разве что тесная спайка старшего поколения, занимающего вокруг юной четы круговую оборону и защищающего взрослых детей от любой непогоды.

Представительниц первого типа можно узнать по внешности. Они, как правило, редко отзываются на «крик моды», ждут, когда модель войдет в разумное русло. И так приспособят ее к себе, что она будет выглядеть вполне для них обычной. Косметика у них сдержанных тонов. Они никого не поразят неожиданной окраской волос, стрижкой, прической. Как же как и в собственной внешности, они не терпят резких перемен во всем прочем: в литературных увлечениях и развлечениях, в еде, в месте обитания. Инерция, т. е. постоянство, во всем. Она их доблесть и... помеха в создании семьи.

Пока их энергичные сверстницы дали исходять, семь башмаков истопчут в поисках суженого, девицы-скромницы и идеалистки семь платков исплачут в ожидании, когда к ним в окошко постучится добрый молодец. Им бы выбраться из теплого обжитого угла, сменить работу, а то махнуть на новостройку либо в растущую деревню перебраться, где, слышно, нынче в избытке неженатых мужчин-механизаторов. Но... инерция, робость: что скажут другие? Вот, мол, за женихами подалась! Неловко, неудобно,

неприлично. Так в нашей жизни все переплетено: что мы считаем добродетелью, может оказаться и недостатком, если взглянуть с другой стороны.

Второй типаж одиноких, как мы уже условились, представляют мужчины и женщины, которые выбирают брак как меньшее, чем одиночество, но тоже зло, пусть и общепринятое. Значительное число в этом ряду составляют молодые люди, выросшие в так называемых неполных или полных, но неблагополучных семьях. Думаю, что читатель сам улавливает логику подобного заключения: к семье осознанно стремятся прежде всего те, кто знает ее истинную и высокую ценность, кто привык находиться с детства под ее теплым и добрым крылом и просто не мыслит себе иного образа жизни.

Описываемый здесь типаж объединяет людей самых разных. Тут встретятся и инертные, и энергичные, и какие угодно. Общее у них — *неумение жать семейным кругом*. В последнее время ученые получили достаточно убедительные доказательства того, что даже инстинкт материнства в женщине, отцовства в мужчине проявляется сильнее, если в детстве перед ними предстал зримый пример любви и заботы о детях со стороны обоих родителей.

К данной категории тяготеют и те, у кого матери прожили свой век без мужа. Нынче это прежде всего дети и внуки вдов военной поры. Вон где еще достает нас война! Миллионы девочек, родившихся в конце 30-х — первой половине 40-х годов, видели отцов лишь на пожелтевших фотографиях, на память заучивали слова скупых солдатских писем-треугольников. Они не знали, как можно и нужно строить отношения в семье, где рядом с матерью есть муж и отец. Потому и копировали стиль и поведение мам. Такими же беспомощными и неумелыми женихами и мужьями нередко оказывались и молодые парни, выросшие в подобных домах. И те и другие потом воспроизвели свое неведение уже в собственных детях. Теперь оно «догнало» внуков.

Третий типаж — это те, кто имеет все возможности и условия для создания семьи, но принципиально отвергают такую перспективу. Это, так сказать, «идейные холостяки», как правило, преуспевающие в делах, умеющие обставить свой быт с комфортом и искусством, следящие за своей внешностью и здоровьем. Иногда они уверяют, что не горевали бы о своем положении, если бы не досаждающие им сожаления родных и знакомых по поводу их одиночества.

Принципиальное неприятие семенного образа жизни в последнее время находит немалое число сторонников, более того — делаются попытки подвести под него теоретическую базу. Иные спешат объявить именно таких людей подлинно современными, чуть ли не «знамением прогресса», соответственно зачисляя антиподов в разряд «традиционалистов», отсталых элементов.

Первый довод, который очень часто приводится в их пользу:

они, мол, более добросовестные, толковые и энергичные работники, чем их семейные и «детные» коллеги. Потому государству более выгодны. Утверждения такого рода обычно не опираются на официальную статистику. Поэтому и мы с вами имеем основание оперировать собственными наблюдениями и данными, тем более что мы уже сопоставили семейных и одиноких, стоящих ближе к пенсионному возрасту, по их должности, квалификации, заработку. И убедились: в подавляющем большинстве одинокие ничего не выигрывают в этом состязании. Кроме того, материально-экономическая и оборонная мощь страны все-таки зависит от числа рожденных и воспитанных граждан.

Второй довод иного, нематериального свойства: дескать, «принципиальные холостяки» являются аккумуляторами духовных ценностей, они приобщаются к достижениям

культуры, искусства, на освоение которых у загруженных бытовыми заботами семейных ни сил, ни времени нет.

" О количестве прочитанных книг, просмотренных фильмов, посещений выставок и фестивалей до последнего времени никто не спорил. А теперь социологи ставят под сомнение и это соотношение. И то, что именно холостяки имеют основание именоваться носителями духовных ценностей, требует доказательств. Разве что принять за истину бытующий среди полуобразованных людей предрассудок: ставить искусственную, т. е. отраженную, жизнь выше подлинной.

По этому канону, действительно, читать о чужой любви более «возвышенно» и «духовно», нежели самому испытывать глубокую любовь. Восторгаться мадоннами Рафаэля и Леонардо «благородней», чем самой быть матерью-мадонной. Сочувствовать трудам и подвигам, самоотверженности театральных и киногероев «предпочтительней», чем самой переживать тревоги и волнения, преодолевать трудности и невзгоды. Рассуждать о чьих-то судьбах, кем-то пережитых, затем осмысленных художниками, и бежать от своей собственной.

Все это почему-то именуется интеллигентностью. Хотя само слово «интеллигент» означает «понимающий сущность бытия». Оттого встречаются подлинные интеллигенты, не очень-то образованные. И напротив, бывают бездуховные, поверхностные книгогло-

татели, что заставляют удивляться: как же все великие и мудрые слова о Матери человеческой могли оставить сердце холодным, а ум настроить на отрицание, неприятие этой высочайшей женской миссии?

Из числа опрошенных 85% замужних женщин заявили, что для них семейные обязанности и производственная деятельность представляются одинаково главными. Вот это воистину знамение времени!

«Вы говорите: сочетание материнства с общественным трудом — знамение времени. Отчего тогда сложилось какое-то двусмысленное отношение к работающим женщинам, которые в одиночку растят детей (их так и зовут: мать-одиночка) Мы были на экскурсии в Риге и читали в газете брачные объявления. Среди них попадались такие: «Одинокая женщина с ребенком желает вступить в брак». Что это еще за вид «одиночества»? И почему подобных женщин некоторые люди осуждают, некоторые жалеют, а бездетные им завидуют. Государство же, говорят, идет им навстречу. Как понять эти разнотоллки?» (Цитирую записку, полученную на одной из встреч.)

С опаской касаюсь этой темы в живой аудитории, а тем более на этих страницах. Непростая она, щепетильная, даже болезненная. И молчать, делать вид, что нет такой проблемы, невозможно. Среди ваших сверстников доля выходцев из так называемых неполных семей (живущих с одной мамой) год от года растет. В последнее время вне брака появляется на свет каждый десятый младенец, т. е. 500 тыс. ежегодно. Значительную часть из них рожают 15—19-летние подростки и девушки, не достигшие еще благоприятного возраста для беременности и родов. Значит, среди таких завтра могут оказаться нынешние старшеклассницы. Им просто необходимо знать: с чем они при этом столкнутся, какую ответственность на себя возьмут.

В «двусмысленном» отношении к женщинам, рожающим вне брака, переплелись исторические, юридические, экономические, нравственные, медицинские и педагогические предпосылки. Давайте спокойно и объективно разберемся в них, не думая обижать ни мам, ни тем более ни в чем не повинных детей.

Сначала обратимся к истории. У многих народов до последнего времени решительно осуждались внебрачные семейные отношения, в особенности рождение детей незамужней женщиной. Участь их была плачевной. Разве что посчастливилось появиться ребенку на свет в барских или царских хоробах. Ему давали чужое имя, приставляли к нему приемных родителей и платных учителей, обеспечивая безбедное существование. Хотя ярлык внебрачного метил и самых именитых.

Что уж говорить о тех, кто рождался в простой избе, в ремесленной слободе, в рабочем бараке. Бедный ребенок становился вечным предметом насмешек, преследований со стороны неумных и недобрых взрослых, а пуще всего — беспощадных сверстников.

Мать подвергалась еще большему гонению и издевательствам.

Чтобы не обрекать дитя и себя на муки — быть изгоями в своей среде — многие женщины, забеременевшие до брака, калечились абортами. Порой тайком передавали ребенка в дальнюю родню, в чужие руки — приемными в семьи бездетных. Случалось, подкидывали к чужому порогу или передавали в сиротские приюты.

После Октябрьской революции было провозглашено справедливое правило: все дети — рожденные в браке или нет — равноправны перед людьми и законом. Надо вдуматься и оценить высоту такого решения! Оно гарантировало женщине природой данное право: самой решать — рожать ей ребенка или нет и от кого.

В 1944 г. был принят новый Кодекс законов о браке и семье, где «незаконнорожденные» опять метились прочерком в свидетельстве о рождении в графе «отец». Государство предприняло такую меру для того, чтобы сократить число детей, появляющихся без отцов, — полусирот. Безотцовщины после войны было и так огромное множество.

Казалось бы, пустая формальность — черточка в бумажке. А обид и насмешек вызвала она столько, словно вернулись мы в старореволюционные, дореволюционные времена. Отмены унизительного различия детей решительно добивались писатели, ученые, общественность. В 60-е годы детишек снова уравнивали в правах. С годами дефицит мужчин исчез, число женихов и невест сравнялось (за исключением вдов военной поры). Замужество в большинстве регионов и семей перестало быть проблемой. И материальное положение людей заметно улучшилось. А число детей в семьях, несмотря на это, стдло заметно убывать. Некоторые демографы решили, что увеличить рождаемость можно, дав преимущества незамужним матерям перед теми, кто живет в супружестве. Их снова поддержали писатели, общественность. И вот появляется соответствующее правительственное постановление, которое предоставляет льготы так называемым матерям-одиночкам. Им выплачивается денежная помощь на ребенка, предоставляются льготы в обеспечении жильем, в первую очередь их детей обеспечивают местами в яслях и детских садах, в санаториях. Меры эти невольно способствовали росту числа детей, рожденных вне брака. Однако на общую картину народонаселения такой пророст положительного влияния не оказал, скорее наоборот, усугубил негативные процессы.

Прежде всего увеличение числа внебрачных детей еще больше поколебало прочность семейных связей. Ведь отцами значительной части внебрачных ребятишек оказывались уже женатые мужчины. Папы -двоеили даже многоженцы (пусть и не зарегистрированные) не могли быть опорой и надеждой пи для явной, ни для тайной семьи. Законная жена поэтому отказывалась рожать от него второго и третьего ребенка, да и «подружка» ограничивалась единственным ребенком.

Кривая рождаемости не поднялась еще и потому, что небывало выросла детская смертность. Оказалось: внебрачные дети уступали в здоровье и жизнестойкости тем, кто появлялся в полной семье. Об этом убедительно написал доктор медицинских наук М. С. Бедный в книге «Демографические факторы здоровья». Исследовав широкий круг населения, медики пришли к убеждению — неполные семьи (в которых нет одного родителя, будь то мать или отец, вследствие развода или смерти одного из супругов) представляют зону повышенного риска, а вовсе не вступившие в брак матери и их ребятишки дают больше всего отклонений от нормы с точки зрения физического и духовного здоровья.

Вот эти сведения обычно и вызывают возражения, даже обиды определенной части мам, родивших детей вне брака вполне осознанно и целеустремленно, желая испытать счастье материнства вопреки немилостивой женской судьбе, и вырастивших их теплом и добром вполне благополучными и здоровыми.

— Ничем паши дети не отличаются от большинства выходцев из полной семьи, имеющих схожие с нами материальные условия. И даже есть некоторые преимущества перед семьями, в которых нет порядка, где дети слышат постоянную ругань, видят родителей пьяными. Слышали сами, как в таких случаях ребятишки говорят: «Мама, нам лучше жить без папы». Поэтому пет смысла обращать внимание на формальности: полная — неполная семья, в браке — без брака родились дети. Нужно заботиться о том, каково ребенку живется в родном доме — все остальное отметить как несущественное.

Тут снова сталкиваются отдельные судьбы и массовое явление. Конкретный опыт может поставить, под сомнение статистические выкладки. Но все же от статистики никуда не спрятаться. А в данном случае она безжалостно обнажает болезненные стороны нашего бытия. Впрочем, уверена, если мысленно восстановите все обстоятельства, которые способствуют рождению вполне здорового ребенка, формированию полноценной личности, вы поймете сами: благополучие в неполной семье — исключение из правил, а не наоборот.

С первых дней беременности думы женщины, не имеющей мужа, поневоле заполняет тревога о будущем се и ребенка. Хорошо, если малыш родится здоровый, а если нет? Помните: бюджет семьи при рождении ребенка снижается на 30%, еще больше снижается он при нездоровье членов семьи. Волнует женщину и реакция окружающих, сослуживцев на появление внебрачного ребенка. Вот и причина того, что у значительной части незамужних женщин беременность бывает отягощенной осложнениями, отсюда тяжелые или даже патологические роды, высокая смертность новорожденных, их бесконечные хвори.

Стремясь облегчить участь одиноких мам, государство расширило сеть детских учреждений, создало круглосуточные ясли для тех, кому вечером не с кем оставить ребенка при двух-

сменной или поздней работе, а еще пятидневные садики, больницы и санатории для ослабленных малышей. Таким образом, постепенно все больше забота о детях из неполных семей перемещалась на плечи общества. Пока не возникла и вовсе драматическая ситуация: не по годам, по дням стало расти число мамаш, с первого дня отдающих своих детей на полное государственное содержание. То, что в прежние времена было редким исключением, приобрело распространенный характер.

Еще чаще само государство вынуждено отнимать детей у нерадивых родителей, которые безответственно относятся к своим святым обязанностям. Тысячи и тысячи ребятишек оказываются сиротами, воспитываются в детских домах и школах-интернатах. Даже возникла необходимость в создании общественной организации — Советского детского фонда им. В. И. Ленина, взявшего таких детей под свое неусыпное внимание. Это значит, что создан своего рода всесоюзный родительский комитет, который призван исключить сиротство как позорное явление, чуждое духу гуманного общества.

Насколько событие это затронуло сердца людей, можно судить не только по щедрым взносам различных общественных организаций, трудовых коллективов, отдельных граждан, но и по тому, что в копилку Фонда отдают скромные заработки школьники, учащиеся ПТУ и техникумов, студенты. А однажды в «Правде» появилась заметка, в которой рассказывалось, как на банковский счет Фонда № 707 перечислили 100 тыс. рублей воспитанники очерской спецшколы из Пермской области, где живут и воспитываются подростки, оказавшиеся не в ладах с нравственными устоями нашего общества.

По еще больше, чем материальная помощь обездоленным детям, необходимо родительское участие, которое ни на какие жертвования не приобретешь. Об этом говорят сами воспитанники детских домов, тех учреждений, где самоотверженные педагоги сделали все мыслимое и немислимое для того, чтобы ребята не чувствовали своей потери. Об этом говорил с экрана телевизоров и директор школы-интерната № 1 г.

Сыктывкара А. А. Католиков, когда объяснял, почему он ратует за усыновление полусирот, за создание для них семейной обстановки, которую в самом раскрепощенном детском доме и школе-интернате не воссоздать. Потому он не устает разыскивать мамаш, лишенных прав, пытается пробудить их совесть, обращается за помощью к коллективам, где они трудятся: вразумить этих «кукушек», наставить на путь истинный. Ведь не секрет, что именно товарищи по работе вытаскивали многих нерадивых отцов и матерей, погрязших в гульбе и пьянке. Так что основная-то наша общая задача — препятствовать разрушению семьи человека, будь он наш коллега, сосед, тем более — родственник. Это и будет главная помощь всем детям. Подарками же сиротам мы можем усыпить лишь уколы совести, но не разрешить проблему обделенности детей взрослой заботой.

В Венгрии, к примеру, нет детских домов вообще. Правительство большую часть средств, которые расходуются на содержание ребенка в государственном учреждении, отдает приемным родителям, всячески помогает им в воспитании неродных ребятишек. Вполне возможно, что и в нашей стране будет применен метод, который я называю «семейным детским домом», где приемная мама пользуется всеми правами и обязанностями профессиональной воспитательницы, но ее подопечные живут с ней единым домом, со всеми привычками и отношениями людей родных.

Что подобное решение осуществимо, свидетельствует статистика бездетных семей, исчисляющихся миллионами. Воспитанников же детских домов и школ-интернатов во много раз меньше. Значит, уже теперь мог бы быть установлен конкурсный отбор претендентов на право воспитывать неродных детишек.

Почему вопрос о детях-полусиротах, лишенных отчего крова, занимает такое внимание? Наверное, потому что творить личное счастье без оглядки на чужую беду могут только нравственно близорукие и толстокожие. А дети-сироты, дети-инвалиды — это наша общая плата за грехи беспечности мужчин и женщин, мам и пап, которые, увы, не скоро переведутся. Несчастные дети — укор и всем благополучным женам и мужьям, соседям, сослуживцам, на чьих глазах происходит крушение семейного корабля, а ребенок оказывается среди людей, как на необитаемом острове. Общество не может быть счастливым, пока растет число обездоленных детей. А цифры эти пока не убывают.

Все, что вы прочитали выше, касалось общественного и материального, морального положения незамужней женщины. Есть еще и психологическое, физиологическое. Несмотря на то, что в ее доме есть существо самое для нее родное — ребенок, она ощущает себя одиноким человеком без верного друга, отца ребенку и мужа — себе. Никакие подруги, друзья-мужчины не могут целиком заполнить чувство неполной радости, неуверенности в завтрашнем дне. Потому и возникает потребность обрести настоящего мужа-опору. Потому и обращаются такие женщины в газеты, в «Службу знакомств», ходят на вечера в клубы «Кому за 30», хотя им может быть всего 25 лет. Это стремление естественное. Как вполне понятно стремление ребенка, живущего с мамой в полном довольстве, иметь папу. Как образно заметил один социолог, для того малышу и даны две руки, чтобы держаться за маму и за папу.

Есть древнейшее китайское поверье: женщина и мужчина, кроме сходных свойств, имеют заряды двух особых видов энергии (инь и ян). Если в семье нет женщины — не хватает «женской» энергии, нет мужчины — «мужской». И этот «энергетический голод» никакими другими заменителями восполнить нельзя. Потому во всем мире считается предпочтительной для воспитания детей, человеческого счастья парная, полная семья, а не усеченная ее модель.

Одиночество вдвоем, одиночество в толпе, добровольное, вынужденное — много можно было бы рассказать и об этих видах душевного неблагополучия. Но, наверное, и сказанного здесь хватает для того, чтобы понять, насколько это сложное и распространенное явление. Можно ли и нужно ли отвечать на поставленный вопрос: беда или вина — одиночество? Вроде бы виноватых тут нет, есть только потерпевшие: от войны ли, от условий быта, от недальновидного воспитания, от врожденных свойств характера... И все же это не совсем так. Фатальность вполне могут преодолеть те, кто сердцем почувствует, умом поймет свое земное назначение — любить дорогого человека, дать жизнь, свет и радость новому существу. Тогда и воля обнаружится, и умение отыщется. Было бы желание, будет и счастье.

Эту грустную главу вполне можно было бы и не включать в книгу о проблемах семьи, если бы не огромное число писем об одиночестве в вашем нынешнем беспечальном возрасте. Нередко именно в школьные годы вы переживаете самые сильные разочарования в друзьях, в возлюбленных и несете груз сердечных тягот и сомнений во взрослую жизнь. Небрежность, грубость у многих чувствительных натур вызывают желание отгородиться от непривычных, незнакомых людей. Сокращаются контакты, встречи, сужается круг общения. А без привычки вступать в разговор, свободно (это не значит развязно) держать себя в новой обстановке человеку трудно отыскать единомышленника, духовную родню. Какой там единомышленник, если собственные мысли прячутся в непробиваемую скорлупу.

Некоторые из вас оказываются «одинокими в толпе» приятелей. Заниматься вместе, развлекаться — пожалуйста, а все переживания — втайне, копясь в душе. Может быть, стоит примерить к себе вышеназванные типы характеров людей и стили поведения, что приводят к бессемейному житью, чтобы осознать: где причина, где следствие вашего нынешнего душевного состояния? Может, дело в природных чертах, которые невозможно кардинально изменить, но можно смягчить острые углы собственной натуры.

А может, дело опять в системе ценностей? В одном письме взрослая женщина призналась: не сложилось у нее семейное счастье только потому, что в школе родители ориентировали ее на успехи в учебе, достижение первых мест в олимпиадах, потом — то же в институте, аспирантуре. Когда она добилась желанных высот, поняла: в самом главном она не состоялась — осталась бездоллальной, бездетной. Впрочем, о борьбе двух целей, об их конкуренции в сердце современного человека мы уже говорили. Но ведь эта проблема тридцатилетних — тоже ваша проблема, ваших сверстников, которые света ясного не видят из-за учебников и считают потерянными часы и дни, проведенные

с друзьями. Добровольная изоляция «отличников», чурающихся веселой сутолоки школьных вечеров и турпоходов, нередко приводит к пожизненной самоизоляции.

Тут есть серьезная тема для разговора о душевном состоянии ваших товарищей, застенчивых или, напротив, самоуверенных, но отстранившихся от классных дел и забот. Однако не с целью «проработки» и наставлений, а для того, чтобы помочь им преодолеть отчужденность, разбить скорлупу одиночества. Вполне может случиться, что такой шаг навстречу друг другу сыграет решающую роль и в дальнейшей их судьбе.

ЗАГЛЯДЫВАЯ В ЗАВТРА

Завершая наши беседы, хочется обсудить ближние и дальние перспективы семьи, которые видятся ученым. Тем более что все признают: семья нынче переживает пору исканий наиболее справедливого, разумного и достойного образа жизни. А искать, не зная цели, не видя горизонта, — значит плутать в трех соснах.

Напомню: существовало представление, что семья отомрет вместе с отменой частной собственности и государства. Образ такого общественного устройства воспроизвел в своем фантастическом романе «Туманность Андромеды» советский писатель-фантаст Иван Ефремов. Впрочем, в его проектах ощущается влияние картин, созданных Н. Г. Чернышевским в четвертом сне Веры Павловны, героини романа «Что делать?». Отомрет, дескать, необходимость совместного хозяйства, а с ней исчезнет и длительная общая семейная жизнь. Свободные граждане будут свободно соединяться для коллективного труда, общения и веселья, дети будут воспитываться тоже сообща. Никто ни к кому не будет привязан никакими юридическими узами, кроме чувства любви, взаимного влечения.

Сама идея-мечта, по всей вероятности, ни у кого не может вызывать возражений: всеобщая любовь, братство, сотрудничество, исчезновение всего, что разобщало людей на враждующие классы, группы, кланы, — величайшая цель всего человеческого развития. Но предполагает ли эта цель разрушение молекулы во имя создания монолита? И возможно ли такое? И может ли человек не на словах, а на деле возлюбить все человечество, не испытав глубокой привязанности к тем, кто его породил?

Именно это обстоятельство и вынуждает нас в разговоре о будущем семьи соотносить ее ближние и дальние цели с целями всего нашего общества, соответственно и средства.

«Все во имя человека, все для блага человека». Этот постулат мы слышали и сами произносили многие годы, не очень-то вникая в глубинный смысл слов. Казалось: растут города, обновляются деревни, исчезает послевоенная нищета, расширяются воз-

возможности всеобщего образования, приобщения к культуре через радио, телевидение, народное творчество. У нас отсутствуют многие печальные явления, присущие капиталистическим странам: прежде всего безработица, расовое неравенство. Живи да радуйся! Но при всех очевидных социальных различиях мы начали страдать сходными с Западом хворями: неустойчивостью нравственных принципов, необязательностью в человеческих связях и отношениях. Получили небывалый размах такие признаки морального неблагополучия, как алкоголизм, наркомания, проституция, социальная апатия, бездуховность.

Болело общество, болела семья. Многие привычные лозунги утратили истинный смысл, стали набором дежурных фраз. Прежде всего лозунг о человеке как высшей цели развития общества. Очнуться от иллюзий нас заставила экономика, обнаружившая горячечную лихорадку предкризисного состояния. Честный, беспристрастный анализ позволил открыть главную беду нашей жизни последних десятилетий: мы росли и развивались по принципу, заложенному в годы военного лихолетья, когда все силы и средства шли на укрепление государственной мощи, тяжелой промышленности, обороны, а на удовлетворение насущных нужд человека-работника, на его духовное развитие — остатки от бюджета, на семью и детей — остатки остатков, т. е. вовсе малая толика общественного богатства. Уже опубликованы цифры, которые подтверждают это.

На невнимание к своим насущным нуждам человек ответил незаинтересованностью в государственных делах, социальной пассивностью. Всю свою энергию он сосредоточил на «самоснабжении», подчас за счет общественных источников. В системе производственных отношений начал утверждаться торгашеский принцип взаимобслуживания «ты — мне, я — тебе». Естественно, эта зараза стала проникать и в личные связи.

Общество должно было встряхнуться, оглянуться и переосмыслить свои позиции, соотнести Слово и Дело. Сама реальная действительность подвела нас к необходимости решительной перестройки социальных установок, переброски дополнительных материальных ресурсов в сферу быта, здравоохранения, культуры, просвещения. Государственной заботой становится не просто увеличение производительности труда, тонно-километров и прочих показателей роста продукции, общей заботой становится более полное удовлетворение потребностей человека, расширение его возможностей саморазвития. Только в этом случае произойдет подлинное слияние интересов личности и общества: общество должно создавать то, что хочет и должен человек, что служит его совершенствованию.

В нашем лексиконе появились новые понятия: «человеческий фактор», «качество жизни». Они свидетельствуют, что в сознании, пусть медленней, чем хотелось бы, но исчезает привычка все мерить количеством и размером. Никогда прежде с такой безбоязненной

самокритичностью не взглядывались мы в себя: а какие мы? И самые большие сложности открылись не столько при решении экономических, технологических проблем, сколько в оздоровлении нравственной атмосферы. Из-за могучих спин строек-гигантов, суперпроизводств, ракет, плотин выглянуло лицо ребенка, человека завтрашнего дня, который и вопрошает нас: в какой обстановке, в каких условиях буду я жить в скором будущем, какие главные ценности мне достанутся в наследство?

Вот что думает о будущем семьи специалист по социальному прогнозированию И. В. Бестужев-Лада: «Прежде всего хочется напомнить, что в конце 70-х годов семья нашим государством была официально провозглашена непреходящей ценностью. И тем самым была поставлена точка над бесконечными спорами о будущем семьи: ей пребывать во веки веков! Ей входить в пору нового своего расцвета и силы, разумности и гуманизма.

Что касается конкретных воплощений ее, то здесь я выскажу лишь собственную позицию, которую могут не во всем разделять мои коллеги и ваши читатели. На мой взгляд, семья сохранит нынешнюю многовариантность. Будут существовать и благоденствовать мать, отец и их собственные дети. Будут жить вместе мама с ребенком без отца и, напротив, отец и ребенок — без матери (это неполная, но тоже семья). Будут жить вместе супруги, воспитывающие детей от другого брака или вообще приемных ребятишек. Будет с ними вместе делить труды и радости старшее поколение: бабушки, дедушки — и будут такие семьи, где старики живут самостоятельно. Короче, все возможные сочетания будут иметь равные и законные права перед обществом.

Однако оптимальным вариантом была и остается полная семья, причем — с тремя детьми. Старшее поколение живет в пределах досягаемости, но не обязательно вместе. Трое детей наилучшее число для любой семьи, любого региона и нации: хоть для северной, хоть для южной, для эстонской, узбекской, русской, как и для любой нации за пределами нашей страны.

Мы сознаем, что такое единообразие вряд ли в реальной жизни достижимо. Усредненность этой цифры очевидна. Складываться она может из следующих соотношений: уже теперь ясно, что не каждая вышедшая замуж женщина может и хочет стать матерью. Если сохранится нынешняя пропорция, то одна из десяти женщин останется бездетной. Каждая десятая будет иметь одного ребенка, 3—4 женщины будут иметь двух-трех детей, 2—3 от четырех до шести детей.

Известно, что около 20—30% женщин испытывают стремление родить и воспитать семь и больше детей. И это законное желание должно быть удовлетворено. А общество должно помочь осуществлению этой святой цели, обеспечив мать-воспитательницу всем, что получает за важный и ответственный труд специалист высокого класса. Ей будут созданы благоприятные усло-

вия труда и быта, пенсионное обеспечение в старости, путевки в санатории и дома отдыха и т. п. И все это будет даваться не только по числу детей, но и по качеству ухода за ними, в зависимости от их физического, интеллектуального и нравственного развития. Обществу так или иначе придется найти способ вознаграждать семью не только за количество детей, но прежде всего за качество их воспитания.

Домашний труд, который нынче нередко вызывает споры и раздоры между членами семьи, наконец станет всеобщим и нераздельным на женский и мужской. Но сам характер труда и его нагрузки со временем изменятся. Каждый дом получит разные комбайны-автоматы.

Все необходимые дела будут исполняться в 1—1,5 часа, оставляя массу свободного времени. Многие уборочные, стиральные и швейные и прочие механизмы в том или ином виде уже существуют в наших домах. Но постепенно они будут усовершенствованы, менее громоздки и энергоемки, более универсальны, нежели нынешние тяжеловесные, все еще не очень-то удобные в обращении машины.

Однако сказанное здесь не означает, что труд вообще должен быть выведен за стены семейной квартиры. Труд по самообслуживанию просто должен уступить часть времени, сил и средств любительскому, творческому труду по интересам.

При всей радости коллективного труда и отдыха человеку всегда будет необходимо уединение и индивидуальные занятия. И такая возможность будет все больше предоставляться и малому и старому. Родственники научатся уважать индивидуальные увлечения и пристрастия друг друга.

По моему убеждению,— продолжает ученый,— даже мужу и жене нужна дверь между их комнатами, которую они могли бы закрыть за собой и заняться чем хочется. А открывалась бы она только по желанию владельца комнаты.

Впрочем, в решениях партии и правительства предполагается, что у каждого члена семьи в грядущем будет своя комната плюс общая для коллективного досуга.

Конечно, все это осуществимо лишь при дальнейшем развитии всего общественного уклада, энергичном росте нашей экономики, совершенствовании управления, образования.

Лишь общее развитие и благосостояние государств может развязать сложнейшие узлы проблем, в которые попадают нынче многие молодые семьи.

Значит, всем нам предстоит крепко потрудиться для осуществления столь обширной программы. Естественно, что общие сложные задачи можно решать всем миром, как в свое время в деревне строили дом для новой семьи; помогает всяк, чем может».

Другой специалист по семейной проблематике, писатель Ю. Б. Рюриков, в ином ракурсе рассматривает необходимые преобразования для утверждения семьи грядущих дней.

«В основном я согласен с социальными прогнозами И. В. Бестужева-Лады. Хотя мне думается, что дело не столько в автоматизации домашнего быта, сокращении труда в семье, сколько в изменении стиля и характера отношений между ее членами, взгляда на собственное назначение в жизни. Сейчас мы находимся в положении людей, которые еще только подходят к самым важным для себя знаниям в области педагогики и сексологии. Я назвал это состояние — док5'льтурой. Впереди мне видится переход к подлинно культурным отношениям, когда люди будут знать законы собственного развития, своей природы, уважительно относиться к ней, как и к природе, что вокруг нас, и разумно пользоваться ими на общее благо.

Что касается нравственных установок, то все их множество я бы свел к такому универсальному принципу: максимум добра и минимум зла максимуму людей».

По мнению Рюрикова, многодетная семья вряд ли будет распространенным явлением. Но и для него несомненно: главное — не число, а качество воспитания детей. По его мнению, образцом сочетания и количества детей, и качества их воспитания служит замечательный опыт семейства Никитиных, Лены Алексеевны и Бориса Павловича, родителей семерых детей, а теперь — растящих внуков. В образе их жизни, в педагогических принципах воплотились лучшие стремления воспитателей-гуманистов. Глубоко продуманная система всестороннего развития ребенка строится на знании его природы.

Никитины выработали систему закаливания детей, их раннего физического развития. Никакие тугие свивальники не сковывали свободу движения новорожденного. А по утверждению профессора И. А. Аршавского, именно движение способствует и физическому, и умственному развитию младенца. А еще — так называемый физиологический стресс. Что это такое? Профессор уверяет: человеку любого возраста вредны излишества в питании, в обогреве, в комфорте, в зрелищах. Необходим подзадоривающий организм небольшой дефицит еды, тепла и т. п. А для новорожденного — тем более. Чтобы была у ребенка потребность добывать тепло собственным «трудом»: движением рук и ног, как это делают и взрослые, когда стынут на морозе. Чем нельзя обделять ребенка, так это вниманием, общением, участием, лаской. И тоже — без перекорма.

Дети Никитиных обходились и зимой без свитеров, шуб, теплых сапог. А поскольку семья живет в подмосковном поселке, то ребята круглый год бегали в туалет босиком, в трусах и майках — в этой их постоянной домашней униформе. Надо ли объяснять, что спартанский режим одновременно закалял тело и формировал душу: отношение к вещам само собой воспитывалось спокойное, чтобы не сказать — прохладное. Как рассказывал Борис Павлович, его дети так отвечали на вопрос, хочется ли им одеться помодней:

— Что есть, то и носим, чего нет — не просим.

Сызмала Никитины-младшие с азартом занимались всякого рода домашними поделками, вместе с отцом осваивали столярно-слесарные работы. Никто не пугался, что неосторожный и неумелый малыш может пораниться. И ребята быстро освоили «технику безопасности», подстраховывая друг друга. Читать младшее поколение начинало едва научившись говорить. Специальные занятия, развивающие игры, изобретенные отцом, давали возможность детям Никитиных намного опережать сверстников в интеллектуальном развитии. Антон окончил десятилетку за 7 лет, «экономив» 3 года жизни и расходы на собственное обучение. Так же прошла школьный курс Анюта, Люба и Юля на два года раньше получили аттестат зрелости. Все дети, кроме младшего Ивана, не только быстрее других сверстников, но и основательно усваивали учебные задания.

Большая семья, скромные заработки родителей (мама — библиотекарь, папа — педагог) заставили искать дополнительные источники существования. Никитины взяли «подряд» у швейной фабрики. Все дети, кто как мог, помогали выполнять задание. И каждому начислялась «зарплата». Ее выдавал папа. А ребята признавались, что на удивление бережно расходовали именно заработанные деньги.

Маленькая Юля, услышав, что у родителей кончились деньги, принесла и отдала «свои» копейки. Эта «ниточка-никиточка», по образному определению Бориса Павловича, лучше всяких научных трудов убедила скептиков, насколько полезно для ребят настоящее, без игры, участие во взрослых трудах. Заработок, пусть и небольшой, но собственный и честный помог постижению основ «семейной экономики» лучше всяких лекций.

Такое воспитание изначально исключает потребительские настроения и извращенные желания. Никитины-старшие знать не знали, что такое «трудные» подростки в семье.

Прошли годы. Дети выросли, обзавелись семьями, одарили родителей внуками. Растет число приверженцев их системы воспитания не только в нашей стране, но и за рубежом. Книги Никитиных издаются и переиздаются в ФРГ и Японии.

Их опыт лишний раз убедил: нет какого-то волшебного средства, рецепта для создания физически и нравственно здоровой семьи. Образ жизни — вот что по-настоящему образовывает человека, формирует все его чувства, отношения, поведение. Придется признать, что у нас всех — взрослых, детей, подростков — нет иного способа стать счастливыми, как очистить собственный дом от всяческой скверны, научиться жить по законам справедливости, добра, здоровья и красоты. И все чаще мы узнаем, что в разных семьях эти заповеди становятся смыслом и содержанием жизни. Возникают клубы, объединения соседей, сослуживцев с призывными названиями: «За здоровую семью», «Родничок», «Радуга». Их участники устраивают домашние ясли

и садики; бабушки прогуливают группы малышей; папы и дедушки обучают своих и чужих мальчишек ремеслу, приохочивают к технике, садоводству; умельцы создают домашние стадионы и, как эстафетную палочку, передают их из дома в дом по мере надобности. Женщины возрождают добрые народные традиции, прежде всего — посиделки: совмещают дело с весельем. Вязание, шитье, вышивание, плетение спорится под шутки, рассказы, песни. Никаких магнитофонов не требуется. Во время отпусков собираются большими группами, обосновываются в колхозах и совхозах, помогают в уборке урожая, одновременно ведут культурно-просветительскую работу. И во всех делах рядом и вместе со взрослыми — ребяташки, от мала до велика. Самые отрядные воспоминания, самые интересные открытия в характерах друг друга, самые прочные связи дает общее дело, которое отняла у семьи городская комфортабельная жизнь. В общих трудах коллективистами становятся единственные, поневоле избалованные детки.

Общее дело может возникнуть и на основе возрождающихся кооперативов, семейных подрядов. Только с ними нужно быть бдительными: взрастить в них можно не только трудолюбие, смекалку, расторопность, но и рвачество, стремление ухватить больше, чем дать. Но это — тема особая. Ее мы коснулись мимоходом. Однако вовсе не заметить — нельзя. Ситуация чревата многими сложными социальными и нравственными коллизиями, как отрицательными, так и положительными.

Хочется обратить внимание еще на одну сторону нарождающихся семейных объединений: многие из них увлекаются сами и вовлекают детей в общественно важные и совершенно бескорыстные занятия, в том числе такие, что требуют немало гражданского мужества, настойчивости, умения отстаивать свои убеждения на разных уровнях. Это — деятельность по охране природы, памятников нашей истории и культуры, помощь инвалидам и престарелым. Ведь современному хорошему семьянину мало сознания: я живу честно, в доме моем лад и мир. Ему надо, чтобы и за стеной люди не страдали от забвения, одиночества, чтобы не оскудела земля, дарила и дальше радость, красоту, чтобы наши потомки не забыли, откуда есть, пошла их Отчизна. Поворачиваются к интересам семейного общения и досуга различные организации, спортивные комитеты, Дома культуры. В некоторых городах и районах устраиваются «недели семьи», во время которых открываются шлюзы инициативы людей разного возраста: старшее поколение демонстрирует традиционные ремесла, искусство фольклора, собственное рукоделье; среднее выступает в коллективах самодеятельности; младшее тоже не отстает, обнаруживая недюжинную фантазию и соревновательный азарт.

Стали популярными состязания под девизом «Папа, мама, я — спортивная семья». Все чаще туристские базы, дома отдыха принимают семью в полном составе, что еще недавно было не-

осуществимым желанием многих родителей, на отпуск обычно разлучавшихся с детьми.

Нынешнее время справедливо называют временем переоценки ценностей, выработки нового мышления. Очень серьезные изменения происходят и в наших взглядах на досуг. «Делу — время, потехе — час». Это в сознании людей утверждалось веками. Досуг казался привилегией богатых, а для народа — редкой передышкой в бесконечной борьбе за выживание. Еще наши деды и бабушки представить себе не могли, чтобы простые люди ежедневно по три часа, а то и больше просиживали перед телевизором, слушали музыку, почитывали журналы и книжки.

Ю. Б. Рюриков называет телевизор злейшим врагом семьи. В один из вечеров присмотритесь к тому, как телевизор воздействует на ваше времяпрепровождение: объединяет он вас вокруг своего «голубого огонька» или, напротив, растолкав всех членов семьи, занимает главное пространство свободного времени, не оставляя минуты на самовыражение личности, на ее развитие в общей деятельности. Какая тут активность, самостоятельность, когда смотришь не то, что тебе интересно, а что по «телику» сейчас показывают. На обсуждение вдруг возникшей мысли никто паузы не делает: экспресс информации мчится без остановок. Пережить возникшее от показа фильма сильное чувство тоже не удастся. Оттого слезы не омывают даже глаз — не только души. Все быстро, все мимо, дробя впечатления и переживания на калейдоскопические осколки. Вроде бы видишь все события, держишь «окно в мир» постоянно открытым, а голова при этом заметно скудеет. Она уже не может обойтись без постоянного мелькания картинок, как без допинга.

Сознавая реальную угрозу впасть в «телерабство», некоторые интеллигентные люди вообще отказываются от телевизора в собственном доме. Думаю, что это — другая крайность. Телевидение все больше расширяет зону своего влияния, превращаясь из средства информации и развлечения в важнейшую познавательную и производственную необходимость. В школах введен специальный предмет — информатика, который открывает эру новой компьютер-нон грамотности. А в основе ее аппараты. В компьютерной и видеотехнике уже вообще все смешалось: игра и напряженнейший высококвалифицированный труд. Как тут отвадить от него детей? Учить придется соразмерности одного вида досуга с другими.

Острейшей проблемой в последнее время стало увлечение ваше и ваших сверстников магнитофонными записями, электромузыкальными инструментами. Вы сами называете времяпрепровождение под эту музыку «балдежом». Очень точное выражение, хотя вы производите слово, не вникая в его сущность. Последние исследования медиков и психологов убедительно свидетельствуют, что приверженцы «тяжелого рока», «металла» и прочих, оглушающих слух и душу музыкальных жанров, ансамблей, оркестров, теряют способность к самостоятельному и здравому соображению.

У них меняются даже основные физиологические процессы: кровяное давление, соотношение адреналина в крови, повышается возбудимость, агрессивность. Выводы делаются совсем не утешительные: «тяжелая» музыка пробуждает низменные, тяжелые инстинкты в человеке.

Открытие это, сделанное современными учеными, было ведомо еще на заре человеческой цивилизации. Древнегреческий мудрец Платон предостерегал воспитателей, неразумно пользующихся музыкой: гармония души во многом зависит от того, какие мелодии слышит ребенок в младенческие, отроческие годы. Л. Н. Толстой в «Крейцеровой сонате» с неподдельным страхом воспринимал душевную зависимость личности от музыки: чужое настроение и состояние передавалось слушателю помимо его желания и подчиняя его волю. Впрочем, мы уже выше рассказывали о реакции младенца на классическую и рок-музыку. Последняя отнюдь не так безобидна, как уверяют некоторые критики-музыковеды. Если дитя постоянно слышит мерный и тяжелый механический ритм, оно, посопротивлявшись, привыкнет к нему и уже не будет воспринимать иные ритмы и мелодии.

В телепередаче «Музыка и мы» опросы не только городских, но и деревенских подростков обнаружили, что они перестали находить удовольствие в родных напевах, в глубокой и серьезной музыке, сведя все свои музыкальные пристрастия к одному виду эстрадного искусства. Надо ли особо доказывать, что такое слепое следование модному поветрию обедняет человеческие души. И, действительно, доводит до «обалдения».

Значит, первое условие эмоционального и интеллектуального развития — расширение, а не сужение круга увлечений и интересов, их многообразие. «Защищенность» на чем-то одном вредна любому человеку и в досуге, и в работе. Справедливой оказалась шутка Козьмы Пруткова: «Специалист подобен флюсу: полнота его — односторонняя». Теперь доказано: и в профессии преуспевает тот, кто в ней не замыкается. А.Эйнштейн признавал, что ему чтение романов Ф. М. Достоевского дало не меньше для научной деятельности, чем изучение трудов математиков.

Наше общество обещает в грядущем увеличение времени и условий для досуга, не скрывая, что этим стремится достичь и более высокой производительности труда, и роста профессионального творчества масс. Нашему поколению были не очень понятны слова К. Маркса о том, что свободное время является «основным пространством» развития индивида, мерилем богатства коммунистического общества. (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— 2-е изд.— Т. 46.— Ч. II.— С. 217). Как же так? «Основное пространство» развития индивида для нас и по сей день — общественное производство. А мерило богатства — фабрики, заводы, тучные стада и ухоженные поля, удобные дома, насыщенные механизмами и роботами? Но давайте оглянемся далее личного порога и опыта. Производство позволяет и помогает

проявлять инициативу в рамках и размерах собственного интереса. «Посторонние» увлечения и возможности остаются за порогом рабочего времени.

Частичная ценность человека и впрямь не может быть его настоящим мерилом. Целостная его значимость будет выявлена только тогда, когда он сам себе господин, т. е. в свободное время. У себя дома человек сам определяет: что, где, когда, как, с кем и для чего будет делать. Он создает и реализует собственную продовольственную программу, оздоровительную, культурную, педагогическую. Пирамида социальных ценностей начинает поворачиваться именно в этом направлении: отдается предпочтение всему, что сподвигает личность к активной жизненной и гражданской позиции. И ленивым, нелюбопытным в грядущем будет не очень уютно. Прессинг они станут испытывать постоянный. Общество будет компенсировать потерю трудоспособности из-за несчастных случаев, производственных обстоятельств. «Растратчикам» же здоровья наверняка сократят помощь до минимума. В эту категорию попадут алкоголики, курильщики и прочие разрушители здоровья. И, напротив, доплату будут получать (в виде льготных путевок, премий и т. п.) работники, которые обходятся без больниц и поликлиник.

Такой подход и многих любителей спортивных зрелищ заставит «переквалифицироваться» из пассивных болельщиков в игроков, бегунов, легко- и тяжелоатлетов местного значения. Доступность теле-видео-компьютерной техники позволит из потребителей готовой стандартной продукции превратиться многим людям в создателей семейных студий (кстати, у Никитиных уже такая телестудия работает).

Видимо, историческая неизбежность предопределила для человека прохождение через этап, когда творцы досуга составляли когорту избранных и малочисленных дарований, а массы отошли от домашнего творчества, превратившись в потребителей культуры. Сейчас создаются предпосылки для восхождения на новую ступень приобщения народа к самостоятельному творчеству во всех областях жизни: социальной, экономической, нравственной, эстетической.

Здесь самое место и время рассказать о социальном эксперименте колоссальной важности, осуществляемом создателями очагов новой системы отношений, нового быта — МЖК (молодежных жилищных комплексов). Зародилось это движение в Новосибирске, Свердловске. Перекинулось в последнее время в западную часть нашей страны. По всей вероятности, ваше поколение будет свидетелем и участником распространения МЖК по всем городам и весям.

Что это такое? Возрожденная коммуна первых лет Советской власти только на новой основе? Если вы не забыли из истории, в послеоктябрьский период в деревнях возникали такие «ячейки новой жизни». Туда собирался люд по имущественному признаку:

членами коммуны становилась самая что ни на есть голь перекатная, которой не с чем было вести единоличное хозяйствование. Сходились нередко под общей крышей и труженик, и лодырь, и умелец, и безрукий. Обобществляли все пожитки: скотину, у кого она имелась, птицу, домашний скарб, посуду. Жили и трудились артельно, ели из одного котла. Мечты у коммунаров были самые радужные: одолеть вековечное отчуждение крестьянских дворов, помочь слабым подняться, опираясь на плечи более сильных. Надеялись: понятия «наше», «общее», вытравят эгоистичное, корыстное «мое».

Но «не спелись» лодырь с тружеником. Обобществление скарба не привело к обобществлению нравственных установок. Распались коммуны.

Нынешние преобразователи объединяются не по имущественному признаку, а по идейному. Им не просто квадратные метры необходимы, которые они получили бы в обычном микрорайоне в порядке очереди, а то и построили себе дом, купили кооперативную квартиру — нынче такие возможности все больше возрастают. Но появились молодые люди, которые стремятся создать особую атмосферу общины, живущей по высоким нравственным законам.

В МЖК, естественно, не захочет вступать лодырь: эмжековцы строят дома собственными руками, работая так, как на обычных стройках. Не захочет к ним идти алкоголик, минует шатун-алиментщик — окружение его не поймет. Поостережется эгоист-индивидуалист: по планам эмжековцев немалая часть сил и средств будет расходоваться не только на сооружение собственного жилья, но целого воспитательного комплекса для всех жителей: детского сада вместе со школой, со спортивными и культурными сооружениями, с техническими мастерскими и прочими учреждениями, в которых вместе с подрастающим поколением будет трудиться и развлекаться старшее.

В таких условиях можно будет говорить о всестороннем развитии личности как о реальности. В новых коммунах не дадут пропасть оступившейся семье, тем более — не бросят в беде ребенка. Уже очевидны благоприятные результаты такого объединения: в домах эмжековцев редки разводы, почти не бывает уголовных преступлений, разве что несчастные случаи. Детишки реже болеют и умеют больше, живущих в обычных домах.

Значит ли это, что такая система соседских отношений возможна только в особых, вновь построенных зданиях?

Конечно, нет. Кто мешает другим принять эмжековские принципы и перенести в обычный городской дом или сельский поселок? Те добровольные коллективы семейного досуга, про которые рассказывалось выше, в чем-то близки новой коммуне. Хорошо бы в многоквартирных наших домах-башнях открыть клубы по интересам, которые «распечатали» бы «соты», перезнакомили соседей, вовлекая в общий хоровод ребятишек из неблагополучных и не-

полных семей, исподволь влияли бы на нерадивых родителей, втягивая их в круг общих дел и интересов.

Мам всем остро не хватает высокой нравственной задачи — идеала. Идеалом сытости и материального благополучия можно увлечь голодного и холодного, а у нас с голоду никто не помирает и под открытым небом не ночует. Как говорил Ф. М. Достоевский: без идеалов никогда не может получиться никакой хорошей действительности.

Вот таким идеалом видится создание новых нравственных отношений в семье, в доме, на работе. Это и есть сверхзадача, цель для нынешнего и грядущих поколений.

Как справедливо заметила социолог З. Л. Янкова: «Семья новой формации превратится в подлинную исследовательскую лабораторию, будет своеобразным самодеятельным коллективом, в котором каждый и творец, и исполнитель, и критик, и контролер в одном лице. И конечно, никакой эксплуатации одного человека другим. Ведь эксплуатация, основывающаяся на любви, на добровольном самоотречении любящего во имя любимого, порой плодит такую систему «домашнего угнетения», которая может не позволить осуществиться и общественному идеалу «свободного развития каждого как условия свободного развития всех».

В коммунистической семье восторжествует гибкая система самоуправления, в ней главенствовать будут неформальные лидеры. Они решительно отвергнут все привилегии, на которые обычно претендовали лидеры в любом сообществе. Напротив, единственной «привилегией» останется — брать на себя наибольший груз общей ноши, давать другому как можно больше.

Что касается моральных установок, то по основательным прогнозам — утвердится полностью развившаяся моногамия (т. е. единобрачие), основанная на социальном равенстве полов, взаимной любви супругов.

Должны исчезнуть из наших отношений измена, обман и прочие изъяны, которыми так часто бывают поражены нынешние супружеские и дружеские отношения. А из этого всего можно предположить сокращение до минимума числа разводов. (Хотя вряд ли можно надеяться на то, что они исчезнут вовсе.) Ведь разносторонне развитая, творчески активная личность, к тому же владеющая своими эмоциями, телом и душой, сможет тонко регулировать отношения с домочадцами, будет всегда интересна своим близким, не позволит пресытиться ею. Здесь мы можем выявить глубинные влияния очень личных отношений на общую атмосферу бытия», — заключила З. А. Янкова.

Беседы с учеными и писателями о грядущих переменах в семье, как видите, вывели нас к истокам разговора, который

мы с вами ведем на протяжении всей этой книги. Мы ведь еще вначале обозначили важнейшее условие вашего счастья и счастья ваших близких — *саморазвитие и самовоспитание личности*. Оказывается, это важно и для осуществления вековой мечты о всеобщем братстве, о золотом веке па нашей многострадальной планете Земля. Быть равнодушным ко всему, что происходит с нами, вокруг нас и с нашим участием, — это и значит, заразиться могучей энергией любви к людям, значит учиться любить по-человечески.

В начале книги мы пришли к выводу, что осуществить свое жизненное назначение можно, только сделав правильный выбор цели и преодолев на пути к ней все возможные препятствия. Если занятия на этом уроке, чтение книг, учебных и нижеперечисленных, хоть в малой степени помогут и в этом выборе, и в преодолении, будем считать, что мы не зря провели время в обществе друг друга. Ведь истинная польза знания определяется не умением произносить правильные речи — умением **ДЕЙСТВОВАТЬ** разумно, справедливо, энергично, дальновидно. Можно проговорить чужие слова, чужую жизнь прожить невозможно. Вы в ответе за собственную судьбу и за судьбу тех, кто доверится вам, кто продолжит вас. Счастливого вам восхождения.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— М., 1978.
Семья Маркса в письмах.— М., 1984.
Воробьева О. Б., Синельникова И. М. Дочери Маркса.— М., 1978.
Крупская Н. К. Следует ли обучать мальчиков «бабьему делу»? // Педагогические сочинения: В 20 т.— М., 1957.— Т. 1.
Крупская Н. К. Война и деторождение // Там же.— Т. 6.
Цеткин К. Из записных книжек // Воспоминания о В. И. Ленине.— М., 1978.— Т. 5.
Шагинян М. С. Семья Ульяновых // Собрание сочинений.— М., 1974.— Т. 6.
Пушкин А. С. Письма к жене // Собрание сочинений.— М., 1978.— Т. 10.
Герцен А. И. Былое и думы.— М., 1969.
Гончаров А. И. Обыкновенная история // Собрание сочинений.— М., 1978.— Т. 1.
Толстой Л. И. Анна Каренина.
Толстой Л. И. Крейцерова соната.
Толстой Л. Н. Отец Сергей.
Толстой Л. Н. Исповедь.
Толстой Л. И. Так что же нам делать?
Корчак Я. Правила жизни // Избранные педагогические сочинения.— М., 1979.
Макаренко А. С. Книга для родителей.— М., 1982.
Сухомлинский В. А. Родительская педагогика // Избранные педагогические сочинения.— М., 1981.— Т. 3.
Азаров И. П. Семейная педагогика.— М., 1986.
Богат Е. М. «...что движет солнце и светила».— М., 1981.
Василев К. Любовь.— М., 1982.
Джеймс М. Брак и любовь.— М., 1985.
Зацепин В. И. О жизни супружеской.— М., 1985.
Исаев Д. Н., Каган В. Е. Половое воспитание и психогиgiene пола у детей.— Л., 1979.
Кон И. С. Психология юношеского возраста.— М., 1979.
Кон И. С. Дружба.— М., 1987.
Никитин Б. П., Никитина Л. А. Мы и наши дети.— М., 1980.
Никитина Л. А. Как стать мамой? — М., 1983.

Разуми кика Т. П. Мир семьи.— М., 1986.
Романов К. Нравственный мир молодой семьи.— Л., 1985.
Рюриков Ю. Б. Три влечения.— М., 1980.
Сальникова Л. Экзамен на хозяина и хозяйку.— М., 1986.
Соловьев Н. Я. Семья в социалистическом обществе.— М., 1981.
Сысенко В. А. Молодежь вступает в брак.— М., 1986.
Харчев А. Г. Брак и семья в СССР.— М., 1979.
Кодаков Н. М. Молодым супругам.— М., 1979.
Хришкова А. Г., Колесов Д. В. В семье — сын и дочь.— М., 1985.
Чурбанов В. Б. Непризнанные гении.— М., 1977.
Янкова З. А. Городская семья.— М., 1979.

Сборники статей, очерков, посвященных семье, проблемам культуры чувств и поведения юношей и девушек, молодоженов, воспитание детей, культуры быта: Мы строим дом.— М., 1981. Совет да любовь.— М., 1981. Семейно-бытовая культура.— Минск, 1981. В часы досуга.— М., 1982. Частная сексопатология.— М., 1983. Молодожены.— М., 1985. Энциклопедия молодой женщины.— М., 1985. Мы и наша семья.— М., 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
1. Этот удивительный учебный предмет	
2. Смотришь, как в зеркало , в другого	
Кто есть кто?	16
Я — семь «Я»	31
Мир за твоим окном	42
3. Ровесники, ровесницы...	
Когда это начинается	56
Первая любовь	69
Без плаща, шпаги и реверансов?	82
Мужчина, женщина и «сексуальная революция»	93
4. Под марш Мендельсона	
Мы выбираем — нас выбирают	112
Молодожены	125
В единой упряжке	131
5. Мать и отец — главные воспитатели	
Маленькие пришельцы	148
Тайны материнства	159
Отцовская рука	168
Семь «Я» — много или мало?	171

6. Старшие в доме

Новые родственники	180
Бабушки и дедушки	187

7. Семейная экономика

Сила и слабость вещей	200
Потребности естественные и искусственные.....	210
Доходы и расходы	219

8. По законам чести

Когда в силу вступает закон	232
Враг № 1	236
Развод по-человечески	248
Одиночество; беда или вина?	256
Заглядывая в завтра	269